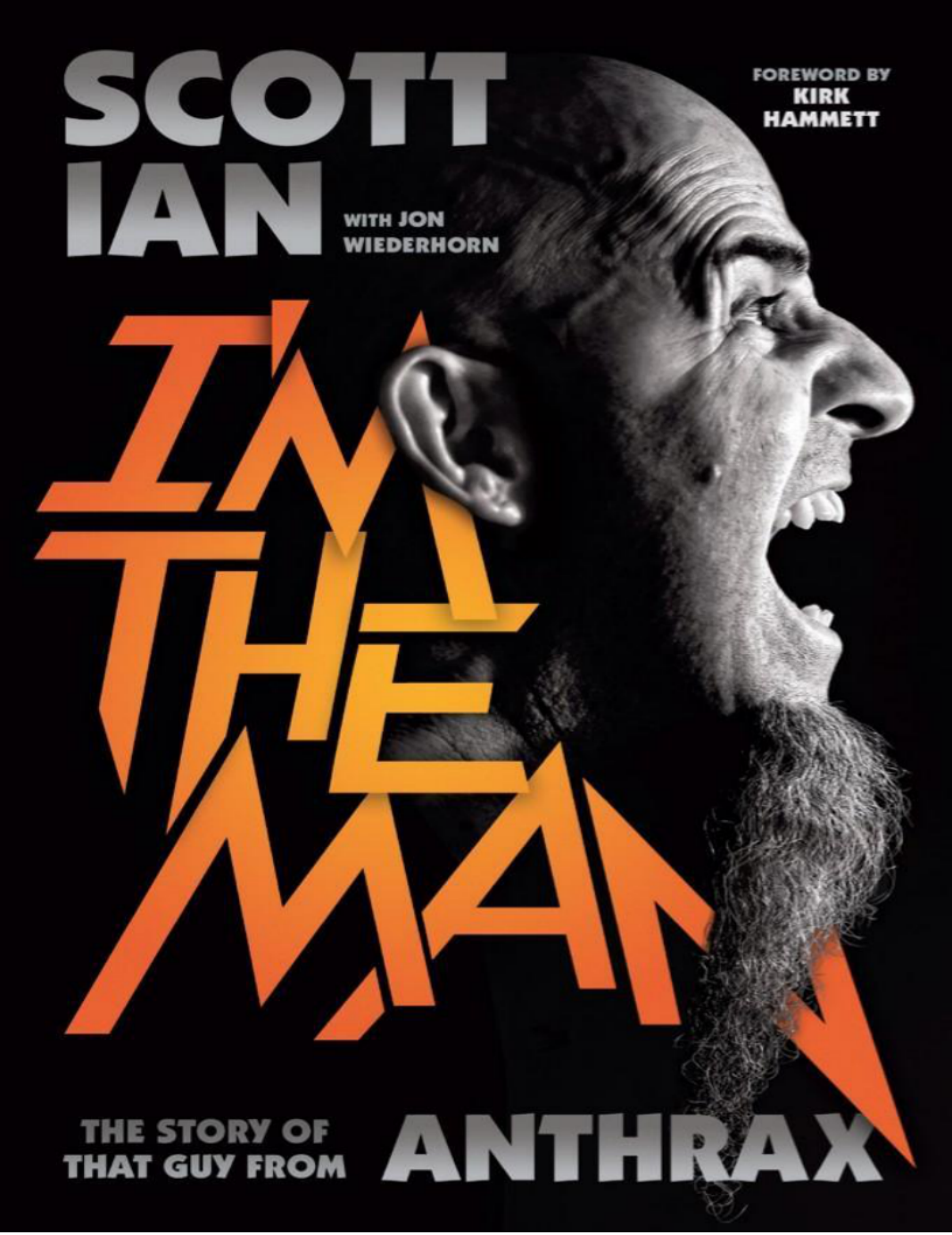
SCOTT IAN

WITH JON WIEDERHORN

FOREWORD BY KIRK HAMMETT



I'M THE MAN

THE STORY OF THAT GUY FROM ANTHRAX

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Скотт Иэн Розенфельд, более известный под сценическим именем Скотт Иэн — американский музыкант, наиболее известный как гитарист группы Anthrax.

Книга составлена по его воспоминаниям.

- Скотт Иэн
  -
  -
  - БЛАГОДАРНОСТИ
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22
  - ГЛАВА 23
  - ГЛАВА 24
  - ГЛАВА 25

- ГЛАВА 26
- ГЛАВА 27
- ГЛАВА 28
- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31
- ГЛАВА 32
- ЭПИЛОГ
- ФОТОГРАФИИ
  -

- КОМИКС

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

Скотт Иэн

при участии
Джона Видерхорна

Вступление
Керка Хэмметта

МУЖИК
ИСТОРИЯ ТОГО ЧУВАКА
ИЗ ANTHRAX

*

Scott Ian

I'm The Man The Story

Of That Guy From Anthrax

2014

Посвящается Перл и Ревелу…

Я знаю, кто я и кем буду всегда. Вы — воплощение моих мечтаний Все мои страхи рассеятся как дым, и тогда я встану и сражусь с целым миром ради вас…

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу начать со своей семьи, без которых последние четырнадцать лет моей жизни были бы существенно иными.

Перл, благодаря тебе я каждый день чувствую себя супергероем. Я как дикий Халк: «Чем счастливее Скотт, тем он сильнее!!!» Сила моей любви к тебе не сравнится ни с чем на свете. Мы — лучшие. Я люблю тебя. И Ревелу, моему любимому мальчику, моему крутому парню, моему шмелю (спасибо, Перл)… твой папочка тобой очень гордится. Я люблю тебя. Продолжай зажигать, мой мужчина! Нас трое, это магическое число.

Спасибо моей маме за постоянную заботу (ее еще знают как «еврейскую маму»), и спасибо за то, что работала как Папа Карло, чтобы поднять двух замечательных детей.

Отец, ты всегда был моей скалой, и без тебя я бы не был там, где я сейчас. Рея, я не мог желать лучшей мачехи, и я счастлив, что ты есть у меня.

Моим братьям Джейсону и Шону. Вы двое — просто определение слова «благородный человек». Вы всегда поддерживали меня. Люблю вас, бро.

Спасибо моему дяде Митчу за то, что привил отличный вкус к музыке и комиксам. Ты открыл мне путь…

Моей тете Поле и дяде Стю, настоящим крейзи. Ваши творческие/художественные чувства явно сказались на мне, и да, спасибо за дизайн первого логотипа Anthrax!

Спасибо чувакам, с которыми я джемовал в первый раз — Нилу Стополу и Дейву Вайсу.

Миллион лет назад в бейсайдской средней школе я услыхал о парне, который умел подбирать на гитаре аккорды к любой песне. Его называли «Бетховеном», а еще в миру он был известен как Дэнни Лилкер, и именно благодаря ему наша общая мечта стала реальностью. Без Дэнни не было бы Anthrax.

Другим моим братьям — Чарли и Фрэнки. Мы — ядро по определению: центральная и самая важная часть объекта, движения или группы, формирующая основу ее активности и роста. Во всех взлетах и падениях, триумфах и трагедиях, вершинах и пропастях, с

которыми мы столкнулись по жизни как группа за последние тридцать лет, вы были моей константой. Ничего себе, говорю как какой-нибудь гребаный ученый! Я счастливый ублюдок, что играю с вами в одной группе больше тридцати лет. Вы только гляньте, чего мы добились, черт побери!!! Обожаю этих парней.

И моему брату, голосу Anthrax, Джои Белладонна. Ты открыл рот в 1984-ом, и вместе с Чарли, Дэнни, Фрэнки мы взбудоражили весь мир!!! Столь же глубокую отметину мы смогли оставить снова в 2011-ом с выпуском «Worship Music». Только любовь и уважение испытываю к тебе. Айда зажигать еще лет двадцать, друг!

Роб Каггиано, ты пожертвовал потом и кровью, как и все остальные. Я очень горжусь и счастлив за тебя. Жги напалмом, брат!

Джону Бушу. Когда во время написания этой книги я вспоминал те деньки в Нью-Йорке, у меня на лице играла широкая улыбка. Временами казалось, что мы сидели в траншеях, но находиться там вместе с тобой всегда было чуточку легче. И настоящему мужику, Полу Круку, вы, сэр, и есть воплощение слова «Метал».

Кстати, Джонни Зи, спасибо за веру. Вы — настоящий крестный отец Трэша.

Огромное спасибо, любовь и респект Мисси Каллаццо, Майку Монтеруло, Эду Транку и Марии Ферреро за то, что не только были моими друзьями, но и сделали все возможное и даже невозможное.

Моим друзьям и самым важным лицам, которые не остались в стороне и поддерживали работу механизма: Джои Вера, Андреасу Киссеру, Джону Детте, Джейсону Биттнеру, Джину Хоглану. Спасители — каждый из вас в отдельности.

Уважение, благодарность и признательность всем дорожникам, которые ради нас рвали свои жопы, начиная с 1984-го. И нашему самому первому роуди, Джо Аллену. Спасибо, Бро!!!

Metallica, Black Sabbath, KISS, Iron Maiden, Оззи, Motorhead, Dio, Pantera. Выступать с вами вместе было и остается нашей привилегией. Спасибо.

Какая наркота, когда у меня были Стэн Ли, Джин Симмонс и Стивен Кинг. Вы непосредственно ответственны за то, что открыли мой разум к другим мирам, непохожим на тот, в котором я вырос. Я выбрал этот путь благодаря вам. Спасибо.

Чаку Д. Благодаря тебе сбылась моя мечта. То, что мы сделали вместе, будут помнить сотни лет. Респект, брат.

Спасибо Рику Криму, Брюсу Гиллмеру и Эрику Люфтглассу за то, что верили в меня и дали работу, когда я в ней так нуждался!

Было очень весело работать над этой книгой с Джоном Видерхорном и моим редактором Беном Шэфером. Спасибо, парни! И спасибо Джиму Фицжеральду за труды и всем из Да Капо за увлеченность этим делом.

Моим корешам: Энди Бучанану, Майку Темпеста, Джону Темпеста, Доминику ДеЛюка, Заку Троуну, Марку Джонсону, Марку Паске, Рику Россу, Уиту Крейну, Тиму МакГлинчи, Брайану Посейну, Дэвиду Карону, Мэтту Ханрахану, Кори Тейлору, Джо Троману. Хочу поблагодарить Anthrax за то, что оказался в нужном месте в нужное время для встречи с каждым из вас.

Спасибо Керку Хэмметту за тридцать один год дружбы. За то, что написал вступление к этой книге. Благодаря ему я понял одну простую вещь: как бы ты ни был успешен в жизни, ты по — прежнему можешь оставаться хорошим парнем.

Моим друзьям Клиффу, Дарреллу, Ронни и Джеффу. Я скучаю по вас и всегда вас безмерно уважал.

Я пишу эти благодарности на 33-ю годовщину Anthrax. Тридцать три года! В своей профессиональной жизни тот факт, что я сделал такую карьеру — вот что единственно важно для меня. Я смог сделать то, что всегда хотел сделать в своей жизни, и должен продолжать это делать по одной единственной причине…

Вам. Фэны. Благодаря каждому из вас. Без разницы, были ли вы с нами с первого дня или только увидели нас впервые во время исполнения пластинки «Among The Living» в Небуорте, все это благодаря вам. Вы, друзья мои, это те люди, которые хотят смотреть немного глубже и работать чуть усерднее для поиска любимой музыки. Все получается лучше, если для этого нужно немного попотеть.

Спасибо, что потели вместе со мной.

Люблю вас, маньяки

Ваше здоровье, Скотт

Лос-Анджелес, Калифорния

18 июля 2014 г.

Спасибо: моим родителям Шелдону и Нэнси Видерхорн, моей жене Элизабет Каплан, моим детям Джошу и Хлое, Скотту Иэну и Перл Эдей, Гэпу и Мириам Раст, Бену Шэферу, Каролин Собзак, Лиссе Уоррен и всей команде Да Капо, Элу Йоргенсену, Джеймсу Фицджеральду, Мэттью Оппенгейму, Крису Стеффану, Джилиан Локе, Кэтрин Турман, Иэну МакФарленду, Эми и Альберту Уилк-Сайдс, Кену Микаллефу и Джеффу Перла.

Джон Видерхорн

ВСТУПЛЕНИЕ

В ЯМУ С ГОЛОВОЙ

Автор: Керк Хэмметт

Все началось в местечке весьма далеком от того места, где я вырос. Я жил в Сан-Франциско, играл в Exodus, и вдруг мне позвонили с просьбой приехать на Восточное Побережье на прослушивание к Metallica. Я слышал, что Джеймс и Ларс недовольны пристрастием Дейва к спиртному и его выступлениями в целом, короче хотели выпереть его из группы. Марк Уиттейкер, на тот момент менеджер Exodus, оказался звуковиком Metallica, поэтому, когда Марк пронюхал о неизбежном уходе Дейва, он прокрутил демо Exodus Ларсу и Джеймсу, и они оба сошлись во мнении, что парень, играющий соло на этой кассете, вполне годится для прослушивания. Этим парнем был я.

Когда Марк подобрал меня у аэропорта, я офигел. На земле лежал снег, а я был в одной джинсовке. Раньше я никогда не покидал пределы Калифорнии. Я знал о существовании других мест в мире благодаря фильмам, картам и фотографиям. Но то, что я увидел по дороге к жалкой Ямайке в Квинсе, меня, мягко говоря, шокировало. Тогда в Сан-Франциско нередко встречались целые ряды кварталов, десятилетиями источавшие преступления, грязь и отходы, но я никогда не видел такого убитого создания рук человеческих, которое я узрел, когда мы наконец добрались до места под названием Мьюзик Билдинг. Не поймите меня неправильно, это было не какое-нибудь злачное место, грязный клоповник или что-нибудь столь же отвратительное. Просто дом был в таком запущенном и ветхом состоянии, и имел такой скучный вид, что единственное, что можно было сделать с этим зданием, это сдавать целые офисные помещения группам, позволяя им делать все, что душе угодно, пока они платят за аренду.

Повсюду валялись разбитые стекла, здесь и там лежали куски гипсокартона, бетон и арматура так и норовили выколоть глаз. Марк сказал, что в этом здании репетируют несколько кавер-групп, входящих в топ сорока лучших, а еще несколько метал-групп. Он сказал, что одна из самых тяжелых групп называется

Anthrax, и что они клевые парни. «Они нам холодильник подогнали!» — добавил Марк.

Место, которое мы арендовали, находилось на пятом или шестом этаже. Наша комната была огромной, грязной и пустой. В углу находилась огороженная комната поменьше. Единственное, что было в центре комнаты, это спальные мешки, парочка британских журналов о метале, гора пенопласта из-под коробок яиц, чемоданы и коробки с бухлом и едой. Ну да, и холодильник. На полу, как водится, было полно битого стекла. А еще было холодно, и все из-за сломанной печки где-то в недрах здания. Марк сказал, что здесь все спят на свободных местах и репетируют в той огороженной комнате. Я спросил, где остальные парни, и Марк показал рукой на огороженную комнату со словами: «Они все там, дрыхнут». Я глянул на часы — 7 часов вечера.

Вскоре после этого в комнату вошел Клифф и поздоровался. Он сказал «Привет, очень рад с тобой познакомиться» таким тоном, что мне сразу стало ясно, что он очень самоуверенный чувак. Затем появились Джеймс и Ларс, и мы обменялись приветствиями. Я пересекался с ними обоими и раньше, но не был уверен, что они помнят меня в силу ряда обстоятельств, включающих алкоголь. Мы поговорили о моем перелете, и они спросили, привез ли я свое оборудование. У меня при себе были усилок и гитара. Дело происходило в те дни, когда можно было провезти по воздуху все, что угодно. Да, я серьезно. Я дал носильщику 20 баксов, он прилепил стикер «хрупкий груз» на мой Маршалл, и усилок отправился вместе со мной прямиком в Нью-Йорк. Вот была корка, когда мой комбик застрял на багажной ленте, когда мы с Марком пошли его забирать!

В первый совместный джем в репетиционной мы целый час играли вещи Mercyful Fate и Metallica. Ларс и Джеймс не переставали друг другу лыбиться, и я подумал, что это немного странно. Я решил, что либо им действительно нравится то, что они слышат, либо они очень близки в силу особого духа Сан-Франциско. В общем, мы быстро поладили.

После репетиции мы вместе отправились в ликероводочный магазин вниз по улице и купили «сорокушек»[1], потому что это казалось отличной сделкой из экономических соображений. Это было задооолго до того, как они обрели популярность. Когда мы вернулись в Мьюзик Билдинг, парни показали мне, как подкладывать пенопласт из-под коробок яиц под спальный мешок для создания бугорчатой подушки, которая была чуть удобнее, чем ночь на холодном, голом полу. В этом месте не только не было отопления, еще там не было горячей воды, только холодная.

Мы пили и пытались сохранить тепло как можно дольше. Мы слушали метал, говорили о метале, а я рассказывал им, что мне понравилось играть их вещи. А потом мы отрубились.

Следующим утром нас разбудили монотонные отзвуки какой-то группы, играющей в комнате дальше по коридору. Поначалу я подумал, что умер и попал в чистилище. Потом я открыл глаза и вспомнил, что нахожусь в Мьюзик Билдинг с парочкой парней, которых едва знаю. Я посмотрел на Клиффа и увидел, что он читает ролевую книгу «Подземелья и драконы — Зов Ктулху». Будучи большим поклонником ужастиков и хорошо знакомый с произведениями Лавкрафта, я сказал: «Я знаю эту книгу!»

Он сказал: «Да ладно?», он так всегда говорил, когда его что-то интересовало.

Я сообразил, что мы можем подробно обсудить опусы Лавкрафта. Меня успокоило, что у нас есть что-то общее помимо музыки. Он тоже любил ужастики. Его любимым фильмом всех времен был «Рассвет мертвецов» Джорджа Ромеро.

После попытки обуть ботинки в леденящем душу холоде, мне захотелось увидеть, как это место выглядит при свете дня. Я выглянул в главный зал, понимая, что меня разбудила одна из тех метал-групп, о которых говорил Марк. И я пошел на звук. Когда я подошел ближе, стало ясно, что то, что я услышал, определенно было металом. Он был громким и быстрым, гитары были просто улетные! Послушав какое-то время музыку через дверь, я вернулся обратно в нашу комнату. Пока я говорил с Клиффом, двое парней вошли к нам. Один выглядел невероятно глупым в прикиде аля Джои Рамоун, а другой напоминал еврейскую версию фэна Гленна Типтона. Клифф сказал: «Привет, эти парни из Anthrax — это Скотт, а это Дэнни».

Тогда я впервые услышал этот скрипучий, хриплый, немного коварный и озорной «New Yawk» голос Скотта Иэна: «Эй, парни, мы притаранили вам гриль-тостер!»

Это было 8 апреля 1983-го, тридцать один год и один день назад, когда я пишу эти строки.

С тех пор многое изменилось. Но что никогда не менялось, так это наши отношения со Скоттом. От встречи с ним тем холодным утром в Мьюзик Билдинг до совместных тусовок совсем недавно на «Фестивале Страха» в Сан-Франциско, я всегда ценил его и восхищался нашей дружбой. Несмотря на то, что мы выросли на противоположных концах страны, мы разделяем схожие эмоции и интересы. Кроме того нам повезло разделить то безбашенное чувство юмора, которое нас связывает до сих пор спустя все эти годы.

С самого начала я увидел, что у Скотта огромное сердце

размером с Годзиллу. У него всегда найдется время, будь ты друг, фэн или враг. В какой-то степени, на мой взгляд, он подражал некоторым героям, о которых прочел в тех комиксах, которые мы читали тогда в 80-е.

Он явно был душой компании, полная противоположность мне — интроверту. Мне было полезно тусоваться с ним. Я заметил, каким он оказался самоуверенным, и он всегда был очень дружелюбен в социальной обстановке. Никогда не забуду, после стольких дней без доступа к горячей воде в Мьюзик Билдинг, как он убедил знакомых девушек позволить нам воспользоваться их абонементом в спортивно-оздоровительный центр, чтобы мы могли принять душ в их раздевалке!

Скотт помог мне немного вылезти из своей скорлупы. Тогда я был очень стеснительным, и наблюдение за Скоттом в социальной среде научило меня вести себя чуть лучше, когда я оказывался в схожих обстоятельствах.

Было здорово иметь на Восточном Побережье такого союзника, как Скотт. Вообще-то, все парни из Anthrax были дружелюбны, и мы часто зависали. Всякий раз, когда мы оказывались у них, можно было ожидать, что едва мы соберемся вместе, начнется полное безумие. Забавно, что тогда эти парни не были убежденными алкоголиками, какими были мы. Заявляясь с кучей бутылок водки в авоське, мы никогда не замечали, что они выпивали один стакан на наши четыре или пять! Но их забавляли наши агрессивные выходки, а мы были рады присоединиться, когда это выглядело весело. Иногда я не мог точно сказать, пьян Скотт или он просто в упоении от жизни, что на мой взгляд не редкость. Я восхищаюсь его мыслями. Если честно, даже завидую.

Скотт всегда очень поддерживал нас и тот метал, который играли Anthrax, Metallica и целое поколение новых метал-групп. Никакой горечи или притворного равнодушия. Это было увлекательно. Мы делали шаги в неизведанной музыкальной территории, и это был смелый новый мир для всех нас. Когда пришла пора отправляться в наш первый американский тур, Скотт нам очень помог. Я никогда не забуду, как спросил его, не будет ли он против, если я возьму его Рокмен (аналоговый девайс, который можно подключить к гитаре и играть в наушниках), потому что у меня не было усилка для реп. На носу был тур Metallica/Raven «Kill 'Em All For One», и он сказал: «Конечно, бери!» Он до сих пор у меня где-то лежит, тридцать с лишним лет спустя, и я до сих пор хочу его как-нибудь отдать ему. Тот факт, что он все время очень хотел помочь, не прошел для меня даром.

Когда мы записывали «Ride The Lightning», Скотт приехал в

Лондон, чтобы пообщаться с прессой о первом альбоме Anthrax «Fistful Of Metal». Одна особенно дикая ночка с Клиффом и Скоттом кончилась тем, что Клифф не смог подняться с пола и лечь на свою кровать, и мы со Скоттом смеялись и пытались помочь бедняге. Но он был слишком высоким и худым, поэтому это было так ржачно! Затем Скотт повернулся и взял чайник, полный воды и вылил его на усилок Маршалл, который я взял напрокат, засмеялся и крикнул: «Приятного чаепития!» Это на десятилетия создало манеру поведения, к которой мы нередко прибегаем и сегодня.

Скотт часто приходил посмотреть на нас во время тура «Master Of Puppets». Мы впервые увидели Оззи за сценой, и оба были в полном благоговении перед ним. Той осенью Anthrax отправились в тур вместе с нами в Европу, и это было очень весело, пока с Клиффом не случилась трагедия.

Я никогда не забуду, как Скотт был огорчен этими новостями. И никогда не забуду, как он, Фрэнки и Чарли бродили по улицам Копенгагена с Джеймсом до трех утра. Я благодарен им за то, что поддержали его, когда я не мог. Я был полностью убит горем и пребывал в таком состоянии шока, что даже не мог встать с постели, не говоря уж о комнате. Когда Скотт пришел на похороны, я настоял, чтобы он остался у меня. Вообще это был мамин дом.

За все эти годы он подсадил меня на массу клевых вещей, и мне хотелось бы думать, что я сделал то же для него. Он всегда был для меня неким культурным барометром. Я спрашивал его, что вышло из новых стоящих комиксов. Я познакомил его с определенными книгами, и у нас всегда была общая любовь к музыкальному оборудованию. Именно Скотт рассказал мне об очень клевой компании, которая выпускала отличные, качественные гитары. Они назывались ESP. Он свел меня с этими людьми в Нью-Йорке, и вот я уже на складе, беру приставные грифы и говорю представителю ESP: «Не, этот слишком тонкий. Не, этот слишком широкий». Так что должен поблагодарить Скотта за наши отношения с ESP длиной в двадцать семь лет.

Но на самом деле, если бы мне нужно было записать все наши офигенные и не очень деньки, которые у нас были со Скоттом, на это бы ушла еще одна книга. Наша дружба со Скоттом охватывает три десятка лет, и это число будет только расти. Много клевых деньков было за все это время. День рождения Скотта приходится на канун Нового Года, поэтому я имел удовольствие провести немало празднований Нового Года/дней рождений вместе с ним. Забавно, что все эти празднования всегда были приключениями, больше, чем что-либо. Можете

делать свои выводы, пока я расскажу пару-тройку забавных анекдотов.

У нас одинаковые тату…не спешите с выводами. Мы решили набить их как-то ночью после просмотра репетиции шоу Van Halen в Лос-Анджелесе. Мы были так потрясены этой группой и тем, что потусили с Дэвидом Ли Ротом под пару-тройку бутылочек Джек Дениелса, что оба пришли к заключению, что лучший способ увековечить этот особенный вечер — это набить одинаковые тату. И все, кто был тогда с нами той ночью, сделали такую же. Нет, это не «VH». Это нечто более символичное, демонстрирующее преданность друзьям и событиям, которые важны для человека.

Закончу одним не самым офигенным случаем со Скоттом, чтобы представить нашу дружбу в более широком свете. Три года назад мы со Скоттом отдыхали на Гавайях с нашими любимыми женами, Перл и Лани. Мы наслаждались отдыхом, пока не узнали, что гигантское цунами обрушилось на Японию и что на Гавайях объявлено предупреждение о цунами. Никогда не забуду, как побледнело лицо Скотта, когда он услыхал эти новости. Мы с женой объяснили ему, что цунами с запада имеют тенденцию терять всю свою разрушительную мощь, когда добираются до островов, но это не помешало ему не ложиться спать всю ночь, выглядывая из окна в предвкушении неминуемого разрушения, и готовясь эвакуировать свою беременную жену при первом же признаке угрозы. Когда цунами достигло Гавайев, оно было меньше фута в высоту. На следующий день мы поздравили Скотта и Перл с тем, что они пережили свое первое цунами! (Кстати, предупреждения о цунами — норма жизни для Гавайев. Я перенес четыре таких).

Самое важное из того, что я узнал о Скотте, это что он потрясающий человек. Само собой, он тоже угодил в те ловушки, в которых оказались мы все в юные годы, и позже научился обходить их. Но пока мы оба по-своему менялись за эти десятилетия, те основные элементы, что сделали нас друзьями, связывают нас и по сей день. Я по-прежнему считаю Скотта одним из самых близких и дорогих друзей. То, что мы пережили друзьями по отдельности и вместе, воодушевило нас и сделало нас теми, кто мы есть сегодня.

Он сообразительный, веселый, забавный, по-нежному саркастичный, преданный, очаровательный человек, и он отличный комбинатор, в самом хорошем смысле этого слова. Он гибкий, прекрасный музыкант с отличным чутьем, он человек достатка и вкуса. Кроме того, он обаятельный, у него яркое воображение, он естественный лидер, и у него есть темная

сторона, которой я восхищаюсь. Он отлично выглядит на всех этих телешоу. Вдобавок он обладает потрясающей способностью откапывать халяву, он превосходный игрок в покер, что-то вроде медиа-блудника, он всегда серьезен по части еды и напитков. Я считаю Скотта мечтателем, почетным жителем Сан-Франциско, бойцом, когда это нужно, отличным риффовым гитаристом и поклонником Fernet-Branca (как и я), замечательным отцом и мужем, любителем ужастиков (как и я) и всеобщим воспевателем искусства и жизни, с чувством понимания Нью-Йорка, которое никогда не угасало, даже притом, что он прожил на Западном Побережье двадцать с лишним лет.

Он мой братан.

За этого парня я готов схлопотать пулю. Наверное, даже не одну… Это история, написанная самим «Мужиком».

ПРОЛОГ

Будь я трезв — всего этого могло и не быть. Но я был так же пьян, как и на свое восемнадцатилетние. В тот день я опрокинул столько стаканов водки Попов и апельсинового сока, что сбился со счета. Лучше просто сказать, что мой рассудок был безнадежно обдолбан. Я был фэном Нью-Йорк Янкиз с 11 лет. Батя отвел меня на первую игру в 1972-ом, и я постоянно следил за этой командой, даже когда они лажали. Так что когда мне выпал шанс попасть в парк, где у них проходили весенние сборы, Ледженс Филд в Тампе, Флорида, и забрать фирменный круг в качестве сувенира — перед таким сильным искушением я просто не мог устоять.

Я прилетел в Тампу 18 августа 1997-го, на гитарное шоу в Сороубред Мьюзик. Между выступлениями было полно времени, и я реально нажрался с Закком Уайлдом, а потом затусил со своим друганом Эдом, который приютил меня, пока я был во Флориде. Он был трезв, и я был с ним, моей подругой Анжелой и ее сестрой Хизер — их обеих я знал еще с конца 80-х. Они были единственными девушками, которые тогда ходили на шоу Anthrax. В два часа ночи мы проезжали стадион, и я заорал: «О, Боже, Ледженс Филд! Я прочел в газете, что здесь находится памятник Турману Мансону. Это же мой самый любимый игрок Янкиз!»

На светофоре горел красный, мы стояли, и я начал по тихой вылезать из тачки. «Эй, стой» — заорал мой кореш Эд. «Мы приедем завтра, когда он будет открыт для посещения. Поедем гулять, и ты сможешь его заценить».

В своей движимой эгоизмом дымке, которая и не думала проходить, я видел памятник из окна. Если бы он умел говорить, он бы назвал мое имя и пригласил меня к себе. Эд знал, что я был пьян в умат, поэтому он у себя нажал кнопку блокировки, которая заблокировала все двери в машине. Возможно с его стороны это и был хороший ход, но для меня ответа «нет» не существовало. Когда я был ребенком, и мама говорила, что мне запрещено то или другое, я или делал по-своему, или просто игнорировал ее. Когда все лейблы на планете в один голос заявили, что Anthrax — нерентабельная группа, я послал их на хуй. Когда все говорили, что группе пришел конец, потому что гранж и альтернативный рок убили метал, мы нашли способ выстоять. Слово «нет» отсутствовало в моем словарном запасе, поэтому подростком я заслужил прозвище Скотт «Нет» Иэн.

На обратном пути с Ледженс Филд я прикидывал, как бы мне

вернуться на стадион, чтобы заценить памятник. Я решил, что когда приедем к Эду, мы попросим Хизер отвести нас обратно в парк. Она тоже не пила, но была более склонной к авантюрам, чем Эд.

Когда мы приехали к Эду, было далеко за 2:30 утра, и он сразу пошел спать. Я убедил Хизер, которая все равно ничего не делала, отвести нас в Ледженс Филд без ведома Эда. Она видела, как сильно я хотел ехать, поэтому согласилась нас отвести. Она припарковала машину у забора за стадионом и осталась внутри, а тем временем мы с Анжелой перелезли через ворота и ступили на землю. Я пошел прямо к памятнику. Он купался в серебряном лунном свете, придававшем Мансону лик божества. Теперь у него была частная аудиенция и он выглядел гораздо круче, чем выглядел бы днем при обычном свете с кучкой вытаращивших глаза туристов с камерами. Я был уверен, что Мансон почел бы за честь, что один из его самых преданных фэнов лез из кожи вон, чтобы разделить такое личное мгновение со своим героем и другом. Разумеется, я был пьян. Я сделал несколько фото, потом убедил Анжелу пойти со мной, чтобы заценить стадион.

Мы вышли и прошли по дорожке к пышному зеленому травянистому полю. Я стоял на основной базе и снимал себя в полосатой форме с битой в руках, нагоняя страху на Джима Палмера, питчера Ориолес. Я практически видел, как мяч покидает его мозолистую руку и устремляется к основной базе. Я размахнулся и попал в цель. Мяч пролетел мимо первого защитника Эдди Мюррея и устремился в дальнюю часть поля. Я побежал, без шуток. Я обежал базы вокруг и остановился на второй. Вот это сейв!

Я обежал вокруг поля с криком: «Потряяяяяс!» и уговорил Анжелу присоединиться ко мне, чтобы обежать базы. Мы бегали от базы к базе, смеясь как дети, и никто нас не мог остановить. Я обежал третью базу и сломя голову побежал на основную. Мне потребовалась минута, чтобы прийти в себя от этого потрясающего маневра. Я медленно встал и отряхнулся, а затем увидел фирменный круг. Он был сделан из твердой, тяжелой резины, и на нем красовался большой логотип Янкиз — бита с кепкой. Я подумал, что он мог бы круто смотреться в нашей студии в Йонкерс прямо перед всеми моими комбиками, и я записал бы все партии гитары, стоя на нем и демонстрируя свою верность Янкиз.

«Мне нужна эта штука» — пробормотал я, брызжа слюной, даже не подумав, как пронесу этот двухсотфутовый кусок резины в аэропорт и на самолет до Нью-Йорка. Я взял одну его сторону, но она была такой тяжелой, что я смог только оторвать ее часть

от земли. Я попробовал его катить. Трава была влажной, ноги скользили, и я упал. После пары минут борьбы с этой штукой, у меня устали руки, я сдался и положил ее на место.

«Давай убираться отсюда» — сказал я. Мы уже возвращались, когда я заметил вдалеке мигающие полицейские огоньки там, где Хизер припарковала свою машину, ожидая нас. Я был так пьян, что не думал, что мы сделали что-то противозаконное. Не, ну правда, что мы сделали? Мы чуток обежали базы. Ничего не сломали. Я даже ничего не украл.

Тогда мне и в голову не пришло, что может нам стоило выбрать ДРУГОЙ путь, перелезть через ДРУГОЙ забор и убраться оттуда ко всем чертям. Но мы вышли прямо через парадный вход. Ворота, через которые мы перелезали, уже были открыты. Там стояли гольф-мобили, охранники и три полицейские машины. Хизер сидела у обочины. Мы вышли, я помахал ей рукой и сказал «Привет», широко улыбаясь. Коп схватил меня, швырнул на капот, заломил руки за спину и одел наручники. Второй остановил Анжелу и надел на нее наручники. Я был в шоке. Я спросил: «Какого черта?!»

«Закрой варежку» — рявкнул коп.

«А что я сделал?» — возразил я. «Я не сделал ничего такого».

Затем он бросил меня на обочину и сказал: «Да ладно? А как насчет незаконного проникновения, говнюк? А как насчет ограбления?»

«Ограбления? Какого ограбления? Я ничего не взял».

Затем один из копов сказал, что у них есть видео моей бессмысленной попытки украсть фирменный круг.

Во мне по-прежнему шумела пьяная удаль, поэтому я сказал: «Да, но я же не украл! Я оставил его там! Я выпишу вам чек, я дам вам денег. Скажите, сколько он стоит. Я прямо сейчас дам вам столько, сколько он стоит, и вы можете оставить его себе!»

Копы рассмеялись и ушли. Я сидел в наручниках совершенно обескураженный. Я посмотрел на Анжелу, она сказала только: «Бля, у нас большие проблемы».

Они не арестовали Хизер, потому что она не залезала в парк. Ее просто отпустили домой. Она сказала, что разбудит Эда, и они найдут нам адвоката. А потом уехала.

Мы с Анжелой сидели беспомощные, пока один из копов не подошел ко мне со словами: «Эй, а ты не тот парень из Anthrax?»

«Да, да, это я и есть!» Иногда неприятно, когда тебя узнают на людях. Это было послание свыше.

«Что происходит, чувак?» — спросил он.

Я сказал ему, что я безумный фэн Янкиз, тупо нажрался и захотел увидеть стадион, потому что слышал, что на его

территории находится памятник Мансону. То да се, я решил обежать базы.

«Ты можешь как-нибудь меня вытащить из этой переделки? Меня ни разу в жизни не арестовывали».

Он сказал, что посмотрит, что можно сделать. Он поговорил с другими копами. Одна из машин уехала. Я подумал, что это добрый знак. Коп Anthrax о чем-то разговаривал с охранниками Ледженс Филд. Двадцать минут спустя парни из Ледженс уехали на своем гольф-мобиле. «Да!! Давай, коп Anthrax!» Я решил, что он вытащил нас из этого дерьма, и собирался отправить ему кучу мерча группы в благодарность. И тут охранники вернулись. Хороший коп подошел ко мне и сказал: «Ладно, у меня для тебя хорошая и плохая новость. С какой начать?»

«Давай с плохой».

«Я поговорил со своими приятелями офицерами, и они согласились отвезти тебя домой к другу. Им по правде нет дела. Меньше бумаг. Я сказал им, что ты парень из группы».

«И это плохие новости? Я могу быть свободен?»

«Нет» — объяснил он. «Охранник Ледженс Филд сказал, что им нужно созвониться с управляющим. Они не могут так оставить это дело».

Вот и плохие новости. Они позвонили владельцу Янкиз Джорджу Штейнбреннеру, который жил в Тампе. Было пять утра, и если вы знаете хоть что-то о Штейнбреннере, то вы должны знать, что у него репутация гребанного скряги. Не просто так его называли Генералом, Фюрером и Кайзером. У меня упало сердце. Я связался не с тем чуваком. Штейнбреннеру сообщили, что я гитарист популярной группы, просто совершил глупую выходку, и бывший владелец Янкиз ответил: «Да мне насрать, кто он. Он пойдет в тюрьму».

Я сказал копу Anthrax, в котором быстро терял веру: «Ладно, а какие тогда хорошие новости? Ты можешь нас где-нибудь высадить, и мы разрулим все позже?»

«Нет, не могу» — ответил он. «Все уже есть на бумаге. У меня будут большие проблемы. Охранники вызвали копов и написали заявление. Ты арестован».

До этого момента все казалось дурным сном, и вдруг, по мере того, как алкоголь начал выходить, я начал врубаться в реальность происходящего. Но я еще не услышал хорошую новость. Тогда-то коп объяснил, в чем мне повезло. Он должен был отвезти меня в центр и посадить в камеру с тридцатью маньяками — от убийц до насильников. По сути он говорил: «Ты и эта приятная молодая леди будете сидеть в клетке с матерыми преступниками, и скорее всего в конце концов вас трахнут в зад,

если не повезет».

«Слушай, я не повезу тебя в центр» — сказал он. Так вот значит какой была хорошая новость. Он отвез нас в небольшой городок у черта на куличках — в двадцати пяти минутах езды от графства Хиллбери. По сути это был огромный вытрезвитель, где отсыпались те, кто управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Это место напоминало столовую средней школы со столами и стульями и парочкой безобидного вида чуваков в отключке. Нас зарегистрировали, и как бы лучше ни было здесь по сравнению с городской тюрягой, это был отстой. Как только ты попадаешь в эту систему, ты теряешь все человеческое. Людям, работающим тут, насрать на тебя и на твою историю, и вполне справедливо. Может, если бы они были фэнами Anthrax, им было бы не насрать, но ни один из тех, с кем я говорил, не знал, кто такие Anthrax. Для них я был всего лишь очередным нарушителем порядка. Коп, который высадил нас, пожелал нам удачи и уехал.

Я сидел там какое-то время, потом меня отвели в офис, сняли отпечатки пальцев и сделали фото в профиль и анфас. Мне сказали раздеться и выдали оранжевую форму с надписью на спине «Тюрьма графства Хиллсбери». Анжеле выдали такую же, и с этого момента мы были предоставлены сами себе.

«Когда мне разрешат позвонить? Как внести залог? Что мне делать?» — спросил я. Тишина. Я не знал, что делать, со мной никто не разговаривал. Наконец, одна леди оказалась достаточно мила, что сказала: «Ты получишь свой телефонный звонок».

Она сказала, что в тюрьме есть телефон, которым заключенные могут воспользоваться в любое время, при условии, что звонок будет за счет получателя. Я поблагодарил ее за помощь. Я поклялся ей, что меня никогда не арестовывали, и я не был уродом. Я просто хотел вернуться домой. Но она уже сказала все, что хотела сказать. Она вела себя так, будто нарушила правила уже тем, что сказала хотя бы это.

Дело в том, что они слышат эту херню целыми днями напролет. Они не обращают на нее внимание. Я стал думать об Анжеле. Мне было не по себе, что я втянул ее в эту историю. Она ведь могла забить на Турмана Мансона, а теперь она сидит в тюрьме, потому что я идиот. Я все говорил ей: «Прости, прости». Она была спокойна. «Эй, меня же никто не заставлял» — сказала она. «Я тоже решила поноситься сломя голову как идиотка».

На часах уже было 6:30 утра, и я решил позвонить отцу. Еще до того, как он услышал мой голос, включился механический голос: «Вам звонит заключенный исправительного учреждения. Вы соглашаетесь на звонок согласно тарифу?» Я мог поклясться,

что это известие его немного потрясло. Он сказал: «Алло?»

«Пап, это я…»

«Скотт?!?»

Затем голос вернулся снова: «Вы соглашаетесь на звонок согласно тарифу?» Отец взял трубку, и я объяснил ему, что сижу в тюрьме в Тампе. Я сказал, что мне нужен адвокат для заполнения кучи бумаги и документов для выхода под залог и это нужно сделать до 11 утра, иначе я застряну в тюрьме еще на один день.

Он спросил, за что меня арестовали, и я рассказал, как пролез в Ледженс Филд.

«Сколько тебе лет?» — спросил он.

«Отец, мне нужно заполнить бумаги и…»

«Сколько тебе ЛЕТ?» — повторил он.

Я вздохнул. «Мне тридцать четыре года. Ты прекрасно знаешь».

«Ну, может тебе стоит начать принимать лучшие решения в жизни» — сказал он, но согласился сразу позвонить нашему адвокату. Оказалось, что это не требуется, потому что Хизер вернулась домой к Эду, разбудила его и рассказала, что нас арестовали. Он собрал нужные бумаги и уже внес залог. Когда я закончил говорить с отцом, Анжела позвонила своей сестре, и Хизер сказала, что к 11:30 нас выпустят.

Перед тем как уйти, нам хотели сделать прививки от туберкулеза, потому что в тюрьме произошла вспышка туберкулеза и если бы мы отказались от прививки, они бы сняли с себя всю ответственность, если бы мы вдруг заболели. Новость о том, что я выхожу, придала мне сил. Я заявил, что не буду делать никаких прививок. Медсестра сказала, что если я не сделаю прививку, то застряну еще минимум на день. Мы сделали прививки. Вскоре у меня расстроился желудок. Не знаю, что стало причиной — укол, невероятное количество бухла в моем организме или стресс, в котором я находился с момента ареста, но я понял, что мне нужно немедленно посрать — высрать все это чертовски дурное, безумное, пьяное дерьмо. Я не видел никаких толчков за исключением одного в центре комнаты на виду у всех. Пуская «шептунов», я доковылял до лазарета, где мне делали укол, потому что там была дверь, похожая на туалет. Она была открыта. Я увидел унитаз. Спасибо, Господи!!!

Я сказал медсестре, коренастой пожилой женщине, что мне нужно воспользоваться туалетом. Я вежливо спросил, могу ли я это сделать.

«Туда» — сказала она и указала на грязный, мокрый толкан в главной комнате.

«Нет, именно поэтому я и пришел сюда» — простонал я.

«Пожалуйста, позвольте мне воспользоваться этим туалетом, чтобы получить хоть немного интимного пространства?» Она посмотрела сквозь меня и сказала: «Нет ни единой причины, чтобы ты мог воспользоваться этим частным туалетом».

Я вернулся назад и сел рядом с Анжелой. Я не сказал ей, что происходит. Вместо этого я испытал заслуживающий Оскара эпизод силы воли. Ментальная концентрация, которую мне пришлось проявить, чтобы не обделаться, была просто сногсшибательной. Я бы ни за что не сел на грязный туалет перед сорока или пятьюдесятью людьми, некоторые из которых были фэнами Anthrax, производившими уборку в тюрьме. Эти парни были заключенными, которым ежедневно приходилось вычищать вытрезвитель. Они услыхали, что я здесь и были счастливы просто поглазеть, улыбнуться и кивнуть. Я не мог просто вот так взять и посрать перед ними. Я сидел со сжатыми ягодицами и свернутом в узел желудке три гребанных часа. Боль была невыносимой, но я вел себя так, словно ничего не случилось.

Наконец наступило 11 часов, назвали наши имена и вывели оттуда. Эд и Хизер уже ждали нас. Они спросили, какие у нас планы, и я сказал, что очень хочу вернуться к Эду и принять душ прямо сейчас и чего-нибудь перекусить. К тому времени новости о том, что случилось, уже были преданы огласке. Эд включил радио на частоту «98 Рок» в Тампе, и мы услышали голос ди-джея: «Скотт Иэн, если ты все еще в городе, позвони нам. Мы хотим знать, что произошло».

Я едва на обосрался прямо там, но сдержал поток нечистот и не промолвил ни слова. Мы вернулись к Эду, и я сразу пошел в ванную, включил душ, присел на чистый, сияющий стульчак и навалил огромную кучу дерьма как Невероятный Халк. Невероятно, что фарфор не взорвался, и из толкана не полилось через край. Из меня вышло все; это было такое огромное облегчение. Мне стало настолько лучше, что после этого я отправился в Юниверсал Стьюдиос, чтобы заценить гонки. Последнее, что я ожидал увидеть, как на меня показывают пальцами и кричат: «Эй, ты украл фирменный круг!», но молва идет быстро.

Я расскажу о том, как очистил свое досье и выяснил отношения с Джорджем Штейнбреннером чуть позже. Всему свое время. Только заметьте, что случай в Ледженс Филд был для меня отклонением от нормы. Это был единственный раз, когда меня арестовывали, и определенно будет последним. Видите ли, я никогда не был ищущим внимания и сидящим на наркоте метал-чуваком, которому жить надоело. У меня полно таких друзей, и я люблю с ними выпить и послушать их истории. Но это не про

меня. Я никогда не ширялся, не пробовал кокс и даже ни разу не курил травку с 1995-го.

Я занялся музыкой не ради телок. Я занялся ею ради музыки. Ясен перец, за это время были девки, но не в таком количестве, как у пресловутых хэйр-групп 80-х. Долгое время трэш-метал был сценой для мужиков; если на шоу и были телки, их обычно сопровождали парни. По сути я тот парень, который сделал себе имя, вкалывая как вол. Была тьма взлетов и столько же падений, и все их Anthrax стойко выдержали. Мы были награждены за наши старания и вошли в «Большую Четверку» вместе с Metallica, Slayer и Megadeth. Но моя история очень непохожа на другие, несмотря на то большое уважение, с которым я отношусь к каждому из этих парней. У меня нет трагичных рассказов о насилии и о том, как меня бросили родители, о том, как я спал на улицах, выбирал между следующей дозой или приемом пищи или ввязывался в драки между бандами и бил парней по башке пустой «сорокушкой». Как любит говорить моя мама, в душе я хороший еврейский мальчик.

Я вырос в Квинсе, штат Нью-Йорк, получал хорошие оценки и был помешан на комиксах, ужастиках и научной фантастике. Потом я открыл для себя рок-н-ролл, и вся моя жизнь перевернулась с ног на голову. В этом плане я был похож на многих подающих надежды музыкантов, но у меня всегда была неугасимая энергия. Начиная с 13 лет у меня была цель найти музыкантов, с которыми можно было играть, писать песни, подписывать контракты с лейблами, давать шоу, короче — расти, расти и еще раз расти. Я был чертовски настойчивым, упорным шилом в заднице, если так можно выразиться. Каждый раз при виде преграды на своем пути я использовал свой лазерный фокус, чтобы придумать, как обойти ее и пойти дальше. Постоянно идти вперед. Преодолевать проблемы, переживать перемены. Вокалисты и гитаристы приходили, уходили и временами возвращались. Я продолжал делать свое дело. Моя история в Anthrax — это история о целеустремленности, преданности, об удачах и невезениях. Это история, полная триумфов и трудностей, но одной драмой и борьбой она не ограничивается. Я повидал тонну веселья и пришел к пониманию, что музыкальный бизнес — наименее предсказуемое дело на планете. Может случиться буквально все. Потратив более тридцати лет на выпуск альбомов и гастроли, я собрал вагон и маленькую тележку веселых и поразительных случаев на основе опыта группы, друзей, коллег и людей, с которыми я познакомился с того самого момента, как взял в руки акустическую гитару, до того, как взошел на сцену Янки-стэдиум на фестивале «Большой Четверки».

Если говорить об Anthrax, то я мужик и вот моя история.

ГЛАВА 1
ЕЩЕ МАЛЬЧИК [2]

Я родился в больнице Ямайка в Квинсе в 7 часов утра в канун Нового 1963-го года. В каком-то роде это было удачное начало. Как это ни странно, именно там некогда находилось легендарное Мьюзик Билдинг, где Anthrax, Metallica и другие группы вершили историю, сочиняя и репетируя одни из самых первых и самых незабываемых трэш-композиций. Metallica даже какое-то время жили в этом местечке. Чувак, это были трущобы. Бывая там с Anthrax, я частенько думал: «Боже, этот районч ик — такая дыра. Наверняка он был совсем другим, когда здесь жили мои родители». А может и нет, и это было одно из испытаний, с которыми им пришлось столкнуться. Если так, оно было одним из многих.

У моих предков жизнь медом никогда не была. Они были эмигрантами второго поколения, и когда я был подростком, мой отец, Герберт Розенфельд, работал в ювелирном бизнесе, а мама, Барбара Хаар, была домохозяйкой. Думаю, отчасти поэтому она была так несчастна. Она не хотела быть счастливой домохозяйкой. Она не была создана для этого и не обладала достаточной долей терпения. Мои родители происходили из семей рабочего класса и поженились слишком рано. Отец моего отца, Гарольд Розенфельд, родился в 1908-ом в Ворчестере, штат Массачусетс, а бабушка Сильвия родилась в 1912-ом в Манхэттене. Они познакомились на южном берегу Бруклина, когда он водил грузовик Гуд Хьюмор. Они поженились в 1938-ом, и он продолжил работать летом. А зимой, еще до рождения моих тети и дяди, мои бабушка и дедушка каждую зиму ездили во Флориду на Форде Модель-Ти и жили там на деньги, которые он зарабатывал от продажи мороженого — они все равно что ездили на отдых.

Отец и его сестра выросли в большом жилом доме в квартире на четвертом этаже. У них никогда не было денег, даже когда мой дедушка получил работу продавца обуви, чтобы заработать еще немного наличных. Он был хорошим, работящим человеком, но они не могли позволить себе какой-либо роскоши, и он вел дневник, где записывал каждый пенни, потраченный за день.

Моя бабушка по маминой линии, Лена, была из России, а ее муж Мо родился в 1902-ом в крошечной польской деревушке под названием Ниско, которой уже нет на карте. Во времена Первой Мировой Войны немцы оккупировали деревушку и начали

истреблять мужчин. Поэтому, когда дедушке было 17, родители тайком вывезли его из страны. Он жил в Амстердаме с семьей, которая взяла его на работу зеленщиком. Однажды он накопил достаточно денег, чтобы приобрести фальшивое удостоверение личности, проник на корабль до Нью-Йорка, и проделал долгий путь до острова Эллис. Он сошел с корабля и встал в очередь со всеми беглецами, но, когда в иммиграционном контроле увидели, что у него нет нужных бумаг, его развернули и отправили на корабле обратно в Амстердам. Он провел следующие полгода или около того, работая, а потом смог получить нужные документы. Затем он сел на другой корабль, вернулся в Нью-Йорк, и на этот раз иммиграционный контроль разрешил ему въезд.

Мой дедуля Мо был умным мужчиной, но был гол как сокол. Он отправился в Нижний Ист-Сайд, где располагалась еврейская община, и все в какой-то степени заботились друг о друге, и получил работу зеленщика. Он работал как проклятый и очень быстро поднялся по карьерной лестнице. Когда ему было около двадцати, у него уже был собственный гастроном на Рокэвей, и когда Мо заработал достаточно денег, он перевез и своих родителей. Они были строгими православными евреями, что было дико для моей мамы, потому что она выросла в Квинсе в нерелигиозной семье. Они даже бывало использовали рождественскую елку по праздникам, пока в дом не въехали ее бабушка и дедушка. И вдруг она оказалась в одной доме с родителями ее отца, которые общались только на идише и даже не пытались говорить по-английски. Они были убежденными евреями. Они терпеть не могли жену Мо и мою маму, потому что считали, что Мо заслуживает большего. И очень плохо относились к детям. Когда они делали все до крайностей религиозно, моя мама бунтовала и пыталась сбежать, но они всегда ее возвращали. А потом отец бил ее ремнем.

То были другие времена. Проще говоря: ты бил своих детей, если они не слушались. Это не считалось ненормальным. Так было принято. Ты отхватывал. Мне трудно в это поверить, потому что бабушка и дедушка всегда с любовью относились ко мне и моему брату Джейсону, но оба моих предка подверглись изрядной доле насилия будучи подростками. Отец однажды поведал мне историю о том, как что-то крикнул другу через открытое окно, когда был ребенком. Его мать так взбесилась, что схватила его, перевернула верх ногами, и держа за подмышки, высунула из окна на высоте в четыре этажа. И когда мой дядя застукал, как она крадет сигареты, она положила его руку на горячую плиту. Они особо не церемонились, когда дело касалось дисциплины. Никаких тебе таймаутов или позитивного настроя. Все сводилось

к принципу «пожалеешь розгу — испортишь ребенка».

Даже притом, что у них было сложное воспитание, нам с Джейсоном это не передалось от родителей. Они не были сторонниками насилия. Может, раз в сто лет, если один из нас действительно нарушал правила поведения, то получал шлепок. Но когда я был ребенком, одного только повышенного голоса отца было достаточно, чтобы испугать меня до усрачки. Я бы с радостью сказал, что у меня была уравновешенная жизнь дома, но это было бы не совсем правдой. Моему отцу было двадцать два, а маме двадцать, когда они поженились. А потом мама сразу забеременела мной. Они оба этого не планировали, но в то время, если ты беременела, ты выходила замуж. Ни один человек из хорошего еврейского дома не делал аборт. Это было неслыханно — к счастью для меня!

Вскоре после моего рождения мама изменила отцу с любовью всей ее жизни, который до этого отверг ее, Ленни Чамски, и отец узнал об этом. На какое-то время они расстались. В это время мама начала сильно пить, а ее отец Мо, пристыдил ее, заставив просить прощения у моего отца. Он принял ее извинения, и они снова сошлись. Это был 1964-ый, разводиться тогда было не принято. Возможно было бы лучше, если бы они полностью разорвали отношения. Мне кажется, их брак был обречен с самого начала.

Мы переехали во Флориду, когда мне было три года, потому что отца несправедливо обвинили в краже бриллиантов из компании, где он работал, Гарри Винстон Джюелри. Он провалил тест на полиграфе, потому что не пригоден для тестирования — я имею в виду, он завалит все, что только можно — и его уволили, хотя он ничего не брал, и никто не застукал его за этим делом. Ему поступило другое предложение от семьи во Флориде о работе в Мэйерс Джюелерс в Майами — заниматься починкой и калибровкой колец. Родители решили, что смена обстановки пойдет семье на пользу. Я не помню большую часть времени, проведенного во Флориде, за исключением моего первого яркого воспоминания в июле 1966-го.

Может это было предзнаменование или метафора эмоциональной травмы, готовившей удар по нашей семье — ладно, ничего такого уж трагичного. Меня ужалила пчела. Я не был аллергиком или что-то в этом роде, но боль была чертовски сильной, и я никогда не забуду этот день. Мы жили в многоквартирном комплексе, и в задней части здания были вращающиеся стеклянные двери, которые вели наружу. Рядом с бассейном располагалась лужайка, и я гулял по траве босиком. Пчела сидела на небольшом листке клевера, а я наступил прямо

на нее. Пчела ужалила меня не сразу. Она взлетела, и я побежал. Помню, как думал: «Прыгну в бассейн, чтобы спрятаться от пчелы», но не успел я добежать, как пчела ужалила меня во внутреннюю часть уха. Это было очень громко, и я закричал из-за гула и боли. Так началась моя многолетняя ненависть к самым жалящим и кусающим насекомым. Я ненавижу пауков, и не могу смотреть на осу, не испытывая желания ее убить. Сейчас мы с пчелами относимся друг к другу со сдержанным уважением. К счастью, жало вынули, и оно не вызвало никаких серьезных последствий, потому что пчела не ужалила мою барабанную перепонку. Ухо просто распухло и болело как черт.

Мама терпеть не могла Флориду и хотела вернуться обратно в Нью-Йорк. Отец любил Флориду. Но, как распорядилась судьба, кто-то в компании отца украл несколько ювелирных изделий, и босс всех заставил пройти тест на полиграфе. Отец объяснил, что с ним произошло в Нью-Йорке. Его все равно заставили пройти проверку на полиграфе, и разумеется, он снова ее не прошел, и босс — который был связан с мафией, скупающей и продающей ходовые ювелирные изделия — уволил отца и сказал, что если узнает, что он вор, то окажется на дне океана с башмаками в цементе. Отец возмутился и в гневе покинул здание. Позже босс узнал, что его личный секретарь и ее дочь сидели на тяжелых наркотиках и воровали. Но отец так и не получил извинений.

Как только он потерял свою работу, мы переехали обратно в Нью-Йорк, и девять месяцев моей маме пришлось работать в магазине по продаже бейглов[3], чтобы помочь платить по счетам. Отец получил еще одну работу оценщика в ювелирном бизнесе у Джимбел Бразерс, а потом стал менеджером отдела производства и скупщиком камней в компании Аарон Перкис. От богатства мы по-прежнему были далеки, но уже хотя бы имели стабильный доход.

Отец делал все, что только можно, чтобы сделать маму счастливой, но у нее всегда находился повод для жалоб. Именно тогда я заметил, что моим родителям не нравится быть вместе. Когда мне исполнилось четыре или пять, мама стала казаться странной и холодной. Она делала все, что считала нужным делать как мать, заботившаяся о двух детях, но даже в этом возрасте я мог сказать, что никакой радости ей это не доставляло. Став немного старше, я понял, что она не хочет быть домохозяйкой и ей не нравится жить с моим отцом. Потом я узнал, что она прикладывается к бутылке.

Все, что я знал тогда, это что в доме есть алкоголь. Она пила много скотча и для нее это было проблемой. Позднее я узнал, что она также принимает таблетки — квааалюд, валиум, таблетки для

похудания, все, к чему можно было достать рецепт, чтобы помочь уйти от реальности. Она была несчастна, потому что никогда не хотела быть с моим отцом. Она хотела Ленни Чамски, но ей пришлось пойти на компромисс. Для отца это было дерьмовое положение, и с четырех до одиннадцати лет, когда мои родители окончательно расстались, в доме было много ссор. Не думаю, что они когда-нибудь любили друг друга. Но по какой-то причине они решили, что еще один ребенок может улучшить их отношения, и вот спустя три с половиной года после моего рождения, мама родила Джейсона, который стал и моей заботой, и моей правой рукой в течение всего детства.

Как бы тяжело ни было с мамой, бывали и хорошие времена. Когда мне было четыре года, она бывало читала мне журнал MAD. Когда она была ребенком, у нее был каждый выпуск, но моя бабушка убирала у нее в комнате и выбрасывала их. Кто знает, какую ценность они могут иметь сегодня?

Кроме того, мама была большой поклонницей фильмов ужасов. Она любила пугающие фильмы. В Нью-Йорке в субботние и воскресные утра на канале WPIX шла программа «Chiller Theater» и «Creature Feature» на WNYC, 11 и 5 каналы соответственно, еще до появления кабельного. И часто, вместо того, чтобы смотреть мультики субботним утром, мы смотрели с мамой фильмы ужасов. В основном это были старые черно-белые классические фильмы о монстрах производства компании Юниверсал — «Франкенштейн», «Оборотень», «Дракула» — и с четырех или пяти лет я обожал их все.

Когда показывали оригинальную версию «Нечто», мама сказала: «Когда я была твоего возраста, это было самое страшное кино всех времен. Этот фильм напугал всех». Мы начали его смотреть, и я приготовился вскочить и выбежать из комнаты в страхе, только этот фильм оказался совсем не страшным. Я сказал: «Мам, он выглядит как ходячий овощ. Как это может быть страшным? Оборотень гораздо страшнее», и мама сказала: «Скотт, в 1950-х это было страшно».

Дело в том, что меня не пугали фильмы ужасов. Я любил их, и до сих пор люблю, но я всегда знал, что это не по-настоящему. И до сих пор фильмы меня не пугают. Несмотря на это, книги временами пугают меня до усрачки, потому что действие и диалог происходят в моей голове. Это совсем другая реальность. Ты создаешь собственные образы, тело покалывает или сердце уходит в пятки, когда случается что-нибудь плохое. Именно поэтому Стивен Кинг всегда был одним из моих любимых авторов. «Сияние» напугало меня так сильно, что спустя все эти годы я до сих пор не могу идти по холлу отеля, не думая, что

какие-нибудь ебнутые приведения-близнецы сцапают меня.

Если уж на то пошло, я ощущаю эмоциональную связь с монстрами в классических фильмах. Не с Джейсоном в «Пятница, 13-е» или Майклом Майерсом в «Хэллоуине». Это были не более чем бестолковые, бессмертные психопаты. Само собой, клевые. Но монстр Франкенштейна — вот вам печальный чувак. Он уже мертв, его вернули к жизни, а потом его только преследуют и ненавидят, а он уродливый и страшный. Все, чего он хочет, это чтобы его оставили в покое, а все над ним издеваются. Мне всегда было жаль таких монстров. Лон Чейни-младший в «Оборотне» передал эти эмоции с использованием или без использования грима. Он сыграл Ларри Толбота, на которого нападает вервольф и убивает его, но во время схватки он получает укус. И каждое полнолуние он превращается в вервольфа. Он вызывает столько сочувствия, потому что не заслуживает такой участи. Он не хотел убивать людей как Оборотень; все произошло очень быстро. Дракула — совсем другая история. Дракуле особо не сочувствуешь — он вампир, который делает свое дело. Дракула был моим наименее любимым из первых монстров Юниверсал.

В то время мы этого не осознавали, но на психологическом уровне мы с братом установили связь с героями, которые были вынуждены жить той жизнью, которой они не хотели для себя. Детьми мы старались оградить себя от несчастья наших родителей, насколько это было возможно. Как Франкенштейн, мы просто хотели, чтобы нас оставили в покое.

Мы жили в Бейсайде, Квинс, на Бей Террес, пока мне не исполнилось восемь. Это была чисто еврейская часть города, в которой жили все — от верхушки среднего класса до богачей. Мы определенно не входили в верхушку среднего класса. Мы жили на бульваре Белл в доме на две семьи. Мы жили на одной стороне, а вторая семья на другой. Но прямо вниз по улице от нашего дома громоздились гигантские особняки. И в зимнее время мы брали лопаты для расчистки снега и ходили по району, предлагая людям очистить подъездную дорожку к дому за двадцать баксов. Для нас это была неслыханная удача — по меркам детей предподросткового возраста. У меня была тонна друзей с этого района и с соседнего тоже. Все знали друг друга. На остальной части Бейсайда жили ирландцы, итальянцы, немцы, и он варьировался от очень низкого среднего класса до несметно богатых — мешанина достатка и этнических меньшинств.

Где-то в 1972-ом мы уехали из Квина, и это было хреново, потому что мне пришлось оставить всех своих друзей сразу после третьего класса. Мы переехали в Сифорд, Лонг-Айленд, и я пошел в четвертый класс в новой начальной школе. Как ни плохо было

мне, маме было намного хуже. У отца были благие намерения. Мы сдавали квартиру в Квинсе, и вдруг он смог купить дом в Лонг-Айленде, и вот йу-хху, мы следуем американской мечте. У нас был задний двор и подъездная дорожка к дому. Мама не хотела переезжать из Квинса и бросать друзей даже больше, чем я. Отец сделал это, чтобы она оказалась в новой обстановке, где она может стать счастливее. Эффект оказался прямо противоположным. В Сифорде она была даже еще более угнетенной, и вот тогда ее жизнь начала становиться очень мрачной. Она не была мамой из «Степфордских жен». Она стала больше пить, принимать больше таблеток, и у нее даже стали проявляться суицидальные наклонности. Самые сильные воспоминания, которые у меня сохранились о том времени, это когда у нее истерика, она плачет или кричит на меня и брата. Она теряет над собой контроль, а мы изо всех сил стараемся не попадаться ей на глаза. Временами, как бы осторожен я ни был, а я был очень осторожным сукиным сыном, я попадал в ее безумный вихрь, и тогда мне буквально приходилось бороться за свою жизнь. Помню один из таких очаровательных случаев, когда она кричала на меня за что-то, и я развернулся и побежал от нее, из гостиной в холл, со всех ног в марафонском спринте, надеясь оказаться в относительной безопасности своей комнаты, когда вдруг мне в спину прилетело что-то тяжелое. Я неуклюже упал вперед, и к счастью приземлился на руки. Я быстро вскочил, держась за спину и пытаясь понять, что меня ударило, и увидел, как в конце холла кричит мама. Я тоже кричал, боль в спине просто убивала меня, и я понял, что она чем-то кинула в меня. Она вопила в истерике и извинялась, и я увидел керамическую кружку кофе Эксон (подарок при покупке от 5 баксов!), лежащую разбитой на полу. Я просто смотался в свою комнату и захлопнул дверь. Мама не появлялась, и я избегал ее, пока отец не пришел домой, и мы сели обедать. Она рассказала отцу, что натворила и как она сожалеет и это была пища (простите за каламбур) для очередной перебранки позднее тем же вечером, после того, как мы с Джейсоном легли спать. В физическом смысле со мной все было окей, но в психическом я был чертовски зол, и вспоминая об этом сейчас, это было вероятно начало того, как я начал прикидывать, как мне убраться из этого дома ко всем чертям и уйти прочь от всего этого расстройства.

Мы с Джейсоном провели большую часть времени в Сифорде, играя в подвале с нашими солдатиками и читая комиксы, прячась от наших родителей, которые постоянно воевали. Подвал был нашей крепостью одиночества, нашим Санктумом. Мама была жалкой и сумасшедшей, постоянно психовавшей, а отец ходил на

работу каждый день, и когда приходил домой, у нас был обед, полный разногласий. После этого они воевали, а мы с братом играли и ложились спать. Время от 1973 до 1975-го — когда мои родители окончательно расстались, и моя мама, брат и я переехали обратно в Квинс — был самым бурным периодом моего детства. Дети, с которыми я тусил, когда уехал из дома, были моего возраста и даже немного старше. И некоторые из пятиклассников уже начали пить и курить травку. Некоторые из них отсутствовали дома после полуночи по вечерам в пятницу и субботу. Я был слишком юн для этого. Я как-то пошел с ними погулять, и юные дети пили эту дрянь под названием Танг-О, готовую «отвертку» — апельсиновый сок с говенной водярой. Я попробовал его — на вкус он был просто отвратительным. Но десяти-одиннадцатилетние дети нажирались им каждую неделю.

Они бывало говорили: «Ты идешь тусить?», а я им: «Нееее». И кто-то отвечал: «Кончай быть малышом. Чем ты займешься — пойдешь домой и будешь играть со своими солдатиками?»

Я не говорил «да», но именно этим я занимался. Я полностью сбегал от реальности в эту фантастическую страну в своей голове, потому что везде, куда бы я ни посмотрел, был хаос. Дети нажирались дешевым пойлом, а я еще не был к этому готов. Потом я поворачивался, мама и отец кричали друг на друга, и мама бросала стаканы и посуду. Я чувствовал себя в большей безопасности в подвале со своим братом.

Мои родители без сомнения любили меня и Джейсона, но нас не холили и не лелеяли — даже близко ничего подобного. Отец работал в городе даже когда родители были вместе. Поэтому мы видели его только в обед и по выходным. И мама сидела дома злая, когда мы приходили из школы. Иногда она напивалась, выходила из себя и кричала, что ее жизнь получилась не такой, как она этого хотела, и что во всем виноваты мы. Иногда у нее случались серьезные приступы, и она начинала бросаться игрушками. У нас была капсула миссии Аполлон с солдатиками. Или я, или мой брат сделали то, что ее расстроило, и она закричала: «Ну, погодите, пока вернется отец!» Потом она схватила эту игрушку и бросила ее через всю комнату; она стукнулась в верхнюю часть стены гостиной и разлетелась на кусочки. Помню, думал: «Ты купишь мне новую, черт возьми. Ты сломала мою игрушку с солдатиками!»

ГЛАВА 2
МУЗЫКА — ЭТО МЕССЕДЖ[4]

Мир в нашем доме наступал только когда родители слушали музыку. Никто из моей семьи не зарабатывал на жизнь музыкой, но отец бывало что-то пел, а в 50-х он как-то спел ду-воп[5] на улице с Полом Саймоном и Артом Гарфанкелем (еще до того, как они стали знаменитым дуэтом Саймоном и Гарфанкелем), которые ходили в ту же школу, что и он. У обоих моих родителей были в коллекции такие пластинки, как саундтрек Вудстока, Нил Даймонд, Элтон Джон, Кэрол Кинг, Дуби Бразерс, Боб Дилан и Зе Бэнд. Я любил их, но ничего не знал об агрессивной музыке, пока мне не исполнилось семь, и я не открыл для себя Black Sabbath.

У отца был младший брат всего на десять лет старше меня — дядя Митчел. Я считал его самым клевым парнем в мире. Когда мне было шесть или семь, мы ходили домой к дедушке и бабушке, и я заходил в комнату дяди Митча. У него на стенах висели постеры Zeppelin и других рок-групп, клевые ультрафиолетовые постеры, обширная коллекция винилов и куча комиксов. Я сидел и смотрел на его пластинки часами. Я думал: «Это самое клевое место на свете. Все это будет у меня, когда я немного подрасту».

Как-то я просматривал его коллекцию — Битлз, Дилан, Стоунз — и вдруг увидел первую пластинку Black Sabbath. Я глянул на обложку и подумал: «Что это такое?» Какая-то жуткая ведьма стоит в лесу. Я спросил Митча: «Что это такое у меня в руках?» И он такой: «Это Black Sabbath. Они играют кислотный рок». Я спросил: «А что такое кислотный рок?» Тогда я еще даже не знал, что такое кислота. И никто не употреблял термин «хэви-метал» для описания музыки.

Он поставил пластинку. Она начинается с дождя, грома и зловещего звона. И тут вступает этот супер ужасный и тяжелый гитарный рифф Тони Айомми, который, как я позже узнал, был самым известным тритоном в роке. Я без сомнения испугался, но все же был в восторге. Постеры черных пантер со сверкающими глазами глазели на меня, а злые колдуны пожирали своим взглядом. Потом парень с гнусавым голосом, напоминавшим колдуна, начал петь о Сатане и вопить, чтобы Бог помог ему. Я подумал, что не вполне понимаю, что там творится. Но при этом хотел услышать еще.

А еще у дяди Митча было навалом всяких комиксов, поэтому каждый раз бывая у него в комнате, я садился и читал. Он

познакомил меня со звездами Вселенной Марвел и ДиСи: «Невероятным Халком», «Фантастической Четверкой», «Спайдерменом», «Капитаном Америка», «Мстителями», «Людьми Икс», «Тором», «Конаном», «Бэтменом», «Суперменом», «Флэшем» и «Лигой Справедливости». Я погружался в миры, созданные Стэном Ли, Джеком Кирби, Стивом Дитко, Нилом Адамсом, Джимом Стеранко и во все эти прекрасные комиксы серебряного века художников. В те времена комиксы стоили 12–15 центов, так что каждую неделю я заглядывал в кондитерскую и тратил карманные сбережения, чтобы купить их для себя.

К счастью, когда мама съезжала с катушек, отец всегда был рядом со мной и братом. Тусить с отцом было весьма клево. Он обладал совсем другим типом темперамента, в отличие от мамы. Он был уравновешенным, твердым и спокойным. Он повышал голос только в случае самой крайней необходимости. Это был человек-скала, и я отдаю ему должное за эту составляющую моей личности, за то, что могу сохранять хладнокровие и справляться со стрессовыми ситуациями. Если бы отец был таким же нервным, как мама, я бы кончил тем, что загремел в какую-нибудь психушку. Когда была возможность, отец брал нас с Джейсоном кататься на лыжах и водил на бейсбол.

В 1972-ом мы начали посещать первый стадион Янкиз, и с того времени повидали немало игр. Это немного странно, потому что, так как жили в Квинсе, мы должны были быть фэнами Метс. Мой отец даже не был фэном Янкиз. Он был фэном Доджерс. Янкиз были его врагами. Думаю, именно поэтому я стал фэном Янкиз. Меня уже тошнило от разговоров о Доджерс из Бруклина, которые, понятное дело, на тот момент были Доджерс из Лос-Анджелеса, поэтому тяготел к соперникам Доджерс.

Все считают Янкиз командой международного уровня: они участвовали в первенстве сорок раз и становились чемпионами двадцать семь раз — больше, чем любая другая команда Высшей Лиге. Но когда я был ребенком, Янкиз безбожно лажали. Они играли ужасно до самого 1976-го. Но все же, когда я ходил на бейсбол, это был такой кайф. Совершенно другой мир. При каждом ударе биты тысячи людей болели за команду в полосатой форме. Клевая форма. Метс носили дурацкие цвета. У Янкиз был свой стиль.

Я не просто любил смотреть бейсбол. Мы с друзьями любили и играть в него. Все началось со стикбола, в который мы играли ручкой от метлы и теннисным мячом. Когда жил на PS 169 по Бей Террес, я всегда играл после школы, и у меня довольно сносно получалось. Там было поле для стикбола с нарисованными на стене коробками. Так что это был мой естественный шаг в Малую

Лигу, в которой я играл многие годы. Обычно я играл на второй базе или шорт-стопе. Моим образцом для подражания был Фредди Патек, который играл за Канзас Сити Роялс и имел рост всего пять футов пять дюймов. В то время в спорте все еще было много парней нормального роста, и это вселило надежду в такого ребенка, как я.

Несмотря на важность, которую на меня оказало первое прослушивание Sabbath, Элтон Джон также оказал на меня большое влияние в детстве. У нас дома были все его пластинки, и в 1974-ом, до того, как мои родители окончательно расстались, мы все пошли посмотреть на Элтона в Нассау Колизеум во время тура Гудбай Йеллоу Брик Роад. Во время шоу вырубили электричество, но все же оно было потрясным. Он постоянно менял костюмы, и это научило меня тому, что можно развлекать, не просто играя музыку. Песни были отличными, но при этом он был очень профессиональным актером и действительно играл для зрителей. Мы видели Пола Саймона в 1975-ом, и он тоже был потрясающим.

Хотя об этом сложно догадаться, у меня было полно друзей, которым было плевать на музыку. Им было насрать на концерты и покупку пластинок. Все, что их интересовало, это бейсбол и комиксы, чем я очень увлекался. Но я хотел вывести свою любовь к музыке на новый уровень. У отца дома всегда лежала акустическая гитара. Он редко играл на ней. Думаю, он знал два — три аккорда, но я знал, что она лежит где-то поблизости. Я видел The Who по телеку. Я знал эту группу, потому что у них были одни из лучших песен на пластинке Вудсток моих родителей. И вот я смотрю на них, и тут Пит Таунсенд начинает вращать своей правой рукой будто винтом самолета. Это выглядело очень круто, и тогда я спросил родителей о гитаре и сказал: «Я хочу научиться. Могу ли я брать уроки гитары?»

Они ответили конечно, но не разрешили мне начать с электрогитары. Отец настоял на том, что я начну играть на акустике, и если я смогу доказать ему, что я серьезно настроен к этому инструменту, тогда смогу перейти на электрогитару. Мой учитель гитары был высоким парнем с длинными волосами, ему было где-то около девятнадцати или двадцати. Его звали Рассел Александер, и я считал его самым крутым чуваком в мире. У него был Стратокастер, а у меня моя тупая акустика. Ни в какие ворота. Немного времени спустя он сказал моему отцу: «У него хорошо получается. Он увлечен всерьез». Так и было. Я практиковался каждый день и выучил все основные аккорды. Я научился читать, играть гаммы и освоил элементарную теорию. Прошло несколько месяцев уроков, и Рассел начал давать

домашние задания для гитары. У меня раз в неделю был урок, и мне приходилось практиковаться и выписывать схемы, что я терпеть не мог, потому что это совсем не было весело. Я просто хотел играть.

Каждый раз, когда приходил Рассел, я говорил: «Научи меня играть «Whole Lotta Love». Покажи, как играть «Pinball Wizard». Все, чего я хотел, это выучить песни. Плевать я хотел на выписывание схем на клочках бумаги. Его это расстраивало, и он говорил: «Слушай, тебе придется выучить это, чтобы уметь…» И я такой: «Ты хочешь сказать, каждый парень из всех этих групп знает все это и владеет теорией?»

«Да, знает и владеет» — говорил он.

«Я так не думаю» — отвечал я со скептицизмом непослушного ребенка. Казалось невозможным, что все эти клевые рок-звезды потратили кучу лет, корпя над домашним заданием, чтобы научиться играть.

Какое-то время я продолжал брать уроки у Рассела, и он научил меня некоторым песням на акустической гитаре. В третьем классе я сыграл дилановскую «Blowin' In The Wind», «Bad, Bad Leory Brown» Джима Кроуса и «Wipe Out» Surfaris на конкурсе талантов начальной школы в Лонг-Айленд. В актовом зале были только я, моя акустическая гитара и микрофон. Все аплодировали мне. Я был маленьким ребенком. А что им еще делать, фукать на меня? Но я знал песни. Я реально ЗНАЛ эти песни.

Поэтому, когда я играл на акустике уже шесть месяцев, отец выполнил свое обещание. Он отвез меня в музыкальный магазинчик в Квинсе на Юнион Тернпайк и купил мне подержанный Фендер Телекастер Делюкс 1972-го года. Он был цветом журнального столика с черной накладкой[6]. Хотел бы я сейчас его иметь, он бы стоил под девять косарей. Я продал его где-то в 1978-ом, потому что очень хотел купить Фендер Стратокастер. Тогда я не слишком много знал, и для меня Телек совсем не выглядел клевым. Страт был клевым, Лес Пол был клевым. Никто из тех, кто мне нравился, не играл на Телеках. Мне больше нравилась форма Страта. Он был гладким и менее фолковым. Я скопил немного денег и вернулся в магазин, где мы брали Телек. У них был Страт из натурального дерева, который я очень хотел. Я обменял свой Телек и добавил сверху еще две сотни баксов. Так я обзавелся новым оборудованием на многие годы, я использовал его даже в годы становления Anthrax в начале 80-х. Я постоянно покупал и продавал оборудование, стараясь достать больше и лучше и находить хорошие предложения.

Как только мне купили этот первый Телек, я сказал

родителям, что мне больше не нужны уроки. Я хотел учиться сам. Я был достаточно дальновиден, чтобы сказать: «Я не хочу, чтобы гитара звучала как у моего учителя. Я хочу, чтобы она звучала как у меня», потому что я боялся, что иначе они у меня просто заберут гитару. Сработало! Мне разрешили заниматься самостоятельно.

К тому времени я очень хорошо умел играть основные аккорды, и у меня был хороший слух, поэтому я включал пластинки и подбирал последовательности аккордов — практически все, за исключением соло. После этого я сказал себе: «Мне нужен комбик получше». На тот момент у меня был небольшой Фендер Делюкс. Я хотел себе Твин Реверб, потому что он был больше, но он был слишком дорогим. И я купил фузз, педаль Электро-Гармоникс Биг Мафф. Я подключил ее к Фендер Делюкс, и уверен, она звучала ужасно, но тогда мне казалось, что это улет.

У отца был двоюродный брат Эдди в Лонг-Айленде, который, как и Митч, был на десять или двенадцать лет старше меня, и он жил всего в двух милях от нас, так что я частенько его видел. Он был байкером, и жил в одном доме с парочкой других байкеров. У них в подвале была устроена комната для джемов с ударной установкой и кучей комбиков, и они все спускались туда и играли. Я следил за их творчеством, когда мне было восемь или девять. У них были Лес Полы, Гибсон ЭсДжи и Страты, «квакушки» и фуззы. Вот они подключаются, и ни с того, ни с сего эти чуваки в косухах с бородами и длинными волосами начинают жарить. Это было самое клевое из того, что я видел, и благодаря этому я еще больше захотел играть на гитаре.

Так же сильно, как я любил Битлз, Элтона Джона и Саймон и Гарфанкел, я определенно смотрел на них как на развлечение, вроде комиксов и фильмов ужасов. Так продолжалось до сентября 1975-го, когда я услышал «Rock and Roll All Nite» с альбома «KISS Alive!». Тогда я подумал: «О Боже, да ведь это совсем другое дело». Я устремился к их музыке как мотылек на свечу. Мы были в нашем желтом микроавтобусе Форд Торино примерно во время выхода альбома, и эту песню включили по радио. Я не знал, кто это. Песню не объявляли, а я никогда раньше не слышал KISS. Но я подпевал ей до конца песни. Родители орали, чтобы я заткнулся, потому что они не знали, что это за группа и для них это было слишком громко. А потом я сказал: «Кто это был??» Но ди-джей сразу включил следующую песню. Я подумал: «Ох, чувак, я так никогда и не узнаю, что это за группа! Это была лучшая песня из тех, что я слышал за всю жизнь, и так никогда и не узнаю, кто ее пел!»

Где-то на Хэллоуин я смотрел днем телек, щелкал все пять каналов, которые у нас тогда были, и остановился на ток-шоу, в котором четыре парня сидели в гриме. Я и понятия не имел, кем они были и что у них за история. Потом диктор сказал: «А теперь свой хит с нового альбома «Alive!» вам сыграют KISS, встречайте: «Rock And Roll All Nite»! Забавно, что в 11 лет мне не понравилось, как они выглядят. Я сказал тогда Джейсону: «Это же глупо. Кем они себя вообразили? Они выглядят как идиоты. Это что, группа? Почему они так выглядят?» Я просто не понимал. Элтон Джон был эпатажным, но он не одевался так, словно собирается сыграть в «шалость или угощение». The Who не носили грим и туфли на платформе.

Секунду спустя KISS начали играть песню, которую я услышал по автомобильному радио, и у меня просто отвисла челюсть. Я повернулся и сказал: «Мы должны пойти в музыкальный магазин прямо сейчас! Я хочу себе этот альбом! KISS, KISS, KISS!»

Уверен, четыре миллиона других одиннадцатилетних подростков в этот момент сделали то же самое. Их напор врезал прямо по нашему гребаному нервному центру, и мы врубились. Логично. Нас запрограммировали, вот именно. Я был одержим KISS в течение трех лет, с 75-го по 78-ой. Я любил и другую музыку, но все эти три года у меня на уме были только KISS.

Они были больше, чем жизнь. Другие группы пели о популярности, гастролях, о том, как цеплять телок. Zeppelin пели… да черт их знает, о чем пели Zeppelin — о каких-то лесных нимфах и леших. А Стоунз и блюзовики писали о том, какие телки плохие и какой суровой бывает жизнь. Я уже знал о том, какой суровой бывает жизнь, но еще не открыл для себя телок. KISS пели о бегстве, о том, как рвануть на другую планету и никогда не оглядываться.

Ночь в 1975-ом, когда родители усадили нас дома в Лонг-Айленде, чтобы сказать, что они окончательно расходятся, запомнилась мне так же, как и первое шоу Anthrax, прошедшее с аншлагом. Я помню, как они сказали: «Дело не в вас. Мы оба очень сильно вас любим. Но мы не счастливы и нам нужно расстаться». Я почувствовал огромное чувство облегчения и был по сути счастлив. Джейсон был расстроен не больше моего. «Ага. Ну, и кто будет выдавать нам на карманные расходы?» — это все, что он тогда сказал. Больше всего нас беспокоило, сможем ли мы по-прежнему часто видеться с отцом. Я почувствовал огромное облегчение от одной мысли, что теперь они не будут орать друг на друга 24 часа в сутки. Моя мама, Джейсон и я переехали обратно в Квинс, буквально в шести кварталах от того места, где

мы жили. Это было лучшее место. И вдруг я хожу в седьмой класс со всеми моими друзьями с первого, второго и третьего класса. Лонг-Айленд был как другой дикий мир, а теперь я вернулся в город, и я знаю всех этих людей! Мне было тринадцать, я ездил в школу на автобусе, курил травку, пил и слушал рок-н-ролл. Все изменилось к лучшему. Мама работала с девяти до пяти. Ее не было рядом, поэтому я присматривал за братом. У нас была полная свобода. Офигенно! В то же время я знал, что должен сделать все, что в моих силах, чтобы убраться из района Барауз. Я не хотел жить в Квинсе до конца своих дней. Я хотел сбежать и оставить свой след в этом мире.

В том же году моя бабушка по материнской линии умерла от рака. Для мамы это было слишком, и у нее случился срыв. Было много криков, воплей и хлопанья дверьми. Она начала больше пить. Как-то ночью отец поехал забирать ее с вечеринки какого-то друга, где она упилась в ебеня. По дороге домой мама открыла дверь и попыталась выпрыгнуть из машины, чтобы покончить с собой. Держа руль одной рукой, отец наклонился через сидение и одним резким движением запихнул ее обратно в машину и ударил по лицу так сильно, как мог. Она рухнула без сознания, и он смог закрыть боковую дверь. Хотя это не то, чего тогда хотела мама, той ночью он без сомнения спас ей жизнь. Вместо того, чтобы отвезти ее домой, он отвез ее прямиком в психбольницу и зарегистрировал ее в центре реабилитации.

Пока мама отсутствовала, отец приехал жить с нами. Мы не знали подробностей. Все, что мы знали, это что она больна, и отец останется с нами, пока маме в больнице не станет лучше. Близился мой двенадцатый день рождения, и те шесть недель, пока мамы не было, были очень даже ничего. Рано утром отец уходил на работу и не возвращался домой аж до семи часов, поэтому мы с братом тусили напропалую. Как психбольные, захватившие психушку. Я опустошал небольшие бутылки Скоуп и Листерин, наполнял их маминой водкой, чтобы мы с друзьями могли пить с них во время ежедневной поездки на автобусе в школу длиной в десять миль.

Кроме того, я тырил травку отца и курил между уроками. Он хранил эти скатанные в трубочку самокрутки в банке Sucrets. Я думал, что он увидит, что некоторых не хватает и выскажет мне, но этого не произошло.

Мои друзья хихикали как идиоты, когда курили, но меня никогда не вставляло. Казалось, что у меня иммунитет, но это было здорово, потому что все думали: «Черт, да Скотт может выдержать такой кайф». Это было хорошо для имиджа среди шпаны.

Когда мама вернулась домой, кое-что изменилось, но не так сильно. Каждую неделю она посещала терапевта по имени доктор Райс, и думала, что он передает слово Господа. Она выполняла все, что он ей говорил, и, думаю, он хорошо к ней относился, потому что она стала более психически уравновешенной и кричала на нас без причины ровно вполовину меньше обычного. Она вернулась к работе, чтобы содержать нас троих. Должно быть это было рутиной. Когда ты ребенок, ты не понимаешь, сколько твоим родителям приходится жертвовать, чтобы у вас на столе была еда. Пока мы веселились на улице, она пахала до седьмого пота, работая секретаршей и проклиная свою жизнь. Но долгие часы отсутствия мамы давали больше свободы нам с Джейсоном. Некоторые люди, которые выросли детьми работающих родителей, стали закомплексованными в будущем и разочаровались в жизни. Я никогда этого не понимал. Возможность быть самому по себе давала мне чувство независимости, развила во мне самоуверенность и что важнее всего — значила, что никто не скажет мне, что мне можно, а чего нельзя.

Мы просыпались и шли в школу, потом возвращались домой и следили за тем, чтобы обед был готов, а квартира была чистой. Когда все было сделано, мы шли гулять и без надзора гуляли до обеда. Я попадал в небольшие неприятности, но никогда не делал ничего очень плохого, потому что всегда присматривал за братом. Я знал, что мне придет пиздец, если меня куда-нибудь утащат копы, и он останется один на детской площадке. Я любил своего брата, и, думаю, именно это не позволяло мне заходить слишком далеко в опытах с алкоголем и наркотой. Я пил, чтобы ударило в башку, но никогда не терял рассудок. И я чувствовал себя клево и по-бунтарски, словно один из тех крутых парней во внеклассных мероприятиях по телеку, который рассказывал, как обходить проблемы стороной и избегать соблазна. Я любил соблазн, но знал, где провести черту.

С парой исключений, которые стали моей фишкой. Необходимость присматривать за Джейсоном не просто держала меня в узде, она дала мне чувство ответственности и помогла мне стать тем человеком, кем я являюсь сейчас. У меня была эта важная роль и я не хотел облажаться.

Некоторые подростки, с которыми мы тусили, уже имели проблемы с копами, будь то мелкие кражи или вандализм. И это при том, что у многих жизнь была куда хуже моей. Родители регулярно их избивали. Многие из них жили беднее нас и постоянно нажирались с тринадцати лет. Они пили пиво в банках из бумажных пакетов и искали с кем подраться. Я думал: «Это

совсем не кажется мне веселым. Теперь понятно, откуда ноги растут. Они собираются стать такими же, как их родители».

Многие из этих людей до сих пор живут в Бейсайде. Они никогда не уезжали. Стали пожарными или занимаются строительством. В этом нет ничего плохого, просто это не то, чего я хотел. И большинство из них стали алкоголиками. Я их не осуждаю. Многие рок-звезды — алкоголики. Я просто очень рано понял, что я таким не буду. Я слыхал о некоторых проблемных детях, которых копы сцапали за драки, воровство или вандализм, и что они в конце концов попали в исправительные школы. Я не знал, что это такое, но знал по тому, что слышал об этом со слов других, что не хочу там закончить. Я сказал себе: «К черту это говно, я уже радуюсь жизни». Мне не нужны были реальные проблемы, чтобы ловить кайф.

Большинство реально рехнувшихся подростков, с которыми мы тусили, знали, где я живу и что я не собираюсь бить витрины магазинов или совать зажженные петарды кому-нибудь в карман. Я забрасывал яйцами машины вместе с ними, крал комиксы и содовую из Гранд Юнион, чтобы показать, на что я способен, но никогда не совершал серьезного вандализма или насилия. Когда я научился пролезать в магазин и нашел лучший способ побега, я тырил упаковку из шести бутылок пива, что определенно помогало мне оставаться в хороших отношениях с остальными. У меня была своя цель. И я всегда был хитрожопым. Мне было чем похвастать, как и остальным, что позволяло мне остаться вне списка кандидатов на избиение и трусы на голове[7], в котором обычно оказывались дети моего возраста. Даже самые большие уебаны любили меня. Я никогда их не осуждал, и хотя я был маленьким крошечным ребенком, никто меня не доставал, потому что я всегда дружил с полными крейзи.

Был один парень по имени Кенни, который обычно выбивал дурь из подростков, если они ему не нравились. Но Кенни считал меня клевым, потому что я смешил его. Думаю, я жил опосредованно по отношению к нему и некоторым его рехнувшимся дружкам. Когда другие дети с района, которые не входили в нашу клевую банду, пытались проехать на своих великах по короткому пути к парковке торгового центра, эти малолетние преступники опрокидывали их байки, наезжали на них и трясли бабки. Если ты не платил четвертак за проезд, они протыкали шины и избивали тебя. На следующий день после того, как Кенни наехал на этих парней, я видел их в школе, и хотя они были гораздо больше меня, они только глянули на меня и убежали. Я всегда был самым маленьким ребенком в классе. Я не обидел бы и мухи, но я всегда дружил со всеми нужными людьми.

Никто меня и пальцем не трогал.

Поскольку не хотели сидеть дома, мы с братом практически жили на улице. Когда мама орала на нас и говорила, что мы превращаемся в малолетних преступников, я отвечал: «Почему мы просто не можем жить с отцом?», потому что отец всегда был спокойным и уравновешенным. Кроме того, он не осуждал нас, как она, вероятно, потому что мы не жили с ним, и он не работал на двух работах, чтобы свести концы с концами. Мы видели его дважды в месяц по выходным и каждую среду во время обеда, перед которыми мы испытывали видимое волнение. Временами это бесило маму, потому что она была невероятно напряженной одинокой женщиной, работавшей ради нас как вол, а нам было насрать. Мы просто хотели тусоваться с отцом. Остальное время мы делали то, что нужно по дому, а потом держались от нее подальше, занимаясь тем, что нам нравилось.

ГЛАВА 3
РОК-Н-РОЛЛ НОЧЬ НАПРОЛЕТ[8]

Когда закончилась школа и наступило лето, мы поехали в детский летний лагерь Кэмп Каюга в Хоунсдейл, штат Пенсильвания. Это было круто, ведь теперь я был в стороне от домашних ссор, мог тусить с другими детьми, заниматься спортом и плавать. Кроме того, я получил свой первый опыт общения с девчонками. Когда я жил в Бей Террес, большинство девчонок, которых я знал с седьмого по двенадцатый класс, были богатыми еврейками, типичными япошками. Моя семья едва принадлежала к среднему классу, и мы жили в очень крохотной двухкомнатной квартире, так что о свиданках можно было и не мечтать. Эти девчонки и дважды не взглянули бы в мою сторону. Но в Кэмп Каюга все только и делали, что веселились и занимались петтингом. Практически не имело никакого значения, как ты выглядел, если только ты не был полным уродом. И вожатым было на все насрать. Как только заканчивался день, они тут же закидывались, поэтому мы носились как угорелые. Там я познакомился со многими девчонками. Я никогда не отрабатывал ни одну из них до конца, но было много поцелуев, и говоря современным языком, глубокого петтинга.

Мне было двенадцать с половиной, когда я впервые словил оргазм с девчонкой. Ее звали Джули. Мы оба были молоды и понятия не имели, что делаем, но природа взяла свое, и мы догадались что делать, не доводя все до траха. Ни одна из тамошних девчонок не занималась сексом, включая Джули, потому что они боялись залететь. И все знали, что мы просто веселимся и все это не всерьез. Однажды Джули спросила: «А мы парень и девушка?» и я ответил: «Ну, я живу в Нью-Йорке, а ты в Пенсильвании. Наверное, нет».

Даже после лагеря я был счастливым ребенком. Некоторые были подавлены и угнетены, когда разошлись их родители, но когда мои предки пошли каждый своей дорогой в 1975-ом, у меня была куча музыки, я играл в бейсбол, зависал с друзьями и гонял на скейте — куда еще счастливее. Вне сомнения, 1977-ой стал золотым годом моей юности. Мне было тринадцать, Янкиз выиграли первенство, у меня состоялся мой бар-мицва[9], и я получил все свои подарки и чеки. Кстати, вся церемония была одним большим обманом. Я не знал иврита, потому что не ходил в еврейскую школу. Я мог бы ходить, но те мои друзья, кто ходил туда, ненавидели ее до глубины души. И я ходил достаточно на

их бар-мицва, чтобы понять, что не хочу три часа подряд петь стоя. Я сказал себе: «Я не хочу ходить еще в одну школу. Я лучше покатаюсь на скейте и поиграю в бейсбол».

Дело в том, что для моего дедушки было важно, чтобы у меня состоялся мой бар-мицва, поэтому родители нашли мне репетитора, и он написал мою часть Торы на английском. «Бух-рух-ах-тах, Адо-най…» Фонетическая запись была перенесена на бумагу, чтобы я смог ее прочесть. Вся церемония заняла около семи минут, но этого было вполне достаточно для дедушки. Он был счастлив, и это единственное, что имело значение. Время моего бар-мицва подошло как нельзя лучше. Я только-только всерьез заинтересовался скейтбордом. Этот спорт переживал вторую волну популярности. Первая волна пришлась на 60-е, когда у всех были эти крошечные деревянные доски с колесиками из камней. Это было довольно примитивно. С появлением колес из уретана в середине 70-х скейтбординг стал совершенно иным видом спорта, потому что ты мог маневрировать на доске с большей точностью и выполнять трюки, требующие реального мастерства.

Я получил свой борд от фирмы заказов по почте Вэл-Серф, размещавшей рекламу на последней странице журналов про скейтбординг. Я заказал доску ДжейЭндЭс Файберфлекс с колесами Роуд Райдер 4 и подвеской Трэкер. По тем временам это была хорошая сделка. Я обменял колеса Роуд Райдер после выхода Криптоникс. У моих друзей и брата тоже были скейты, и мы делали все, что было в наших силах, чтобы подражать скейтерам на картинках журналов. Видео тогда еще не было. По телеку не показывали программ про скейтбординг. Ты просто видел фото парня, выполняющего трюк, и пытался понять, какого черта он вытворяет. Как правило, мы съезжали с холмов Квинса так быстро, как могли. Мы, словно самоубийцы, убивали себя, падая с бордов, наезжая на колдобины со скоростью тридцать миль в час и расфигачивая свои руки и ноги. Мы носили защитные подушки для локтей и колен и на нас были джинсы, но если ты падал на высокой скорости, можно было порвать пополам пару толстых джинс. В тот момент моей жизни скейтбординг занял первое место перед бейсболом. Каждый день после окончания уроков я занимался только им, а когда не было школы, я катался весь день.

После бар-мицва я собрал все накопленные наличные, около 1100 баксов, и купил билеты на самолет для себя и брата в Лос-Анджелес, где мы гоняли на скейтах все лето. Подруга мамы, Бобби Цукерберг, разрешила нам пожить у нее в Лагуна-Бич, потому что в 1977-ом в Квинсе не было скейтпарков, но они были

очень популярны в Лос-Анджелесе. Мы жили в паре кварталов от океана, это был полный улет для двух подростков из Квинса. Единственное, что меня беспокоило, так это что я не знал, как мне следить за Янкиз, пока мы в Калифорнии. Я решил это маленькую проблему в один из первых вечеров нашего пребывания. Я сидел на крыльце с транзисторным радиоприемником и слушал игры Энжелс, потому что каждые тридцать минут или около того объявляли очки всех команд, участвующих в первенстве.

В той же степени, как я переживал за Янкиз, все время в Лос-Анджелесе было посвящено скейту. Его было хоть пруд пруди. Бобби работала медсестрой, поэтому каждое утро по дороге к больнице она высаживала нас в скейтпарке в Ирвине, а потом забирала нас в обед, когда заканчивалась ее смена. Это был наш детский сад. Мне было тринадцать, брату десять. Я и мечтать не мог о лучшем способе провести лето. Мы очень много узнали о райдинге по бассейнам и насыпям, видя, что вытворяют калифорнийцы. Мы постигали все эти уличные трюки и не могли дождаться, когда покажем наши новые умения нашим друзьям дома. И вдруг в последний день я сломал запястье.

Я заехал на шесть или семь футов по стене скейт-пула, и когда стал разворачивать борд на 180 градусов, чтобы съехать со стены, задняя нога соскользнула с борда. Каким-то образом я приземлился на боковую поверхность борда, а левая рука оказалась подо мной. Я услышал громкий хруст, увидел ослепляющую красную вспышку и почувствовал очень острую боль в запястье, которое уже начало распухать. Брат побежал ко мне, и я закричал: «Найди мой борд!», потому что когда я упал на него, он выскочил из-под меня и покатился. Он нашего его, потом мы позвонили Бобби на работу, она забрала нас и отвезла в больницу. Врачи осмотрели мою руку под рентгеном и увидели, что у меня перелом запястья. Они решили не вправлять его, потому что на следующий день я летел в Нью-Йорк и они беспокоились за опухшую руку. Врачи обмотали руку бинтом, наложили шину и сказали, что мне нужно обратиться к доктору, чтобы вправил запястье, как только я вернусь в Нью-Йорк.

Полет домой был полным отстоем. Боль в руке просто убивала меня, но приходилось терпеть. На следующий день мы отправились к доктору, чтобы вправить руку, и он посмотрел на меня и сказал: «Сделай глубокий вдох, будет больно». Затем он взял мою руку и вправил ее на место. В течение пятнадцати секунд я был в агонии, а потом боль ушла, и доктор наложил гипс на мою руку. Я проходил в гипсе шесть недель, и вот тогда я понял, что скейтбординг больше не является моим приоритетом

номер один. Одна только мысль, что я не смогу играть на гитаре в течение шести недель была более невыносимой, чем мысль о прекращении занятий скейтом.

Когда гипс сняли, первое, что я сделал, это взял в руки гитару. Я продолжал заниматься скейтбордингом, но никогда не выходил за уровень любителя. И несмотря на свою сильную любовь к гитаре, я еще не ассоциировал ее со средством своего будущего существования.

Поворотный момент произошел в конце 1977-го. 14 декабря я увидел KISS в Мэдисон-Сквер-Гарден. Я достал билеты в Тикетроне в Муншайн Рекордс, не выходя из торгового центра Бей Терес напротив того места, где я жил. Тогда нельзя было заказать билеты по Интернету или даже по телефону. Ты должен был ждать в очереди вместе с другими фэнами, некоторые из которых провели в палатке всю ночь. Мы встали очень рано утром и сразу пошли за билетами на KISS на все три шоу. И несмотря на это наши места были фиговыми — позади пульта звукорежиссера. Я до сих пор храню программку гастролей и футболку, купленную первой ночью. Ясен пень, она больше не налезает, но это отличный сувенир. Билеты стоили 6 с половиной баксов. Я заплатил за них сам. Это был первый раз, когда мама отпустила меня на концерт с друзьями без сопровождения отца или дяди. То, что мы больше не были на привязи, только добавило нам возбуждения.

Мы поехали на поезде. Зрелище шоу было полным улетом. Нас окружали 18 000 кричащих безумцев. Музыка была невероятно громкой, и мне потребовалось услышать пару песен, прежде чем я въехал в то, что слышал. И я все так же охреневал, прыгая вверх-вниз с моими друзьями. Когда мои уши адаптировались к громкости, мне просто сорвало крышу от того, как звучала группа. Джин пускал огонь, который я мог видеть, но тогда у них еще не было видеоэкранов, и мы были слишком далеко, чтобы увидеть, как он плюется кровью. Но даже само присутствие в этом зале с этой энергетикой было для меня жизнеутверждающим опытом.

Я уходил с арены со своими друзьями, чтобы спуститься к железной дороге Лонг-Айленд до Квинса, и сказал вслух: «Вот чем я собираюсь заняться. Вот оно. Я буду играть в такой группе, как KISS».

Я понимал, что необязательно буду плеваться кровью, пускать огонь и носить грим, но я хотел делать то, что делали эти парни. Я хотел писать и исполнять музыку, которую любил, находиться на сцене, отжигать на гитаре и иметь тысячи поющих фэнов. Это казалось лучшей работой в мире. В тот месяц мне

исполнилось четырнадцать, 31 декабря, и я уже точно знал, кем стану, когда вырасту.

После этого я начал проводить уйму времени в Манхэттене. Нужно было всего пятнадцать-двадцать минут, чтобы добраться до города на метро, поэтому после школы я сбегал в Гринвич Виллидж. Для четырнадцатилетнего подростка, увлеченного рок-н-роллом, Виллидж был сродни Диснейленду. Я освободился из тисков Квинса. Цепи были разорваны и ничто меня не сдерживало. Я знал, что когда соберу группу, которая будет чего-то стоить, мы поедем в Манхэттен. Я уже мечтал о том, что стану частью большого, лучшего мира. Зависая в музыкальных магазинах и магазинах гитар, я представлял, что у меня есть миссия и я на верном пути. Я собирался убраться из города и путешествовать по миру. Все время я думал только об этом.

В 70-х Нью-Йорке была мощная сцена диско, с местечками вроде Студии 54, для которой я был слишком молод и не выдержан, но эта музыка была повсюду. Шик, Виллидж Пипл и Донну Саммер все время крутили на радио, и улицы были полны дискомодников. В ответ на это безумие многие волосатики и рокеры запустили движение «Диско — отстой». У них были футболки и значки. Это напоминало политическую кампанию. Я запрыгнул в фургончик, потому что люди, с которыми я тусил, терпеть не могли диско. У меня даже была футболка «Диско — отстой». Но в тайне я обожал диско. Нил Роджерс, который хвалил Шик и выпустил несколько самых клевых песен всех времен, типа «We Are Family» Sister Sledge и «Le Freak» Шик — был потрясающим гитаристом. А Виллидж Пипл были знаменитыми сценическими поп-звездами.

Я до чертиков обожал многое из этой музыки. Грув был отличным, гитарные партии фанковыми и непосредственными, ритм заставлял тебя трясти задницей, но я остановился на теме УайЭмСиЭй[10]. Я любил диско, но терпеть не мог танцы. Одна только мысль танцевать буги ночь напролет была для меня не более заманчивой, чем удаление зубного нерва. Я был слишком застенчивым, чтобы получать удовольствие от танцев, и это одна из причин, почему я был тайным фэном диско. Но я всегда был откровенен по части музыки. Мой критерий отбора очень прост. Либо я любил это, либо нет, и только потому что я не любил что-то одно не значило, что я не попробую послушать что-то другое у той же группы и того же жанра. Я был открыт ко всему.

Кроме того, я был упрям как баран. Если я с кем-то не соглашался, особенно если это касалось музыки, я тут же давал об этом знать. Забавно то, что в общем и целом я был спокойным интровертом. Большую часть времени я жил в собственном мире,

думая о будущем. Я понимал, что если хочу играть на гитаре и выступать на сцене, мне придется стать экстравертом и бесстрашным парнем. Поэтому я отучил себя от такого мировоззрения. С самого начала я хотел бороться со стеснением, делать все, что потребуется, чтобы стоять на сцене в лучах света. В этом мире нет места страху.

Я думал о том, как ежедневно зажигаю перед кучей народа, почти каждый час — даже больше, чем думал о девчонках. Ни одна из девчонок, которых я знал, все равно не интересовалась рок-н-роллом, поэтому не скажу, что я упустил какую-то из них. Девушки вернулись в мою жизнь, когда я вернулся в детский лагерь в четырнадцать лет. (Сейчас, как отец маленького мальчика я заполню заявление в лагерь, когда ему исполнится четырнадцать — вот тогда приступай, Ревел).

В 1978-ом, когда мне было четырнадцать с половиной, я отправился в лагерь полного дня, полный милых, привлекательных девушек. Они получали свой первый вкус свободы и могли делать все, что захочется. Я уже говорил, что они были привлекательными? Все, чего хотели эти девушки, так это ласки, даже больше чем девчонки в Кэмп Каюга. Только действовало то же правило — не трахаться. Меня это вполне устраивало, пока никто не прикасался к моему члену с последнего раза, как я был в летнем лагере. Опять-таки, я занимался с этими девушками всем кроме секса, и делал это гораздо чаще, чем два года назад. Вдобавок, на этот раз я типа знал, что делаю, поэтому это не было неловко, но при этом было столь же волнительно.

Лета в Нью-Йорке были клевыми, потому что не задавали домашних заданий, и у меня не было причин сидеть дома. Потом я пошел в седьмой класс в IS 25 в Квинсе и после школы до глубокой ночи зависал с друзьями. Я тусил и с подростками старшего возраста, и для них было обычным делом, что они не появлялись дома до 11 часов вечера в учебное время. По выходным не было комендантского часа. Мы ходили на бейсбольное поле или в парк вниз по улице, или к кому-нибудь домой послушать пластинки или бухануть. Иногда мы ездили в город. Я не терял над собой контроль. Я никогда не делал больших глупостей. Но для моей мамы это не имело значения. И однажды, когда я пришел со школы, она решила, что комендантский час для меня теперь будет начинаться в 9 вечера.

Я сказал: «К черту это дерьмо». Вовсю шли тусовки, где можно было потусить с цыпочками. «Я тебе не ребенок, черт возьми. Я не буду приходить домой в 9 вечера».

Поэтому я приходил домой, когда хотел, и мама кричала на

меня. С минуту я огрызался, а потом шел спать. Всегда одно и то же: «Я не понимаю, зачем мне надо быть дома так рано. Все мои друзья…»

«Да мне плевать, что делают твои друзья» — кричала она, да так громко, что будила брата. «Это мой гребаный дом и мои гребаные правила!»

Видимо материться было нормально, а вот приходить поздно домой — запрещено. Я сказал ей, что мне есть с кем потусить и у меня своя жизнь, и мне на фиг не упал какой-то комендантский час. Она схватила меня за руку и сказала: «Ты пойдешь к доктору Райсу. Тебе конец. Я упустила тебя. Это моя ошибка. Но тебе придется измениться».

Она записала меня к чудо-доктору, и, должен признать, я немного нервничал. Я мог бы отказаться идти, но потом решил подыграть. Я к тому, что я не обязан был слушать этого чувака. Мы зашли в его офис в Грейт Нек, Нью-Йорк, и я увидел доброго, спокойного мужчину около шестидесяти. Он попросил маму выйти из офиса, и я сел в одно из кресел психиатра. Волноваться было нечему. Мы говорили около тридцати минут. Он спросил меня про школу, друзей, мои цели в жизни, что мне нравится делать и почему для меня проблема приходить рано домой. Потом он спросил, какие у меня отметки в школе. Я сказал: «У меня отличные оценки, в основном пятерки, иногда четверки». И он спросил: «Ну, тогда я действительно не понимаю, в чем проблема. Ты пьешь или принимаешь наркотики?» Я сказал, что время от времени покуриваю травку, и иногда пью пиво, водку и апельсиновый сок, но только во время вечеринок. Я едва ли напивался так, что потом у меня было похмелье.

Доктор Райс попросил маму войти и попросил сесть. «Послушай, Барбара» — сказал он. «Я буду краток, потому что, думаю, тебе нужно взглянуть на тот факт, что Скотт получает хорошие оценки и пока на его оценки не влияет то, чем он допоздна тусуется с друзьями, я не вижу проблем в его распорядке».

Я посмотрел на доктора Райса как на супергероя. Он имел безусловный авторитет, и мама ему безоговорочно доверяла. Она потащила меня туда, думая, что доктор Райс взгреет меня. А он встал на МОЮ сторону! Я сказал: «Вот видишь! Вот видишь, мам! Я же говорил, что не делаю ничего дурного». И она ответила: «Ладно, но с этого момента, если твои оценки станут хуже, если придет твой табель успеваемости, и он будет не так хорош или лучше, чем предыдущий, тогда в силу вступит комендантский час. Как тебе такие правила?» Я сказал, что меня это устраивает. Это была настоящая сенсация.

Я вдруг понял правила игры. Все, что мне требовалось, это не съезжать в успеваемости, и я мог делать все, что угодно, бля. Вот оно! Доктор Райс открыл мне секрет жизни. Какими бы ни были правила — будь то не отставать по успеваемости, радовать своего босса, писать хорошие песни, быть отличной концертной группой — делай счастливыми тех людей, которые позволяют тебе делать то, что ты хочешь, и можешь заниматься в жизни чем угодно. Благодаря доктору Райсу я сказал себе: «Вот оно, чувак! Теперь я взял жизнь за яйца».

Это был как глоток свежего воздуха, потому что школа мне давалась легко. Я был умным ребенком. Если я выполнял абсолютный минимум, то получал четверки, а если налегал на учебу, то получал одни пятерки. Так что мне нетрудно было поддерживать на уровне свои оценки в средней школе. Теперь, когда социальная жизнь была под контролем, оставалась только одна вещь, которой реально не хватало — денег. Каждую неделю мы получали пять долларов на карманные расходы, и я понимал, что их не хватит на комиксы, пластинки и билеты на концерты. Мама была помешана на идее, чтобы я нашел работу. Если я лежал на диване, смотрел телек и ничего не делал, она кричала: «Оторви свою задницу и найди работу!»

Могла бы и не нести эту ЧУШЬ. Я всегда хотел зарабатывать деньги, чтобы стать независимым и не просить других купить мне что-либо. Когда ты ребенок, ты во власти своих родителей, когда дело касается финансов. Я хотел прекратить это как можно скорее. Не считая уборки снега, первый раз я сделал попытку заработать деньги, когда мне было двенадцать. Мы по-прежнему жили в Лонг-Айленде, и я получил работу по доставке Лонг-Айленд Пресс. Я вставал в шесть утра, а меня уже ждали огромные связки газет. Я запихивал столько, сколько влезало в корзину моего байка, и ездил по району, бросая газеты людям в дома. Иногда шел проливной дождь, и мне приходилось класть газеты в маленькие пакетики, похожие на кондомы для газет. Тормоза на байке были в воде и дышали на ладан. Пару раз меня едва не сбила машина. Очень скоро я понял, что доставка газет — не то, ради чего стоит рисковать жизнью. Я ненавидел эту работу, да и зарплата была ужасной. Пришел конец недели, и я пошел к парню, ответственному за распределение маршрутов, и он дал мне около десяти баксов.

Самая дерьмовая работа из тех, что у меня были, это уборка в рыбном магазине торгового центра напротив нашего дома. Тут платили больше, чем за доставку газет, но я приходил домой, воняя рыбой, и это было чертовски отвратительно. Я мылся под душем из очень горячей воды и мыл руки где-то по десять минут,

но все равно не мог избавиться от этого запаха. Казалось, никто не замечает, но мне это напоминало Леди Макбет, пытающуюся смыть кровь со своих рук. Единственным плюсом в этой работе было то, что я приносил домой бесплатных креветок. Маме это нравилось. Через какое-то время меня от них стало тошнить, и я ушел оттуда и устроился на следующую дерьмовую работенку.

Основы рок-н-ролла мне передали родители и дядя. Я любил Элтона Джона, The Who и KISS. Я знал о Black Sabbath. Но лишь в средней школе IS 25 я узнал о хард-рок и хэви-метал. Была небольшая группка волосатиков лет восьми-десяти, которые сидели вместе за ланчем и говорили о музыке. Что бы мы ни услышали с моими друзьями, мы всегда искали что-то погромче, побыстрее и потяжелее. Мы хотели найти самого безумного барабанщика, самого дикого вокалиста и гитариста, который издавал самые безумные звуки. Наша одержимость выходила за рамки странности. Мы нарисовали схему и вписали имена всех этих музыкантов: Ричи Блэкмор, Эйс Фрейли, Джимми Пейдж, Джо Перри, Рик Нильсен, Тед Ньюджент, Тони Айомми. Потом мы ходили по школьному буфету и просили поставить этим гитаристам оценку от одного до десяти. В течение двух лет Ричи Блэкмор становился лучшим соло-гитаристом, пока мы не услышали первую пластинку Van Halen, и тогда мы перестали делать списки, потому что никому и в голову не могло прийти, что может быть гитарист лучше Эдди Ван Халена.

Один парень, Дэвид Карибиан, начал каждый день таскать с собой крошечный магнитофон, и мы слушали разные кассеты. Вообще-то именно он познакомил нас с Van Halen. Однажды он принес на кассете «Eruption», это потрясающее гитарное соло Эдди Ван Халена было как концерт с другой планеты. Когда мы подошли к столу, он сказал: «Парни, погодите, сейчас вы услышите такое!» И он нажимает «плей», и у восьми-девяти человек просто отваливается челюсть. Они и понятия не имеют, что они такое слушают и как это вообще возможно. А потом зазвучала супер насыщенная гитарой версия «You Really Got Me» Kinks, и мы сказали себе: «Ни хрена себе, да кто ж это такой??»

Сразу после школы я отправился в магазин звукозаписей и купил «Van Halen». Еще один чел, Злотко «Золотой» Новкович, тоже притащил группы, о которых никто и не слыхал. Однажды он спросил меня: «Ты слышал AC/DC?» Я ответил: «Нет, а что это?»

«Ооо, чувак, они офигенны! Они из Австралии, играют очень-очень тяжелый хард-рок, наверное, это самая тяжелая группа из всех, что я слышал!» Он включил «Powerage» за ланчем. Помню, что в голове у меня были две мысли: «Ух ты, гитара звучит так

клево» и «ТАКОГО вокала я не слышал никогда». Бон Скотт не был похож ни на кого. Его голос был очень дерзким и буквально источал высокомерие. Он словно смеялся тебе в лицо, когда пел. Все, о чем я думал тогда, это: «Ничего себе, у него голос как у хренова пирата». Мне нравился их гитарист Ангус Янг еще до того, как я узнал, что он носит школьную форму, катается по сцене и забирается Бону на плечи во время шоу. «Riff Raff» была безумно быстрой. Я сказал себе: «Господи, как же ты так быстро играешь?» Как будто кто-то дал Led Zeppelin по яйцам и сказал им взять себя в руки. AC/DC быстро стали моей любимой группой, потому что KISS уже выпустили «Love Gun» и сбавили обороты. Я стал интересоваться более тяжелой музыкой.

Между 1976-ым и 1979-ым я впервые услышал около двух сотен групп, потому что каждый день кто-нибудь приносил что-то новое: Aerosmith, Rainbow, Thin Lizzy, Judas Priest. И вот наступил 1980-ый, лучший год для хард-рока и метала вообще. Оззи Осборн выпустил «Blizzard Of Ozz», Judas Priest — «British Steel», Black Sabbath — «Heaven And Hell» с вокалистом Ронни Джеймсом Дио, который поддерживал группу после того, как выперли Оззи. Iron Maiden выпустили свою дебютную пластинку, а еще вышла «Ace Of Spades» Motorhead. Охуеть — не встать!

Каждую неделю я ходил в Мьюзик Бокс со своими друзьями и покупал от трех до четырех пластинок. Нам приходилось буквально драться за них. В конце концов мы откопали магазинчик Бликера Боба в Уэст Виллидж на Уэст Сёд Стрит, 118. Однажды я буквально пытался вырвать первый альбом Iron Maiden из рук моего другана. Я увидел на обложке Эдди, талисман группы, и подумал: «Клевое оформление в духе зомби-хоррора. Наверное, это что-то стоящее».

У нас была решительная борьба с этим парнем по части того, кто купит эту пластинку. После пары удачно подобранных слов, а может, потому что мой друг не хотел тратить шесть или семь баксов на группу, которую даже не знает, я победил. Если бы я не победил, я бы пришел домой и взяв свой говенный маленький рекордер, на котором приходилось двумя пальцами нажимать «плей» и «запись», принес его домой к другу и держал его перед колонкой, чтобы записать альбом на кассету, чтобы у меня было что послушать, пока я не найду другую копию. Да, она звучала безобразно, ну и что? Другого способа мы не знали. Когда я слышу пиздеж в духе: «Ненавижу MP3, у них говенный звук», я всегда говорю: «Да иди ты на хер, ублюдок, ты и понятия не имеешь, что такое говенный звук, тоже мне проблема века».

Когда альбом был у меня, я принес его домой и аккуратно снял целлофан с конверта пластинки. Я не хотел повредить ни

одну обложку, потому что они были словно произведение искусства. Это одна из тех вещей, которая была полностью утрачена при переходе на компактдиски, а теперь и на MP3. Большинство детей не знают, чего лишись. Я снял пластик с конверта альбома Iron Maiden и вынул пластинку, которая лежала в белом бумажном конверте. Я аккуратно вытянул руку и вынул черный двенадцатидюймовый диск. Осторожно держа его за края, я поместил сверкающую, бороздчатую пластинку на диск проигрывателя и опустил иглу. Заиграл гитарный рифф стаккато и вау-вау контрапункт «Prowler», и я сразу подумал: «Вот тебе на хуй! Да это лучшая группа в мире! Жду не дождусь, когда расскажу о ней своим друзьям».

На следующий день меня переполняло волнение. «Парни, парни, парни! Вы уже слышали Iron Maiden?» И четверо из нашей банды отвечают: «Ясен перец! Еще в прошлом месяце».

Хотя как-то раз я первым успел достать кое-что особенное. Я был в Мьюзик Боксе, и увидел «Ace Of Spades» Motorhead. Я слышал о Motorhead, но не был знаком с их музыкой. Короче купил я ее и принес домой, и с волнением поставил на проигрыватель. И вот заиграла первая песня «Ace Of Spades». Она была очень быстрой с громыхающим басом. Гитары просто сорвали мне чердак, и тут вступил вокал. Он был хриплым и резким, но при этом мелодичным. Я никогда не слышал ничего подобного. В 1980-ом они играли на раз-два самую быструю, тяжелую и агрессивную музыку на планете, и буквально вынесли мне мозг! Я снова посмотрел на обложку и подумал: «Кто эти три мексиканца и как им удается так быстро играть?» Я и понятия не имел, что они англичане! Они выглядели как бандиты, все в коже с ковбойскими шляпами на голове, и стояли посреди пустыни. Казалось, они готовятся к перестрелке. Естественно, когда я включил ее друзьям, всем она понравилась, и, бах, Motorhead стали одной из моих любимых групп. Как на гитариста они оказали огромное влияние на меня и на ранний Anthrax.

Но AC/DC были по-прежнему моей любимой группой, поэтому среднее имя моего сына — Янг. Услышав пластинку «Powerage», я пошел и купил весь их бэк-каталог — «High Voltage», «Dirty Deeds Done Dirt Cheap», «Let There Be Rock», они все улетные, полные налета блюза, неряшливости и мощи. Они приезжали в Нью-Йорк и хэдлайнили в Палладиум. Я отчаянно сгреб все свои никели и даймы, но уже потратил все карманные деньги на Cheap Trick, поэтому мне не хватило на AC/DC. По той же причине я так и не увидел Thin Lizzy. У меня был еще один шанс увидеть AC/DC, когда они хэдлайнили в Гарден в 1979-ом в туре «Highway To Hell». Но опять-таки я был на нуле. Я подумал,

что смогу их увидеть, когда они приедут в следующий раз.

К несчастью Бон Скотт умер в следующем году. Он умер после ночи сильного запоя. Друг оставил его в машине, где он захлебнулся собственной рвотой и умер. Я узнал это от друга в школе. Поначалу я не поверил ему и подумал, что или его дезинформировали, или он разыгрывает меня. Потом я услышал сообщение по радио. У меня было такое чувство, словно меня ударили в живот. Смерть Бона очень сильно потрясла меня, возможно отчасти потому, что я никогда не видел его живьем, но еще потому, что он был моим первым настоящим героем рок-н-ролла, который не дожил до тридцати пяти. Джимми Хендрикс умер, когда мне было семь, и я помню, как родители говорили об этом, но меня это особо не поразило. Бон был моим любимым вокалистом, и я не мог поверить, что он мог упиться до смерти. Он казался неуязвимым. Я до сих пор кусаю локти, что пропустил те два шоу в Нью-Йорке.

ГЛАВА 4
ANTHRAX. НАЧАЛО

К средней школе моя единственная цель была проще некуда — поиграть с другими парнями и сколотить группу. Я никогда не был одним из тех детей, которые сидят в комнате, репетируя на соло-гитаре по восемь часов кряду. Это было не по мне. Я хотел зависать с другими музыкантами, джемовать реальные вещи, будь то кавера или что-то свое. Если б я сидел в этой крошечной паршивой комнатушке шесть-на-шесть, репетируя, у меня бы просто чердак съехал. Я был настойчивым и настырным, и мне было плевать, что я не умею пилить соляки как Эдди Ван Хален. Я понял, что единственный способ добиться успеха — это свалить и выступать с концертами в Манхэттене.

Бывало я почитывал журнальчик «Rock Scene» и смотрел на фотки Ramones в Гилдерсливс и CBGB, где они тусили в 76-ом. Я тоже хотел там потусить, но был слишком молод, чтобы попасть туда. Так что мне пришлось дождаться, пока CBGB начнет проводить хардкор-шоу, когда уже стал чутка постарше. Несмотря на это, Ramones оказали на меня огромное влияние, потому что они жили в Форест-Хилз, до которого от моего дома было от силы миль пять. Они были кучкой длинноволосых чуваков в Леви, косухах и футболках, и я выглядел точь-в-точь как они. Я говорил себе: «Ты только глянь на этих парней! Их показывают по ящику. Они колесят по миру. И они родом из Квинса!» Тогда я еще не знал, что KISS тоже из Квинса. Тогда о KISS никто ничего не знал, потому что участники группы ничего не рассказывали о себе в интервью. Их ранняя история была для всех загадкой. Но Ramones гордились, что они родом из Квинса. Я как-то пошел посмотреть на них в Квинс Колледж, и подумал тогда: «Если они это могут, то и я смогу. Они ж такие, как я».

Вот что было клево в таких группах, как Ramones и Sex Pistols. Они привнесли в рок-музыку дух «сделай сам». Теперь тебе не нужно было быть опытным музыкантом с потрясающими способностями. Коль скоро у тебя были воля и упорство, ты мог сколотить группу и выйти на сцену. А уж этого добра у меня было навалом.

Я нашел остальных музыкантов через листовки, которые они оставляли в музыкальных магазинчиках, и мы стали джемовать песни Black Sabbath, Deep Purple, Thin Lizzy, AC/DC и даже Judas Priest. Казалось, что может быть круче. А потом я потерял свою невинность.

Это случилось на Файер-Айленд в смежном доме, который мама арендовала с какими-то людьми. Каждый уикенд мы ездили туда на пляж. Однажды я познакомился с девушкой по имени Сьюзи, которая была на пару лет старше меня. Мы были там три дня, и я ей сразу понравился. Я едва выдавил из себя хоть слово. Мне было 15. Я не играл с ней в любовные игры и действий никаких не предпринимал. Но первой ночью, когда мы вместе сидели на диване, она начала целовать и обнимать меня. Это было похоже на одно из писем с форума Пентхаус.

«Дорогой Пентхаус, вы не поверите, что со мной произошло на днях…» Той ночью мы не трахались, но на следующий вечер она поставила саундтрек «Лихорадка субботнего вечера». Как я уже сказал, я никогда не был против диско, но ТОЙ ночью я просто ОБОЖАЛ Bee Gees. Все пошли спать; родители были в постели. И там же, на диване, Сьюзи просто набросилась на меня. Мы были всего в нескольких футах от наших кроватей. Мама могла в любой момент войти через гостиную.

Я спросил, девственница ли она, и она ответила нет. Это я уже понял по ее настойчивости. Я нервничал, и сказал: «Нууу…а я да». И она такая: «Об этом не переживай».

Она расцеловала меня с ног до головы, положила мою руку на свои штаны, сорвала с себя шортики, потом лифчик и вывалила свои сиськи, а потом за три секунды расстегнула мои джинсы. Она была быстрой как Али, и забив на предварительные ласки, она запрыгнула на меня и направила меня внутрь себя. С этого все и началось. Некоторые вещи случаются сами собой, даже у тех гиков, которые играют с солдатиками и обожают «Фантастическую Четверку».

Я такой: «Ничего себе, ты рулишь! Может съездишь со мной домой, чтобы я показал тебя всем своим друзьям? Никто не поверит, что я трахаю горячую семнадцатилетнюю девушку». Лучше варианта потерять девственность и представить нельзя. Но хотя я ночевал в гостях, тусуясь с другими детьми, и пытаясь сдвинуть свою карьеру с мертвой точки, в следующий раз я потрахался только через два года. Это было с девушкой, которая станет моей первой женой, Мардж Гинзбург.

Перед этим я познакомился со своей первой полусерьезной девушкой Ким Айзенберг. У нее были длинные каштановые волосы, и она была немного выше меня ростом. Я встретил ее во Флориде, потому что ее бабушка и дедушка жили в том же микрорайоне, что и мои. Мы понравились друг другу и продолжили отношения в Нью-Йорке, когда я уже учился в младших классах средней школы. Она жила на Кони-Айленд и еще не водила машину, поэтому мне приходилось совершать

двухчасовую поездку на нью-йоркском метро, чтобы повидать ее. Мы виделись не так уж часто, но пробыли вместе около года. Она хорошо ко мне относилась, и мне нравилось говорить друзьям, что у меня есть девушка. В конце концов ездить туда-обратно стало слишком напряжно, и мы расстались. Еще одна причина разрыва в том, что мы не спали вместе. Я явно этого хотел, но она сказала, что не готова.

Один раз мы и в самом деле попробовали. Мы были на вечеринке у моего друга Ричи на первом этаже здания, в котором жили, а она приехала из Кони-Айленд. После того, как моя мама пошла спать, мы пробрались в мою комнату, и я попытался сделать свое черное дело, но меня ожидал полный провал. Она особо и не хотела, а я никогда раньше даже не пытался одеть презерватив. Я нервничал, потому что он не налезал как надо, и сказал: «К черту эту резинку. Я не могу ей пользоваться. Ничего не выходит». А она такая: «А без нее я не буду!»

«Ну тогда я не буду ни с ней, ни без нее!» — огрызнулся я в ответ. Мы вернулись на вечеринку, и спустя два дня она позвонила мне и выдала фразу в духе «может нам лучше попробовать встречаться с кем-то другим». Тогда мне было плевать. Все, что я хотел, это играть музыку.

И хотя это никак не было связано с этим неудачным опытом, но моя первая группа Four-X, была названа в честь презерватива. Мы просто выбросили «е» и добавили дефис, чтобы на нас не подали в суд. Группа состояла из меня и парочки моих друзей: Дейв Вайс, которого я знал по району, стучал на ударных. Пол Кан играл на басу и Нил Стопол на вокале и гитаре. Нил был одним из первых, кого я встретил после того, как мои родители расстались, и мы с братом вернулись обратно в Бей Террес. Подружились мы сразу. Four-X выступили на конкурсе талантов в бейсайдской средней школе. Тогда мы играли только кавера, но я считал, что мы очень хороши. Это было весело, и мы хорошо играли. Но Four-X долго не продержалась, потому что нам не хватало понимания. Я считал Дейва отличным барабанщиком. Я до сих пор дружу с Нилом, но, честно говоря, мне было не очень комфортно с ним, и я думаю, он тоже это чувствовал. Так было до встречи с Денни Лилкером, который был на год меня старше. Вот тогда частицы пазла начали складываться в Anthrax.

Дэнни был высоким худощавым парнем с кудрявыми волосами, которые он специально отращивал. Он постоянно носил рок и метал футболки и казался парнем, с которым я смогу найти общий язык. В школе у него была кликуха Бетховен, потому что у него были идеальные ноты, и он мог сыграть все, что угодно. Не успел он услышать что-нибудь, как тут же играл, вне

зависимости от жанра. Я познакомился с ним в 1979-ом, когда учился в младших классах, а он учился в десятом классе, и мы участвовали в проекте продленки Син Бэнд. Эта группа актеров рисовала скетчи и пела, а мы играли музыку как группа сопровождения. Это была та музыка, которую можно услышать в бродвейских мюзиклах, и я всегда терпеть не мог эту «шляпу», но благодаря ей я смог выступить перед зрителями.

Я узнал, что Денни живет всего в паре кварталов от меня, и каждый день шел мимо его дома по дороге в школу, заходил за ним, и мы шли в школу вместе. Мы начали вместе зависать и стали очень хорошими друзьями. Однажды мы заговорили о наших семьях, и оказалось, что у него тоже все было наперекосяк в жизни. Его сестра была заядлой наркоманкой. Один раз она ширнулась в фургоне прямо у меня на глазах. Увидев это, я чуть в штаны не наложил. Я сказал себе: «О, Боже, я слыхал об этом только по ящику». Денни воспринял это спокойно. Было видно, как это расстроило его, но он не хотел вмешиваться. У нас обоих были другие приоритеты в жизни.

В то время он играл в группе под названием White Heat, которая выступала с концертами в Манхэттене, включая Грейт Гилдерсливс, и они играли только свои вещи. Я трепетал перед ними и завидовал им. Их гитарист Питер Зиццо был первым парнем из тех, кого я знал, кто умел лабать все соляки Ван Хален. Он был шреддером и имел в распоряжении оборудование, о котором я мог только мечтать: гитара Шарвел, убойный усилок Маршалл. Я тащился вместе с Денни на их репетиции как преданный групи. Марко Шухан, вокалист White Heat, был высоким чуваком с длинными волосами и жил в Манхэттене. Для меня это была мечта. О, Боже! Свалить из Квинса и переехать в реальный город. У меня даже мыслей не было, как этого добиться. Даже в то время город был очень дорогим удовольствием. Чтобы играть в группе и жить там, тебе нужно было иметь контракт на выступления и запись. Все это пока мне и не снилось. Я только хотел собрать классную группу.

White Heat не были классными, но у них были кой-какие хорошие песни и они умели заводить толпу, даже в городе. Каждый день, когда мы шли в школу, я говорил Денни: «Эй, когда White Heat распадутся, мы вместе создадим свою группу». Он смеялся, и мы продолжали идти. Еще до того, как у нас с Денни появилась группа, у нас было готово название для нее. Он узнал о бактериальном заболевании «сибирская язва» на естествознании, и однажды он повернулся ко мне и сказал: «Ты когда-нибудь слышал о сибирской язве?» И я ответил: «Нет, что это? Звучит клево».

Так и появилось Anthrax. Я говорил ему: «Когда распадутся White Heat, мы создадим группу Anthrax». Тогда никто не знал, что террористы в конечном итоге станут использовать ее для начала биологической войны. Мало кто вообще знал, что это инфекционное заболевание, которое обычно поражает диких животных. Оно просто звучало в духе метала. Денни бывало отвечал: «Мы не распадаемся. О чем ты? Мы только что записали очередное демо и выступаем с шоу». А я ему: «Да, как скажешь, но если вы развалитесь, мы с тобой создадим группу и будем колесить по миру с гастролями».

Это был худший кошмар для мамы. В ее мечтах я должен был стать доктором, дантистом или юристом. Это еврейский символ успешного воспитания, именно поэтому в этих профессиях так много Голдбергов и Финкельштейнов. Я и со счета сбился, сколько раз мама говорила: «С чего ты взял, что добьешься успеха в музыкальном бизнесе? Все хотят играть в группе. Все хотят попасть на телевидение, все хотят стать известными. С чего ты взял, что это получится именно у тебя?»

«Потому что, я собираюсь этим заниматься, ма» — ответил я. «Я хочу попытаться. Я должен хотя бы попробовать».

«Ты теряешь время» — говорила она. «Ты должен ходить в школу. Ты должен ходить в колледж. Ты должен найти настоящую работу и зарабатывать деньги».

Все это влетало в одно ухо, и вылетало в другое, потому что я знал, чего хочу, и мне было насрать, что она там говорила. У мамы был пунктик на этот счет, но я бы ни за что не позволил себя остановить, ни-ког-да. «Мам, а что может случиться плохого?» — спрашивал я. «Я попробую, и если не получится, ты можешь сказать: «Я же говорила». Я всегда могу потом вернуться в колледж. Я всегда могу найти работу, поэтому я должен попробовать хотя бы пару лет заниматься музыкой. Я должен попытаться».

В той же мере, что я разбил ее представление о том, что делает хороший сын, она попыталась разбить мои мечты и не приняла моих аргументов.

«Ни один мой сын…» — начинала она. Я вздыхал и думал: «Бляяя, опять она за старое». Единственное, что могло огорчить ее еще больше, это если бы я ушел из дома и стал водителем гоночного болида. Я мечтал об этом, когда был маленьким, а она заорала: «Только через мой труп!» Я всегда думал, что она должна быть счастлива, что я просто хочу стать музыкантом и не стремлюсь к РЕАЛЬНО опасной карьере.

Начиная с 1980-го я был решительно настроен сколотить Anthrax и начать выступать с концертами. Для меня не

существовало такого понятия, как провал. К тому времени я уже вырос из комиксов. Я хотел стать Стивом Харрисом, я хотел стать Гленном Типтоном или Лемми. Эти парни были моими героями, и, несмотря на то, что они казались недосягаемыми и неприкасаемыми, я чувствовал свое родство с ними. «Я играю метал, они играют метал» — решил я. «Они тоже где-то начинали, и посмотри на них сейчас. Мне всего лишь нужно найти нужных чуваков для группы. Я должен прилагать еще больше усилий».

Мама упорно не обращала внимания на все, что я делал в музыке. Честно говоря, ничего другого я и не ожидал, поэтому мне было плевать. У меня были друзья, отец и брат, у меня была поддержка первой настоящей девушки, которая занималась со мной сексом. Я встретил Мардж на вечеринке общего друга. Это было начало 1981-го, всего за несколько месяцев до окончания средней школы. Она носила тесный зеленый свитер и джинсы, у нее были добрые, теплые глаза и приятная улыбка. Мы разговорились и хорошо поладили, но я не заигрывал с ней или что-то в этом духе. Я не мог клеить девушку, если она весила тридцать пять фунтов и я мог запросто взять ее на руки.

А потом я услышал, что нравлюсь ей. Это придало мне уверенности, чтобы пригласить ее на свидание. Мы начали встречаться, что было здорово, потому что она была клевой, и по ней было видно, что я ей нравлюсь. Любая девушка, из тех, с кем я был до этого, смотрели на меня как на того, с кем можно предаться ласкам, а не с тем, с кем просто приятно быть вместе. Она не была большой поклонницей музыки, но считала, что клево, что я играю на гитаре и собираю группу. Она была на год старше меня и училась в бронкской средней школе естествознания. Туда ходили только умные дети. Она тратила много времени на учебу, поэтому мы виделись всего раз или два в неделю, что было хорошо для меня, потому что я был рад иметь серьезные отношения, но при этом мне хватало времени, чтобы сосредоточиться на музыке и не тормозить. Группа была важнее любых отношений, семьи, школы, всего.

Весна 1981-го принесла тот момент, которого я так долго ждал. White Heat распались из-за музыкальных различий, как я и предрекал, и мы с Денни создали Anthrax, в две гитары. Уже что-то. Мы были лучшими друзьями. Мы тусили буквально каждый день и у нас были схожие музыкальные вкусы. Дейв Вайс и Пол Кан перешли со мной из Four-X, и вокалист Джон Коннелли, который ходил с нами в одну школу, а позже основал с Денни Nuclear Assault, пел у нас.

Джон бывало бродил по коридорам Бейсада с саксофоном на шее и всегда носил 32-унцевую бутылку Пепси в руке. Чаще всего

он носил черные джинсы, черные туфли, черную рубашку и воротничок священника. Джон был странным, но в хорошем смысле. Денни дружил с ним еще до нашего знакомства, и привел его в группу. Наша первая джем-сессия прошла 18 июля 1981-го, и все казалось сработало как надо. Получилось очень хорошо, и мы подумали, что группа звучит очень здорово. Именно тогда мы решили создать группу и назвать ее Anthrax.

История — забавная штука. Нас назвали одной из четырех крупнейших трэш-метал групп, и это большая честь. В состав Metallica, Slayer и Megadeth входят одни из самых творческих и талантливых музыкантов на земле. И когда трэш-сцена была на своем пике, эти парни играли с большей скоростью и живостью, чем кто-либо другой. Anthrax также стали группой, которая жаждала играть быстрее, чем кто-либо другой. Но поначалу безумная скорость появилась из того факта, что мы еще не были так уж хороши как музыканты. Адреналин зашкаливал в крови, с этого все началось, и вдруг Дейв стал ускоряться, а мы бренчали вовсю, пытаясь поспеть за ним. Мы даже кавера играли чересчур быстро.

Первое наше шоу прошло во Флашинге, Квинс, в подвальчике церкви Святого Епископа Джона. Мы продали билеты друзьям по три доллара за штуку, и на шоу собралось около тридцати человек. В церкви стояло фортепьяно, и мы открыли концерт «Prelude» Judas Priest, которую исполнил Денни Лилкер за форте. Это вступление к альбому «Sad Wings Of Destiny». Форте не было подключено, но его было слышно, потому что ничего другого подключено не было. Потом Денни выскочил из-за фортепьяно, залез на сцену, схватил свою гитару, и мы грянули «Tyrant» Judas Priest. Большая часть шоу была каверами, но мы также сыграли пару вещей Денни со времен White Heat — «Hunting Dogs» и «Satan's Wheels». Я вспоминаю об этом сейчас и мне кажется, что это было ужасно, но при этом чертовски весело, и наши друзья испытывали к нам симпатию и всячески поддерживали.

После окончания средней школы я начал ходить в университет имени Святого Джона, но быстро понял, что диплом об окончании колледжа не поможет моей музыкальной карьере, а учеба ради учебы меня будет только сдерживать. Вдобавок я нуждался в деньгах для обновления своей аппаратуры. Отец поддерживал мои музыкальные мечты, предоставляя мне работу на неполный день в ювелирной компании, где он работал. Я ходил в колледж с 8 утра до обеда, потом садился на метро и работал мессенджером с часа до пяти вечера. В январе 1982-го я окончательно перестал ходить в колледж. Я просыпался утром, как будто собираюсь в колледж, мама уходила на работу, и я

возвращался в постель и спал еще пару часиков. Потом вставал и ехал в город. Я ехал на 48-ю улицу и зависал в гитарных магазинчиках, потом появлялся в офисе отца около часа дня, и работал с ним. Так продолжалось около месяца, я просто пинал балду. Наконец я набрался смелости сказать отцу, что перестал ходить на занятия. Он спросил, чем я занимался все это время. Я рассказал, что спал, потом тусил в «У Мэнни» и Сэм Эш, а потом приезжал к нему в офис.

«Твоя мать знает?»

«О, Господи, нет, конечно. Разумеется, нет».

Он понял, почему я ничего ей не сказал, но считал, что я больше не могу это скрывать. Он сказал, чтобы я рассказал маме и начал приезжать в его офис к 9 утра, чтобы работать с ним полный рабочий день. Я был взволнован, потому что знал, что если буду работать весь день, то смогу зарабатывать больше денег, смогу купить оборудование и финансировать свою запись. В то время у меня было дрянное оборудование, и я считал, что оно мешает мне стать профессиональным музыкантом. Я заглядывал в магазины гитар в городе и играл на их гитарах, но у меня ни на что не было денег, поэтому я просто уходил. Как только я стал работать с отцом полный рабочий день, у меня стали водиться наличные и это было здорово, и маме ничего не нужно было знать… но прошло четыре месяца, и отец сказал: «Ты действительно ДОЛЖЕН рассказать матери, что не ходишь в колледж. Что ты собираешься делать? Ты должен быть откровенен и рассказать ей все как есть».

Так я и сделал. В тот же день я пришел домой и во время обеда сказал ей, что больше не хожу в колледж и работаю на отца, чтобы поддерживать свою музыкальную привычку.

Шум, который раздался из ее рта, был громче, чем если бы вооруженные головорезы вдруг ворвались в дом в лыжных масках. Звуки, которые она издала, до сих пор блуждают где-то в космосе, между солнечными системами и галактиками. Этот крик сдержал вторжения врагов в бухте и прекратится на какой-нибудь планете за миллионы-миллионы миль отсюда, и уничтожит на ней все живое, потому что он был таким душераздирающе громким и пугающим. Я все равно что ударил ее мясницким ножом прямо в сердце. Все надежды и мечты, которые она возлагала на первого еврейского сына, были брошены в вулкан.

Я с жаром сказал: «Я работаю, я же работаю! Я зарабатываю деньги! У меня есть работа, я же не говно пинаю!»

«Да мне насрать! Ты бросил колледж, ты солгал мне и…» Он продолжила эту безумную тираду, крича о том, что я обернулся для нее полным разочарованием и никогда ничего не добьюсь в

жизни, и как она старалась воспитать меня и дала мне все, что могла. Она кричала и плакала все время. Брат съежился в сторонке, радостный от того, что не испытал на себе силу ее гнева.

«Убирайся! Убирайся сейчас же!» — заорала она и выкинула меня из дома. Я собрал сумку, дошел до платного телефона на станции Эксон, напротив того места, где мы жили, и позвонил отцу домой в Меррик, Лонг-Айленд. «Ну, я все рассказал ей».

«Как прошло?» — поинтересовался он.

«Она выкинула меня из дома. Можно у тебя пожить?»

«Да, конечно. Она тебя выкинула?» — спросил он, ошеломленный, хотя он знал больше, чем кто-либо другой, какой иррациональной и эмоциональной она бывала.

«Я собрал сумку. Еду к тебе прямо сейчас».

У меня была старая говенная тачка. Я поехал к нему, и прожил у него почти четыре месяца. Я пользовался железной дорогой Лонг-Айленд, чтобы добираться вместе с ним до работы по утрам, и тусил в городе по вечерам, перед тем, как вернуться домой. Несколько месяцев спустя отец поговорил с мамой и сказал, что я хочу жить в Квинсе с друзьями, и она должна принять меня обратно. Поначалу мама была не восторге, но в конце концов сдалась, хотя по-прежнему не поддерживала мои рок-н-ролльные мечты.

Главной проблемой Anthrax в то время было то, что в группе все были не те. Джон был отличным парнем, но не мог петь. У него был яростный кричащий голос, но он не мог петь мелодично, а мы понимали, что хотим стать известной, мощной группой вроде Judas Priest или Iron Maiden, в которой был вокалист, который мог орать во все горло. Мы пытались заставить Джона петь, но это не сработало и мы попросили его уйти. Это было начало бед Anthrax с вокалистами.

Мы попробовали парня по имени Джимми Кеннеди, но он тоже не подошел, и тогда к группе присоединился мой брат Джейсон. Ему было четырнадцать, и у него все еще был высокий голос, и он мог исполнять мелодии. Он сыграл с нами несколько шоу, включая одно в клубе в Лонг-Айленде под названием «My Father's Place», где выступали многие известные группы, но мы хотели гастролировать, а Джейсон еще учился в средней школе. У мамы бы случился аневризм, если бы он забил на учебу, и так же сильно, как она трепала мне нервы, я любил свою маму, поэтому тут было без вариантов.

Были и другие проблемы с составом. Нам пришлось избавиться от Пола Кана, потому что он не мог играть наш новый, тяжелый материал. Кенни Кушнер заменил его на какое-то время.

Он был еще одним парнем, который ходил в нашу школу и которого мы знали по району. Он был хорошим басистом, но хотел играть на гитаре и петь в более хард-роковой группе, поэтому он тоже ушел.

Тогда Денни взял в руки бас, и мы прослушали пару гитаристов. К нам присоединился Грег Уоллс, и несколько лет все шло весьма неплохо. Он был хорошим человеком и смышленым парнем. Он напоминает мне Сэтчела из Steel Panther. С ним было очень весело, и я был разочарован, когда пару лет спустя он ушел, сделав выбор в пользу более стабильной сферы деятельности. Боб Берри заменил его на какое-то время. Он играл очень хорошо, но ничего не знал о метале.

Но бесспорно самой большой нашей проблемой было то, что мы по-прежнему не могли найти нужного вокалиста. Главное, что у нас было — это место, где писать песни и репетировать, пока мы не найдем человека. Мы снимали комнату на Бей Терес в местечке под названием Брюери, это было прямо напротив маминого дома, но наш друг Пол Орофино (владелец этого места) закрыл магазин, чтобы открыть большую и лучшую версию Брюери Стьюдиос в Миллбруке, Нью-Йорк, и сделал успешный бизнес.

Я нашел еще одно местечко в 1982-ом, после того как взял еженедельную нью-йоркскую музыкальную газету и увидел объявление о сдаче репетиционных комнат по 150 баксов за месяц. Это было гораздо дешевле, чем почасовая оплата, которую мы платили в Брюери. Парень по имени Эндрю Фридман был управляющим этого здания. До этого он играл на конгах в Kid Creole и Coconuts, так что он знал о музыкальном бизнесе и какое-то время помогал нам. Потом мы заценили местечко, которое все звали Мьюзик Билдинг. Это была дыра в самой плохой части Южной Ямайки в Квинсе, но группы могли репетировать там хоть круглые сутки. Все комнаты прежде сдавались под офисы, но бизнесмены испугались, вероятно, дула пистолета. И владельцы начали сдавать эти места группам. Можно было поставить замок на дверь, повесить на стены постеры и флаеры. Можно было утеплить это место, притащить ковер и все, что душе угодно. И на входе всю ночь стоял охранник, поэтому, пока ты был внутри, никого не могли подстрелить. Но выходя из здания ты сам отвечал за свою жизнь.

Бесспорно, это место было мерзким. Зимой здесь был настоящий дубак, а летом жара как в паровом котле. Здание было грязное, кишащее мышами, тараканами, и один Бог знает, чем еще. Но репетиционные комнаты были гораздо больше, чем мы привыкли. Мы легко могли поместить туда все свое

оборудование, подключить всю аппаратуру, врубить громкость и делать вид, что мы — Judas Priest. Мне нравилось иметь много места, потому что у меня было чувство, что мне все время нужно все это барахло. Эй, у меня было двенадцать кабинетов Маршалл и я собирался их использовать, черт побери! Мы серьезно раскошелились на огромную комнату в 300 баксов за месяц. Учитывая, что мы репетировали по пять дней в неделю, это была отличная сделка. Это место стало нашим клубом. Мы тусили там все время. Я по-прежнему жил в крошечной комнате в квартире мамы в Квинсе. Поэтому наша комната для джемов в Мьюзик Билдинг была больше похожа на мою собственную квартиру. Как только освобождался от работы, я ехал прямиком туда, сидел там допоздна, а потом ехал домой и ложился спать. Потом вставал, шел на работу и повторял то же самое. По выходным я сразу ехал в Мьюзик Билдинг и колдовал над своей аппаратурой и джемовал.

ГЛАВА 5
ЗАМЕНА ОТРАБОТАННЫХ ДЕТАЛЕЙ

Как-то сидя в одном из офисов Мьюзик Билдинг, я узнал, что Гай Сперанца свалил из Riot. Я чертовски обожал Riot и считал, что у Гая отличный голос. Я подумал, а вдруг получится переманить его в Anthrax. Я достал его номер у Эндрю Фридмана, который по-прежнему имел большие связи и в какой-то степени был нашим менеджером. Я позвонил, он ответил.

«Гай?»

«Ага, кто это?»

«Ээ…меня зовут Скотт. У меня есть группа под названием Anthrax».

Тогда мы еще были никем. И он спросил: «А ты откуда взял мой номер?»

Пришлось соврать: «Да лейбл дал».

«А, окей.»

«Я просто звоню, потому что мы — группа, новая перспективная группа, и у нас происходит много всякого. Эндрю Фридман, который играл в Kid Creole и Coconuts, наш менеджер, и…»

Я вылил на него кучу всякой херни. Я всегда славился даром красноречия. А потом сказал: «У нас тут все закрутилось и нам нужен вокалист. Ты бы идеально нам подошел. Ты бы смог очень сильно нас продвинуть».

Гай (который к несчастью умер в 2003-ем от рака поджелудочной железы) вообще-то нормально меня воспринял, учитывая, что я, незнакомый чувак, звонил ему с бухты — барахты. Он поблагодарил меня за то, что я вспомнил о нем, а потом объяснил, что ушел из Riot, потому что сыт по горло музыкальным бизнесом.

«С меня хватит. Я больше ни в одной группе в жизни играть не буду» — сказал он.

«Серьезно? Но почему?»

«Если будешь этим заниматься так же долго, как я, сам поймешь. Я возненавидел все это. Сейчас я работаю в Бруклине дезинфектором и чувствую себя намного счастливее».

Я поблагодарил его за разговор и повесил трубку. А потом осмыслил его слова. Что могло быть такого плохого, чтобы заставить Гая уйти из отличной рок-группы и заняться уничтожением насекомых?

Раз уж Гай Сперанца не собирался присоединиться к Anthrax,

я решил позвонить Нилу Тёрбину, которого знал еще с Бейсайда. Мы познакомились на уроках в телестудии, где создавали собственные фильмы. Нашим учителем был Арнольд Фридман, которого спустя несколько лет арестуют и обвинят в растлении несовершеннолетних. Режиссер Эндрю Жареки даже снял документалку под названием «Арест Фридманов» о ходе расследования этого дела. Забавно, что учитель занятий по киноискусству поднял тему фильма, который был тепло принят критиками. Так или иначе, не думаю, что Фридман оценил всю иронию. Остальная часть мира могла знать Арнольда как извращенца, но я лишь помнил его как классного учителя. Мы с Нилом бывало тусили в школьной киностудии и играли музыку. Мы притаскивали гитары, джемовали и сами себя снимали. Нил очень интересовался UFO и знал о них все, что можно. А еще он любил Judas Priest. Нам нравились одни и те же группы. К тому же Нил зависал в городе. Он бывало ездил в CBGB и Грейт Гилдерсливс, у него были связи в этих клубах.

В то время он пел в какой-то другой группе, вот почему я не обратился к нему раньше. Пронюхав, что он свободен, я позвонил и спросил его, не хочет ли он петь в Anthrax. К тому моменту у нас происходило немало всякого, чтобы вызвать у него интерес, но он сперва хотел услышать наши песни. Мы показали ему то, над чем работали, и он сказал: «Я не буду петь эти слова. Я напишу СВОИ».

Нас это вполне устроило, и он написал свои тексты, некоторые из которых получились очень глупыми. В одной песне под названием «Soldiers Of Metal» был такой припев: «Blasting the cannons, shaking the ground / Hacking and killing, we're not fooling around»[11]. Но фиг с ним. Мы почувствовали, что нашли реального вокалиста, настоящего фронтмена. То, что мы по факту нашли, оказалось лишь настоящей катастрофой.

Нил считал себя фронтменом, и не собирался выслушивать ни одного гребаного слова от других в отношении чего-либо. Ясен перец, это совсем не нравилось остальным. В Anthrax царила демократия. Я терпел честолюбие Нила до поры, до времени. Я думал: «Окей, я все понимаю. Ты нам нужен. Ты вокалист. Но ты здесь не босс, говнюк».

В Anthrax никогда не было диктатора, но на начальном этапе я бесспорно был самым заинтересованным лицом, чтобы запустить механизм как можно более гладко. Спустя все эти годы многие интересуются, почему я до сих пор остаюсь важным лицом в Anthrax. Хороший вопрос. Я никогда не играл в этой группе на соло-гитаре и не пел. Может я и не самый привлекательный член группы:-)>. Я заслужил свой статус оратора Anthrax, если в двух

словах — упертый еврей. Если я что-то и взял от мамы, так именно это. Что касалось группы, я всегда был чертовски самоуверенным и упертым, и мне было, что сказать. В этом был весь я, и я по-прежнему такой и есть. И хотя Дэнни основал группу вместе со мной, он не обладал такими чертами характера. Он был спокойным и отчасти равнодушным. Но не я. Я был настоящим питбулем.

Я смотрел на Iron Maiden как на образец для подражания. Стив Харрис был фронтментом, хотя его окружали потрясающие музыканты и вокалисты. Он писал тексты и написал много музыки, он был главным. Я чертовски жил и дышал мейденами. Вот кем я хотел стать с 1980 по 1985-ый. Что бы мы ни делали, мы всегда смотрели на Iron Maiden, потому что они были лучшими. Так что, да, я был решительным и при этом сильным лидером. Я принимал во внимание мнение каждого участника перед тем, как принимать все решения в группе.

Нила это совсем не радовало. Он хотел командовать, вот почему с ним с самого начала были проблемы. Не знаю, почему, но обычно он относился ко мне с уважением. Мы никогда не скатывались до тупых споров. Иногда он злился и говорил: «Да? Ну, так почему бы тебе не вернуть в группу брата, если я тебя не устраиваю? Посмотрим, что выйдет у Джейсона». Я только смеялся и отвечал: «Да как скажешь, чувак».

Но ко всем остальным он относился как к дерьму собачьему, особенно к Лилкеру. Но Нил клево выглядел и у него были длинные волосы. И мы с Денни сошлись во мнении, что он умеет петь, и это больше, чем мы могли сказать о прошлых участниках группы. Поначалу Нил казался хорош для группы и отлично звучал на демках, но мы не оценивали всю картину целиком. Все, что мы хотели, это подписаться на лейбл и гастролировать.

В сентябре 1982-го мы с Денни увидели флаер в клубе «У Боба Бликера», возвещающий о шоу с участием Anvil, Riot и Raven 30 октября. Хренасе! Raven проделали весь путь от самого Ньюкасла, что в Англии, ради этого концерта, что нам казалось абсурдным. Мы знали их по своим поискам пластинок, выпущенных на независимых лейблах. Они были очень скоростной группой Новой Волны Британского Хэви-Метала, в которой на басу и гитаре играли потрясающие братья Галлахеры, а еще барабанщик Роб Хантер, называвший себя «Wacko»[12]. Этот парень носил на сцене шлем хоккейного вратаря и явно заслуживал свое прозвище, разбивая себе башку о тарелки, микрофонные стойки, стены и все, с чем мог поспорить. А еще Anvil, приехавшие из Канады, чей фронтмен Липс играл гитарные соло вибратором и был ответственен за множество очень клевого

пред-трэшевого материала. Черт, да вы наверняка видали это кино. И наконец мы обожали ньюйоркцев Riot, которые просто уделывали всех. Тогда еще в группе пел их второй вокалист — Ретт Форрестер. К несчастью Ретта застрелили 22 января 1994-го, когда кто-то пытался угнать его машину, а он отказался ее отдать.

Концерт был запланирован в Headbanger's Ball, на острове Стейтена в театре Святого Джорджа. Мы никогда не слыхали об этом месте, да это было и не важно. Мы все равно собирались пойти. Мы чертовски обожали эти группы, и нам было интересно, кто знал о них столько, чтобы их привезти. Я поспрашивал знакомых и узнал, что это парень по имени Джонни Зи, который продавал пластинки на блошином рынке в Нью-Джерси и очевидно помимо этого занимался рекламой концертов. В день шоу мы стояли в очереди, и там стоял парень, раздающий флаеры на другие концерты Anvil и Raven. Я спросил его: «Ты не Джонни Зи из Рок-н-Ролл Рая?», а он мне: «Я Джонни Зи, а ты кто такой?» И я такой: «Я — Скотт Иэн, у меня есть группа Anthrax», и дал ему наше пятипесенное демо с «Howling Furies», «Evil Dreams», «Satan's Wheels» и парочкой других ранних вещей и флаер на шоу, которое у нас должно было скоро состояться в Квинсе.

«Вам нужно заценить мой магазин» — сказал Джонни. «Мы открыты по выходным».

«Ты о чем?» — спросил я.

«Мы находимся на блошином рынке и мы открыты в субботу и воскресенье». Он дал мне и Лилкеру пропуска за кулисы на шоу Headbanger's Ball, и поэтому нам нужно было приехать пораньше, чтобы потусить. Липс и барабанщик Anvil Робб Рейнер, вокалист и басист Raven Джон Галлахер просто слонялись без дела. Было чувство, что мы добились своего и стали частью близкого окружения. На самом деле мы проделали долгий путь, но в тот момент я ощутил первую настоящую искру, что однажды Anthrax будут колесить по миру.

Мы с Денни тусили в своих косухах, стараясь выглядеть как можно круче и не мешаться. Я принес пару-тройку маек Anthrax, которые мы напечатали, и раздавал их. Одну я дал Липсу, и он повесил ее на задник сцены, чтобы помочь нашему продвижению, это было просто что-то нереальное. На сцене он ее не носил, потому что выступал с голым торсом и лентой патронов на поясе, но получить такое одобрение от Липса, что мы чего-то стоим, было все равно что увидеть, как Бон Скотт спускается с небес, одарив меня елейной улыбкой и словами: «Ты все делаешь как надо, парень».

На следующие выходные мы с Денни поехали в Рок-н-Ролл Рай и увидели Клондайк импортных метал-альбомов и альбомов,

которые трудно достать. У них были пикчер-диски и фэнзины, почти все про метал. С этого момента мы там стали завсегдатаями. Мы приезжали по субботам, иногда даже оставались на ночь. Была одна группа металистов-байкеров, которые называли себя Олд Бридж Милиша. Они там зависали безвылазно. Они проводили масштабные тусы субботними вечерами в доме у чувака Метал Джо. Мы заходили на тусу, с грохотом падали на пол, а утром уезжали домой. В Олд Бридж мы узнали о местечке под названием Клуб 516, где каждый вторник проводилась метал-туса. Группы там не выступали, но был ди-джей, который ставил метал, и у них были вырезанные картонные гитары, на которых люди наяривали и трясли башкой под свои любимые метал-вещи. Попахивало задротством, но это был улет. Это традиция, пришедшая из клуба Саундхаус в Лондоне, где начинали Iron Maiden, Saxon и другие группы НВБХМ. Магазинчик Джонни продвигал британский журнал Kerrang! который можно сказать был Библией Метала. В нем писали обо всем, что происходило в Саундхаусе.

Все это время днем я работал на отца, а по вечерам мы собирались вместе с Anthrax. Каждые две недели мы с Денни писали по одной новой песне. Потом я брал деньги, заработанные на дневной работе на оплату студийного времени, и мы ее записывали. Мы всегда хотели попробовать новый, более быстрый материал. Мы перезаписали старые песни, потому что хотели, чтобы наши кассеты представляли нас как можно лучше. Едва записав новое демо, мы тут же отдавали его Джонни. К тому моменту мы стали друзьями, потому что все время зависали в его магазинчике. Едва мы переступали порог, он сразу: «О, да это же Anthrax, парни из Квинса!» Мы с Денни давали ему кассету, а он слушал и критиковал нас. Он говорил, чтобы мы продолжали бренчать. Потом мы возвращались на следующей неделе и давали ему еще одну кассету, и он говорил на это что-то вроде: «Знаете, я тут подумал, здесь все как надо, но мне не нравится соло-гитара. Соло-гитара звучит совсем не круто, да и барабанщику пора уходить».

Он ненавидел Грега ДиАнжело, считал его ужасным барабанщиком. Я отвечал: «Нет, он очень хорош», а Джонни возражал: «Он не металический барабанщик». Иногда мы делали в группе перетасовки, прислушавшись к советам Джонни, потому что нам казалось, что если мы будем его слушать, возможно он организует для нас парочку шоу. На тот момент он еще никого не подписывал, но у нас было чувство, что для нас он сделает исключение.

Как-то в субботу в конце 1982-го я пришел в Рок-н-Ролл Рай,

а Джонни и говорит: «Скотт, пока не давай мне свою кассету. Погоди, сейчас я тебе врублю одну демку, она только-только пришла. Это группа под названием Metallica из Сан-Франциско. Демка называется «No Life 'Til Leather», и это самое потрясающее из всего, что я слышал за всю свою жизнь».

Конечно, отчасти я уже ревновал, потому что Джонни откопал какую-то новую группу, которая ему понравилась и не хотел слушать нашу группу. Он поставил демо Metallica, я сел и послушал его. Я страдал молча, потому что она была настолько хороша, но в то же время безусловно обожал ее. «Это просто чертовски изумительно!» — сказал я после. Это было похоже на Motorhead со скрипучими гитарами в сочетании с риффами а-ля Judas Priest и Iron Maiden и прочими клевыми штуками. «О, Боже! Вот чем мы должны были заниматься! Как ИМ это удалось? Как они получили такой звук?»

Это демо было на порядок лучше тех отстойных демо, что мы записывали.

«Эта группа просто улетная. Они улетные!» — восторгался Джонни. «Я привезу их в Нью-Йорк, и мы запишем альбом!»

«Серьезно? Но как? У тебя же даже нет компании звукозаписи».

«Так я ее создам, и они будут на ней записываться, а я буду их менеджером».

Его слова казались безумием, учитывая, что Metallica были из Сан-Франциско. Я сказал: «Но это ведь МЫ этого хотели, и мы живем ЗДЕСЬ!»

Джонни всегда был убийственно честен: «Вы еще не готовы». Он это постоянно повторял. «Metallica. ЭТИ парни готовы!»

Мы были опустошены. Отчасти мы понимали, что Джонни прав и Metallica были очень круты. На обратном пути к Квинсу мы с Денни молча сидели в машине. Что нам теперь было делать? Все, что мы записывали, звучало так уматно. Мы думали, что удача у нас уже в руках, и тут Джонни фактически говорит нам, что мы звучим как хренов Maiden. Это так раздражало. А теперь у него новая группа, и он рассыпался мелким бесом.

Я повернулся к Денни и сказал: «К черту Джонни! Он так никогда и не займется нами». Денни только пожал плечами. И тут проявилась моя непреодолимая сила как у супергероя. «К черту Джонни» — сказал я снова. «Кто-то только что установил планку. Мы просто должны стать лучше». Это было грубое, но необходимое пробуждение, потому что к концу 1982-го мы понимали, что мы не американские Iron Maiden. До этого Iron Maiden всегда были для нас чем-то особенным, во-первых, потому что они были так чертовски хороши. Даже когда Пол ДиАнно пел

в их группе, они были музыкальными образцами для подражания. Но мы также боготворили их, потому что в начале карьеры они звучали как группа, которая добилась успеха, и были в пределах досягаемости, и мы знали, к чему нам стремиться. А потом они перешли от концертов на разогреве у Priest до хедлайна. И когда в группе появился Брюс Дикинсон, все вместе они стали совсем другим животным. За три месяца от шоу перед двумя тысячами человек они начали с аншлагом выступать в Мэдисон-сквер-гардене. К моменту выпуска «Number of The Beast» они уже были вне досягаемости.

По случайному совпадению наша первая встреча прошла на ура, когда Iron Maiden выступали в Норт Стейдж Консерт Сиэтер в Лонг-Айленде примерно за шесть месяцев до того, как взлетели до небес. Мы с Лилкером пошли туда, прихватив с собой моего брата и всех наших друзей. Кое-кто из наших знакомых работал над шоу и передал нам пропуска в фотояму. В первых рядах подростки просто крошили друг друга, а мы стояли в яме, наблюдая за тем, как Maiden нарезают всего в двух футах над нами.

Первоначально той ночью Anthrax должны были выступать на этой площадке с пятнадцатью другими группами, но концерт отложили, потому что выступление отдали Maiden. Перед шоу мы отпечатали флаеры с нашим тогдашним логотипом и новой датой шоу, примерно через месяц. Мы протащили все эти флаеры под футболками, и между песнями, когда гасли огни, бросали их в воздух. Когда свет снова загорался, Брюс Дикинсон стоял в куче бумаги, разбросанной по всей сцене. К счастью для нас, он не видел, как мы бросаем флаеры, потому что нас бы наверняка вышвырнули. И каким-то чудом нас не заметил никто из охраны. Мы стояли с глупыми ухмылками на лицах.

Брюс посмотрел вниз, и группа грянула следующий номер. Как только они закончили песню, Брюс наклонился и поднял один из флаеров. «Кто-то бросил сюда клочок бумаги. Полагаю, они хотят, чтобы я это прочел» — сказал он. «Здесь говорится что-то о группе Anthrax, и о том, что они будут выступать здесь примерно через месяц. Ага, так вот что здесь разбросано по сцене».

Черт возьми, мы не могли поверить своим ушам. Это было настоящее мгновение Мира Уэйна. Вокалист нашей любимой группы только что упомянул со сцены наше имя. Мы просто съезжали с катушек: «Ни хрена себе! Да на нашем шоу здесь будет яблоку негде упасть!» Спустя месяц в этом зале на 2000 мест было примерно 150 человек. Но все же мы были в восторге, что Брюс Дикинсон прочел наш флаер. Кто бы мог подумать, что шесть лет

спустя мы будем открывать выступления Iron Maiden по всей Европе? Уж точно не мы. До нас только дошло, что они вышли из нашей лиги. И теперь какая-то новая группа из Сан-Франциско занимала ту же сферу влияния, что и мы. Они уже достигли того, к чему стремились мы, но они не были впереди нас на несколько световых лет. И мы звучали по-другому. Мой гитарный звук отличался от звука гитары Джеймса Хэтфилда. У нас был свой путь. В самом начале мы были больше мейденами, они больше моторхедами.

Не скажу, что Metallica на нас не повлияла. Когда мы услышали «No Life 'Til Leather», у нас конкретно сорвало башню. Но в то же время в плане риффов и ритма мы никогда не звучали как Metallica. Можете поставить любую пластинку Anthrax, и не думаю, что вы услышите песню и скажете: «Да это же один-в-один рифф Хэтфилда». И в то же время мы понимали, что Metallica хороши, очень хороши. Для меня, по крайней мере, это значило не отступать и приложить максимум усилий.

Отстойно, что мы не могли посоревноваться с ними сразу же, потому что собирались поменять половину группы. Берри, который никогда не подходил Anthrax, пошел дальше и позднее основал Hittman с нашим бывшим вокалистом Джимми Кеннеди. Более значимо, что мы наконец-то решили уволить Грега ДиАнжелло. Я по-прежнему считаю его отличным барабанщиком, но мы пытались заставить его играть на двойной бас-бочке, а он не смог. И мы с Лилкером ему такие: «Чувак, послушай гребаный Motorhead. Зацени тему «Overkill» и просто сделай это!» Но он не смог. Я не знаю, или он просто не хотел, или для него было слишком трудно управлять так обеими ногами. Еще до того, как нам представился шанс отпустить Грега, он свалил сам. Это случилось 7 мая 1983-го сразу после того, как мы выступили на разогреве у Metallica в «У Уилли» в Сейревилле, Нью-Джерси. И тут ни с того, ни с сего он сказал: «Я ухожу, я ухожу к Cities».

Cities были многообещающей группой на нью-йоркской сцене. У них были свои вещи в духе Van Halen, и они могли запросто собрать Л'Амур на тысячу человек. У них был шреддер-гитарист с длинными, клевыми прямыми светлыми волосами, Стив Миронович, и он выглядел офигенно. Басист Сэл Итальяно сейчас в Anvil, и он выглядит точно так же. Они были яркой группой, и им был нужен Грег. Я ревновал и при этом злился. И хотя в конце концов мы бы скорее всего сами его уволили, потому что он не мог играть трэш, я чувствовал, что меня предали. «Ты уходишь к Cities?!? Чувак, да они ничего не добьются, они всего лишь местная паршивая группка. Они мыслят мелко. Они никогда не будут выступать за пределами Нью-Йорка».

«Ну, я им реально нужен, и они пообещали мне…»

«Ты идиот!» Орал я на него в гримерке. «Давай, вали к своим гребанным подражателям Van Halen — никчемным рокерам! Всех благ!!!»

Понятно, я позволил своим эмоциям выйти наружу. Я завидовал, что он уходит в группу крупнее, чем Anthrax, и вылил на него весь свой гнев. Раньше мы были довольно близки, и в каком-то смысле это положило всему конец. Это было глупо, потому что теперь у меня не только не было барабанщика, я потерял друга.

ГЛАВА 6
СЛЕДИ ЗА РИТМОМ!

Как оказалось, потеря Грега — это лучшее, что могло случиться с Anthrax, потому что и по сей день Чарли Бенанте остается лучшим барабанщиком, из тех, с кем мне приходилось играть, стопудово. Он может сыграть все, что угодно, и каким-то шестым чувством играет то, о чем ты только подумал, поэтому он может сыграть что-то сверх нормы чисто интуитивно. Он может играть в любом стиле и с любыми музыкантами. Он может держать ритм, как Фил Радд из AC/DC, звереть за ударной установкой как Кит Мун и играть непостижимые тактовые размеры с точностью Нила Перта, и все это пропускается через его собственный невероятный стиль. Плюс ко всему он абсолютно спокойный, никаких тебе понтов. Он просто обожает играть. И любит Anthrax так же, как и я.

Мы познакомились в мае 1983-го через общего друга Тома Брауна, которого я постоянно видел на шоу. Узнав про уход Грега, он подошел ко мне и сказал: «Парни, вам нужен барабанщик, да? Я знаю одного на районе, Чарли, он улетный. Все твердят в один голос, что он играет на двойной бас-бочке быстрее всех».

А я ему: «Серьезно? Даже быстрее Робба Рейнера из Anvil? Быстрее того чувака из Accept?» Немецкая группа Accept только-только выпустила «Restless And Wild» и открывающий трек альбома «Fast As A Shark» установил планку. Услышав его в первый раз, на минуту я просто обалдел и подумал: «Как же это вообще возможно? Я правда это слышу?»

Ясное дело, сейчас есть барабанщики, которые могут играть гораздо быстрее, чем тогда, но в то время это было чем-то почти революционным. Мы позвали Чарли, и он спросил, не можем ли мы приехать к нему в Бронкс, где находились его ударные. Мы с Денни потащились из Квинса к нему, в трех или четырехэтажный смежный дом на две семьи. У него была маленькая комната наверху с гигантской ударной установкой Gretsch. Восемь том-томов и тонна тарелок, так что в комнате едва хватало места, чтобы передвигаться между ударными. Мы протиснулись в комнату вместе с ним, настроили комбики, а потом прослушали его, хотя это больше напоминало обалденную джем-сессию. Мы сыграли «Invaders» и «Phantom Of The Opera» Iron Maiden и пару вещей Judas Priest и Motorhead, и он на ура сыграл их все.

После мы с Денни Лилкером восхищались тем, насколько

хорош и быстр был Чарли. Я не знаю, может это потому что он был взволнован, но кавера Maiden он сыграл быстрее, чем их играли Maiden, так что они практически стали трэшем. Потом Чарли сказал: «А сейчас вы попросите меня сыграть «Fast As A Shark», да?» Наверное, Том Браун рассказал Чарли, что мы без ума от этой песни. Я ответил: «Без шансов. Никто не может сыграть ее, кроме Accept. Разве ты можешь?»

«Угу».

Мы не знали всей песни. Я знал открывающий рифф и где-то часть куплета, и вот мы начали играть, и тут Чарли разразился, и ни хера себе, он играет быстрее, чем на альбоме — чистая двойная бас-бочка быстрее Accept! Мы поиграли ее около минуты, просто дурачась, а потом с переглянулись Денни и у нас щелкнуло в голове. Вот он — недостающий кусочек паззла. Вот что нам было нужно, чтобы Джонни Зи наложил в штаны.

«Ну что, чувак, хочешь быть в нашей группе?» — спросил я.

«Что это значит — быть в группе?» — ответил Чарли.

«Хочешь к нам присоединиться, писать песни вместе с нами и выступать с концертами? Мы знаем чувака по имени Джонни Зи…»

«Да, я знаю его. Я видел вас на Headbanger's Ball. Я постоянно вижу вас. Дайте-ка подумать».

Интересно, почему он вдруг стал таким равнодушным, подумал я и сказал, что у нас очень хорошие взаимоотношения в группе и что мы очень хорошо вместе работаем.

Чарли ответил, что считает, что мы и звучим неплохо. Потом он сказал, что дружит с барабанщиком Армандом Маджиди, который в конце концов перешел в Sick Of It All и играл в хардкор-группах Straight Ahead и Rest In Pieces. Арманд тоже был родом из Квинса, как и мы. Чарли на мгновение задумался, и сказал, что не хочет нас обидеть или что-то в этом духе, но Арманд сказал, что мы просто «мажоры из Квинса, которые получают все, что захотят».

«Какого хера, чувак?» — спросил я. «Мы что, похожи на мажоров из Квинса? Я живу в паршивой двухкомнатной квартирке с мамой и братом. Где ты здесь увидел мажоров? Получаем чего хотим? Чувак, да я работаю весь день, а потом со всех ног мчусь на репу».

Чарли тут же начал оправдываться. «Да, я и подумал, что это как-то странно. И даже если бы это было и так, кому какое дело? Никаких проблем».

И при этом он все еще не собирался становиться участником нашей группы. Он сказал, что будет джемовать с нами и возможно иногда выступать, но не уверен, что готов посвятить

Anthrax все свое время. Он очень хорошо рисовал и планировал пойти в школу рисования. Он боялся, что его мама спятит, если он не пойдет туда, а вместо этого все свое время посвятит группе.

Я решил действовать медленно и «не выплескивать ребенка вместе с водой». Нам нужен был Чарли, и он сказал, что будет выступать с нами. Начало было положено, как говорится. Мы съездили к нему еще раз и поджемовали снова. Звучали мы очень круто. Мы сыграли еще пару вещей Maiden и Priest, Sabbath и Motorhead. Потом он выучил наши песни, и надо признаться, они никогда не звучали лучше. Заставить Чарли перейти в группу было войной на стойкость. Я был настойчив и сломил его. Я выиграл. Я хотел, чтобы он был моим барабанщиком, так и получилось: «Теперь ты барабанишь в Anthrax». И вот уже Чарли наш барабанщик.

Вскоре после его прихода в группу мы написали «Soldiers Of Metal». Эта песня раскрывала новую сторону Anthrax. Она была больше в быстром темпе, в ней была гудящая двойная басбочка, и эта песня превзошла все, что мы делали раньше. Теперь единственное, чего нам не хватало, так это нового соло-гитариста.

Джонни твердил нам об этом постоянно, и отчасти он был прав. Нам нужен был человек с настоящей огневой мощью и харизмой.

Месяцем ранее мы уволили Боба, я познакомился с Денни Спитцом, но мне даже в голову не пришло пригласить его в группу. Он был заносчивым мелким пиздюком, работавшим в магазине гитар на 48-ой улице под названием «Мы Покупаем Гитары». Я постоянно туда заходил, и он как-то сказал мне: «Я слышал о твоей гребанной группе. Я разнесу вашего соло-гитариста. Вы должны взять меня и уволить того чувака». А я ему: «Слышь, чувак. Я зашел сюда просто чтоб заценить комбик. Мы не ищем нового гитариста». Месяц спустя мы уже искали другого гитариста. Я позвонил Спитцу. И он снова был в край надменным хуем, хотя отчасти располагал к себе, потому что Денни был крошечным маленьким чуваком, всего пять футов два дюйма ростом, даже ниже меня. Но у него были пятифунтовые яйца, которые придавали ему ошеломительную самоуверенность и понты. И он очень здорово играл. Он был намного опытнее Грега и Боба. Не считая этого у него было свое собственное оборудование. Это было клево, потому что я устал постоянно делиться своим с нашими гитаристами. У меня было двенадцать кабинетов Маршалл и пара головок, которые я купил на деньги от работы на отца. Но каждый раз, когда мы выступали, я не мог выступать с шестью стеками[13], когда у Грега или Боба был всего

один, особенно ввиду того, что они были соло-гитаристами. Поэтому я всегда делил свое оборудование, и терпеть не мог это делать. «Это мой гребаный аппарат! Идите покупайте свой» — говорил я им. Грег был даже еще большим жопошником, чем Нил, хотя Нил был скрягой, каких еще поискать. Грег никогда не скидывался на аренду в Мьюзик Билдинг, не платил за студийное время, ни за что вообще. И он постоянно ждал, что ему будут платить за концерты и запись.

Спитц сунул мне это под нос так, как только он мог это сделать. «Я слыхал, что у вашего прошлого гитариста не было своего оборудования».

«Да, не было».

«Буээ. Да это ж отстой. Сколько у тебя кабинетов?»

«Двенадцать» — ответил я.

«Да, у меня тоже 12 кабинетов. Это кабинеты Вачуван 4x12 под заказ. А еще у меня пять гитар и шесть комбиков». Уверен, что Денни неплохо поимел на аппаратуре, потому что работал в музыкальном магазине, но дело было и в деньгах тоже. Его отец работал адвокатом. Мне на это было насрать. Я лишь был восхищен, что у него столько аппаратуры.

Я представлял себе 12 кабинетов на сцене, четыре по ширине, три сверху. Так в то время делали Manowar, и это выглядело очень круто. Так что отчасти основываясь на количестве оборудования я спросил его: «Почему бы тебе не прийти на прослушивание?»

«Пффф, прослушивание! Да я, бля, сыграю все, что захочешь. Давай мне свои гребаные песни. Я их выучу».

Я дал ему «Across The River» и «Howling Furies», и он позвонил мне пару дней спустя и сказал: «Я знаю песни. Когда начнем?»

Мы назначили день прослушивания Денни в Мьюзик Билдинг. Пока он настраивал гитару и оборудование, я предупредил остальных о его замашках. «Он очень заносчивый, но если это воспринимать спокойно, то даже весело» — сказал я.

И вот Спитц заходит в комнату, где мы настраивались. Том Браун тоже там сидел, и Денни, источая высокомерие, вытащил гитару из чехла, снял струну и бросил ею в Тома. «Укороти ее для меня. Слишком длинная» сказал он так, будто Том был гитарным техником на окладе. «Что это за хер, твою мать» — спросил Том.

Спитц идеально прошел прослушивание. Он знал все песни и слабал все соляки. После того, как ушел Нил, Чарли сказал: «Он немного странный, но сыграл он очень здорово». Нил Тёрбин не хотел его видеть в группе и казалось был испуган сильной личностью Денни. Я сказал ему начистоту: «Ну, мы берем его».

Нил сказал: «Серьезно? Ты правда хочешь, чтобы этот чувак

был в твоей группе? Больше никого нет что ли?» А я: «Сейчас нам нужен этот гитарист. Мы планируем запись пластинки и нам некогда ждать. Он в группе».

С этим Нил ничего не мог поделать. Я занял твердую позицию, а Нил еще был не в том положении, чтобы указывать: «Либо по-моему, либо никак». Но это время скоро наступит.

Я позвонил Спитцу на следующий день и сказал: «Ты не хотел бы…»

Он оборвал меня на полуслове: «Да, я буду играть в твоей гребаной группе. Мы покорим этот мир».

Вот каким был тогда Денни. Десять лет спустя он ушел и начал новую карьеру — производство и ремонт изящных часов. Но в самом начале он был предельно серьезно настроен стать рок-звездой. И хотя он бывал отвратительным, мне нравился его подход. Нас объединяла жажда к успеху. Меня никогда не парила манера поведения рок-звезды. Я только хотел записывать пластинки и выступать с концертами. Но Спитц ЗНАЛ, что станет рок-звездой. И нам это было надо, потому что тогда Чарли был настолько застенчив, что едва мог вымолвить хоть слово. Единственное место, где он разряжался, это за ударной установкой. А еще был Нил, который ныл обо всем на свете, и Лилкер, спокойный музыкальный виртуоз.

Примерно в это время мы узнали, что Джонни реально вез Metallica в Нью-Йорк — в наш район! Чуваки, которые мы никогда и в глаза-то не видели, поселятся на нашей территории, где мы так упорно старались сколотить себе авторитет. И хотя Джонни никогда не был менеджером группы и не выпускал пластинок, он отправил Metallica 1600 баксов и сказал: «Езжайте в Нью-Йорк, а я позабочусь обо всем остальном». Он был абсолютно решительно настроен стать их менеджером, основать лейбл и выпустить их пластинку. Напоминало тюремный срок. Он никогда не был чьим-либо менеджером и ничего не выпускал. Он действовал инстинктивно. Но через несколько недель после этого разговора Metallica утрамбовались в грузовик U-Haul и отправились в Нью-Йорк. Парни все время менялись, кому ехать на пассажирском сиденье, а кому сзади, где можно было только хранить свои пожитки. Могу только представить, какой дискомфорт они при этом испытывали.

Но это подготовило их к тому, с чем они должны были очень скоро столкнуться. Они буквально ехали вслепую, полностью положившись на незнакомого парня, который рекламировал концерты и продавал пластинки на блошином рынке. Вот что самое поразительное во всем этом. Все это не имело никакого смысла. Это не должно было случиться, и если бы это случилось,

Нью-Йорк сожрал бы их живьем. Но это была Metallica. Они были такими же решительными, как и мы, и они с самого начала были улетной группой. Может им повезло, но они и сами создали свою удачу, хватаясь за каждую возможность, которая им подворачивалась.

И Джонни был самоуверен. Он не понимал, что делает, но, черт побери, что бы ни было, он держался за это на все 100 %. Пока Metallica ехали из Калифорнии в Нью-Йорк, Джонни позвонил мне и сказал: «Когда они сюда приедут, сможете ли вы встретить их и помочь им, позаботиться, чтобы у них все было в порядке?» К тому времени мое уязвленное самолюбие пришло в норму. «Конечно. Где они остановятся?»

«В Мьюзик Билдинг. Мы достали им комнату для репетиций».

«А, клево. Они там будут репетировать» — сказал я. «Но где они будут жить?»

«В Мьюзик Билдинг. Они будут жить в Мьюзик Билдинг» — сказал Джонни, как будто я не понял его с первого раза. Думаю, не понял. НИКТО не жил в Мьюзик Билдинг.

«Отели нам не по карману. Нет денег» — сказал он. Это было правдой. У Metallica не было наличных и Джонни потратил последние 1600 баксов, чтобы доставить их в Нью-Йорк. Ему пришлось платить за все своими кредитками и перекредитовать свой дом. Это был гамбит неудачника. «Ты же понимаешь, что там негде спать, нет душа и горячей воды» — сказал я. «Это гребаная дыра».

«Знаю, знаю. Они в курсе».

Мы с Лилкером были там в тот день, когда Metallica впервые приехали в Нью-Йорк. Мы тут же нашли общий язык и стали друзьями. Мы были в одной лодке: мы были никому неизвестными группами, пытающимися достичь чего-то реального. Правда, тогда они были в еще худшей лодке, чем мы. Они не знали никого кроме нас, и только-только должны были увидеть место, которое будут называть домом, пока не отправятся на гастроли.

Мы делали все, что могли, чтобы хоть как-то им помочь. Они едва могли позволить себе хоть какую-то еду. В нашей джем-комнате стоял холодильник и гриль-тостер. Мы отдали их им, когда я зашел и увидел их басиста Клиффа Бертона с пачкой хот-догов Оскар Мейер. Он ел их холодными, потому что это были полуфабрикаты. Я сказал: «У нас внизу есть тостер. Мы дадим вам гриль-тостер, чтобы вы могли хотя бы подогреть хот-доги вместе с булочками. Пользуйтесь нашим холодильником и храните еду там».

У меня есть фотка, где Джеймс стоит с куском болонской

колбасы в руке, потому что они не могли себе позволить даже куска хлеба. Мы называли это бомж-ланчем: эй, болонская колбаса в руке, лови хлеба. Мы отвозили Metallica к себе домой, чтобы они могли принять душ, потому что родители Лилкера уходили на работу, а моя мама по-прежнему работала. И вот в течение дня мы заскакивали в Мьюзик Билдинг, забирали Metallica, возвращались домой и они принимали душ у нас. Потом мы все возвращались с Мьюзик Билдинг. Кое-кто из наших друзей тоже начал им помогать. Кое-какие наши знакомые в Квинсе разрешили им ночевать у себя дома. Спать у кого-то на полу было лучше, чем лежать на кишащем блохами матрасе в Мьюзик Билдинг.

Моя первоначальная зависть к Metallica испарилась сразу после знакомства. Я практически жил в Мьюзик Билдинг сутки напролет, хотя ночевал дома. Мы были как братья. Бывало я сидел у них в комнате ночь за ночью и слушал, как они джемуют. Когда я раньше видел репетицию какой-нибудь группы, они обычно настраивались так, будто собираются играть концерт. Ударные стояли посередине, комбики на сцене слева и справа, все наружу. Anthrax репетировали точно так же. Metallica были первыми, из тех, кого я увидел, кто настраивал ударные, а затем размещал комбики вокруг них. Ларс Ульрих стоял в центре полукруга, все остальные стояли вокруг него, к нему лицом. Вскоре после нашей встречи я увидел, как они настраиваются, и спросил: «Что это вы делаете, парни?»

«Мы так джемуем» — ответил Ларс. Я даже не знал, как это понимать… И тут они начали играть, лицом к комбикам, и опять-таки у меня появилось ощущение, что это лучшее из того, что я слышал в своей жизни. Звук, создаваемый Дейвом Мастейном и Хэтфилдом, напоминал симфонию двойной бензопилы. Сидя в этой комнатке 10 на 12 в окружении их комбиков, слушая, как Metallica играет вещи с «Kill 'Em All» в конце 82-го еще до выхода самого альбома, были вне всякого сомнения самыми клевыми мгновениями моей жизни. Они особенно потрясны, когда понимаешь, чего потом добилась Metallica и зная, что я буквально сидел там, когда они сводили все кусочки вместе, чтобы приступить к завоеванию мира. Они были в гребаном огне; казалось, пламя буквально исходит из кончиков их пальцев. Они были готовы НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ. Каждый раз, когда я их слышал, я был в полном благоговении. И хотя они уже были хорошо известными бухарями, и я постоянно тусил с ними, я всегда воздерживался от спиртного. Тогда я был абсолютно трезв, потому что алкоголь отравил мой семнадцатый день рождения и после этого я еще многие годы не мог прикасаться к спиртному.

ГЛАВА 7
СОЛДАТЫ «METAL UP YOUR ASS» [14]

Наступил канун Нового 1980-го года, и мы устроили неслабую тусу у моего друга Ричи Хермана. Он жил на первом этаже нашего дома, и его бати постоянно не было в городе, короче 50 или 60 человек собрались у него, чтобы отметить мой день рождения. Я просто с катушек сорвался. Нет, я, конечно, пил и раньше, но теперь почти достиг совершеннолетия. Мне было семнадцать, и я выпил хуеву тучу коктейлей «отвертка», сделанных на водке Попов, утрапремимум класса. Эти коктейли можно поставить в один ряд с Грей Гуз и Тито, только если бы они напоминали по вкусу русский отбеливатель. Должно быть я выпил двенадцать таких. Я смутно помню, как сосался с одной девчонкой, и мы перестали целоваться, потому что меня начало тошнить. Я почувствовал, как рвота поднимается по пищеводу, отстранился и облевал ее, а после этого заблевал Ричи всю ванную.

Я едва дополз по лестнице обратно в мамину квартиру, вломился туда и проснулся на следующий день все еще блюя. Меня тошнило два или три дня. Один только запах алкоголя вызывал у меня тошноту спустя многие годы после того дня. Когда я вспоминаю об этом сейчас, думаю, в чем-то это даже было преимущество, потому что я мало пил все годы становления Anthrax, и это помогло мне сохранить концентрацию внимания. Я бывал в барах и пропускал по паре пивка, но в команде «Алкоголика» не состоял. Если сравнить с теперешней Metallica, тогда у них была совершенно иная динамика. Их музыка была достаточно мощной, чтобы устоять на ногах, даже когда они были в стельку пьяны, и когда Дейв Мастейн был в группе, они реально были «Четверкой Всадников». У каждого из них был очень сильный, непохожий на другого характер. Джеймс Хэтфилд по характеру был тихоней. Он был тихим, как Чарли, с хорошим чувством юмора и еще не развил свою харизму. Он странно смотрелся на людях, но когда брал гитару и кричал в микрофон, вот тогда он чувствовал себя как дома. Это была его стихия, хотя он ничего не говорил на сцене. Это была территория Дейва.

Мастейн был настоящим фронтменом группы. Он взял на себя все разговоры на сцене и обладал характером рок-звезды. Еще он был неуправляемым жалким алкоголиком, но обладал острым чувством юмора. Ларс тоже бывал забавным, и мог наболтать тонну всякого говна. Вообще он даже не мог играть,

когда они только начинали. Он учился при помощи джемов песен Джеймса и просто стал играть лучше с течением времени. Трудно представить Ларса в любой другой группе. Лучшего барабанщика для Metallica и представить сложно. А еще с первого же дня он стал голосом группы.

Если бы меня попросили выделить одного из них, кто не вписывался из-за внешнего вида, я бы выбрал Клиффа. Anthrax и Metallica имели четкий имидж: тесные джинсы, высокие кроссовки Найк или Конверс, футболка с метал-группой, кожанка или джинсовка поверх кожанки. И тут появился Клифф с джинсами-клеш, ковбойскими сапогами, футболкой R.E.M. и джинсовкой, украшенной нашивками Lynyrd Skynyrd и Misfits. Он явно был по-своему оригинальным, но и был самым большим металистом из нас, потому что нес собственной флаг и был самым талантливым музыкантом — наверное лучшим из тех, кого я встречал — даже лучше Лилкера. Он был виртуозным басистом, понимал теорию музыки. По сравнению с ним мы все были пещерными людьми. Он был очень замкнутым, но недружелюбным его не назовешь. Он был клевым, немногословным. Он практически напоминал героя 50-х, типа Фонца из «Счастливых деньков», если бы Фонц играл в Molly Hatchet. Клифф обычно стоял себе с сигаретой, смеривал тебя неодобрительной ухмылкой Клинта Иствуда со словами: «Как дел?»

Нам нравились одни и те же фильмы, книги и телешоу, мы любили одни и те же группы, так что мы сразу подружились. Я с детства был фэном Lynyrd Skynyrd, но никогда не слышал R.E.M. Я спросил его, кто эти парни, и он ответил, что это убойная группа из штата Джорджия. Потом он дал мне кассету с «Murmur» на одной стороне и «Reckoning» на другой. Я притащил ее домой и заценил, и да, он оказался прав. Этот ранний материал R.E.M. был улетным. Клифф был офигенным, потрясающим чуваком, и все это знали. Он обладал неповторимой аурой. И все они. Поначалу казалось, что между ними нет разногласий. Они все были пьющими корешами и творили всякое безумное говно. Поздними ночами он сваливал кучи мусора перед репетиционными других групп, поэтому, когда они приходили на следующий день, вся их входная дверь была завалена горами мусора. И они знали, какая группа эта сделала, потому что Metallica были единственными, кто там спал. И все эти музыканты начинали колотить в дверь Metallica, желая их крови.

Я был с ними 9 апреля 1983-го, когда они выступали в Л'Амур с Vandenberg и The Rods. Vandenberg вышли на саундчек в полдень, а Мастейн уже нажрался. Он стоял в центре площадки, и

как только они закончили песню, он начал кричать, что они отстой и пусть убираются на хуй со сцены. Джонни Зи отвел его в сторонку. Но не думаю, что этого было достаточно, чтобы его выкинули из группы. Этот парень можно сказать был крестным отцом трэш-метал. Он написал много риффов на «Kill 'Em All» и даже парочку на «Ride The Lightning». Без Дейва Мастейна возможно и трэш-метала никогда бы не было. По крайней мере, в самом начале он был движущей силой, с музыкальной точки зрения.

День или два спустя я проснулся, поехал в Мьюзик Билдинг, и увидел, что Клифф курит снаружи. «Как дел?»

«Ничего. А что такое?» — ответил я, думая, что это самый обычный день.

«Ничего особенного. Мы уволили Дейва. Он на Грейхаунд, возвращается в Сан-Франциско».

Я засмеялся, потому что Клифф всегда говорил с сарказмом и любил поугарать. «Ага, забавно» — ответил я. «Слушай, мне пора поработать с усилителем. Меня не очень радует звук. Увидимся наверху».

«Я совершенно серьезен» — сказал он. «Поднимись наверх прямо сейчас и поговори с Джеймсом и Ларсом».

Я поднялся, огляделся вокруг и нигде не увидел Дейва. «Что происходит?»

«Тебе разве Клифф не сказал?» — сказал Джеймс.

«Да, но он же гонит, да?»

«Нет, этим утром мы уволили Дейва».

Я до сих пор думал, что это невозможно и они меня разыгрывают. «Ты это всерьез, бля?

«Мы совершенно серьезны» — сказал Ларс.

Я сказал: «Ни хера себе. У вас же на носу концерты и запись альбома в следующем месяце. Джонни Зи знает об этом?»

«Да, мы сказали ему пару дней назад» — продолжил Ларс. «Мы заставили его пообещать, что он никому не расскажет. Мы не хотели, чтобы Дейв узнал. Мы не знали, как он себя поведет».

Они спланировали всю операцию с точностью удара ВВС. Шоу в Л'Амур с The Rods стало последней каплей для Дейва. Они купили билет на автобус в один конец до Лос-Анджелеса и подождали ночь, чтобы Дейв нажрался вусмерть. Они знали, что долго им ждать не придется. Автовокзал Грейхаунд находился рядом с Мьюзик Билдинг. Они разбудили его, когда он еще толком не пришел в себя и уволили его. Он заснул в одежде, так что им даже не пришлось помогать ему одеться. Они просто собрали его вещи, которые по большей части уже упаковали в чемодан, и буквально усадили его на автобус до того, как он

понял, что произошло на самом деле. Они решили отправить ему оборудование позже.

Я стоял с отвисшей челюстью, не говоря ни слова, и тут вернулся Клифф. «Ну, что я тебе говорил» — были его слова.

«И что вы собираетесь делать с концертами и пластинкой?»

«К нам приезжает парень из сан-францисской группы Exodus» — ответил Ларс. «Он скоро прилетит и присоединится к группе. Он уже знает большинство наших песен, и разучивает соло».

Когда мы туда приехали, Керк Хэмметт оказался настоящим трудягой. Участники Metallica и Anthrax в тот момент думали только одно: «Бля, положите меня на скамейке в парке и прикройте сверху газетой. Мне похуй. Мы записываем пластинку».

Мне было 19. Всем вокруг было столько же. Нам было насрать на все, кроме исполнения музыки, чего бы это ни стоило. Но приспособиться к этому образу жизни Керку было труднее, чем остальным. Он определенно был самым чувствительным из них четырех. Порой стресс от такой житухи был виден невооруженным глазом. Еще в Сан — Франциско он играл в группе, которая начала делать успехи, и у него было, где остановиться. И он не жил в грязном доме, служившим также репетиционной точкой. Он никогда не жаловался и не злился. Наверное, он самый приятный парень из тех, кого я встречал, и он никогда не менялся, даже несмотря на всю эту славу и деньги. Он по-прежнему все тот же милый парень, которого я встретил через день после приезда из Сан-Франциско.

Как только я помог Керку привыкнуть к «роскоши» Южной Ямайки, пришло время снова сосредоточиться на Anthrax. Мы решили, что «Soldiers of Metal» представит нас миру, потому что в ней была двойная бас-бочка, которая создала убойную смесь вместе с гитарами, басом и вокалом. Но все демки звучали слабо. Нам нужен был тот, кто спродюсирует их как следует. Том Браун был большим фэном Manowar, и он познакомил меня с их гитаристом Россом «Боссом». Я мало знал о Manowar, но вообще мне нравился их первый альбом. Было клево, что Орсон Уэллес прочел «Dark Avenger». Я подумал, что их фото, где они в набедренных повязках держат мечи, выглядит немного по-гейски, но Россу нравились Dictators, а я был большим фэном Dictators. Я сказал Россу, что мы хотим выпустить качественное демо, и он ответил: «Давайте я это сделаю; я занимаюсь этим уже много лет».

И вот, в начале 1983-го я потратил 1500 долларов, которые скопил с зарплаты, чтобы мы могли отправиться в очень хорошую студию в Лонг-Айленд, Соник Стьюдиос, с Россом и записать пять

песен. Как я уже говорил, я всегда любил играть. Нил был дешевым говнюком, у Лилкера никогда не было денег, и хотя у Спитца водились деньжата, он никогда не любил тратить их на Anthrax. Мы перезаписали «Soldiers Of Metal» вместе с парой старых темок, которые уже записывали с Грегом, но с Чарли они звучали по-другому. За два дня мы записали всю музыку, а на третий Нил исполнил все партии вокала. Это было крепкое пятипесенное демо — лучшее, из того, что мы записывали.

Мы отправились на блошиный рынок, чтобы отдать его Джонни, и кто-то сказал нам: «А, Джонни в IHOP, это вниз по улице Route 18». И мы с Денни пошли туда и буквально пришли к столу, где Джонни с женой Маршей поглощали завтрак. Он сказал: «А, это вы, парни. Че каво?»

«У нас есть новое демо, новый барабанщик. Росс «Босс» его спродюсировал». Мы были так перевозбуждены, что каждое предложение буквально наплывало на следующее.

«Серьезно? Ничего себе». Джонни всегда так говорил, когда был чем-то впечатлен. Затем он сказал: «Окей, мы его заценим. Но не могли бы мы сперва закончить завтрак?»

Мы вернулись домой, и на следующий день Джонни позвонил мне, весь взволнованный. Я никогда не слышал, чтобы он так когда-нибудь говорил о нашей группе: «Это потряс, это потряс! Наконец-то у вас получилось. Получилось! Это круто!!»

Он сказал, что это лучшее из того, что он слышал от нас, и хотел подписать нас на рекорд-лейбл, и если мы были не против, он также мог стать нашим менеджером. Джонни сдержал каждое свое слово. Он отпечатал сингл «Soldiers Of Metal» и разослал его по всему миру. Все отпечатанные им 2000 копий ушли как горячие пирожки. Пару месяцев спустя мы сидели в студии, записывая «Fistful Of Metal».

В апреле и мае 1983-го еще до начала работы над пластинкой мы отыграли около пяти шоу в Нью-Йорке и Джерси с Metallica. На внутреннем развороте альбома «Kill 'Em All» есть их концертное фото, которое на самом деле было сделано во время саундчека. На переднем плане сцены стоят дорожные чемоданы KISS, расставленные для увеличения сцены. Большая часть музыкальной аппаратуры тоже принадлежала мне. Потом в начале 1984-го Metallica должны были отыграть на Channel в Бостоне, но все оборудование украли из их фургончика, включая особо дорогой Джеймсу гитарный усилок. В порыве отчаяния он взял в руки акустику и написал «Fade To Black», их первую крупную метал-балладу.

Metallica только-только выпустила «Kill 'Em All» и готовилась отправиться в Европу. И вдруг у них пропадает оборудование. Мы

одолжили им тонну всяких вещей, по сути всю нашу музыкальную аппаратуру, чтобы они отыграли эти шоу. В какой-то момент Джонни Зи предложил мне заметку на пластинке Metallica в качестве платы за их помощь и одалживание тонны оборудования. Я сказал, что не хочу, и чувствую подлым брать с них деньги. Я просто был рад им помочь. Я сделал бы это для каждого. Я ожидал, что они сделают то же и для нас. И Metallica бесспорно полностью расплатилась с нами, взяв нас с собой на гастроли. Благодаря им мы добились успеха и в Британии.

Еще до прихода Чарли мы написали примерно половину «Fistful Of Metal». После его присоединения мы сочинили быстрый материал вроде «Deathrider», «Metal Thrashing Mad» и «Subjugator». Этот альбом — очень хорошая демонстрация того, что мы слушали в те времена: Maiden, Priest, Motorhead и другие группы НВБХМ вроде Raven, а еще Accept и старые Скорпы (несмотря на то, что две последние были немцами). Вдобавок мы интересовались британским панком, включая GBH и Discharge. Все это было частью процесса открытия следующей тяжелой группы. Мы услышали Venom и подумали: «Что может быть более экстремальным, чем это?» Потом мы послушали «Hear Nothing See Nothing Say Nothing» Discharge и подумали: «Окей, вот она, самая тяжелая пластинка всех времен! Давайте же запишем что-то еще тяжелее!»

Впервые я увидел слэм и стейдж-дайвинг, когда мы с Нилом пошли заценить The Exploited в Грейт Гилдерсливс. Раньше я никогда не бывал на панк-шоу. Мы сидели на балконе, и я смотрел вниз на подростков в толпе, как они сталкивались друг с другом, взбирались по головам, пытаясь залезть на сцену и спрыгнуть оттуда в толпу. «Чувак, это выглядит весело. Пошли туда» — сказал я. Нил казался обеспокоенным: «Нет, чувак, тебя убьют. Они нас тупо отпиздят. Панки и скинхеды ненавидят металистов».

Я ему не поверил и подумал, что он просто струсил, но позже выяснилось, что он был прав. Когда панк, хардкор и метал-сцены начали пересекаться в 84–85, между волосатиками и скинхедами было немало стычек в толпе на трэш-концертах. И все же, слэм вскоре стал очень популярной штукой в метале. Бег по кругу в стиле Западного побережья вдруг стал популярен повсюду, а потом развился или трансформировался в мошинг, когда люди из толпы образовывали еще более дикий бег по кругу, который уже мало напоминал слэм и способ самовыражения, скорее его суть была в том, чтобы создать агрессивный физический контакт с остальными мошерами. В круге всегда находилось пара-тройка засранцев, но большинство фэнов делали это, чтобы хорошо

провести время и никого не покалечить. Негласным правилом было, что если кого-то сбили с ног, тебе нельзя было его топтать. Ты должен был помочь ему подняться и убедиться, что с ним все в порядке. Большую часть времени это была цивилизованная анархия.

Лилкер интересовался самым экстремальным хардкором и металом, так же, как и мелодичным роком, и в те времена он был главным композитором в Anthrax. Он написал примерно 75 % риффов на «Fistful Of Metal». Но мы все работали над песнями как команда. Мы бывало писали песню, а потом говорили: «Нее, эту надо играть быстрее. Вон как быстро играют Моторы. Мы должны играть быстрее, чем они». А мы могли, почему бы нет? Чарли мог играть на двойной бас-бочке быстрее, чем Тейлор «Грязное Животное», и мы могли играть риффы быстрее, поэтому мы решили, что это круто. Клево было играть так быстро и трясти башками в такт двойной бас-бочке Чарли.

Первоначально Джонни договорился, чтобы мы записывали «Fistful Of Metal» в Барретт Элли Стьюдиос в Рочестере, где Metallica записали «Kill 'Em All». И мы поехали туда в октябре 1983-го, готовые записать пластинку с первым продюсером и звукоинженером Metallica — Полом Курцио и Крисом Бубашем, узнав к своему неудовольствию, что микшерский пульт исчез бесследно, и они заказали новый, который ожидался только через три недели. У нас был грузовик, полный аппаратуры и не было студии для записи. Студия разрешила нам переночевать одну ночь, а потом мы позвонили Джонни в Нью-Джерси, и он ответил, что был не в курсе, что студия не готова. Поскольку мы не могли записываться в Рочестере, Джонни позвонил Карлу Кэнеди из The Rods, потому что Карл жил в Кортленде, и спросил не знает ли Карл другие студии за пределами Нью-Йорка.

Все вместе разгрузили грузовик, и мы с Денни Спитцем взяли U-Haul и отправились в дорожное путешествие, пока все остальные сидели в студии. Мы заценили два места. Первое было в Эльмире — это была просто дерьмовая комнатка на верхнем этаже магазина. У них не было оборудования и это было херово. Второй была Пирамид Саунд в Итаке. Это была настоящая студия записи с аппаратной, кучей оборудования и большой звукоизолированной комнатой. Мы встретились с Алексом Периаласом, хозяином здания. Они были намного дороже, чем Барретт Элли, но они были офигенными, и мы с Денни решили, что тут мы и будем записываться. Мы поговорили с Джонни Зи, который утряс с Алексом все детали. Он сказал, что у него есть лейбл записи и все его группы приедут записываться в этой студии.

Они были только рады, и мы вернулись обратно в Рочестер, взяли грузовик, и вернулись в Итаку, чтобы завершить запись с продюсером Карлом и звукоинженером Крисом. Альбом стал сочетанием гнева и раздражения от двух лет всякого говна, смен участников, которые привели к текущему составу в сочетании с неограниченным волнением и юношеской энергией, что мы наконец-то смогли попасть в настоящую студию и записать целую пластинку. Поначалу мы были слегка напуганы, но мы были готовы. Мы репетировали пять дней в неделю в течение двух лет, так что мы знали свой материал и плотно играли. И мы были полны энтузиазма. У нас был очень ограниченный бюджет для работы, но мы использовали его по максимуму. Плюс к этому мы отлично играли песни сразу с первого-второго дубля. Мы провели в Итаке три недели, и остановились в отеле Рок-н-ролл в Кортленде, который по сути был ночлежкой, которой управляли две сестры. А еще мы провели некоторое время в одном клоповнике в Итаке. И хотя мы по-прежнему были малоизвестной группой и не зарабатывали никаких денег, у нас было чувство, что наша мечта воплощается буквально у нас на глазах — мы пишем настоящие альбомы, ходим в бары, тусим с местными телками, впечатленными тем, что мы играем в группе, хоть они и не отличали Anthrax от Aerosmith.

Мы работали в Пирамид Саунд три недели. В дополнение к записи наших песен Нил и Джонни убедили нас записать кавер на песню Элиса Купера «I'm Eighteen». Примерно в это время Quiet Riot вышли на первое место со своим кавером Slade — «Cum On Feel The Noize», и Джонни подумал, что нам тоже нужен кавер, чтобы увеличить продажи альбомов. Нил тоже был за. Я не хотел этого делать. Я не думал, что «I'm Eighteen» имела какой-то смысл в контексте остальных вещей с «Fistful Of Metal», но это никого не убедило. В качестве протеста на этом треке я не играл партии ритм-гитары. Все партии сыграл Спитц. Это единственная песня за всю историю группы, на которой меня нет. Я изо всех сил не хотел, чтобы она попала на пластинку, и она явно не принесла нам первое место, так что думаю, я был прав.

ГЛАВА 8
«ГОРСТЬ» ПРОБЛЕМ [15]

Переживая свои рок-н-ролльные фантазии, я по-прежнему встречался с Мардж. После окончания средней школы она отправилась в Северо-восточный университет в Бостоне и пропала там на целых четыре года. Подразумевалось, что мы особенные и у нас будут длительные отношения. Раз в месяц я навещал ее в Бостоне и зависал там пару дней, так что когда у нее были пары или она была занята учебой, я ходил заценить, кто там играет и ходил на местные панк и метал-шоу. Я частенько зависал в Парадайз, небольшом клубешнике на Коммонвелс Авеню. Он был очень маленький и узкий, но там играли многие клевые группы. Еще одним клубом, который проводил метал-концерты в Бостоне, был Channel, огромный склад на воде, который снесли в конце девяностых, отдав это место под строительство какого-то крупного хайвэя. И если там не было никого стоящего, то в Рэтскеллере постоянно шли панк-концерты. Это место все называли просто Рэт, может потому что кроме людей здесь бегали только крысы. Он чем-то напоминал Бостонский CBGB, только был еще мрачнее. В дверях стоял фейсконтрольщик по имени Митч, чувак, переболевший раком. Ему провели ларингоэктомию, и он мог говорить только при помощи механического устройства, которое крепится к горлу. Когда он говорил, своим голосом он напоминал угрюмую версию одной из тех допотопных обучающих игрушек Speak&Spell.

После возвращения домой я много болтал с Мардж по телефону, но довольно скоро понял, что встречи раз в месяц не удовлетворяют мое либидо. Паршиво говорить такие вещи. Я мог бы передернуть и остаться ей верным, но в клубах были телки, которые перлись от нас, и когда мы тусили в Л'Амур или 516, пытаясь раскрутить группу, вокруг постоянно была куча телок, и некоторые из них были очень горячими. Я думал: «Ладно, Мардж сейчас в Бостоне. Она сама решила поступить туда в колледж и оставить меня в Нью-Йорке».

Это гребаное самолюбие. Черт, мне было девятнадцать, а эти девчонки, с которыми мы встречались, были доступными и невероятно сексуальными. Тебе не нужно было играть джентльмена, чтобы их склеить. Тогда не было Фейсбука или Твиттера, так что не было опасности, что тебя застукают. Тогда было в разы больше способов не быть пойманным. Если тебя ловили на измене, значит ты был полным идиотом.

Мысленно я думал, что люблю Мардж, но моногамный вариант для меня просто не канал. Другой вариант был в том, чтобы провести с Мардж остаток жизни, понимая, что у меня секс был только с ней и еще одной девушкой. Я не мог позволить этому случиться. Не то, чтобы я клеил каждую ночь. Это было скорее что-то временное, но измена есть измена, и этот цирк продолжался несколько лет. Мардж думала, что у нас отличные отношения, потому что я приезжал к ней раз в месяц, мы ходили на выставку в музее или куда-то еще и занимались сексом. А потом я слушал, как она говорит обо всех своих предметах, а я кивал, улыбался и думал об Anthrax.

Отчасти я сам себя выставил дураком. В Бостоне меня ждала Мардж, а в Итаке были телки, с которыми я чувствовал себя рок-звездой. Когда мы закончили альбом, реальность обрушилась на меня всем своим весом. Я вернулся в свою клетку дома у мамы, и все мое оборудование было там, потому что на тот момент мы уже свалили с Мьюзик Билдинг. Мы перестали торчать там каждый божий день, и больше не хотели платить за аренду. Так у нас больше не осталось места для репетиций и места, где хранить свое барахло. Мне пришлось заставить все до потолка своими Маршалловскими кабинетами, гитарами и педалями. Места в комнате хватало только на один единственный матрас на полу рядом с окном. Я спал и жил там почти три года. Я возвращался домой с концерта и грузил свое оборудование обратно в квартиру мамы. Никаких тебе роуди и техников. Только я, один как перст. Мне было насрать. Я был чертовски готов ко всему, что от меня требовалось.

Вскоре после Итаки мы вернулись в Нью-Йорк с готовым альбомом. Это был Anthrax разлива 1984-го, и я до сих пор люблю его за то, какой он есть. Конечно, тогда я его обожал, но всегда терпеть не мог сам микс. А обложку я ненавидел еще больше. Она и название альбома были идеей Нила. Тогда у Нила была кольчужная перчатка, которую он носил на сцене, он ее сам сделал. Он бывало сидел у себя в квартире и часами подряд вплетал свою кузнечную херню. Может ему стоило стать честным ремесленником эпохи Возрождения, а не вокалистом? Он увидел, что Judas Priest носят все эти металические штуки и решил, что мы должны выглядеть большими металистами, чем они. Черт бы побрал эту перчатку!

«У нас на обложке будет чувак, которого другой парень в металической перчатке бьет кулаком через затылок и кулак вылетает из самого рта этого чувака!»

Так Нил представлял себе метал. Так я представлял себе херню.

«Мы назовем альбом «Пригоршня метала», потому что я ношу перчатку и это чертов метал!» — восторгался Нил.

Больше ни у кого не было идей. У нас был один вариант обложки, тематически связанный с песней «Death From Above». Припев был такой: «Jet fighter, jet fighter. Turbo jet engines ignite»[16]. И кто-то нарисовал обложку, в основе которой лежала фотография летчика-истребителя на F-14 в шлеме и кислородной маске. Это было клево и гламурно. Но напомнило мне «Never Say Die» Black Sabbath. Да и выглядело это не особо в духе метала.

Так мы и согласились на идею Нила, и нашли художника, друга Дэнни Спитца по имени Кент Джозеф, который и воплотил этот образ. Мы не знали, что еще делать. Мы посмотрели на «Kill 'Em All» Metallica и сказали друг другу: «Ужасная обложка. К этому парню не обращаемся». Джонни Зи сувал его во все свои проекты, и это было ужасно. «Violence And Force» Exciter — худшая пластинка всех времен в плане обложки. Так что по умолчанию мы остановились на срочном заказе друга Денни. Мы были в тихом ахуе, что обложка получилась такой говенной, потому что мы смотрели портфолио этого парня и у него было много клевых картин и рисунков. К тому же именно он нарисовал наш логотип для сингла «Soldiers Of Metal». Он отправил нам шесть или семь вариантов логотипа, и этот выделялся среди других. Верняк. Вот он Anthrax во плоти. Лого получилось просто бомба. И мы решили дать ему шанс поработать над обложкой по идее Нила.

А потом мы увидели готовый вариант обложки. Первое, что я сказал, когда увидел: «Погоди-ка, это же чушь. На обложке две правых руки!» То есть одна и та же рука держит голову парня, как будто пробивает кулаком его лицо. Я и представить не мог, что там два человека, один его держит, а второй бьет первого или этот парень родился с двумя правыми руками. Обложка получилась полной лажей, но мы не располагали бюджетом, чтобы сделать что-то другое. Либо мы использовали ее, либо у нас на обложке не было ничего кроме логотипа группы и слов «Fistful Of Metal», потому что мы уже определились с названием. Как будто этого было мало, на первом тираже в Штатах наше долбаное название получилось розовым, а не красным. Нет ничего менее металического, чем розовое лого группы, но мы были бессильны что-то с этим сделать. Megaforce не собирались просто так выбрасывать тысячи копий пластинки только потому что название группы получилось розовым. С этим альбомом все было не так, разве что кроме самой музыки.

Сейчас я как бы смотрю на это с большей любовью, потому, что все это очень тупо, но чел, как же мы ненавидели все это

тогда. Фишка в том, что если глянуть на все известные дебютные трэш-пластинки, у них у всех ужасные обложки: «Fistful Of Metal», «Bonded By Blood» Exodus, «Kill 'Em All» Metallica, «Killing Is My Business…And Business Is Good!» Megadeth и «Show No Mercy» Slayer — все они получились весьма отстойными. Я бы не сказал, что наша вышла хуже всех. Я бы поставил «Fistful Of Metal» выше «Killing Is My Business.» или там «Kill 'Em All». Но я бы сказал, что «Bonded By Blood» превзошел всех. Что бы ни было там на обложке, пластинка Exodus просто отвратительна. И в то же время она прекрасна, потому что плохая обложка была почти неотъемлемой составляющей раннего трэш-метал. Все практически думали: «Ну ладно, у нас не будет такой хорошей обложки, как у Iron Maiden, потому что мы не так успешны, как Iron Maiden, поэтому мы просто сделаем все, что в наших силах, наслаждайтесь».

Как только мы начали гастроли в поддержку «Fistful Of Metal», Нил стал невероятно заносчивым. Он почувствовал себя боссом, и стал ужасно несговорчивым. Он вел себя так: «Я вокалист — либо по-моему, либо никак». Он думал, что без него мы покойники. Дерьмово это признавать, но он был прав. Мы чересчур быстро шли наверх. Джонни Зи был нашим менеджером, и он снова привез Raven на гастроли летом 1984-го, как это было год назад, когда Metallica открывали их шоу, но на этот раз мы должны были открывать все их концерты, начиная с 30 мая. Все уже было объявлено и спланировано, и если бы мы потеряли вокалиста, нам бы пришлось все отменить. Джонни не собирался нас ждать. Были и другие группы, с которыми он вел переговоры, вроде Overkill и Legacy (они потом переименовались в Testament). Мы должны были ковать железо, пока горячо, и это позволило Нилу выкидывать все эти фортели с демонстрацией своего превосходства.

Это он решил, как мы будем выглядеть и что будем носить. Он сделал для меня кольчужный пояс, шесть или семь дюймов в ширине по всему периметру. Он весил двадцать фунтов, и он хотел, чтобы я носил его на сцене. Мне нравилось носиться по сцене, когда мы играли, а этот пояс тянул меня к земле. Но он сказал: «Скотт, ты будешь носить этот гребаный пояс! Лилкер, сделай свой бас тише и никогда не стой передо мной». Когда мы принимали в штыки любые его идеи, он угрожал свалить. Мы ненавидели его до кишок, но были бессильны что-либо с этим поделать.

Самая большая подлость, которую выкинул Нил, это то, что он уволил Денни Лилкера за нашей спиной сразу после выхода «Fistful» в январе 1984-го. Основная причина его поступка, на мой

взгляд в том, что Денни был выше его ростом. Он искренне считал, что в группе не должно быть человека выше, чем фронтмен. Он считал, что из-за этого он дерьмово выглядел, и старался стоять от Денни как можно дальше, а это было непросто, когда мы играли на сценах размером со столики для пинг-понга.

Но должен признать, что с Денни тоже были проблемы. Он был ленив. Он увлекался травкой, когда все остальные были трезвыми как стеклышко. И он постоянно что-то забывал. Мы тогда репетировали в студии в Нью-Рошеле. Это было в тридцати минутах от Бейсайда. Я заезжал за Лилкером и мы ехали по мосту Трогс Нек в Нью-Рошель. Спустя двадцать минут после нашего ухода Денни говорил: «Ох, я забыл свой бас».

«Чувак, думаю, ты забыл его на репетиции».

«Нет, он дома».

«Чувак, мы будем только через десять минут. Если будем разворачиваться — опоздаем. Придется одолжить бас у другой группы».

И такая хрень продолжалась постоянно. Денни был спокойным и апатичным, а я всегда был тем парнем — бам, бам, бам, вперед и только вперед — но выгонять его из группы у меня причин не было. Денни был в группе с самого начала. Только я и он. Мы вместе создали Anthrax, и тогда он был основным автором риффов. Чарли еще не начал писать песни, а то, что я писал раньше, еще не было настолько здорово. Отчасти мои риффы звучали как Iron Maiden, тогда как риффы Денни стали гораздо лучше по мере нашего развития. Когда мы первый раз сыграли «Deathrider», я чуть не обоссался от счастья. Это был полный улет. Но Нилу не нравился Лилкер и он считал, что он нам только мешает. Мы закончили «Fistful» в октябре 1983-го, и в ноябре у нас было шоу на роллердроме в Нью-Джерси под названием Скейтвей 9. Talas, группа Билли Шихана, были хедлайнерами, потом вышли Exciter, а следом мы. На наш взгляд, мы должны были выступать в середине, но Джонни сказал: «Exciter приехали из Канады. Мы не можем им позволить открывать шоу. Они международная группа». Международная? Гребаная Канада? Но мы любили Exciter, поэтому уступили.

У нас был отличный сэт — почти шестьсот подростков были доведены до белого каления, потому что мы были местными любимчиками. Exciter клево отыграли и тоже разнесли это место в клочья, а Talas вообще как с цепи сорвались. Видеть, как Билли Шихан играет на басу было безумием, и остается им до сих пор. Он невероятен. Все изменилось к лучшему. «Fistful Of Metal» вышел в январе, и мы с трепетом ждали, когда наша пластинка наконец появится на прилавках, чтобы люди могли купить ее,

несмотря на то, что мы так и не привыкли к этой помойной обложке. Я все еще испытывал естественный кайф от того, что пластинка вышла, когда мне позвонил Лилкер. У него был странный голос.

«Чувак, что происходит? Мне только что позвонил Нил и сказал, что я больше не играю в группе».

«Ты о чем вообще?»

«Нил только что позвонил и уволил меня».

Я понял, что должно быть он обеспокоен. Нил мне ничего об этом не сказал. У нас не было собрания группы. Я подумал, может это ошибка, и сказал Денни, что узнаю, что происходит и перезвоню.

Я позвонил Нилу и сказал: «Чувак, какого хера! Ты че, уволил Денни?»

«Мы уже это обсуждали. Ты сам все понимал…»

«Нет, мы говорили о проблемах Денни и что я поговорю с ним, и он вернется в колею. Никто, блядь, не говорил тебе звонить и увольнять его, это. ты не можешь просто взять и уволить Денни, это не.»

«Короче, его больше нет» — оборвал он меня на полуслове. «Или он, или я. Я больше не могу играть в одной группе с этим недотепой. Он полное разочарование на сцене. Он не профессиональный музыкант. Своим видом он не подходит для Anthrax».

Я носил на сцене кожаные штаны, у Нила был видок «встреча Роба Хэлфорда с Реттом Форрестером», а Лилкер носил джины и черную косуху поверх какой-то майки с изображением метал-группы. У меня никогда не было проблем с тем, как он выглядит. Клифф выглядел не так, как все остальные в Metallica, и всем было насрать. Это просто не имело никакого значения.

«Чувак, ты не можешь так поступать.»

«Ну все. Или я, или он».

Я повесил трубку и позвонил Чарли и Спитцу, и все пришли к единодушному решению. Мы не могли потерять вокалиста. Нам нужно было ехать на гастроли в поддержку альбома. Это было тошнотворно, зная, что у нас связаны руки и нас просто прижали к стене. Мы думали, что если мы потеряем Нила, то и всей группе конец. Мы застряли в этой ситуации на несколько месяцев, пытаясь найти другого вокалиста.

Я закончил разговор с остальными, сел в комнате мамы и просто начал плакать. У меня выворачивало желудок и тошнило. От состояния восторга, что только что мы только что выпустили свою первую пластинку до ощущения, что только что потерял любимого человека, а отчасти так оно и было. Я снова позвонил

Денни и объяснил ситуацию: «Нил сказал или ты, или он. Я позвонил Чарли и Денни, и не поверил своим ушам. Не хочу тебе этого говорить, но нам придется так поступить, если мы хотим идти вперед. Мы не можем потерять Нила. Так же сильно, как мы его ненавидим, мы просто ничего не можем поделать».

Денни на секунду замолчал. А потом он просто принял это как факт. Если б я не знал его лучше, я бы подумал, что он зол, но я знал, что он просто раздавлен. Говорить Денни, что я принял решение Нила, наверное, было худшим моментом для меня в истории Anthrax. Это было чертовски жестоко. Я ненавидел Нила и раньше, в основном потому что он был таким долбоебом, но он был смешным, потому что был идиотом. Теперь я искренне ненавидел его, потому что он оказался тираном и из-за него я потерял лучшего друга. Я стал мечтать о том дне, когда Нила больше не будет в группе. Я смотрел на него его же надменным взглядом и думал: «Чувак, когда-нибудь это случится и с тобой. Пока ты в группе, ты никогда не почувствуешь того, что чувствовали мы».

Мы дождались подходящего момента, когда сможем сдержать свое обещание, и поначалу это было непросто, потому что все только начиналось. Люди по всей территории Соединенных Штатов и Европы открывали для себя трэш, и это движение явно формировалось вокруг нас. Мы чувствовали возбуждение, но это было не то, в чем мы чувствовали свою ответственность. И не думаю, что Metallica это чувствовали. Забавная штука в движении или сцене в том, что по — видимому оно появляется, когда некая группа просто приобщается к определенному звучанию в нужное время, а публика налетает на это как стая диких волков. Это не то, что можно создать. Да, ты создаешь музыку, и когда фэны чувствуют этот запах, они начинают стекаться, но ты явно невластен над этим. Может ты и сможешь создать что-то новое, как только почувствуешь, как все начинает закручиваться, но мы только и делали, что писали эти песни еще до того, как другие поняли, что такое трэш. Критики поначалу называли его пауэр-метал или спид-метал. Потом кто-то придумал термин «трэш».

В марте 1984-го я поехал в Англию для раскрутки «Fistful Of Metal». Британской прессе мы понравились, и я давал одно интервью за другим. Пока я там был, Metallica проехали Лондон. У них были запланированы европейские шоу с Exciter и The Rods как последствия популярности, которую они испытывали от записи «Ride The Lightning» в Дании. Но тур был отменен из-за, хотите верьте, хотите нет, скудной продажи билетов, так что на какое-то время они застряли в Лондоне. Управляющие студии, услугами которой они пользовались в Дании, думали, что они

зависнут на пару недель, поэтому на это время они забронировали другую группу. Европейский лейбл Metallica — «Music For Nations», поселил группу на Глочестер-роуд со множеством спален и меня тоже пригласили там погостить, потому что мы были на одном лейбле. Предполагалось, что я пробуду там пару дней, но в конце концов я провел там почти три недели, так как это было мое первое пребывание в этой стране и мне где-то нужно было остановиться.

Одним субботним днем Клифф захотел купить себе новый Уокмен, потому что его сломался, и мы пошли на Тоттенхем Корт Роуд, где находятся все электронные магазины. Там мы сели на метро, что обычно было довольно просто. И хотя был март на дворе, было еще холодно, а на мне была одна моя черная косуха. На Клиффе было огромное зимнее пальто с капюшоном на меху. Мы дошли до станции рядом с Глочестер-роуд, заплатили за проезд, и прошли на станцию. Мы стояли на платформе в ожидании поезда, когда к нам подошли два копа.

«Можем чем-то помочь?» — спросил я.

«Ну, да» — ответил коп с усиками и сломанным носом. «Если сразу признаетесь, что несете запрещенные вещества, вам же будет лучше».

«Простите?» — сказал я и едва не рассмеялся, потому что это было похоже на скетч Монти Питона. «Мы не несем ничего запрещенного. О чем вы?»

«Хорошо, значит по-хорошему не хотим. Следуйте за нами» — ответил его здоровенный напарник. «Вы арестованы».

«За что?»

«За подозрение в ношении запрещенных веществ» — сказал Сломанный Нос.

Мы пошли с двумя копами в полицейский участок внутри железнодорожной станции. Они заставили нас снять куртки, и нас обыскали. В моей ничего не было, а у Клиффа была простуда, поэтому у него в кармане лежали таблетки Судафеда. Полицейские не поверили, что это лекарство от простуды и сказали, что им нужно отправить их лабораторию на исследование. Они отвели нас в заднюю часть участка, и тут наши пути разошлись. Потом меня посадили в клетку шесть на шесть, с небольшим раздвижным окошком между прутьями. Это была бетонная комната с местом для сидения. У меня забрали всю одежду, и я замерзал там, стоя в одних семейниках. Копы закрыли дверь и ушли прочь. Никто не зачитывал мне мои права и не сказал ни единого гребаного слова, мне не сказали, сколько еще я там пробуду.

В Англии, когда у тебя что-то ищут, защита прав нервно

курит в сторонке. Очевидно они не разделяют Четвертую Поправку права на частную собственность. Я знал, что со мной все будет окей, потому что не принимал наркоту, но Клифф был известным травокуром и я думал: «Господи, если у него с собой косячок, нам пиздец». Мой нью-йоркский, еврейский параноидальный мозг тут же перенесся к сцене из «Ночного Экспресса», где Бреда Дэвиса, которого играет Билли Хейз, ловят с наркотой, бросают в турецкую тюрьму и избивают охранники. Я думал: «Ну вот. Моя семья больше никогда не увидит меня снова. Я буду сидеть в какой-нибудь гребаной тюряге, и в следующий раз, когда увижу свою девушку, она положит свою сиську на стекло как в кино, и мне придется убить охранника и вырвать ему язык».

Я начал барабанить в дверь. «Эй, есть там кто?» Наконец охранник отворил дверь настежь. «Чего надо?»

«Что происходит?» — спросил я так мягко, как мог.

«Твоего кореша мы повезем обратно на квартиру, чтобы обыскать его халупу». Мой желудок упал прямо в яички, потому что я знал, что у Клиффа дома огромной мешок травки. Краем глаза я увидел, как он пожимает плечами, когда Сломанный Нос и Здоровяк и четверо других копов выводят его из двери. Я просидел в клетке еще два часа, только и делая, что проигрывая в голове возможные сценарии, что мне придется позвонить родителям и объяснить, почему я могу их больше никогда не увидеть. Время тикало со скоростью дорожной пробки, но мозг продолжал стремительно думать. Я подумал, что возможно у нас будет шанс поговорить с адвокатом, а может мы могли бы заключить сделку об уменьшении тюремного срока. Но я был убежден, что меня бросят в тюрьму где-нибудь в Лондоне, и кто знал, что куча извращенцев сделает с худеньким, длинноволосым низкорослым американским евреем. Наконец дверь отворилась, и вошел один из копов. Он передал мне мою одежду и сказал: «Одевайся. Я отведу тебя в офис капитана».

Я подумал: «Хорошего тут мало». Мне стало интересно, будут ли мои сокамерники бить меня каждый день или сделают своей сучкой и устроят групповое изнасилование. Я вошел в офис капитана с одним копом. Клифф уже сидел там с полуухмылкой на лице. И вдруг капитан начал извиняться. «Извините. У нас много проблем с драг-дилерами, особенно в дни футбольных матчей. Вы должны понять, мои офицеры заподозрили, что вы несете что-то запрещенное».

Услышав его слова, я словно спятил и начал орать на этого чувака. «Вы извиняетесь? Я только что провел шесть часов жизни в тюремной клетке в одних семейниках, потому что вы приняли

нас за драг-дилеров? Вы что, блядь, рехнулись? Что это за страна такая?»

Я просто съехал с катушек. Клифф ударил меня по ноге, чтобы я заткнулся, но я был в ударе.

Чувак сказал: «Мы понимаем, что вы расстроены…»

«Расстроен? Да я найду гребаного адвоката и засужу ваш полицейский участок за ошибочный арест!» Так по-еврейски с моей стороны. Я не мог поверить, что нам позволили так себя вести. Я вышел из-под контроля. «Ты недоразвитый ублюдок. Я там чуть дуба не дал. Никто не предложил мне ничего попить или поесть. Вы относились ко мне как к долбаному преступнику, а я не сделал ничего плохого».

Я не мог остановиться. Я просто продолжал орать. «Вы не нашли ничего лучше, чем пытать американских туристов? Мы же, блядь, говорили вам, что не сделали ничего плохого, но вы отвели нас в сторону и обращались с нами как с говном только из-за нашего внешнего вида».

Я даже не думал о том, что капитан мог бы арестовать нас за то, что я его материл. К счастью, он не предпринял дальнейших действий. Думаю, ему тоже было не по себе. Копы выпроводили нас из участка, и мы отправились обратно на квартиру. Когда вся моя ярость улетучилась, я захотел узнать, как нам удалось вытянуть этот билет на свободу. Я спросил Клиффа: «Какого хера, чувак? Что там произошло дома? Как они не нашли твою траву?»

«В каком месте ты станешь смотреть, если ищешь чей-то тайник?» — спросил он.

«Ну не знаю. Под матрасом??»

«Вот именно. И в какое место они так и не заглянули?»

Эти тупые копы даже не заглянули под кровать. Шесть бобби прочесали весь дом. Керк только немного удивился, сидя в гостиной и упражняясь на гитаре, когда они все зашли внутрь и перевернули квартиру верх дном. Но все, что они нашли, это пустые банки от пива, потому что так и не заглянули под матрас Клиффа, где у него лежал большой мешок травки. Должно быть сам Один светил нам в тот день.

Я посмотрел на часы и сказал: «Слишком поздно покупать Уокмен», и Клифф ответил: «Да и в жопу его, пойдем напьемся».

Мы вернулись, взяли с собой Керка и нажрались. Этот вечер кончился тем, что мы трое перелезли через чью-то изгородь на лужайку перед домом и на нас наорали, когда мы перебегали улицу. Ну, и что бы они нам сделали, натравили копов что ли?

ГЛАВА 9
КРАХ ТЁРБИНА

Когда я вернулся из Англии, как обычно, ездил по делам, все стало только хуже. Нила бесило все вокруг. Он считал себя всемогущим, но и понятия не имел, что уже подписал себе смертный приговор, уволив Лилкера. К сожалению, пришлось отсрочить его казнь, пока мы были на гастролях. Он стал настоящим диктатором, и целыми днями только и делал, что указывал, что нам делать. Мы путешествовали в фургончике, где места располагались рядами. В каждом ряду ехало по два человека, не считая заднего ряда, который полностью занял сам Нил. Мы положили все свои личные вещи в грузовик вместе с оборудованием. Нил настоял на том, чтобы положить его чемодан прямо в фургон, а иначе он просто не поедет в тур. Он требовал к себе особого отношения, потому что был вокалистом, и поэтому измывался над нами по-черному. Все по очереди вели фургон. Нил не вел ни разу. Он никогда никому не давал ничего из своих вещей. Если я забывал свой шампунь и спрашивал, могу ли я взять его, он говорил: «Нет, чувак. Это особый шампунь. Он из Израиля и последний в этой серии».

Все пожитки Нила были последними в серии и все были из Израиля. Их было невозможно снова достать, поэтому ему приходилось пользоваться ими очень экономно. Уму непостижимо, каким он был эгоистом. Мы сказали Джонни Зи, что больше не можем работать с этим парнем, и если хотим записать вторую пластинку, нам придется искать нового вокалиста. Довольно рискованно для группы — менять вокалиста уже на второй пластинке, поэтому мы думали, что Джонни вспылит. К счастью, Джонни ненавидел Нила почти так же сильно, как и мы, потому что Нил обычно обсирал его при нас и это говно доходило до Джонни. Нил бывало говорил: «Да в пизду этого Джонни Зи, мы должны найти настоящего менеджера. Он ни хуя не смыслит в том, что делает».

«Ну, не знаю, чувак» — отвечал я. «Посмотри на Metallica. У них все идет как надо».

«Да и хуй с ними. Кем они станут?» — отвечал Нил. «Кто они такие? Никто. Мы должны быть как Judas Priest, вот на кого надо равняться».

Нил смотрел на это так: либо ты Priest, либо ты никто. Он был выше той спид-металической музыки, которую мы играли. Его не интересовал трэш. Он любил Ретта Форрестера, Riot и

Priest. И все. Он считал, что с нами он тупо прозябает. Он не собирался уходить, сколько бы ни грозился. По его логике это было нормально. Когда мы поехали на гастроли с Raven, мы уже знали, что его время в Anthrax подходит к концу, и это дало нам немного свободы, чтобы избавиться от ощущения, будто мы все у него под колпаком. Мы были неисчерпаемы и готовы к мести.

Мы заменили Лилкера Фрэнком Белло, он начинал у нас с роуди. Он сразу въехал, это было проще пареной репы, ведь мы были друзьями, а он умел играть и уже знал все наши песни. Фрэнк тоже терпеть не мог Нила, и активно участвовал в нашем пыточном туре Тёрбина. Когда мы выступали с Raven, он при каждой возможности выводил Нила из себя. Нил был в ярости и не мог понять, почему он больше не контролирует ситуацию. «Ghostbusters» тем летом была самой популярной песней на радио. Можно было покрутить радиостанции в любом городе и услышать ее примерно шесть раз кряду. Нил не выносил эту песню, и каждый раз, когда «Ghostbusters» крутили на радио, мы врубали ее, как бы поздно не было. Все в фургоне пели припев так громко, как только могли, а Нил психовал: «Заткнитесь на хуй! Замолчите, Замолчите! Я пытаюсь заснуть! Никакого уважения».

Он это постоянно говорил: «Никакого уважения. Я вокалист, я вокалист. Никакого уважения». В конце концов он просто сдался. «Ghostbusters» продолжалась, и пока мы пели, из задней части фургона раздавалось только: «Гребаные мудаки!» Это было здорово. Он угрожал свалить, как обычно, и на этот раз мы его только раззадоривали. «Да уебывай! Кому какое дело? Давай вали, вали из группы! Кого это волнует?» Это только еще больше его злило.

Во время гастролей с Raven мы ехали большое расстояние в раздолбанном фургоне, и с нами ехал гастрольный менеджер, который должен был выдавать нам всем по десять баксов суточных раз в неделю. Прошла неделя, и никто из нас не получил денег. Мы спросили Тони, партнера Джонни Зи, который тоже был с нами в туре, где наши деньги, и он сказал нам пойти и получить их у менеджера. Короче, подгребаю я к нему: «Эй, чел, я так и не получил свои суточные».

Он сказал, что выдавал суточные в понедельник, и раз я не забрал свою долю, когда он всем раздавал, то на этой неделе мне уже ничего не достанется. Я подумал, может в крупных турах так и устроено. Откуда мне было знать? Но все это было очень странно. Я спросил Вако, должен ли я был забрать свои суточные в день выдачи, и он ответил: «Нет, когда они тебе понадобятся, только скажи об этом». Я сказал, что менеджер сказал мне другое, и он ответил, что этот чувак просто прикарманил мои бабки.

Окей, я не огромный мускулистый парень или что-то в этом роде, но я ньюйоркец и мне не нравится, когда меня наебывают. Я вернулся к этому парню и сказал: «Ну ты, говнюк! Ну-ка быстро отдал мне мои 70 баксов или я тебе щас битой башку раскрою!» И я получил свои деньги.

Под конец тура Raven выразили свое сочувствие, что мы едем в фургоне, и позвали нас к себе в автобус. А это значило, что мне больше не придется вести, что было хорошо, но у нас не было спальных коек, поэтому пришлось ехать сидя, что фигово для сна. Гастрольный график выглядел так, будто некий слепой человек бросал дартс в карту США. Мы отыграли в Лос-Анджелесе, в Кантри клубе в Резеде в четверг вечером, а потом проехали 1200 миль, чтобы отыграть субботним вечером в Сиэтле. Мы остановились в каком-то паршивом мотеле с почасовой оплатой, чтобы хоть немного отдохнуть. Прошли регистрацию. Я снял покрывала, и на всех простынях была кровь. Не знаю, то ли это у какой-то телки были обильные месячные, то ли там кого-то убили — правда меня не интересовала. Это было отвратительно и мне нужно было поспать, поэтому я достал сотню баксов, которые у меня остались от суточных, зарегистрировался в Holiday Inn и отрубился на семь часов. Я был разбит, но это был мой первый крепкий сон за несколько месяцев. После Сиэтла мы поехали обратно в Лос-Анджелес, чтобы отыграть там второе шоу в понедельник. Это было тупо. Но мы были гребанными воинами метала. Мы говорили себе: «Если это нужно сделать, мы сделаем это. Чего бы это ни стоило».

Нил стал воспринимать эту возможность все хуже и хуже. Он терял голос на сцене, потому что мы играли столько концертов, что он мало отдыхал в перерывах. «Еще одна причина, чтобы его уволить» — подумал я. Мы открывали выступление «Deathrider», он кричал, срывал себе голос и не мог петь оставшуюся часть шоу. Так же сильно, как мы хотели, чтобы он облажался, мы не хотели давать плохих концертов. Я сказал, что может ему стоит немного сдерживаться на крике «Deathrider» и дать себе передышку, чтобы петь песню целиком, не срывая голоса.

«Да пошел ты!» — заорал он. «Не говори мне, блядь, как петь. Я же тебе, бля, не говорю, как играть на гитаре! Ты ни хера не знаешь о том, что говоришь!»

Деннис, кузен Чарли, тогда таскал с собой видеокамеру и снимал шоу. Мы включили одно из них Нилу и сказали с сарказмом: «Ну, и что там происходит? Какая это нота? Уже сыграли три песни из сэта, а у тебя изо рта ничего не раздается».

Он по-прежнему считал себя хозяином положения. Последний концерт тура прошел в Роузленд Болрум в Нью-Йорк Сити. Это

было известное шоу, после которого Metallica подписались на Elektra, Raven на Atlantic, а Island пришли и открыли нас, так что в конце концов мы подписались на них. Площадка была битком, что было неслыханным событием по тем временам. Для трех тогда еще относительно неизвестных групп продать 3500 билетов в Роузленд было признаком того, что назревает что-то серьезное. Это чувствовалось и на самой сцене. Весь зал просто гудел от возбуждения, и когда мы вышли на сцену, ожидание превратилось в цунами энергии. Мы окрыли концерт «Deathrider», и тут же каждый долбаный подросток в толпе стал трясти башкой и кулаком в небо. Мы никогда не видели ничего подобного, и реально ощущали с ними связь посредством музыки. Это были правильные песни в правильное время. Это было похоже на то, как я впервые услышал AC/DC — волна шока прошла через все мое тело, словно меня ударила молния.

Эти подростки ждали, когда метал войдет в их жизнь, и мы вошли в их жизнь. Конечно, той ночью Нил не выкладывался на все сто, но казалось прислушался к нашему совету и не сорвал свой голос. Он мог где-то пропустить одну или две ноты, но любые косяки перекрывал восторг толпы. После шоу мы все были навеселе, даже Нил, пока не ввязался в большую словесную перепалку с Джонни Зи.

Megaforce изготовили для нас гастрольные жилетки. Это были атласные безрукавки олд-скульного трэша со словами «Anthrax U.S. Attack Tour 84», вышитыми на спине. Думаю, Джонни сделал это сознательно, но каким-то образом у Нила оказался не тот размер, и он просто спятил от ярости. Он сказал Джонни: «Ах ты, ебаный жирный вор-нигер».

Мы засмеялись. «Штааа? Почему он считает Джонни черным?» Нил вопил, нас сгибало пополам от смеха, а Нил все орал: «Я больше никогда не буду играть на тебя, ты ебаный жирный хуй!»

Позднее той же ночью мы с Нилом шли к моей машине, потому что мне пришлось везти этого ебаного мудака обратно из Роузленда в Квинс. По дороге он сказал мне: «Ну вот, Скотт. Я тебя уважаю, и уважаю то, чего ты добился, но я не уважаю этого жирного хуя. Я больше ни минуты не останусь в этой группе, если он останется менеджером».

И снова это было в духе «или он, или я», и на этот раз все обернулось против бедняги Нила, завершившего разговор фразой: «Мы увольняем Джонни Зи, или я ухожу».

Я добросил его до дома, пожелал спокойной ночи и улыбнулся ему молчаливой ухмылкой: «Покеда, мудила!» Через день после возвращения домой из тура я заехал к Чарли в Бронкс.

Мы ждали этого дня целую вечность. Это было что-то вроде: «Зажигай гребаные свечи на торте, чувак. Я звоню Нилу».

На то, чтоб дозвониться до него, ушла неделя. Кто знает, какого хера он делал все это время. Я ездил к Чарли каждый день, и мы звонили Нилу каждые несколько часов или даже двадцать минут, чтобы уволить его. Гудок, гудок… пока он наконец не сказал: «Алло?»

«Нил, это Скотт».

«Привет, чувак, как дел?»

«Слушай, у меня для тебя хорошая и плохая новость. Тебе больше никогда не придется играть шоу на Джонни Зи».

«Вы уволили Джонни?» — спросил он с радостью в голосе.

«Нет, мы уволили ТЕБЯ».

«Что?!?»

«Ты больше не играешь в нашей группе, Нил. Хватит с тебя, все кончено. Ты превратил нашу жизнь в жалкое существование, так больше не может продолжаться. Мы идем дальше. Мы найдем нового вокалиста…»

«Да у вас никогда ничего не получится без меня! Я — это единственная причина, что эта группа чего-то добилась. Вы никогда не найдете гребаного вокалиста лучше меня, вы никогда не найдете…»

Настала моя очередь его обрывать. «Ага, спасибо, Нил. Пока».

Когда я повесил трубку, он все еще орал на меня. Чарли, Фрэнки и я ощутили восторг и засмеялись. Мы позвонили Джонни Зи и сообщили ему новости. Он был счастлив не меньше нашего. В свете увольнения Нила я на минуту подумал о том, чтобы предложить Лилкеру вернуться в группу. Может я мог бы спасти нашу дружбу, но на тот момент Фрэнки был с нами уже восемь месяцев. С тем же успехом я мог бы сказать, что хочу дать Денни еще один шанс, потому что его выгнали несправедливо. Но по сути Денни был в зеркале заднего вида. Я был больше снедаем поиском нового вокалиста и продвижением вперед, а Фрэнки играл пальцами как Стив Харрис, и на сцене ему не было равных. Кроме того он стал нашей семьей.

Когда я говорю о семье Фрэнки, я говорю не о сильной связи между не связанными родственными узами коллегами по группе. Фрэнки по сути и есть семья. Чарли — дядя Фрэнки, и их отношения временами бывают наполнены внутренним безумием. Оба эти парня — талантливые и упрямые итальянцы родом из Бронкса, и они выросли в одном доме как братья. Чарли всего на пять лет старше Фрэнки, и когда Фрэнки был очень молод, его родители разошлись, и он вернулся в дом матери Чарли, потому что мама Фрэнки — старшая сестра Чарли.

Они все время тусили вместе, джемовали, слушали KISS и дрались. Чарли спокойный, хладнокровный и собранный, а Фрэнки — полная ему противоположность. Он опасный как нитроглицерин. У Чарли большой запал, но когда Фрэнки сжигает его фитиль, они оба взрываются и оставляют после себя дополнительные разрушения.

Однажды во время работы в репетиционной студии Топ Кэт в Нью-Йорке Фрэнки начал по какому-то поводу орать на Чарли, а Чарли начал орать в ответ. До того, как я понял, что происходит, Фрэнки схватил скейтборд и бросил им в Чарли. Он промахнулся, и скейт ударился об стену. Чарли взял его и бросил его обратно еще сильнее. Потом Чарли вышел из себя, и Фрэнки заорал, что отхуярит его. Семья!

Мы вернулись обратно в Итаку, Нью-Йорк, на запись своего второго альбома «Spreading The Disease» в ноябре 1984-го с Карлом Кэнеди, т. к. он проделал отличную работу на «Fistful Of Metal». Мы уже написали большую часть песен. В музыкальном плане это было настоящее сотрудничество между мной, Чарли и Лилкером. Единственная вещь, которая не была написана на тот момент, это «A.I.R.», она появилась гораздо позже, после того, как Джои Белладонна присоединился к группе. Чарли принес эту песню под конец сессии записи, и она реально показала, насколько сильно он стал самобытен как композитор. А еще она показала, как далеко мы ушли в музыкальном плане, и это в значительной степени проложило мостик между «Spreading The Disease» и «Among The Living».

Опять-таки у нас были песни, но не было вокалиста. Этот небольшой трабл мог бы сбить с пути многие группы, но мы были в ударе, и нас уже ничто не могло остановить. Это было лишь очередное препятствие на нашем пути. У нас и раньше были смены состава; это была лишь еще одна кочка на дороге. Я ни минуты не сомневался, что мы вернемся еще сильнее, чем прежде.

Мы начали с того, что уволили парня по имени Мэтт Фэллон, который пел с гитаристом Дейвом Сабо (он еще тогда не создал Skid Row) в Steel Fortune. Я познакомился с ним, когда мы играли с Metallica и Steel Fortune в Сейревиле в 1983-ем. На сцене его голос был хорош. Поэтому, когда мы искали нового вокалиста, общие друзья порекомендовали его, и я снова заценил Мэтта на шоу Steel Fortune в Нью-Джерси. Он был властным и обладал мощным голосом. После шоу я спросил его, нет ли желания прослушаться в Anthrax. Он был полон энтузиазма, на прослушивании он был хорош, и мы подумали, что состав готов.

Но когда Мэтт начал петь в Итаке, мы поняли, что он еще

салага и пытается прыгнуть выше головы. Когда он пел, он как будто терял свой голос. Ему потребовалась куча дублей, и ни один не звучал достаточно хорошо, так что сразу стало понятно, что долго он не продержится. У него было гораздо больше амбиций, чем опыта, а еще он был треплом. Пока мы были в Итаке, нам поступило приглашение открыть шоу Scorpions в Нью-Джерси, и мы все были в восторге от него. А потом Мэтт сказал: «Мы не можем открывать шоу Скорпов».

«Ты о чем?» — спросил я.

«Мы не можем выступать с ними на одной сцене. Они же нас уничтожат на хрен».

Это была последняя капля. Потребовалось всего два месяца, чтобы понять, что этот чувак нас совсем не радует, и после этого комментария Чарли, Денни, Фрэнки и я решили его выпроводить. Если у тебя нет веры в свою группу, можно с тем же успехом работать на автомойке. Через пару часов после этого разговора мы выгнали его как Metallica Мастейна. Мы буквально пошли и купили билет на автобус до Нью-Йорка, отдали ему и сказали: «Извини, чувак, но ничего не выйдет».

ГЛАВА 10
ДЖОИ БЕЛЛАДОННА: ДУБЛЬ ПЕРВЫЙ

Когда Джонни Зи прознал, что мы уволили Мэтта Фэллона, он аж побагровел от злости. Мы и так превысили бюджет, и он ждал, что из студии мы выйдем уже с готовым альбомом. Последнее, о чем он был в курсе, что мы записали гитары, бас и ударные, и единственное, чего нам не хватало, это вокала, и тут он вдруг узнает, что мы уволили Мэтта. Мы были настолько отчаянными, что решили выпустить пластинку квартетом. У нас будет два вокалиста как у KISS. Фрэнки станет Полом, а я Джином, потому что у Фрэнки чистый голос, а я могу петь в более хардкоровом стиле. Мы решили поделить песни и переть как танк, потому что не могли сидеть в студии и бездельничать и дальше. Эта идея ни у кого восторга не вызвала, особенно у меня и Фрэнки, но мы решили сделать это, если это было нужно, чтобы закончить эту гребаную пластинку.

Мы уже были готовы начать запись вокала, когда Карл сказал: «Слушайте, я знаю одного местного парня, он играет в группе Bible Black. Они раньше выступали за пределами Нью-Йорка. Вокалист что надо. У него длинные черные волосы. Выглядит отлично, да и у него отличный голос. Знаю, что его зовут Джои. Я только понятия не имею, как с ним связаться».

Карл сделал пару-тройку звонков, и вышел на Джои Белладонна через парня, который занимался рекламой клубных концертов. Джои жил в Платтсбурге, штат Нью-Йорк, и не знал, кто мы такие, но искал работу, так что через два дня он уже был в Итаке. Он не знал о трэше буквально ничего. Он не знал Metallica, Megadeth, Slayer и Exodus. Джои больше интересовался классическим роком. На прослушивание Белладонна приехал в очень-очень тесных джинсах и кожаных ботинках. Это были не Док Мартинс или что в этом роде. Но это были и не ковбойские сапоги. Скорее что-то между… эдакие рокерские ботинки. На одном из них висела цепь. А еще он был в рубашке без рукавов в тигровую полоску и довольно короткую. Было такое чувство, что ему пришлось напялить этот маскарад, и вообще одеться для встречи с нами так, как, по его мнению, должен был выглядеть вокалист. Может, для некоторых групп это и было бы ништяк, только не для Anthrax.

Я стоял в футболке Agnostic Front, рваных Леви с

подтяжками, и думал: «Что за черт! Но у него хотя бы есть длинные волосы». Должен признать, что судил его по внешнему виду. Возможно он оценивал меня точно так же. Я постарался отбросить в сторону свои предрассудки и дать ему шанс, раз уж он пришел. Может чуть позже мы научили бы его правильно одеваться. Мы настроили в студии микрофон и попросили его зайти и спеть что-нибудь без музыки, просто чтобы мы могли почувствовать его голос.

Он подгреб к микрофону и начал петь «Oh, Sherrie» Journey и «Hot Blooded» Foreigner. Песни, которые он выбрал, тогда не входили в мою десятку лучших, но у него был отличный голос, а мы никогда раньше не работали с настоящим вокалистом. Джои пел с вибрато, знал, как правильно дышать, и был техничен. Он объявил, что будет петь, и исполнил ноты как сам Роб Хэлфорд. Карл тут же сказал: «Вот он, ваш золотой билет. Только послушайте голос этого парня. Вы же не будете похожи ни на одну из групп. Это выведет вас на мили вперед всех остальных».

Мы думали о том же, но не знали, как голос Джои подойдет к трэшевой музыке, которую мы играли, и будет ли ему вообще интересно петь под нее. Мы спросили его, не мог бы он потусить с нами недельку и поджемовать. Он заинтересовался. У него при себе была сумка, так что он пришел готовый остановиться на пару дней. Мы решили сходить пообедать и потусить вместе. Я ему даже сказал: «Эм, а у тебя случаем нет другой одежды, потому что нам не нравится, как ты одеваешься?»

«А, ну да. Вообще-то я так не хожу» — сказал он. «Я слышал, что вы метал-группа, поэтому достал кое-какие вещи, в надежде что выгляжу клево, но я уже вижу, что это не так».

Он переоделся в джинсы и футболку, и стал выглядеть как нормальный парень, что для нас было намного комфортнее. Мы поржали с ним над идеей иметь определенный металический образ и много болтали о музыке. Ему нравились такие группы, как Rush, Deep Purple и Black Sabbath, у него были альбомы Iron Maiden и Judas Priest и мы решили, что в конце концов он вольется.

С Джои мы начали работать поздней осенью 1984-го. У него не было такого безмерного эго, как у Нила и Мэтта, и он был открыт к советам. Мы сразу перешли к разучиванию материала с «Fistful Of Metal» и парочке новых вещей. Это была кривая обучения, но очень скоро он въехал в то, что мы делаем. Он не задавал много вопросов и позволил себе впитать наш материал. Он был готов учиться, но не хотел быть главным. Вообще-то это были хорошие отношения. Каждый день он садился в студии в наушниках и просто впитывал наш стиль и разучивал песни. Я

сидел и работал с ним, чтобы помочь спеть с нужным настроем и агрессией. Джои быстро все схватывал и когда что-то выучивал, он добавлял к этому что-то свое и пел на пределе своих возможностей.

В начале 85-го мы решили, что пока ничего не записали с Джои, нужно дать пару-тройку концертов. Мы никогда не видели его на сцене, а он и понятия не имел, как выглядят трэш-концерты, как выглядит мошпит и насколько безумны наши фэны. Мы забронировали серию концертов на Восточном Побережье, и сказали ему считать шоу образовательным опытом. Я сказал: «Слушай, это будет отлично, потому что ты сможешь почувствовать, что творится в этом жанре музыки, а потом сможешь вернуться с новым пониманием, насколько энергичной и взрывной она бывает. Ты должен это почувствовать, музыка должна пробрать тебя до кишок».

Он был целиком за, и мы отыграли в Нью-Йорке, Провиденсе, Бостоне и паре других городов, путешествуя в старом арендованном RV. Билли Милано был нашим водителем, так что Джои довольно скоро увидел тех, кого мы называли друзьями, которые в свою очередь зависали на местной метал-сцене. Были и другие сюрпризы.

Фэны ныряли со сцены, приземляясь друг на друга. Некоторые плыли вперед ногами и задевали своих приятелей мошеров ботинками по лицу. Начиналась драка. Была кровь, хаос. Это была анархия, только уже в США. И Джои она пришлась по нраву.

То, что мы сменили колеса и взяли его на гастроли, оказалось хорошим шагом, шагом, который помог ему раскрыться на «Spreading The Disease». Джои очень хорошо справился с задачей и спел песни так, словно был с нами с самого начала. На это потребовалось время, но работая над одной песней за раз и тщательно прорабатывая каждый куплет и каждый припев, и позволив всему этому впитаться, он исполнил потрясающие партии вокала. Благодаря нашим рекомендациям он научился, но добавил и собственные идеи к выбору нот, а его врожденное чувство мелодии отлично дополнило общую картину. На мой взгляд его работа на «Spreading The Disease» — это лучшая его работа в Anthrax до самого его возвращения на «Worship Music».

Одна вещь в Джои, которая казалась благом, но на поверку оказалась проклятьем — это что он не писал свои тексты песен. Он был абсолютно счастлив, когда пел мои слова и никогда не ставил под сомнение их содержание. Многие годы меня это устраивало, потому что мне нравился новый творческий челлендж, да и никто в группе не хотел писать тексты. Но это

добавляло дополнительное время к процессу записи, время, которым мы не располагали. Очевидно я был вынужден закончить слова к песням до того, как он должен был их спеть.

На «Spreading The Disease» есть пара вещей, незаконченных еще с первого альбома. Нил написал тексты к «Armed And Dangerous» и «Gung-Ho», а я все остальное. Главная тема, которая проходит через весь альбом, это тема изгоя и борьбы за выживание. «A.I.R.» расшифровывается как «Adolescence In Red», это моя игра слов над «Rhapsody In Blue» Джорджа Гершвина. Я подумал, что было бы недурно придумать такое забористое название. Все считают, что «Madhouse» повествует о пребывании в лечебном учреждении, но на самом деле это метафора, что мы пытаемся оставить свой след в истории. «Medusa» рассказывает о персонаже греческой мифологии, женщине со змеями вместо волос, которая превращает людей в камень одним только взглядом. Эта притча стала метафорой о дерьмовой жене или девушке, но я писал не об этом. Просто Медуза казалось металом до мозга костей.

«Aftershock» — это мое видение ядерного апокалипсиса, а «The Enemy» — моя первая социальная композиция. Она о Холокосте. Будучи евреем я с раннего возраста узнал о Гитлере и нацистах, о том, что они убили шесть миллионов евреев, и считал своим долгом что-нибудь написать об этом. Называйте это этническим долгом, если хотите. «Lone Justice» о персонаже Роланде Дешейне из книги Стивена Кинга «Темная Башня». Это мой первый экскурс в мир Стивена Кинга, которого я открыл для себя в конце семидесятых после просмотра фильма «Керри». Этот фильм показался мне очень клевым, и я решил заценить книгу. К тому времени я стал заядлым библиоманом, и после прочтения «Керри» подсел на него. В 1978-ом Кинг выпустил «Противостояние», и я буквально затер его до дыр. Кроме того я хотел, чтобы герой песни «Lone Justice» был похож на Клинта Иствуда из фильма «Хороший, Плохой, Злой».

Я написал большую часть песен «Spreading The Disease» в начале 85-го, вынужден был это сделать. Мы уже находились в студии почти восемь месяцев, все гитары были записаны, а я по — прежнему торчал в Итаке, чтобы работать с Джои и удостовериться, что у него нужная интонация и эмоции для песен. В марте он начал записывать вокал. С наступлением апреля-мая начались странности с Карлом. Он забредал в студию посреди дня, пару часов мы над чем-то работали, а потом Карл смотрел на свои часы и говорил: «О, мне пора. У меня дома куча дел, о которых нужно позаботиться». Это стало происходить каждый день, и уходя домой, он не хотел, чтобы мы что-то делали

с Алексом Периаласом, звукоинженером пластинки. Он лишь хотел, чтобы мы дождались его возвращения, а обычно это происходило только на следующий день.

Мы с Джои начали очень нервничать, и спросили Карла, что происходит, и почему он не работает с нами дольше. Ответил он так: «Если б вы могли приехать ко мне, подстричь газон и помочь по дому, тогда бы я мог проводить больше времени над продюсированием пластинки».

Я позвонил Джонни и передал ему слова Карла. Это было последнее, что он хотел услышать, потому что с каждым днем мы все больше превышали бюджет, и в тот момент у него были большие проблемы дома с женой Маршей и партнером Тони Инциджери. Тони в сущности управлял Raven, а Anthrax был детищем Джонни. На запись нашего альбома ушло столько денег, что Тони и Марша хотели поскорее завязать, смикшировать то, что у нас уже есть и просто его выпустить, несмотря на то, что вокал еще не был закончен. Для Марши и Тони Anthrax были обузой. Они хотели сосредоточить все свои усилия и финансы на Raven, которые подписались на Atlantic, и записывали пластинку, которая будет более коммерчески успешной с потенциалом для ротации на радио. Они считали, что Raven добьются большого успеха. Разумеется, этого не случилось. Но Тони спорил, что Megaforce просто растрачивают на нас свое время и ресурсы, и Anthrax никогда не станут коммерчески рентабельными.

К счастью, Джонни по-прежнему в нас верил, и он забрал все деньги, которые оставались у него на банковском счете, около 29000 баксов, и приехал в Итаку. Он свалил из Джерси и остановился у нас в квартире, потому что был решительно настроен закончить пластинку. Вот тогда студийные часы стали более регулярными. Если Карла не было на месте, мы работали с Алексом, и это было удовольствием, потому что он отлично умел продюсировать пластинки, и с течением лет доказал это много раз, и в любом случае он был звукоинженером всей пластинки. В конце концов партии вокала были записаны, и настало время микшировать пластинку. Это должно было занять две недели, но ушел целый месяц, потому что Карл снова затягивал процесс.

Но должен признать, что 30 июня 1985-го, в день, когда мы официально закончили микширование «Spreading The Disease», мне очень понравилось его звучание, и он понравился мне куда больше, чем «Fistful Of Metal».

ГЛАВА 11
СЕРЖАНТ ДИ НАСТУПАЕТ!

Большую часть времени в Итаке я проводил один, стараясь придумать, чем бы еще заняться кроме написания текстов песен. Я едва не обрил голову, но Билли Милано вовремя меня отговорил. Вместо этого он выбрил у меня на волосах на груди слово «NOT» и сказал: «Ты не должен брить голову, это полная херня. Это не твое. Ты втыкаешь в хардкор, это клево, но береги длинные волосы». Я уже был известен под кликухой Скотт «НЕТ» Иэн. Но появилась она вовсе не благодаря фильму «Мир Уэйна». В 70-х у меня на районе все говорили «НЕТ» в той же саркастичной манере, как это позже сделают Уэйн и Гарт. Так это слово и вошло в мой лексикон.

В общем, башку я брить не стал, но продолжил слушать хардкор-группы типа Discharge, GBH, Exploited; нью-йоркские группы вроде Agnostic Front, Murphy's Law, AOD, Cro-Mags, the Crumbsuckers; музыку Западного Побережья вроде Suicidal Tendencies и Black Flag. Мне было плевать, откуда эта музыка. Я любил Corrosion Of Conformity (COC), они были из Северной Каролины, D.R.I. (Dirty Rotten Imbeciles), эти родом из Хьюстона, и немецкую группу Inferno.

В то же время я начал рисовать комикс, посвященный зомби-персонажу по имени Сержант Ди. Это был мой ненормальный взгляд на Сержанта Рока, комического героя Второй Мировой в сочетании с моей любовью к ужастикам. Сержант Ди мертвяк, курит сигару, правоцентрист и очень злой чувак — что-то среднее между восставшим из мертвых Рашем Лимбау и Рэмбо. Ненависть питает его жизнь. Он не расист, просто ненавидит все живое. Я рисовал эти комиксы и развешивал их по студии. На одном Сержант Ди тренирует команду Малой Лиги, сплошь состоящую из зомбаков, и один из подростков бежит на первую базу, судья окликает его, и сержант Ди отрывает этому парню башку. Полная херня, конечно, но я развешивал их по студии, а Джои, Карл и Алекс читали их и ржали как ненормальные.

Пока мы играли в игру «торопись-не спеши», записывая «Spreading», Чарли, Фрэнки и я на скорую руку записали хардкоровую демку, со мной на вокале, и отправили ее Джонни, чтобы у него было понимание, как может звучать хардкоровый проект в нашем исполнении. На демку вошли кавера на темы «United Blood» и «Last Warning» Agnostic Frost, а с ними и наша версия «Hear Nothing See Nothing Say Nothing» группы Discharge.

Тогда мы еще не знали, как назовем проект, потому что хоть у меня и был герой комикса, Сержант Ди еще не стал полноценным музыкальным проектом. Джонни понравилась идея, что мы соберем хардкор-бэнд, и он посоветовал нам назвать его Diseased, в качестве стеба над Anthrax. Чем больше я размышлял о хардкор-группе, тем больше начал думать о том, как бы объединить ее с моими рисунками комиксов. Я не такой уж хороший художник, и мои рисунки были кустарными, но смешными, и сделав парочку таких, я начал писать песни от лица Сержанта Ди. Тогда-то у меня и родилось название Stormtroopers Of Death (S.O.D.).

Я подумал, вот будет корка, если песни S.O.D. сделать безумно быстрыми, тяжелыми и короткими. Тогда я написал риффы, отчасти хардкоровые, но с налетом метала. Так я видел. По большей части песни были шестьдесят или девяносто секунд длиной, а пара-тройка шуточных тем всего по три-четыре секунды. Не успел я оглянуться, как у меня было готово где-то 9-10 песен.

Но с другой стороны я зашел в тупик. Все начало звучать очень похоже. Тогда я позвонил Денни Лилкеру за помощью. Я свалился ему на голову как кирпич, и отчасти ждал, что он пошлет меня на три веселые буквы. Мы почти не связывались последние полтора года, с того самого момента, как Нил уволил его из Anthrax. Пару раз, конечно, пересекались, но нам почти нечего было сказать друг другу, да и мы явно не тусили вместе.

Он ответил на звонок, и я рассказал, мол, то да се, сижу в Итаке, записываю материал Anthrax, в свободное время начал писать очень быстрые вещи, смесь хардкора и метала, и подумал, что он идеально подойдет для работы над ними. Я знал, что Денни прется от хардкора, потому что время от времени видал его на субботних хардкор-сейшенах в CBGB. Он сказал, что приедет, и реально — пару дней спустя он сел на автобус от Нью-Йорка до Итаки и несколько дней провел в студии. Мы сразу нашли общий язык, и засели писать материал. К сожалению, это сразу же вызвало трения с Фрэнки, потому что он вдруг оказался за бортом того проекта, над которым я и Чарли работали с нашим бывшим басистом.

Фрэнки по понятным причинам был зол, потому что он играл на других хардкоровых треках. А теперь мы двигались вперед без него, и он оказался не у дел вместе с Джои и Спитцем, которые в общем-то никогда и не были его корешами. Бесспорно, назрел раскол, первый из многих в истории Anthrax. Джонни оказался меж двух огней, пытаясь сохранить мир. Он объяснил Фрэнки и остальным, что мы не занимаемся S.O.D. во время работы над Anthrax. Вопрос никогда не ставился так — либо одно, либо

другое. Anthrax всегда стоял на первом месте. Просто у нас было свободное время, но когда я вернул Лилкера на поле боя, все вышло как по маслу. Я даже считал, что S.O.D. поможет Anthrax, потому что если любители хардкора заинтересуются группой, получится естественный мостик для других, чтобы они заценили, чем мы занимаемся в Anthrax.

Вспыхнувшие трения по сути тоже вдохновили Денни Спитца на создание сайд-проекта и попытку привлечь Джои и Фрэнки. Фэны английской поп-музыки помнят, как парочка парней из Duran Duran ушли из группы и создали Power Station, добившийся большого успеха, а потом другие чуваки из Duran Duran создали свой сайд-проект под названием Arcadia, на который всем было насрать. Мы с Чарли частенько шутили, что создаем свой Power Station, а они как Arcadia — хотя их проект все равно не состоялся.

Так же сильно, как мне не нравилось бросать Фрэнки, я знал, что Лилкер это то, что нужно для S.O.D., потому что он отличный композитор, и его андерграундный дух отлично подошел к музыке. Пока Денни был в Итаке, мы написали еще десять песен, и наконец S.O.D. был готов. Он напоминал Anthrax, только был другим. В конце концов эту музыку назовут кроссовером. На нем были отличные метал-риффы, но его основу явно составлял хардкор, все это было забавы ради. Серьезно. Если мы не угорали от песен, значит это был не S.O.D. Группа была одной большой внутренней шуткой, вот почему она такая клевая. И хотя мы с Денни написали все песни (за исключением «No Turning Back» и «Pi Alpha Nu», которые написал Билли Милано), S.O.D. бы никогда не стали тем, кем они стали, не будь с нами Билли.

Я встретил его на шоу Agnostic Front/Murphy's Law в CBGB в начале 84-го. Он подошел ко мне и сказал: «Слушай, а ты случаем не из Anthrax? Я слыхал, что вы здесь с концертами выступаете». Потом он рассказал, что слыхал треп каких-то бритоголовых, которые ненавидят волосатиков, о том, что хотят меня отпиздить, и предложил мне пойти за кулисы, чтобы потусить с ним и Agnostic Front.

Я сказал: «Да канеш, с радостью». Кроме благодарности за то, что меня спасли от возможного избиения, Agnostic Front были Меккой нью-йоркского хардкора. Мы обожали музыку, а они ей ЖИЛИ. Они все время участвовали в драках, а их вокалист Роджер Мирет в конце концов угодил в тюрягу почти на два года по наркоте. Я просто был вне себя от восторга, что встречусь с ним и гитаристом Винни Стигма. Потом я потусил с Билли, басистом хардкор-группы Psychos. Он был огромным, устрашающим парнем, а на сцене превращался в настоящее

оголтелое чудовище, так что он сколотил себе кой-какую репутацию в сообществе нью-йоркских хардкорщиков. Довольно клево, что Билли стал моим корешем, потому что в те дни было налицо сильное разделение между металистами и фэнами хардкора. Волосатиков явно не жаловали на субботних сейшенах в CBGB. Бритоголовые и панки не любили друг друга, но единственное, в чем они сходились — это в ненависти к волосатикам. Благодаря Билли меня довольно быстро приняли в эту сцену. Я даже сказал Билли: «У меня никогда здесь не было проблем с теми, кто хотел со мной подраться», а он ответил: «Ну это только потому, что ты знаешь меня! Если бы они связались с тобой, им бы пришлось связаться со мной».

Я бесспорно это оценил, потому что мой рост был всего пять футов шесть дюймов, и крепким телосложением я похвастаться не мог. Билли бывало говорил: «Мы тут собираемся нанять Жака Костю на поиски твоей впалой груди». Билли с восторгом относился к S.O.D. Он выглядел как надо, и въехал в ехидное, аполитичное содержание без колебаний и сожалений, как акула, вонзающая свои зубы в бок тюленя.

Кое-какой материал, из того, что он пел, тоже был довольно грубым. К примеру, заглавный трек «Speak English Or Die»: «Nice fuckin' accents, why can't you speak like me? / What's that dot on your head, do you use it to see?»[17] А потом была «Fuck The Middle East»: «They hijack our planes, they raise our oil prices/We'll kill them all and have a ball and end their fuckin' crisis»[18]. Теперь эти тексты кажутся просто смешными до тупости.

Было здорово работать над этими песнями после кропотливой, бесконечной рутины, которой обернулась запись «Spreading The Disease». Мы закончили сведение «Spreading» 30 июня 1985-го, так что оборудование все еще стояло в студии, готовое к работе. Даже барабаны были подключены. Это позволило нам вплотную заняться «Speak English Or Die», и записать его быстро и дешево. Карл знал, что мы готовимся к работе над S.O.D., и сказал мне однажды, что с радостью станет продюсером этой пластинки. Мы бы ни за что не пошли на это после тех временных издержек, что пошли на запись «Spreading». Мы запланировали записывать пластинку S.O.D. на выходных, пригласили Алекса на ее запись, и он проделал потрясающую работу.

Одна единственная репа прошла 1 июля. Присутствовали я, Чарли, Денни и Билли, и мы записали альбом 2 июля. Вокал записали 3 июля и провели барбекю-вечеринку, чтобы на следующий день отпраздновать 209-ый день рождения Америки. 5 июля мы свели его, и он был готов. И хотя по музыке он

полностью отличался от «Spreading The Disease», можно поставить его и пластинку S.O.D. бок о бок, и они будут звучать одинаково круто.

Послушав заново «Speak English Or Die», мы поняли, что у нас получилось что-то невероятное. И альбом кажется особенным, зная, что мы записали его всего за три дня — чуть ли не высрали его из себя. На тот момент тяжелее не было ничего. На нем были бластбиты, и он был быстрее и брутальнее, чем все, что мы слышали до этого. Мы все им очень гордились.

Хотя когда народ услышал эту пластинку, они сразу решили, что Билли — расист. Чего они не догнали, так это что в тени проекта был гребаный еврей. Никто и не обеспокоился погрузиться в мотивацию содержания; они просто отреагировали как умели, и Билли досталось по полной программе.

«Ты ублюдок, Скотт!!» — сказал он однажды. «На меня со всех сторон льется все это говно, что я расист и все хотят меня отпиздить, это все твоя вина! Ты хитрожопый мелкий хуй. Это все твоя идея, а ты только стоишь, улыбаешься и играешь на гитаре».

Билли не был расистом, ксенофобом или гомофобом, но он полностью впитал эти качества. Этим он обязан герою Сержанта Ди. Вдобавок, он выглядел как парень, который мог реально поверить в то, что говорил Сержант Ди. Сержант Ди ненавидел всех без разбору: белых, черных, азиатов, арабов, христиан, евреев, мужчин, женщин, детей, взрослых. Он жил ненавистью. Билл был скином, но явно не был расистом или нацистом. Мне постоянно приходилось говорить людям: «Я гребаный еврей. Ты и правда думаешь, что я стал бы играть в одной группе с нацистом?»

Мне казалось смешным, что кто-то мог воспринимать то, что мы делаем, не как шутку. Музыка буквально была пропитана сарказмом; у нас были трехсекундные песни и ряд тем про молоко. Да, это было чрезвычайно не политкорректно и опережало свое время, но такое уж у меня было чувство юмора, я такой с детства. У меня нет священных коров, когда дело касается юмора, и я очевидно не расист, не гомофоб, не шовинист — ничего из перечисленного. Я просто терпеть не могу политкорректность, особенно в музыке. Если собираешься играть агрессивную музыку, одна только мысль о ее «бабизации», если использовать одно из моих любимых выражений Джорджа Карлина, отнимает у нее всю мощь.

Я терпеть не мог трезвый подход. Я не слишком много пил, но ненавидел одну только мысль, что панк-рокеры, которые пишут громкую музыку, проповедуют отказ от бухла, наркоты и секса. А еще были трезвые чуваки, которые говорили своим

фэнам хранить девственность до самого брака. Я подумал: «Какого хера? Это ж не католичество. Это рок-н-ролл». Это слово было эвфемизмом траха еще со времен Чака Берри. Так что с самого начала я занялся S.O.D., держа в уме парочку простых целей: записать самую тупую пластинку из возможных, записать самую тяжелую пластинку всех времен и чтобы вся пластинка получилась издевательской, от сексизма «Pussywhipped» и «Pre-Menstrual Princess Blues» до злобы «Kill Yourself».

Самое хуевое в ответной реакции было в том, что все, кто знал об Anthrax, также знал, что я еврей, и при этом нашлись такие, кто принялся строчить рецензии, что мы расисты. Когда мы играли живьем, скины-нацисты приходили на наши шоу и зиговали нам. Билли говорил: «Опустите свои ебучие руки, долбаые мудаки. Я щас спущусь и поломаю их на хуй».

Вся эта мифология возникла вокруг «Speak English Or Die», который сейчас считают революционной пластинкой в жанре кроссовер. Правда в том, что когда он вышел, практически никто не знал о его существовании. И только после выхода «Among The Living» фэны вернулись к нему и открыли для себя S.O.D. Когда вышел альбом, мы отыграли всего семь концертов в Нью-Йорке и Нью-Джерси. Мы открыли шоу Suicidal Tendencies в Л'Амур, а потом отыграли пару гигов с Overkill. Наш последний концерт состоялся в клубе Ritz 21 декабря, и прошел он при участии Motorhead, Уэнди О.Уильямс и Cro-Mags.

Шоу были довольно запоминающимися. Билли частенько вступал в драки со скинами-нацистами. Когда кто-нибудь пытался проповедовать ненависть или говорить, что они считают нас частью своей тусовки, мы четко давали понять, что нас не за тех приняли и что они идиоты. Мы советовали им покинуть шоу и уебывать подобру-поздорову. Большинство втыкали в музыку и оценили шутку, но без дебилов никуда, и кому-то приходилось расплачиваться.

На одном шоу с Suicidal какой-то сопляк панк в переднем ряду плюнул в Билли. Я видел, как очередная порция слюны приземляется Билли на спину, когда он повернулся задом, но я не видел, кто это делает. И вот наконец я увидел этого парня. Это был один из тех, кого мы обычно называли «панками за мир», они тащились от групп вроде Reagan Youth. Они были грязными и дерзкими, и выглядели как какие-то растаманы. Они ненавидели Билли, потому что он был скином с большой глоткой, а это противоречило тому, за что они ратовали. Увидев лицо плюющегося парня, я прервал шоу, подошел к микрофону и сказал: «Билли, вон тот гребаный чувак дерзкого вида, он плюется на тебя вот уже четыре песни».

Билли спрыгнул вниз, вытащил его на сцену и начал бить его так, словно бил тряпичную куклу. Отвесив пару ударов, он схватил парня за руку. Я решил, что он хочет его выпроводить из клуба. Вместо этого он так резко дернул ему руку, что парень издал отвратительный крик. Затем он сморщился и стиснул зубы, потому что ему было очень больно. Нос и рот были в крови, по щекам текли слезы, разбавляя кровь. В зале было слишком шумно, чтобы услышать хруст, но его рука висела под невообразимым углом, так что Билли наверняка ее сломал. Никто не поднялся, чтобы это проверить, а Билли только развернул его и бросил с лестницы, а потом охранник клуба открыл дверь и вышвырнул его на улицу. Я был слегка шокирован. Я не думал, что все зайдет так далеко, но при этом Билли четко донес свою мысль. Не надо плеваться в нас, вашу мать. Если тебя поймали, будь готов отвечать.

После семи концертов мы с Чарли решили вернуться к работе над Anthrax, Билли создал группу с похожим названием M.O.D., а Денни вернулся в Nuclear Assault. Не считая чувства, что я стал участником реально убойного альбома, было здорово снова поработать с Лилкером. И хотя это не стерло из памяти то, что произошло в Anthrax, было чувство, что мы наконец-то нашли выход из тупика. Мне нравилось осознавать, что большая часть недавних воспоминаний о Денни, это запись S.O.D., а не попытки объяснить, почему мы не смогли его оставить в Anthrax. Для меня это было здорово с психологической точки зрения, думаю для него это тоже было полезно.

С 85 по 88 мы виделись гораздо чаще, чем раньше. Мы пересекались, я играл в Anthrax, он — в Nuclear Assault. Но надо признать, мы уже никогда не были теми друзьями, какими были в юности. Те времена остались в далеком прошлом. Довольно трудно сохранить отношения с кем-нибудь из прошлого, особенно когда ты играешь в группе и путешествуешь по десять месяцев в году. Но полностью простить такое серьезное событие, как увольнение из группы, которую ты основал, ну что, мечтать не вредно. Сложись жизнь иначе, со мной бы случилось то же самое. Некоторые вещи невозможно забыть. Мы до сих пор время от времени пересекаемся, обычно на фестивалях, и между нами нет враждебности или какой-то неловкости. Мы вместе тусим, и это круто. Просто все не так, как было раньше, и уже никогда не будет.

Вдобавок к тому, что мы перлись от хардкора S.O.D., в 85-ом Чарли, Фрэнки и я целыми днями слушали рэп. В этом не было ничего нового. В те дни, когда мы не слушали Maiden, мы заводили Run DMC, LL Cool J и Eric B. & Rakim, все то музло, что

выходило с 81 по 85-ый, еще до появления Public Enemy. Я любил рэп так же сильно, как обожал метал. Как-то ночью мой приятель, гитарный техник Джон Руни и я сидели в моей крошечной спальне у мамы дома (аппаратуру мы вынесли из комнаты). Мы стали сочинять текста про Anthrax в духе рэпа: «Мы Anthrax, говно не толкаем, на хиты нам насрать, мы хиты не лабаем».

Ни один из нас не был рэппером, но мы читали друг другу рэпчик и тупо угорали. Я подключил гитару и сыграл еврейскую фолковую песню «Хава Нагила», пока Джон продолжал читать рэп. Я сказал: «Вот умора, епти! Самое тупое занятие на свете. Жду — не дождусь показать это остальной группе. Они же помрут со смеху!» Мне и в голову не могло прийти, что это станет началом одной из самых популярных песен Anthrax — «I'm The Man».

ГЛАВА 12
УРОК НАСИЛИЯ [19]

Когда мы с Джоном начали писать «I'm The Man», для меня это все было по приколу. У меня и в мыслях не было, что эта тема попадет на пластинку. Пару дней спустя у нас в городе была репетиция, и мы с Джоном показали Чарли и Фрэнки свою новую идею. Им понравилось, и оба — на, теперь это не просто веселая шутка. Это была не просто забавная идея, мы реально могли это записать. Эта песня, смесь рэпа с металом, возможно вообще первая в своем роде. Run DMC только сэмпловали гитары, а мы реально на них играли, барабанили и читали рэпчик. Так что если не ошибаюсь, мы были первой метал-группой, которая смешала свою музыку с хип-хопом.

И хотя мы были очень серьезны в своей любви к рэпу, сама песня получилась одной большой фишкой. Каждый куплет начинается как реальная рэп-песня, только с невероятно тупыми текстами, а потом Чарли лажает последнюю строчку. Мы его поправляем, и тут песня резко переходит в трэшевую часть, которая завершается тем, что Фрэнки напоминает Хулио, героя Тейлора Негрона в фильме «Легкие денежки» Родни Дэнджерфилда, говоря, что он «мужик» и что он «так плох, что его надо держать в тюряге». Очаровательно глупо, как считаете?

А вот и кусочек: «Чарли, бей по бочкам, бочкам, по которым бьешь / Если и есть что-то жестче, то это запах моих ног / Так что слушай внимательно, или иначе тебе нагрубят / Пойди осуши ящерицу или садись! / Это санье! Черт…следи за ритмом!»

Мы поделили строчки между нами троими. Денни и Джои не слушали рэп вообще, поэтому мы их не учитывали, хотя когда играли песню живьем, начиная с 1986-го, Чарли вставал из-за ударной установки, а Джои играл на ударных, пока Денни отвечал за гитарные партии, позволяя нам троим выпустить наружу свои фантазии Run DMC. Песня была полностью написана и все партии распределены. Мы знали, что сможем отлично поработать над ней в студии, но потом подумали, что будет еще круче, если пригласить Beastie Boys порэповать вместе с нами.

Это было еще до того, как они выпустили «Licensed To Kill» 1986-ого и наделали немало шороху. Мы знали Beastie Boys по тусам в Нью-Йорке. Они были панк-группой, пока не начали читать рэп. Короче, мы связались с ними и спросили, интересно ли им записать смесь рэпа с металом «I'm The Man». Они были целиком за. Ad-Rock сказал: «Только скажите, когда надо. Мы

заскочим в студию и запишем вашу тему. Все в силе».

Мы планировали поработать над ней немного позже, но пришлось изменить планы, потому что концертное агентство договорилось о нашем участии в турне на разогреве у W.A.S.P. и Black Sabbath. Мы ненавидели W.A.S.P. Нам не нравилась ни их музыка, ни их вокалист Блэки Лоулес, этот заносчивый хуй, хотя остальные парни в группе довольно хорошо к нам относились, особенно гитарист Крис Холмс. Этот парень известен тем, что выжрал бутылку водки прямо перед мамой во время интервью в фильме «Закат Западной Цивилизации II: Годы Метала», откинувшись на надувную камеру в бассейне. Но Black Sabbath — ни хера себе! Поехать на гастроли с самим Тони Айомми, человеком, который буквально изобрел метал. Да его музыка — это первые тяжелые песни, которые дядя врубил мне, когда я был еще ребенком, это был полный улет.

Был только один минус. Black Sabbath 1986 года были далеко не тем Black Sabbath, который записал «Paranoid» или на край «Born Again». Айомми был единственным участником первого состава. Басист и автор текстов Гизер Батлер ушел из группы после тура «Born Again» и не возвращался до самого реюниона Sabbath с Ронни Джеймсом Дио на «Dehumanizer» в 1992-ом. Когда мы отправились в путь с Sabbath, группа раскручивала альбом «Seventh Star», обернувшийся полным коммерческим и тактическим провалом. На обложке красовалась одна фотография Тони Айомми в пустыне, а на обложке стоило бы написать «Black Sabbath в лице Тони Айомми», потому что Гизер в записи не участвовал. Айомми в турне помогали вокалист Гленн Хьюз, басист Дейв «Животное» Спитц и барабанщик Эрик Сингер. Другими словами, публика совсем не хлынула на концерты. Мы должны были гастролировать около месяца, но после пяти концертов тур отменили из-за низких продаж билетов.

А тем временем веселуха и не думала заканчиваться. Гленн Хьюз тогда был явно не в себе. Он все время был пьян и глуп, и хотя Sabbath звучали не как Sabbath, мы чувствовали себя так, словно были в компании рок-звезд, как минимум хэдлайнеров. Как мы и ожидали, Блэки вел себя как полный мудак. Он не разговаривал с нами, проводил нереально долгие саундчеки, так что времени для наших саундчеков не оставалось, да и вел себя как оперная дива. Да и фиг бы с ним. Зато мы познакомились с Тони Айомми и отыграли целых пять стадионных концертов, пока гастроли не накрылись медным тазом. Возможность выступать перед тремя тысячами человек на стадионе казалась добрым знаком, пусть даже большинство из них и понятия не имели, кто мы такие. Мы подумали: «Вот оно. Мы добились своего. Теперь

мы в высшей лиге. С этого момента все будет только так».

Само собой, покончив с гастролями, мы вернулись на уровень клубов, но нам было плевать. Мы почувствовали вкус большой сцены, и у нас еще сильнее разыгрался аппетит. Мы собирались работать столько, сколько нужно, чтобы вернуться на уровень стадионов. Агентство боролось за нас, когда закончился тур Black Sabbath, и уже через четыре недели мы снова приняли участие в клубном туре в качестве хэдлайнеров. У нас появился свой автобус. Дела шли хорошо: мы повсюду выступали перед тремя-четырьмя сотнями подростков, по всей стране заводили знакомства с промоутерами, ведущими радиостанций и журналистами, возобновляли общение с теми, с кем познакомились еще два года тому назад во время гастролей с Raven.

Пластинка хорошо продавалась, люди покупали футболки. Казалось, мы вернулись на восходящую ветвь дугообразной траектории. Мы не зарабатывали ни гроша, потому что с нас по-прежнему вычитали средства, которые рекорд-лейбл потратил на нас, пока мы были в Итаке, но мы были на подъеме к славе, довольно хорошо общались, потому что у нас в группе были отличные отношения. Казалось, только вместе мы сможем быть Anthrax. Денни по-прежнему был таким же заносчивым, как и в день нашего знакомства, но он отлично выкладывался на сцене, и стал рок-звездой, как всегда мечтал, так что и он был счастлив.

Джои получил должное как фронтмен группы, подтверждая это на сцене каждую ночь. Вне сцены он сильно отличался от остальных. Мы ему бывало говорили: «Джои, ты с другой планеты. Она называется Задворки Нью-Йорка».

Он был родом из Осуиго, а мы все городские. Денни жил напротив моста Таппан Зи, но это было довольно близко от города, чтобы тебя считали ньюйоркцем. Джои был как бы деревенщиной в хорошем смысле этого слова. Он просто отличался от нас в силу своего воспитания на окраине. Он не мог понять, кто он такой, и, думаю, именно это его и выделяло среди остальных, вот почему он стал таким особенным. Ни в одной другой группе не было такого парня, как у нас. Да, он был рыбой без воды, но он был рыбой без воды, которая научилась дышать. Это сработало, потому что он любил то, что делал, хотя та музыка, которую мы играли, была ему отчасти чуждой.

Стать вокалистом — вот все, чего он хотел, а теперь группа гремела по всему миру и ему это нравилось. У Джои есть та неописуемая черта, которой могут похвастаться только великие фронтмены. Он может заводить толпу, управлять публикой и удерживать их как на ладони. В этом есть некая двойственность,

потому что Джои — это настоящая рок-звезда притом, что он абсолютно не рок-звезда. Он самый приятный, добрый и воспитанный человек, но когда поднимается на сцену, он становится гребаным сумасшедшим. И хотя мы отыграли около сотни шоу за осень 1985-го — лето 1986-го, гастроли в поддержку «Spreading The Disease» были очень важны в нашем развитии как группы, которая не собиралась останавливаться и смогла оправиться после ухода основного вокалиста.

Самое дикое шоу, из тех, что мы отыграли в туре «Spreading The Disease», прошло 26 апреля 1986-го в Олимпик Аудиториум, что в Лос-Анджелесе. Это место славится своими бесшабашными и жестокими панк и хардкор-шоу, а раскруткой концерта занимался сам Майк Мюир, вокалист Suicidal Tendencies. В программу, составленную его рекламным агентством, вошли Anthrax, D.R.I., COC, Possessed и No Mercy, одна из сайд-групп Майка. На это шоу на самолете прилетел и Билли Милано, и отлично, что прилетел, он там устроил настоящий хаос. В зале было три тысячи человек: горючая смесь из скинов, панков, металистов и чуваков из Suicidals с бандитскими рожами. Ну, разве нельзя просто найти общий язык? Нет, блядь!

Безопасность шоу обеспечивали Suicidals, с тем же успехом Ангелы Ада могли бы обеспечивать безопасность Атламонт. Все отлично знают, к чему это привело. Скины залезали на сцену только чтоб подраться с Suicidals. Когда мы вышли на сцену, там уже было море драк. Через полчаса после начала сэта кто-то выпрыгнул со своих мест на сцену и добежал до барабанов Чарли, опрокинув детали его установки. Немного погодя какой-то чувак с прикидом байкера залез на сцену, и один из Suicidals разбил парню башку нижней частью микрофонной стойки. Тот лежал без сознания, заливая сцену своей кровью. Мы сказали себе: «Ну вот и все. Валим отсюда», и убрались на хрен со сцены. Мы пошли прямо в гримерку и увидели, что она просто разгромлена. Все было разбито, так что мы стрелой помчались к своему автобусу. Мы заперлись и сидели там, ожидая когда появится команда дорожников, чтобы мы могли уехать.

Пару минут спустя в наш автобус начал ломиться Билли. У него была разорвана майка и он был весь в грязи. Кровью были испачканы его руки, майка и штаны. Мы подумали, что его пырнули ножом. «Не волнуйтесь. Это не моя кровь!» — сказал он басом.

«Какого хера с тобой стряслось?» — спросил я.

Он рассмеялся. «Каждый скинхед из Лос-Анджелеса думает, что он крутой парень. Каждый скинхед из Лос-Анджелеса хочет подраться с парнем из Нью-Йорка. Этим-то я и занялся».

Он поломал десять чуваков из толпы, которые начали его доколупывать. У него был такой вид, будто он сам их доколупывал. Вокруг было столько крови, что казалось он оказался рядом с человеком, наступившим на мину.

Скинхеды не всегда были единственным источником проблем. Очень часто охрана была ничем не лучше. Они не знали, что им делать с теми, кто слушал кроссовер, и обычно ориентировались на хардкорщиков как на главных правонарушителей. Когда скины влезали в мошпит и перелазили через ограждения, охрана выходила из себя и иногда начинала пиздить фэнов без всяких на то причин. Мы остановили кучу концертов гастрольного тура «Spreading The Disease», закричав охранникам прекратить избивать подростков. Когда мы выступали в Альбукерке, Нью-Мексико, за пару дней до шоу в Лос-Анджелесе, парочка подростков с бритыми головами танцевала у сцены и прыгала на ограждения. Вместо того чтобы вытолкать фэнов обратно в толпу, охранники схватили их и выкинули из зала. Увидев такое развитие событий, я остановил шоу и сказал: «Да оставьте вы их в покое, эти парни никому ничего не сделали. Если не оставите их в покое сейчас же, мы завязываем. Мы просто свалим. Мы не сыграем ни одной гребаной ноты, пока вы это не сделаете».

Толпа съехала с катушек, и все охранники столпились вместе, чтобы посовещаться. Потом парень в другой разноцветной майке присоединился к ним. Должно быть он был их начальником. Не успели мы и глазом моргнуть, как восьмерых чуваков, которых выкинули, вернули в зал. Мы снова начали играть, и все охранники скучковались у ограждения. Один из них избивал подростка. Я наклонился и ударил охранника кулаком в затылок.

«Ты, огромный жирный ебаный нацист. Хватит избивать этих детей. Их здесь тысяча. Что если они все вылезут на сцену и начнут тебя хуярить?»

Охранник запрыгнул на сцену и попер на меня. Я снял гитару и начал размахивать ею как бейсбольной битой. Парень отпрыгнул. Потом наш охранник с видом Халка, Билли Пуласки, выдернул гитару у меня из рук, схватил меня и бросил через себя. Он встал между мной и тем охранником, тогда охранник остановился и вернулся к толпе. Зрители ликовали. Им понравилось.

После шоу мы сидели в гримерке, и наш гастрольный менеджер подошел и сказал, что снаружи меня ждет толпа охранников, чтобы отпиздить. Они стояли между дверью и автобусом. Мы не знали, то ли нам вызывать копов, то ли драпать поскорее. И вдруг двое скинов, которых выкинули с концерта и

которых я потом вернул обратно, подошли ко мне: «Эй, мы можем помочь. Только подожди немного». Они ушли и вернулись пять минут спустя. Один из них сказал: «Ну ладно, пошли. Снаружи стоит несколько человек, мы доведем тебя до автобуса». Ну и ясен пень, мы вышли, на улице стояла дюжина или больше скинхедов и других чуваков, между тем местом, где охранники нас ждали. Скины окружили нас и сопроводили до автобуса. Мы шли молча, а эти парни орали на охранников: «Ну че, давайте посмотрим, какие вы теперь смелые, мать вашу, ебаные мудаки! Ну, давайте!» Так как скинхедов было намного больше, чем охранников, нам удалось сразу зайти в автобус и убраться прочь.

Еще один отличный эпизод в туре «Spreading» случился в ночь, когда мы выступали в Аркадиа Театр в Далласе. Вот где мы записали свое выступление «I'm The Man», которое использовали в качестве концертной версии на короткометражке «I'm The Man». Что намного важнее, в ту ночь я познакомился с парнями из Pantera. Это было еще когда Терри Глейз был на вокале, до прихода Фила Ансельмо, когда они станут той Pantera, от которой содрогнется мир. Тогда они были совсем другой группой и казались каким-то глэмом, но под лаком для волос они были офигенными чуваками.

На нашем шоу их не было, но Рита Хейни, девушка Даймбега Дарелла, была там днем. Она была худенькой маленькой панк-рокершей с розовыми волосами, и она была в восторге: «Как только отыграете, приходите в этот клуб и зацените группу Pantera. Они офигенные. Они играют свои вещи, но в основном это кавера. Они даже играют песни Anthrax. Они вас обожают, парни. Они будут в восторге. Они не могут прийти к вам на шоу, потому что им нужно играть, но если все придете к ним на шоу, для них это будет очень много значить».

Нас постоянно приглашали на выступления групп, которых мы не знали, и как правило мы вежливо отказывались или просто не приходили. Но в Далласе больше нечего было делать, так что нас пошло несколько человек. Там было полно народу, где-то тысяча человек, потому что они были известной местной группой. Во время шоу мы вышли на сцену и спели с ними «Metal Thrashing Mad». После я нажрался как свинья, потому что с Pantera иначе нельзя. Следующим вечером Pantera открывала наше выступление в Хьюстоне, и туса продолжилась. Мы с Даймом дурачились, говорили об аппаратуре, и ржали до усеру. Я сказал ему, что он отлично лабает на гитаре и я с радостью запишу с ним что-нибудь в будущем. Я уверен, что хочу этого, но понятия не имел, как это осуществить на трех наших последующих альбомах.

Каждый день гастролей был успешным и «Spreading The

Disease» отлично продавался. Megaforce выпустил 19000 копий, и их тут же смели с прилавков. Как-то нам позвонил Джонни и сказал: «Мы приближаемся к 50000!» Это был большой успех для первого альбома метал-группы на мейджор-лейбле. И тут мы узнаем, что продали уже 100000! Чем популярнее мы становились, тем более оголтелой становилась публика. И тем больше недовольства было от тех, кто считал, что мы продались мейджор-лейблу, хотя все, что мы выпускали, было чертовски тяжелым и наш следующий альбом стал одной из самых быстрых и тяжелых трэш-пластинок из когда-либо выпущенных.

Несмотря на то, что я так сильно любил хардкор и сейшены в CBGB, я окончательно перестал туда ходить из-за того, что стал получать в свой адрес угрозы. Уж и не знаю, то ли это подростки завидовали, то ли им вдруг начало казаться, что я ставлю себя выше них. Само собой, это было неправда, но достаточно было всего одного непонимания, чтобы все накрылось медным тазом. Для тура «Spreading The Disease» мы отпечатали футболку с олдскульщиком «NOT» на скейтборде, а на рукаве было лого NYHC, потому что с самого 1983-го я ходил на субботние сейшены в CBGB, и музыка играла в моей жизни большую роль, несмотря на тот факт, что я играл в метал-группе и у меня были длинные волосы. Как по мне, суть хардкор-сцены состояла в индивидуальности. То есть ты мог делать, что захочешь и оставаться самим собой. Это одна из тех вещей, которые в то время проповедовали куча групп, и я взял это себе на вооружение.

Потом в какой-то момент сцена начала меняться. К 1986-ому появилась новая кровь. И многие подростки, которые вполне вероятно слушали Ratt и Dokken, решили обрить себе головы и начать ходить на хардкор-шоу, потому что их заставляли думать, что это круто. Реально казалось, что они просто стараются дистанцироваться от прошлого. Неизбежно какой-то ушлый малый увидел футболку, которую мы напечатали с логотипом NYHC и пустил слух, что Anthrax, дескать, пытаются сделать этот дизайн своей торговой маркой. В этом не было ни капли правды, но подростки начали поднимать большую вонь.

Как-то в субботу где-то осенью 1986-го я пошел на хардкор-шоу. В программе не было никого стоящего, но ничего другого не оставалось. Я жил в квартире на Форрест Хилз, и несколько шестнадцати-семнадцатилетних подростков с недавно обритыми бошками преследовали меня на метро по пути домой из города, вышли из поезда, когда вышел я, и вели меня по бульвару Квинс до самого Юнион-Тернпайка. Я знал, что они идут за мной, и взвешивал варианты. Наконец я повернулся и спросил: «Какие проблемы, ублюдки?»

«Да пошел ты, позер» — сказал один из них. «Мы тебе по ебалу щас настучим».

«Отлично. Трое на одного, сосунки! Давайте. Только вот что я вам скажу: один из вас будет валяться в нокауте. Так что давайте, не теряем времени!»

Я четко стоял на своем против трех этих панков, одетых в совсем новые футболки Murphy's Law и пытающихся что-то изображать из себя. Они стояли и орали: «Да иди ты нах, мудила. Ты не хардкорщик».

«Да я и не пытаюсь им казаться» — ответил я. «Я лишь парень, который возвращается домой с концерта CBGB. Если у вас с этим проблемы, налетайте. Я вас не боюсь».

Наконец они повернулись и пошли прочь. Но после этого эпизода я на какое-то время бросил ходить на шоу в CBGB, потому что хер его знает. У следующего парня, на которого я мог бы напороться, мог оказаться нож или даже пушка. Не хотел бы я оказаться в этой ситуации в Нижнем Ист-Сайде, где несколько уродов только и ждали меня, чтобы отпиздить, а потом ходить хвастаться, что отхуярили чувака из Anthrax. Да как два пальца обоссать. Просто оно того не стоило.

ГЛАВА 13
ВЕСЬ ЭТОТ УЖАС [20]

Разобравшись с гастролями «Spreading The Disease», мы сгорали от нетерпения, когда наконец запишем студийную версию «I'm The Man» в компании Beastie Boys. Но перед тем, как приступить к этому, нам нужно было добить запись «Among The Living», начатую еще на гастролях. Многие до сих пор считают «Among» нашей ключевой пластинкой. Это явно был нужный альбом, выпущенный в нужное время — быстрый и трэшевый, энергичный и злой, что пиздец. Все, чему мы научились как группа от записи «Fistful Of Metal» до самого «Spreading The Disease», отразилось на песнях. Если сравнить Anthrax с обучением в ВУЗе, то «Among The Living» стала нашей магистерской диссертацией. Это был продукт своей среды, рожденный восхищением и вызывающим поведением от того, что мы стали играть важную роль в развивающейся трэш-сцене. Нам не требовались ни амфетамины, ни кокс, чтобы писать убойные вещи; мы кайфовали только от того, что выступаем с группами, которые уважаем, и играем любимую музыку.

Плацдарм всей пластинки, песня, которая явно направила нас на колею невозврата, это «A.I.R.», последний трек, который мы написали для «Spreading The Disease». По сути мы закончили запись «Spreading» и уже собирались приступить к сведению, когда Чарли сказал: «У меня есть еще одна тема, которую мы должны включить на пластинку. Над ней стоит поработать». Поначалу все были настроены скептически: «Да ладно тебе, мы уже и так затянули со сроками. Альбом готов. Чего еще надо?» А потом он сыграл мне этот рифф, и я такой: «Ох, ни хрена себе, да ведь один этот рифф делает всю пластинку! Он так не похож на другие наши песни, и в то же время дополняет их. Он цепляет и полон энергии». И вот он вернулся в Итаку, и мы вместе поработали над одной этой песней. Как по мне, «A.I.R.» положила начало формированию нашего фирменного стиля как Anthrax. Если бы эта песня не попала на «Spreading», он попала бы на «Among The Living». Короче говоря, мы были в ударе, и нас уже ничто не могло остановить.

Во время продвижения «Spreading» мы написали «I'm The Law». Чарли сыграл эти гимнообразные риффы, и у меня в башке что-то щелкнуло — да это же один-в-один судья Дредд! Мне эта музыка напоминала Мега-Сити Уан. Для тех, кто не знаком с сюжетом британского комикса, рассказываю: Дредд живет в

постапокалиптическом мире, где копы (судьи) арестовывают преступников и на арене выносят им приговор. Наказания очень суровы. Присутствуют судья, присяжные и палач. Дредд — самый невъебенный чел среди судей. Еще одной песней, которую я написал, стала «Indians», попытка быть более политкорректным. Она рассказывает об участи коренных американцев, которых собрали в одно место и заставили жить в сраных резервациях. Идея этой песни пришла мне в голову, потому что по звучанию рифф напоминал музыку американских индейцев, а мама Джои частично принадлежала к племени Ирокезов (так мне сказали), так что получилось как нельзя лучше. Мы испытали на гастролях «I Am The Law» и «Indians», и обе песни были приняты на ура, так что они довольно рано прошли отборочный тур.

Мы так привыкли к тому, как каждый из нас привык работать, что остальные песни просто вылились из нас. У нас был стиль, отчетливый звук, который был истинно Anthrax, и мы писали так, чтобы не отходить от этого формата. Еще по S.O.D. мы знали, что можем играть быстрее, чем кто-либо, так что когда писали трэшевую часть, всегда думали: «А давайте сделаем ее еще быстрее». Исходя из своего опыта, мы уже точно знали, где именно вставить медленную «мошевую» часть для достижения максимального эффекта. Некоторые из текстов песен рассказывали о забавном опыте, который мы испытали на себе как гастролирующая группа. «Caught In a Mosh», к примеру, рассказывает о гитарном технике Арти Ринге.

Мы выступали в Реинбау Мьюзик Холле в Денвере, штат Колорадо, в 86-ом, и тут какой-то шкет залез на сцену и расхерачил мою педаль. Арти выбежал, чтобы столкнуть этого шкета со сцены, и они кубарем полетели вниз, упали в толпу, и утонули в яме. Секунду назад Арт был тут, а секунду спустя исчез, словно кто-то спустил воду в толчке. В конце концов Арти забрался обратно на сцену. Мы закончили шоу и сели в автобус. На следующее утро Арти выполз со своей койки, он едва мог передвигаться. Он шел, наклонив спину вперед, и когда я спросил его, что не так, он ответил: «Чувак, я попал в мош». Мы подумали, ничего смешнее мы еще не слышали, потому что Арти был с меня ростом и даже еще худощавее. Последнее место, где бы он захотел оказаться, это мошпит, где его затопчут. И тут у меня в голове щелкнуло. «Да это же офигенное название для песни, вот оно!» Я написал текст о том, как застреваешь в тех местах, где бы никогда не хотел застрять.

А еще мне хотелось, чтобы на альбоме была парочка социальных песен, и написал «One World». Если «Aftershock» с пластинки «Spreading The Disease» повествовала о развязке

ядерного конфликта между США и Россией — завершающей фазе войны, то «One World» обращалась к шагам, которые человек мог предпринять, чтобы избежать полного уничтожения: «Русские такие же люди, как мы. Вы и правда считаете, что они взорвут весь мир? Они не меньше дорожат своей жизнью. Америка, прекрати петь: «Hail To The Chief»[21]. Вместо того, чтоб думать о программе СОИ[22], мы должны думать о мире». Эй, я был молод, и все еще верил, что могу изменить мир силой метала!

«Efilnikufesin» (N.F.L.) о Джоне Белуши, моем кумире. Песня рассказывает о том, какой для всех потерей стал его передоз, потому что он был чертовски талантлив, и ему было много что сказать миру, отчасти таким образом я пытался посоветовать детям держаться от наркотиков подальше. Для меня это много значило. Я не любитель читать нравоучения, просто я терпеть не мог все это говно.

Всякий раз, когда курил косячки в школе, я никогда не кайфовал. Травка никогда не оказывала на меня такое уж большое воздействие. Так что я практически не испытывал никакого интереса к наркотикам, и это отразилось в том числе и на Anthrax. Кокс вошел в моду в 80-х, и даже на нашем уровне, мы видали друзей из знакомых групп, которые постоянно были обожраты этой дрянью; им это все доставалось задаром, потому что никому это было не по карману. Я ненавидел, когда те, с кем я зависал, сидели на коксе. Ни один из них не мог закрыть варежку. Они целыми часами несли всякую херню. Хуже был антисоциальный аспект всего этого. Никто не хотел этим заниматься у тебя на виду, поэтому они шкерились в ванной и нюхали там. Потом они выходили, шмыгая носом, и было ясно, чем они занимались минуту назад. Этот фактор стыда вынудил меня ненавидеть наркоту еще больше. Я думал, ну хочешь это делать — делай. Только, блядь, не шкерься как ебаная мышь. И если не хочешь делиться с другими, тогда терпи до дома. Все, что касается кокаина, вызывало у меня рвотный рефлекс. Одна только мысль что-то сувать себе в нос была ужасно непривлекательна. Должен признать, я еще и немного побаивался этой штуки. У некоторых случался передоз, люди склеивали ласты от кокаина, не говоря уж о героине. Я всегда старался держаться подальше от этого говна.

У меня и без наркотиков были другие способы ухода от реальности, и я рассказал о них на «Among The Living». Две песни альбома навеяны рассказами Стивена Кинга. Он играл большую роль в моей жизни. У него были очень креативные и вдохновляющие книги, особенно «Противостояние», по мотивам которой и был создан «Among The Living». Да и «A Skeleton In The

Closet» рассказывает о романе Кинга «Способный Ученик», о подростке, который обнаруживает военного нацистского преступника и шантажирует этого чувака, заставляя рассказывать подробные истории о своих ужасных преступлениях. Рассказы Стивена Кинга в тот момент стали играть в моей жизни такую важную роль, что кроме Кинга я ничего больше и не знал. Когда мне было двадцать два, я мало знал о реальном мире. Большая часть моей жизни прошла в фантастической стране.

В июле 1986-го Anthrax готовились отправиться в репетиционную студию Топ Кэт в Нью-Йорке, чтобы закончить написание и репетиции «Among The Living». Я сидел у мамы дома со всем своим оборудованием, и тут зазвонил телефон. На связи был Керк Хэмметт, голос у него был какой-то замученный. Он звонил из Эвансвилля, штат Индиана, и казалось с трудом переводил дух. «Короче, Джеймс съезжал с холма на скейтборде, упал и сломал себе запястье. Он не может играть на гитаре, а мы не хотим отменять ни один концерт, поэтому нам нужен кто-то, кто сможет приехать и сыграть на гитаре, Джеймс будет только петь. Ты как?»

Он говорил так быстро, что не думаю, что сразу въехал, о чем он говорит, и попросил его повторить. Да, все оказалось, как я и думал. Metallica хотели, чтобы я приехал и поиграл у них на ритм-гитаре в турне «Master Of Puppets». Я был в восторге. «Да я с радостью. Конечно, смогу!» — ответил я Керку.

Все, что мне было нужно, это выучить материал «Master Of Puppets». Все остальное я уже знал. И тут на меня всей тяжестью навалилась реальность. У нас на носу был альбом, и мы должны были провести в студии три дня, чтобы закончить написание и порепетировать перед записью. Я сказал об этом Керку, и он спросил есть ли возможность как-нибудь это отодвинуть. Я сказал, что обсужу это с Джонни Зи, и он дал мне номер отеля, где они остановились. Я позвонил Джонни в 11 вечера и сказал: «Чувак, мне только что звонили из Metallica. Джеймс сломал руку, и они просят, чтобы я приехал, выучил их песни и закончил тур с Оззи, и я очень этого хочу».

Джонни сразу разрушил мои надежды. Он сказал, что у нас бронь в студии и крайне сжатые сроки. «Ты не можешь просто так взять месяц отпуска, потому что тебе хочется» — ответил он. «Это собьет все твое расписание на следующий год».

Я еще до звонка знал, что он скажет. Я только надеялся, что он как-нить подшаманит и все получится, как это было, когда Metallica приехала в Нью-Йорк на запись «Kill 'Em All». Я перезвонил Керку и объяснил ситуацию. Я извинился, и в конце концов они взяли на замену гитарного техника Джеймса — Джона

Маршалла. Для меня это был большой облом, но я был совершенно нереалистичен, когда изначально сказал Керку, что смогу.

Мы вдоволь насмотрелись на Metallica, когда они пригласили нас на гастроли по Европе осенью 86-го. Первый концерт состоялся 10 сентября в Кардиффе, Уэльс. Впереди были шесть недель шоу, все билеты на них были распроданы. Обе группы отлично отыграли каждое шоу в отдельности. И Metallica были невероятны, несмотря на то, что Джеймс не играл на гитаре из-за сломанного запястья.

Маленький совет для молодых групп, отправляющихся на гастроли: хорошо, когда твой друг — гитарный техник, но убедись, что этот человек может хорошо играть, так что в случае крайней необходимости у тебя будет полноценная замена прямо в группе. Это удалось Metallica, и нисколько не повредило нам, когда ушел Лилкер. В тот момент своей карьеры Metallica ехали на автобусе, все наше оборудование ехало в их грузовике. Мы ехали в грузовичке с багажом. У нас был водитель, потому что ни у кого из нас не было желания ехать по Великобритании по другой стороне дороги. Нам помогал один парень из дорожной команды. Он помогал настраивать ударные, а команда Metallica помогала настраивать наши гитары. Это отдаленно напоминало обмен любезностями. Каждый день в нашем распоряжении была гримерка, но мы не получали ежедневные чаевые, поэтому у нас не было денег. У Metallica была своя служба питания на эти гастроли, но в первые пару дней произошла какая-то путаница, и компания обслуживания обедов не знала, что нас тоже должны были кормить.

Эти дни мы рылись в своих карманах, чтобы найти сдачу и купить этот дерьмовый фастфуд, типа сосисок в тесте и английской пиццы. Стоит заметить, это настоящая пытка — заставить парочку ньюйоркцев жрать английский вариант пиццы. Там одно тесто с кусками сыра и зернышками кукурузы.

В первый день тура наш водитель предложил поехать по дороге и купить парочку пицц. Мы дали ему денег на четыре порции. Он вернулся полчаса спустя, держа пиццы за боковую часть коробки. У него даже мыслей не возникло, что он сделал что-то не так. Когда мы открыли коробки, весь сыр и сосиски смешались в одну кашеобразную кучу, украшенную зернышками кукурузы. Нам ничего не оставалось, и у нас больше не было денег, короче мы застряли в этой холодной раздевалке, выдирая кусочки сыра из картона, помещая их на деформированные, отвратительные куски основы для пиццы и пытаясь миновать зернышки кукурузы. Я подумал: «Ну его на хуй. Верните меня

домой сейчас же. Меня тошнит от этого места. Не знаю, как Iron Maiden выживают в этой стране».

Потом мы начали концерт, и я очень хотел снова оказаться в мамином доме. Мы отлично отыграли, и зрителям это понравилось, но во время всего сэта нас обдали душем слюны. Мы открыли концерт «A.I.R.», и тут начался дождь плевков — не только на меня или Джои, на всех нас. Я подумал: «О, нет, они же нас ненавидят!» Потом мы закончили песню, все кричали и аплодировали. Потом начали следующую, и само собой фонтан слизи начался снова. Так повторялось каждую песню. Мы подумали, может это такая фишка для открывающих групп. На половине сэта один из парней британской команды Metallica сказал нам: «Они плюются в вас, потому что им охуенно нравится! Это старинная панковская традиция под названием «гоббинг»».

Я подумал: «Лучше б они так сильно не любили нас!»

Мы отыграли в Хаммерсмит Пэлэс, наше первое шоу в Великобритании, в мае 1986-го, и там не было никаких плевков, и той ночью нас любили не меньше. Очевидно «гоббинг» был феноменом, который возник у английских панков в середине-конце 70-х. В метале, слава богу, он длился недолго, но мы попали на его расцвет. Хорошо, что с нами не было Билли Милано. Он бы там всех поубивал. Metallica досталось вдвое больше нашего.

Во время басового соло Клиффа все внимание было приковано к нему. Он тряс головой вверх и вниз, у него были невероятные волосы. Плевки, которые приземлились на него, выглядели как куча насекомых, летающих летом вокруг уличного фонаря. Сотни «гобов» приземлились на его волосы. Воняло так же дурно, как изо рта. Хорошо, что на тех площадках были предусмотрены душевые. Нас «отгобили» еще один раз, в 1989-ом в Ирландии, мы уже были хэдлайнерами. В тот день мы решительно сказали публике: «Будете плеваться — мы сваливаем». Мы реально ушли с концерта в Оме, Северная Ирландия, исполнив всего две песни, потому что они не прекратили плеваться.

Последняя ночь тура по Великобритании с Metallica прошла в Лондоне в Хаммерсмит Одеоне, и Music For Nations закатили для нас масштабное автопати в Форум Хоутел. Это был успех, и мы сказали себе: «Ух ты, только посмотри на нас! У нас только что с аншлагом прошли гастроли по Великобритании. Все нас обожают». Это был приток адреналина, мы были опьянены пивом, и наша рациональность была на уровне детского сада.

Я и Клифф вломились в комнату, в которой стоял желоб для

прачечной, расстегнули ширинки и начали ссать. В какой-то момент мы встали кружком — я, Керк, Клифф, Чарли и Фрэнки. У каждого в руке была банка пива, и мы создали тупую конвенцию «Металисты бро навсегда!» Потом произнесли тост и выпили. И тут Клифф и Керк посерьезнели.

Они рассказали, что уволят Ларса, когда вернутся с гастролей домой. Они сказали по секрету, что больше не могут играть с ним в одной группе, и им надоело его терпеть. Я знал, что между ним и другими участниками были какие-то терки, но проблемы есть у каждой группы. Обычно они решаются сами собой.

Клифф рассказал план: «Мы втроем пришли к решению. Когда вернемся домой с этого тура, избавимся от Ларса, даже если это значит, что мы больше не сможем использовать название Metallica». Почему-то на тот момент Ларс владел правами на это название, или по крайней мере они так думали. Я посмотрел на Джеймса и сказал: «Это безумие, но вы и есть Metallica. Все сразу поймут, кто вы такие, даже если вы начнете выступать под другим названием. Вас уже все знают. И неважно, как вы будете называться. Это по-прежнему будете вы и ваша музыка».

Было странно представлять Metallica без Ларса, и я надеялся, что они смогут с ним все разрулить, и что это не станет концом группы, но я хотел поддержать своих друзей, а Керк с Клиффом всегда были в этой группе теми, к кому я был ближе всего. Мы по сути все трое были нердами, которым нравилось одно и то же: музыка, ужастики и комиксы.

Я не спрашивал, почему они собираются выгнать Ларса. Я решил, наверное, им нужен барабанщик получше, но очевидно за кулисами происходило множество всяких вещей, связанных с бизнесом, от которых они не были в восторге. Этот разговор на печальной ноте завершил тур по Великобритании. У нас был выходной, а потом у нас были запланированы еще 27 концертов в Европе вместе с Metallica.

Первый концерт прошел в Лунде, Швеция, 24 сентября, и это был отличный гиг, потому что в нас никто не плевался и обе группы всем понравились. На следующий день мы отыграли в Лиллестрёме в Норвегии перед четырьмя тысячами человек, и это тоже было здорово. Потом снова вернулись в Швецию, чтобы отыграть в Сольне, рядом со Стокгольмом. Это шоу стало последним для Клиффа.

Оно прошло в большом зале по типу спортзала, в котором собралось несколько тысяч подростков. Обычно мы ждали шоу Metallica, а потом тусили и валяли дурака, когда они заканчивали, уходили одновременно, и ехали в следующий город.

Теперь мы ехали на автобусе, что несколько облегчило путешествие, но той ночью мы решили уехать пораньше, потому что на дорогах была наледь. Была буря, и наш водитель хотел уехать в Копенгаген как можно скорее, не дожидаясь, пока замерзнут улицы. Мы решили, что у нас впереди целый месяц гастролей, чтобы потусить с Metallica, так что ничего страшного. Мы встретили парней после своего сэта и сказали: «Мы уезжаем. Увидимся завтра в Дании».

Мы доехали до Копенгагена, и вышли с автобуса около 9:30 следующего утра. Мы должны были провести ночь в отеле, потому что следующий день у нас был выходным. Мы были довольно сонными, когда вошли в вестибюль на ресепшн. Я увидел, как наш гастрольный менеджер говорит с каким-то парнем, махнул ему рукой и сказал: «Эй, Марк, как дел?» У него на лице было написано выражение полного шока. И он был бледен как смерть. Он выглядел напуганным. Что-то было не так.

«Промоутер сегодняшнего шоу говорит, что произошла авария» — начал рассказывать он. «Автобус Metallica разбился по дороге сюда». Затем он сделал паузу и когда снова начал говорить, ему пришлось выдавливать из себя слова, чуть ли не выкашливать. «Клифф погиб в аварии. Остальные в порядке. У Ларса небольшие ушибы, он доставлен в больницу».

Мозг начал вращаться подобно гироскопу. Я снова и снова повторял про себя это предложение. «Клифф погиб в аварии». Спустя казалось пять минут, но на самом деле прошло от силы секунд десять, я потряс головой и сказал: «Это правда? Правда? Ты в это веришь?» Я был в полной отрицаловке. «Этого просто не может быть. Я уверен, они просто так упились, что позвонили с автобуса и придумали эту дикую историю. Потом еще вместе поугараем».

Да все, что угодно казалось более правдоподобным, чем мысль о том, что разбился их автобус и Клифф мертв. Я никогда раньше не слыхал ни о чем подобном. Я никогда раньше не слышал об аварии автобуса любой группы, не говоря уже о смерти ее участника. Все это казалось абсолютно нереальным. Когда ты находишься в этой гастрольной суете, и дела идут отлично, ты чувствуешь себя неуязвимым. Что-то подобное было за гранью возможного. Я спросил промоутера: «Вы уверены?»

«Да, я уверен» — ответил он.

Я не знал, что и сказать, не хотел в это верить. А потом реальность обрушилась на меня как удар врасплох. Все вокруг начали обсуждать случившееся. Фэны пришли в отель, чтобы выразить свою поддержку. Они откуда-то узнали, где мы остановились, и в итоге на улице образовалась довольно большая

толпа. Тут позвонили Марку, что Джеймс и Керк на пути к отелю. Ларс выписался из больницы. Он сломал палец на ноге, но был в порядке. У него была семья в Дании, и я подумал, что он собрался их навестить.

Марк спросил, останемся ли мы в отеле с Джеймсом и Керком, когда они приедут. Разумеется, останемся. Наш друг умер, а другие друзья скорбят по нему. Через пару часов пришли Джеймс с Керком. Джеймс находился под сильным действием успокоительных и при этом был пьян. Керк сказал докторам, чтобы те дали Джеймсу пару успокоительных, потому что он психовал, но его не уложили спать, поэтому он продолжил пить. Мы все были в одной комнате, и Джеймс продолжал потягивать пивас, водку, виски — все, до чего мог дотянуться.

Керк тоже был довольно пьян, но в норме. Он рассказал нам о случившемся. Он не бодрствовал, когда разбился автобус. Все, что он знал, это что его вдруг бросили как тряпичную куклу в сушилку. Потом автобус остановился, он вылез из автобуса, все кричали. На улице темень хоть глаз выколи. Все пытались найти друг друга, и никто не мог найти Клиффа. А потом они увидели его ноги, торчащие из-под автобуса и просто охуели. Я даже представить не могу, каково это было, и никогда не хочу знать. Даже по сей день моему мозгу тяжело представить эту картину.

Джеймс начал кричать и плакать: «Клифф!!! Клифф!!» Потом он стал буйным. Он опрокинул пинком лампы и начал бросаться бутылками с бухлом. Фрэнки и Чарли посмотрели друг на друга и не говоря друг другу ни слова решили вывести Джеймса, пока его не арестовали в отеле. Менеджменту отеля было насрать, что Клифф мертв. Они только хотели предотвратить свое здание от разрушения. Наши парни вывели Джеймса погулять, в надежде, что так он успокоится. Я остался с Керком внутри. Мы слышали, как Джеймс идет по улице и снова и снова выкрикивает имя Клиффа. Я был совсем подавлен. Я еще немного потусил с Керком. Наконец его начало вырубать. Он сказал: «Попробую поспать, не думаю, что увидимся утром». Они очень рано улетали обратно в Сан-Франциско.

Мы не понимали, что делаем. Люди старались изо всех сил, пытаясь достать рейсы, но предполагалось, что мы проведем в туре еще пять недель. А теперь мы пытались сменить рейс, и ни у кого не было денег на покупку новых билетов. Мы застряли в Копенгагене на весь следующий день, а потом Джонни Зи нашел самый дешевый способ доставить нас домой. Мы прилетели в Лондон, провели там один день, а потом полетели обратно в Нью-Йорк. Едва добравшись домой, я сразу принял душ, распаковал сумку, выспался, а потом собрался лететь в Сан-Франциско.

Пару дней я провел в крохотной квартирке Джеймса в городе и дома у мамы Керка, потусил с Metallica, а потом пошел на похороны. Я впервые увидел барабанщика Faith No More Майка Бордина и их гитариста Джима Мартина. Они дружили с Клиффом. Все вместе мы каждый день часами зависали дома у мамы Керка, гоняя пивко и треплясь о том, о сем. Парни уже понимали, что им делать дальше. Я спросил Джеймса, как там с ситуацией с Ларсом.

«Мы пока не будем этого делать» — сказал он. «Мы не можем потерять двух парней, просто не можем. Мы найдем нового басиста. Последнее, чего бы нам пожелал Клифф — это не играть музыку. Это последнее, что бы он захотел. Скоро мы начнем поиск и выясним это».

Пару дней спустя мы сидели дома у Керка и трепались. Кто-то ляпнул: «Возьмите Лемми». Я предложил Джина Симмонса. Мы просто кидались всякими тупыми именами, чтобы поддерживать самый миролюбивый тон общения, какой только можно, так чтобы не погружаться в депрессию еще больше. Мы бухали и травили байки про Клиффа. Это было настолько нереально. Я еще надеялся, что вот сейчас он зайдет и скажет: «Ха-ха. Как я вас провел, а!» Казалось, Клифф вполне способен на такую штуку.

Потом Metallica прослушивали людей. Мне казалось это место получит басист Джои Вера из Armored Saint. Он казался очевидным кандидатом. Он отличный музыкант, и они уже были друзьями. Но он решил остаться в своей группе, у которой и так неплохо шли дела. У Armored Saint было в загашнике две пластинки на Chrysalis, и они собирались записать «Raising Fear». И тут я узнаю, что они предложили работу басисту Джейсону Ньюстеду из Flotsam And Jetsam. Об этом мне рассказал Майкл Алаго, чувак, который подписал Metallica на Elektra. Я никогда раньше не слышал о группе Flotsam And Jetsam, и спросил: «Какому Джейсону?»

Наконец я дозвонился до Керка, и он подтвердил слова Майкла: «Да, Джейсон классный чувак. Он рвет всех в клочья. Он отлично вписывается и мы классно заобщались. Думаю, мы вернемся в Европу и постараемся провести парочку шоу, надеюсь, у вас получится поехать с нами».

Я надеялся, что это сработает, и оно сработало. Когда Metallica провели концерты, которые отменили после смерти Клиффа, мы снова поехали с ними вместе, это был настоящий триумф. Казалось, это попытка вырвать победу из тисков поражения.

ГЛАВА 14
ПИЗДАТЫЙАЛЬБОМЧИК[23]

Последняя песня из написанных для альбома «Among The Living» — «A.D.I./Horror Of It All». Она о смерти Клиффа: «Say goodbye, is's such a horror / My memories, there's nothing harder / Anger and hatred fill the page, so smash the walls, it's time to rage»[24].

Клифф — первый из близких мне людей, смерть которого застала меня врасплох. На тот момент я потерял лишь двух родственников — отца своего отца, которого едва знал и мамину маму, которую хорошо знал и любил, но когда она умерла, я еще был очень юн (мне было одиннадцать). Поэтому смерть Клиффа сильно сказалась на мне, и помимо прочего наполнила меня яростью и решимостью. Осознание, что твой хороший друг может умереть вот так глупо, лишь подчеркнуло то, какой хрупкой, драгоценной и порой несправедливой бывает наша жизнь. Если на то пошло, это обстоятельство добавило мне решимости идти своим путем, потому что в противном случае другой такой шанс нам мог больше не выпасть.

Мы знали, что хотим пригласить Эдди Крамера на роль продюсера «Among The Living», потому что этот парень — легенда. Мы ушам своим не поверили, узнав, что Island обратились к нему с просьбой нас продюсировать, и он ответил согласием. Он работал с Джимми Хендриксом, Led Zeppelin, Дэвидом Боуи, the Rolling Stones. Но истинная причина, почему мы захотели работать именно с ним, в том, что он спродюсировал одни из лучших альбомов KISS в 1970-х, а точнее «Alive!» и «Rock And Roll Over». Нам нравился живой звук, который ему удавалось получить на записях тех групп, с которыми он работал. Когда ты включал пластинку, над которой он работал, она звучала так, будто эта группа играла прямо у тебя в комнате. Вот чего мы хотели добиться от «Among The Living». На наш взгляд «Fistful Of Metal» или тому же «Spreading The Disease» не удалось запечатлеть всю мощь наших концертных выступлений. Мы всегда считали, что во время репетиций и сценических выступлений на пике карьеры в нашем звуке было что-то сверхъестественное и неописуемое. Мы рассказали об этом Эдди, и он с восторгом принял нашу идею, потому что он так и работал с самыми известными группами — записывал их в живой атмосфере, чтобы запечатлеть их на пике их карьеры.

Нам казалось, что с ним мы на одной волне и охвачены

общим энтузиазмом. Вокруг нашей группы была большая шумиха, и мы работали над, как нам тогда казалось, лучшими песнями в своей карьере с одним из лучших продюсеров в мире. В комнате со звукоизоляцией сидели только музыканты Anthrax, все микрофоны были направлены на нас. Потом Эдди нажал на «запись». Все партии были расписаны, и Джои удалось соотнести свой мужественный, мелодичный голос с нашими сокрушительными риффами и топающим ритмом. Пока мы записывались, в студии было столько же энергии, как на стадионе во время решающей игры за выход в плей-офф.

У меня было чувство, что мы взяли этот мир за глотку, и вот-вот спустим с цепи настоящего монстра, который просто перевернет трэш-метал сцену с ног на голову. Закончив запись в Квадрадикал Стьюдио в Майами, мы полетели в Нассау, что на Багамах, чтобы свести пластинку в студии Компасс Поинт, принадлежавшей Крису Блэквеллу, где работали сами Iron Maiden. Мы все думали об одном и том же: «Наконец-то мы делаем то же, что Maiden». Мы прекрасно понимали, что в плане популярности мы и рядом не стояли с Maiden, но нам было хорошо уже от того, что конкуренты остались далеко позади. Лейбл был счастлив, что «Spreading The Disease» получился успешным, и возлагал большие надежды на «Among». Тогда лейблы еще верили в то, что группу можно «вытащить». Они подписывали с группами контракты на выпуск пяти-семи пластинок, потому что по их мнению именно столько требовалось, чтобы группа добилась успеха. Мы были на правильном пути и чувствовали себя так, словно управляем своей судьбой. Новая музыка была превосходной, она обрушивалась на людей как кирпич на башку. Из своего опыта я хорошо знаю, как металистам нравится это ощущение.

Но позволь мы Эдди все сделать по-своему, и когда ты слушал «Among The Living», эта пластинка напоминала бы мокрую губку, но уж никак не кирпич. Когда дошло до записи альбома, и Anthrax, и Эдди были невылущенным горохом, но когда мы приступили к сведению, наши мнения различались как небо и земля. В тот момент самым популярным альбомом в мире был «Hysteria» Def Leppard, представивший инновационный продакшн Мэтта Ланжа. Он казался грандиозным, все было записано слоями и купалось в реверберации. Но это не имело ничего общего с Anthrax, и все это прекрасно понимали — ну, или мы так думали. Сведение начали на Багамах. Ближе к концу первого дня Эдди сказал: «Подходите где-то к обеду. Я сделаю для вас черновой микс, чтобы вы послушали, как все будет звучать».

Мы сгорали от нетерпения, когда же наконец услышим ее. Мы так отлично отыграли, с такой агрессией и энергией, и были уверены, что Эдди сведет альбом так, что он зазвучит как потрясающее концертное шоу. Мы забежали в студию как дети, ждущие появления грузовичка с мороженым. И тут Эдди нажимает «плэй», и все наши труды просто утонули в реверберации. Звук казался размытым, эхообразным и искусственным.

Я сказал: «Эдди, кажется здесь слишком много реверберации». Я осторожно подбирал слова, ведь перед нами был Эдди Крамер, и до этого самого момента у нас был отличный опыт сочинения и записи. Я не испытываю к этому человеку ничего кроме уважения. Но ничего похожего на Anthrax тут не было. Я сказал: «Не совсем понимаю, что тут происходит. Что это такое я слышу?»

Он ответил: «Ну да, я добавил немного реверберации и усилил дилэй. Как по мне, все звучит очень современно».

«Ну, не знаю, каким образом это звучит современно, скорее это просто каша звука. Ничего невозможно понять. Я ничего не могу здесь разобрать. Мы слишком быстро играем, и такое качество звучания просто не сочетается с музыкой, исполняемой на такой скорости. Звук должен быть живым, плотным и очень сухим».

Он ответил: «Скотт, это пройденный этап. Нужно стремиться к чему-то новому!»

Он был приятно взволнован, а я начал выходить из себя.

«Эдди, да, это другое, но оно не годится для Anthrax. Просто ни в какие ворота не лезет. Это просто не работает. Все песни какие-то невнятные. Все просто размыто».

«На сегодня самый успешный альбом в мире — у Def Leppard» — отозвался Эдди. Он явно начинал раздражаться. «Послушай их продакшн. Звук такой современный».

«Мы — не Def Leppard. Нельзя просто взять и выпустить Anthtrax с таким звуком. Это не пройдет».

Он так же упрямо стоял на своем, как и я. Даже через миллион лет я бы ни за что не согласился на такое звучание. Для нас это был бы конец. И я сказал: «Эдди, нужно убрать все эхо и эффект задержки звука».

«Не указывай мне, как микшировать пластинку» — рявкнул он. «Я занимался продюсированием, когда ты еще под стол пешком ходил».

Я твердо стоял на своем. «Слушай, мужик, ты отличный продюсер. Нам нравятся твои работы. Но это наш альбом. Это пластинка Anthrax. Ты запишешь еще пятьсот других пластинок с

пятьюстами других групп, но это НАШ альбом. Мы отвечаем за каждое свое слово. Может у нас и не будет другого шанса после этой пластинки, как знать? Но она будет такой, как мы хотим».

Я думал, он согласится, но Эдди просто рогом уперся. «Такую гребаную пластинку я записывать не стану».

«Значит у нас большие проблемы» — ответил я. Не верилось, что я был таким упрямым и резким с Эдди Крамером, но ведь на кону стояла наша карьера. «Мы хотим услышать пластинку без всей этой реверберации. Не мог бы ты убрать все это гребаное эхо, сделать звук сухим и сделать так, чтобы она звучала как то, что ты записывал в 70-х?»

Он ударил кулаком по микшерскому пульту. «Ты что, Богом себя возомнил? Да кто тебе дал право говорить от имени Бога?»

«Я не Бог, Эдди, но когда речь идет об Anthrax, то я вправе говорить с тобой в таком тоне». В тот момент мне было насрать, что один из моих кумиров считал меня мудаком и нытиком. «Или убери это ебучее эхо, или мы позвоним в лейбл и найдем того, кто нам в этом поможет».

«Ладно, ладно! Возвращайтесь через два часа». Он постарался загубить весь звук, убрав каждый оттенок эха и дилэй откуда только можно. Обычно группы оставляют немного эха хотя бы на вокале. Но Эдди как мудак выпилил вообще все. Может он думал, что нам не понравится, и мы согласимся на его вариант. Не бывать этому. Все звучало просто офигенно, как будто тебя били кулаками в грудь. Мы пребывали в экстазе и не сдерживали своих эмоций по поводу того, каким классным мы считали этот микс. Все звучало так, мы себе и представляли. Звук, который двум другим нашим пластинкам так и не удалось запечатлеть. Думаю, наш энтузиазм в конечном счете победил. Он увидел наше волнение по поводу того, как звучит наша музыка, и изменил свое отношение. Мы перешли черту на песке, и все изменилось к лучшему. После этого мы хорошо поладили. Он немного усилил звучание рабочего барабана, чтобы придать песням дополнительную мощь, и нас это вполне устроило. Мы работали вместе. Как бы мне хотелось иметь первоначальной вариант записи, сделанной Эдди, чтобы я мог включить ее и сказать людям: «Вот такую пластинку хотел выпустить Эдди». Спродюсировав «Hysteria», Мэтт Ланж явно поменял правила игры, но мы не хотели в этом участвовать.

Наконец-то, во время сессии «Among The Living», мы записали студийную версию «I'm The Man». Когда мы ее переслушали, она показалась нам клевой, веселой и оригинальной, вопрос был только в том, куда воткнуть Beastie Boys. Все партии были расписаны. Или кому-то пришлось бы отказаться от своей партии,

или нам пришлось бы записываться без участия Beastie Boys. Никто не считал, что мы должны что-то вырезать из готового варианта, потому что все звучало очень здорово.

Через пару месяцев мы пересеклись с Beasties на одном шоу в Нью-Йорке, и Эд-Рок спросил нас: «Ну, как там дела с песней?» «Licensed To Ill» уже вышел, но прогреметь еще не успел. Не знаю, имело ли это какое-то значение, но я сказал им: «О, да мы все записали, получилось очень круто. Вот интересно, что вы скажете, когда услышите». Им было плевать. Само собой, они тупо не сидели и не ждали, когда раздастся звонок с приглашением записать «I'm The Man» совместно с Anthrax. Ясное дело, могло получиться очень круто, привлеки мы их к проекту, но и так получилось отлично, хотя мы никогда не возлагали особых надежд на этот проект.

Мы не могли выпустить эту песню на «Among The Living», потому что она казалась абсолютно не к месту среди остальных песен. Это была очень мрачная, злобная пластинка, и мы не хотели, чтобы что-то прерывало общий поток. Кроме того, мы явно не думали, что кому-нибудь из тех, кому нравится наша группа, понравится эта песня. Наш британский лейбл выпустил «I Am The Law» в формате двенадцатидюймового сингла, и я поинтересовался: «А что если мы поместим «I'm The Man» на оборотную сторону? Если эта тема никому не придется по душе, то быстро исчезнет с горизонта. Это ж би-сайд. Типа прикол. Кому какое дело? Ха — ха, это было смешно, больше такого не повторится».

Так и сделали, и к всеобщему удивлению она стала самой известной нашей песней. Через несколько месяцев «I Am The Law» перекочевала с би-сайда на собственную сорокопятку, на которой были представлены две студийные версии (одну подогнали под радиоформат), концертная версия, концертные «I Am The Law», «Caught In a Mosh» и кавер на саббатовскую «Sabbath Bloody Sabbath».

В 1987-ом мы отыграли «I Am The Man» на фестивале «Монстры Рока» в Касл Донингтон перед 80000 зрителей, и они пели вместе с нами буквально каждое слово. В этом не было никакого смысла, но при этом создавалось идеальное ощущение, потому что подтверждало, что мы не залипли на чем-то одном. Мы были трэш-группой, но могли и заигрывать с рэпом, вставлять «Хава Нагила» в середине песни и на одном духе играть кавер Black Sabbath. И я стоял и думал: «Разве люди не понимают, что это гребаная шутка, песня, которую мы с моим корешем Джоном написали у меня в спальне? Я играю Хава Нагила, это мелодия из репертуара долбаного бар-мицва, которую ди-джей включает,

когда все встают в круг и танцуют хору, а родители ребенка, получающего бар-мицва усаживают его на стул и поднимают в воздух. Хоть кто-то из них понимает, что тут происходит?»

Но всем было пополам. Люди хавали и просили добавки, и по сей день вероятно это одна из самых востребованных наших песен. Мы по-прежнему время от времени рубим ее. Ну, там, играем пару куплетов и два припева, а потом переходим к следующей песне, пока народ сушит штаны. Мне всегда импонированло, что Anthrax очень разносторонняя группа. Когда выступают Slayer, у них свой имидж. В Slayer тебе не лыбятся в 32 зуба. Их фишка — ярость и жестокость. Те же Metallica и Megadeth всегда выглядели и вели себя на сцене по-особому. Это не показуха, скорее то, какие они на самом деле, когда собираются вместе. Anthrax никогда не видели необходимости соответствовать определенному шаблону, и это открывало нам просторы для экспериментов. Мы отыграли «I'm The Man», а потом вернулись пару лет спустя с Public Enemy, отыграли метал-кавер на «Bring The Noise», и нашим фэнам он пришелся по вкусу. Думаю, наше отношение к творчеству формируется из того факта, что мы все ньюйоркцы. Мы не из Сан — Франциско или там Лос-Анджелеса. Даже когда ушел Нил Тёрбин, мы думали так: «Мы — те, кто мы есть, такими и останемся».

Мы бываем брутальными, а бываем глупыми. Мы — зеркальное отражение наших фэнов. Думаю, мы переняли это у Ramones. Мы лишь парочка чуваков, которые играют в группе, пишут песни и ездят на гастроли, и надевать маски нам просто незачем. Если мы считаем что-то смешным, мы смеемся. Если рады — улыбаемся. Если нас что-то раздражает, мы будем звучать агрессивно. Какой смысл иметь в своем творчестве лишь одну эмоцию? По ходу дня я не чувствую себя одинаково. Меняется настроение, меняется и музыка.

Вот поэтому я и начал надевать шорты, выходя на сцену. Когда в группе был Нил, я целыми днями ходил в купальных трусах, пока мне не пришлось надевать свои тупорылые кожаные штаны, чтобы быть как все в Anthrax, и я сказал себе: «Ну их на хуй, я даже двигаться толком не могу». Мне пришлось носить металический пояс и кожаные штаны. Это было чертовски тупо, все равно что заставить баскетболиста ходить в ботинках и тесных джинсах Levis.

Я твердо верил в свою уникальность и демонстрировал себя людям таким, какой я есть, по крайней мере, в Anthrax. Если говорить о семейной жизни, то это другая история. Я погряз в изменах, а Мардж и понятия не имела, что наши отношения — сплошной обман и я веду двойную жизнь. Окончив колледж, она

уехала из Бостона и вернулась в Нью-Йорк. Мы стали жить вместе, ведь именно этого ждали от евреев, выросших в Квинсе. Предполагалось, то мы должны пожениться, завести детей и воспитать их со всеми остальными евреями из общины. Мардж получила роскошный диплом Северо-восточного и работу в АйБиЭм с хорошей зарплатой. Поэтому то, что я был гол как сокол, не имело никакого значения. Она обеспечивала меня материально.

Я постоянно носился как угорелый, мотался по гастролям и записывал пластинки, но мне с детства втемяшили, что я должен жениться и делать то, чего от меня ждут. Чем-то напоминает программирование ДНК. Поэтому вопреки здравому смыслу мы с Мардж обвенчались и начали строить планы о свадьбе. Я прекрасно понимал, что совершаю непростительную ошибку, но подумал, что как-нибудь все решится само собой. Время от времени я изменял ей, и не знал, изменится ли это когда-нибудь. На свете много парней, которые не хранят верность своим женам. Может я был всего лишь одним из них. В тот момент жить ложью казалось легче, чем расстаться. Слишком уж большая ноша остается потом. Одна мысль об этом ужасала.

Не то чтобы я ее ненавидел. Мы хорошо ладили, но она больше не привлекала меня как женщина и что еще важнее — я больше ее не любил. Не сказал бы, что я тупо искал кого угодно, чтобы только изменить ей, нет. Но когда у меня был тур, я занимался своими делами, и выпадала такая возможность, я ею пользовался. Мне было двадцать два и я отрывался как мог. Я не ограничивал себя. И вот 27 ноября мы поженились. У нас была грандиозная гребаная еврейская свадьба в храме. Присутствовали все члены группы, Джеймс и Керк тоже пришли, все чин чинарем — в свадебных костюмах. Ее родители были более набожными, чем мои, поэтому им было важно провести такую долгую религиозную церемонию. Там был раввин, кантор пел. В какой-то момент церемонии я оглянулся по сторонам — Джеймс уже затопил под заунывное бормотание раввина. Я стоял и все думал: «Что же ты делаешь?» Это была такая показуха, просто спектакль какой-то. Ну, на худой конец мы закатили неслабую тусу и все нажрались.

Вскоре после нашей свадьбы Anthrax укатили в очередной тур, так что медовый месяц пришлось чутка отложить, мы потом съездили в Диснейуорлд. Романтично, не так ли? В какой-то степени это предопределило, каким на деле окажется этот брак. Тем не менее, я пообещал себе, что постараюсь быть верным насколько это возможно. Так продолжалось около года. Ну, потом, само собой, я опять начал хуем груши околачивать. Дело

не в том, что я не спал с Мардж. Я знаю многих, кто связал себя узами брака и перестал заниматься сексом. Обычно это происходит потому, что жена интересует тебя уже не так, как раньше. В моем случае дело было во мне. Я находил любые отмазки, какие только мог придумать.

Она делала первый шаг, а я ей: «Не могу. Мне нужно достаточно энергии для будущих выступлений». Один раз я даже соврал ей, что у меня болит голова. Прям так и сказал. Самое печальное, что она меня больше не возбуждала. Она сильно располнела и стала походить на свою маму. А ее мама была огромной дородной женщиной, отец ей ненамного уступал, и я не мог сказать ей, что она толстая и ей нужно сбросить вес. Я, конечно, был мудаком, но не настолько. Может я и был им, только более деликатным.

Как-то я подарил ей на днюху абонемент в тренажерку. Моя гениальная идея состояла в том, что это типа будет намек, что ей нужно сбросить вес, или она хотя бы сядет на диету, даже если не станет ходить в зал. Когда я дарил абонемент, у меня и в мыслях не было сделать ей больно. Но понятное дело она начала плакать. Это было отстойно, потому что она никогда не делала мне ничего плохого. Она всегда была милой, доброй и любящей, а мне было двадцать два, и я ее не любил. Я должен был расстаться с ней, когда она поехала поступать в колледж, но я тогда зассал.

К счастью, у Anthrax происходило столько всего, что я редко бывал дома. Мы провели короткий тур в качестве хедлайнеров по Японии. Там я никого не клеил, но Денни Спитц явно даром времени не терял. Я как-то вышел из своего номера, чтобы спуститься в вестибюль, и у его номера в коридоре стояли в ряд четыре девушки. И тут распахивается его дверь, выходит девушка, а он стоит в полотенце. Он улыбнулся мне и сказал: «Следующая», и первая девушка в очереди вошла в его номер. Я подумал: «Черт побери, а я и не думал, что Спитц знает толк в этом деле!»

ГЛАВА 15
РАСПУТСТВО И РАЗГРОМ

И хотя был женат и зависал на гастролях с разными чиксами, до любовных игрищ мне по — прежнему было как до Луны пешком. Пару раз на гастролях я искал девушек на автопати. Найти такую, к которой бы меня влекло, было проще пареной репы. Все сразу узнавали во мне гитариста Anthrax: «Эй, эээ… не хочешь посмотреть наш автобус?» Но если они отвечали да, это казалось мне таким беспонтом, что я просто фоткался с ними и шел к себе в койку читать книжку.

Некоторые девушки приходили в автобус, занимались сексом, а потом говорили: «Мне пора. Парень ждет меня снаружи». Со мной такой фигни никогда не случалось, но я не раз видел что-то подобное. Как правило, это бывало с парнями из дорожной команды. Им вообще было на все плевать. Они только отвечали: «Ну лан, тогда скажи ему, что освободишься через двадцать минут». Парни из групп тоже иногда трахались в свое удовольствие, но чувакам из дорожной команды перепадало больше всего. Это они участвовали в сексе втроем и оргиях, именно они потом травили все эти байки.

Арти Ринг, техник, о котором я написал «Caught In a Mosh», слышал, что в каких-то группах вели целые фотоальбомы обнаженных групи. Тогда он достал камеру Полароид и стал собирать свой собственный альбом. Он зазывал девушек в автобус, просил их снять с себя одежду и заставлял корчить всякие дикие рожи и выделывать разные кренделя. Альбомы получались весьма недурственными. Эротикой там, конечно, и не пахло, но зато было очень весело. Какая-то часть меня хотела, чтобы в те времена я больше пользовался преимуществами такого декадентства, но я не думал все время только о сексе. Все это казалось мне таким тупым. «Серьезно? Эта телка только что наклонилась, засунула сигарету себе в задницу ради какого-то гребаного снимка на Полароид, а теперь она хочет со мной заняться сексом? Нет уж, благодарю покорно».

Спустя какое-то время Арти надоело постоянно делать обнаженные фотки, и он стал подходить к этому процессу более творчески. Он рисовал на жопах девчонок рожицы, бросал магазинное мясо им на интимные места и делал фотки задолго до того, как этим стали промышлять Говард Стерн или Мэрилин Мэнсон. Уверен, Арти не делал ничего такого, чем в свои годы не баловались Led Zeppelin. Да и мы никогда снимали девушек с

красным бериксом или шестижаберной акулой. Мы и не узнали бы, где их искать, даже если б захотели.

Однажды Арти пригласил кучу девчонок попозировать в форме букв алфавита. У них из каждой дырки торчали морковки, сельдерей, маркеры, бананы, дальше продолжите сами. Это определенно было очень весело. Они были совершеннолетними и мы никого не обидели, а дорожники были только счастливы.

Первое шоу тура «Among The Living» состоялось 26 мая 1987-го. В тот день Metal Church открывали концерт Пенни Аркейд, это был клуб на 500 мест в Рочестере, штат Нью-Йорк. Всю весну и лето мы выступали на площадках среднего размера, а потом на сентябрь-октябрь махнули в Европу, где провели большой тур в качестве хедлайнеров. В мгновение ока от пятисотенных зальников мы перешли на площадки втрое большие по объему.

22 августа 1987-го мы выступали в Касл Донингтоне на фестивале «Монстры Рока» в Англии (теперь он называется фестиваль «Даунлоад»). На тот момент это было крупнейшее шоу в истории Anthrax. Пришло 80000 человек, а мы выступали в одной обойме с Бон Джови, Дио, Metallica, W.A.S.P. и Cinderella. Уверен, от зависти Блэки едва не сожрал свои гребаные яйца, узнав, что мы выступаем раньше, чем он. Через какое-то время мы узнали, что Джин Симмонс и Пол Стэнли сейчас здесь, в Лондоне, занимаются промоушном и придут на шоу посмотреть на Бон Джови. Только услышав об этом, Блэки сразу свалил, потому что он городил всякую херь про KISS, а Пол Стэнли был в курсе этих слухов.

Чуваки из лагеря W.A.S.P. рассказали, что Блэки боялся встретиться с Джином и Полом лицом к лицу. А я себе думал: «Такие парни и бровью не поведут, не то что станут разговаривать с такими мудаками, как ты. Ты даже хуже собачьего говна на ботинке Джина».

Мы с Керком разделяли схожее волнение, что можем увидеть Джина и Пола во плоти, ведь мы оба были большими фэнами KISS. Чуть позже той ночью на сцену вышел Бон Джови. На заднике был натянуто полотно с монитором, чтобы наблюдать за ходом шоу. Мы оба были в эйфории, и на удачу решили сходить посмотреть на Бон Джови. Потом подошли к тенту и увидели, что прямо у монитора стоят Джин и Пол. Мы сперва спрятались за пилларом, потому что офигели. А потом подумали: «К черту. Тебе что, каждый день выдается возможность увидеть лично Джина Симмонса и Пола Стэнли?» Это было так глупо с нашей стороны. Мы подошли к тому месту, где они стояли и смотрели телек, и начали мелькать в их поле зрения, пока они нас не заметили.

Я сказал: «Привет, Джин, Пол. Мы только хотели

поздороваться. Мы ваши большие поклонники». И не успел я закончить предложение, как Джин показал на меня пальцем и сказал: «Ты Скотт Иэн из Anthrax». А потом показал на Керка. «А ты Керк Хэмметт из Metallica, я слышал, сегодня вы выступили просто фантастически».

«Член у меня в штанах издал тихое пиии…» Мы с Керком стояли ошарашенные. Наконец я выдавил из себя: «Откуда ты узнал?…»

«Вы играете прекрасную музыку» — сказал Джин так, словно это был мой любимый дядя. «Вы мелькаете в журналах. Это здорово. Отлично рубите. Это офигенно».

Он чертовски хорошо знал, что мы большие фэны KISS, потому что мы говорили о них в своих интервью. И вот он говорит: «Я знаю, что вы фэны KISS, и я благодарю вас за это. Разумеется, без нас не было бы и вас».

В этом был весь Джин, но у меня с этим не было проблем. Я ответил: «Да, черт побери, меня бы не было! На дворе был 1977-ой, я увидел вас в Гардене, и только поэтому я сейчас стою здесь!»

Мы пожали руки Джину и Полу, а потом с Керком выбежали оттуда как два спятивших от счастья одиннадцатилетних подростка. Мы просто были не в себе. «Ты можешь себе поверить, что он знал, кто мы такие?» — спросил я. «Я знал!» — ответил Керк. «Черт побери, мы даже не сфотались. Бля!»

Еще до того, как мы узнали об этом, Anthrax перешли от зальников на полторы тысячи до выступлений перед семью тысячами за вечер. Чем популярнее мы становились, тем были отвязнее. Не было отеля, который бы обошелся без наших выходок и розыгрышей. Мы не останавливались в отелях, когда ездили с гастролями в поддержку «Spreading The Disease». Но с выходом «Among The Living» все изменилось. Когда тебе двадцать три или двадцать четыре и ты ездишь по миру в роскошном автобусе, но постоянно валяешь дурака, можно запросто потерять голову. Тебе готовят пожрать, настраивают гитару и размещают оборудование, к тебе относятся как к звезде. Все хотят потусить, позависать или тупо посидеть в твоем автобусе и послушать твои песни. Это потрясающее чувство, но если ты не будешь сдерживать себя, жизнь может быстро выйти из-под контроля. В основном это не более чем подростковая глупость.

Одним из наших любимых отелей был Билтмор в Провиденсе, штат Род-Айленд. Это шикарное, прекрасное старинное местечко, с большим вестибюлем с канделябрами и длинными узкими коридорами, которые мне всегда напоминали отель Оверлук из «Сияния». Лестницы устланы узорчатыми коврами, в комнатах большие мягкие матрасы, а подушек столько, что под каждой

частью твоего тела окажется минимум одна и еще останется. Нам это место казалось раем. Мы привыкли к мотелю 6s, но это место напоминало то, где останавливаются всякие высокие начальники. Джонни откуда-то знал нужных людей и смог выбить для нас вот такие спецусловия.

И хотя нам очень нравилось в этом отеле, попадая к себе в номера, мы вели себя как дегенераты — в край невежественные и варварские, надо заметить. Каждый раз, когда мы выступали в Провиденсе, с нами было полно наших друзей с Восточного побережья из Род-Айленда, Нью-Йорка, Бостона и Филли. Многие приезжали на поезде, чтобы посмотреть на нас, потому что знали, что после шоу мы закатим невероятно безумную вечерину. Немного погодя мы организовали пиратские налеты, как мы их называли между собой. Один или два человека наполняли водой помойное ведро, врывались к кому-нибудь в комнату и выливали содержимое ведра на другого парня или на пол и кровать. Потом они менялись местами, и баталии продолжались часами — вода была повсюду, все подскальзывались на мокром полу. Это происходило не только в Билтморе — мы вытворяли эту хрень везде, где только останавливались. И нас никогда не ловили на этом. Мы разносили номера, все было мокрым до нитки, уничтожали прекрасные коврики и покрывала.

Одной из моих любимых шалостей было так называемое «групповое собрание», это работало, пока нас не стали палить. Ты звал кого-нибудь из дорожников и говорил ему, что через пять минут в таком-то номере у нас будет групповое собрание и его присутствие обязательно. Как только он выходил из своего номера, направляясь на это собрание, остальные двери в коридоре открывались и десять парней бросались к нему и выливали на него целый ушат воды.

Если у тебя разнесли комнату, тебе придется звонить вниз и каким-то образом искать способ поменять комнату. Мы обычно говорили: «А, да там туалет не работает» или «Отопление не включено. Могу ли я спуститься и взять ключ от другого номера?» Нужно было обязательно убедиться, что никто не станет подниматься, потому что если кто-то поднимется, он увидит, что номер просто раздолбан и нас вышвырнут. Обычно у нас было шесть номеров, и когда мы заканчивали, все выглядело так, словно там все было объято пламенем, и пожарным пришлось гасить пламя брандспойтами в номерах и коридоре.

Нам всегда было интересно, а что будет, если на следующее утро войдут горничные и ничего не успеет высохнуть? Офигенно, что нам разрешали возвращаться в эти отели. Просто круто, что никого из нас ни разу не арестовали. Чем дольше нам все сходило

с рук, тем больше мы выходили за рамки дозволенного. Однажды я думал, что стану жертвой пиратского нападения и мне очень не хотелось, чтобы разносили мою комнату, и я наполнил мочой литровые бутылки из-под воды. И каждый раз, когда мне нужно было поссать, я делал это в те бутылки. И поэтому когда кто-нибудь шел на меня с водой, я говорил: «Лучше бы тебе этого не делать! Глянь сюда. Это моча». А они все равно бросались водой, и я запускал в ход свои уриновые бомбы. Это было отвратительно, но чертовски ржачно. А раз ты устраивал батл с летающими снарядами с мочой, куда лучше всего податься? Правильно, в толчок!

Мы швырялись дерьмом как обезьянки в зоопарке. Конечно, такая непроходимая тупость происходила не всегда. Иногда мы бывали капельку умнее. Еще был такой прикол: тебе нужно достать чей-нибудь ключ, пока их нет, пробраться в номер и насрать им в мусорное ведро. Потом ты наполняешь ведро горячей водой и врубаешь кондюшник на полную. Кто бы ни был твоей жертвой — а мы все ими бывали сегодня или завтра — он приходил к себе в номер шесть или семь часов спустя и открывал дверь перед горячей, тошнотворной волной человеческих экскрементов. Этой вонью пропитывалась одежда и вещи. Она никогда не испарялась. Тебе наверняка пришлось бы выбросить все свое барахло после того, как на тебя совершили налет. Это было так неправильно, мы были такими подлыми. Сегодня мы бы никогда так не поступили, но тогда мы не думали о том, как горничная с крайне низким окладом, которой приходится работать с утра до ночи, или комендант будут вычищать весь наш пиздец. Нам было просто насрать.

Мы даже выкидывали фортели, от которых никому не было проку, типа испражнения в бачок унитаза. Это когда ты срешь сверху на смывной бачок и меняешь жидкость. Или мы срали между матрасом и пружиной кровати, а потом ложили матрас обратно. Кому бы это пришло в голову? Это же ужасно. К сожалению, нам не представилось возможности испытать удовольствие при виде реакции на наши выходки. Мы могли только представлять последствия. Плюс ко всему мы разбивали лампы, ковыряли дырки в стенах, били оконные стекла. Зачем? Ну, потому что могли.

Я даже не могу сказать, что был пьян, когда это делал, потому что тогда я мало тусил. Я сильно напивался только в редких случаях, и всегда держался ближе к пиву, поэтому никогда особо не нажирался. Я был очень сосредоточен на том, что у нас происходит в группе. Каждый день, даже если мы делали что-то совсем незначительное, это был всего один крошечный шаг

вперед. А если у меня было похмелье, то этого не происходило. Чарли и Фрэнки тоже особо не тусили. А вот Джои буянил палец в рот не клади. Он был опасным алкашом. Он закидывал в себя пару пива, и тут же становился злым и отвратительным, ему хотелось отпиздить любого.

Вдобавок к пивным мускулам Джои на меня начало наезжать нью-йоркское сообщество хардкорщиков, убежденное, что я стараюсь навредить их сцене, используя их лого в качестве рекламы. Я начал получать письма с угрозами, телефонные звонки, неприятные сообщения приходили мне и на концертах. Майкл Шнапп, который с 80-х работал по всей стране с металистами во всех областях, объяснил мне на пальцах, что там происходит. Они дружили с Джимми Гестапо из Murphy's Law. Я знал Джимми с первого шоу CBs, тогда выступали Murphy's Law и Agnostic Front. Я сказал Шнаппу: «Чувак, я должен похоронить это дерьмо. Я устал постоянно оглядываться и думать, что однажды на шоу какой-нибудь хуй пырнет меня ножом».

Джонни организовал встречу мне с Джимми Гестапо. Это было что-то из разряда какого-то гребаного гангстерского фильма, разве что мы не пили эспрессо и анисовую водку. Мы уже были друзьями, так что никаких проблем у нас не было. Джимми знал, что я не сделал ничего плохого и что все обвинения в мой адрес были полной херней. Но он был уважаемым старейшиной хардкор-сообщества.

Он посмотрел на меня как Крестный Отец и сказал: «Через пару недель у нас концерт. Ты придешь на это шоу. Я проведу тебя на сцену. Скажу толпе какую-нибудь херню. Мы сыграем вместе «Crucial Bar-B-Q» и все. Все останется в прошлом. Любой, у кого появятся долбаные проблемы с тобой, будут понимать, что у них будут проблемы и со мной».

Так и поступили. Я пришел на шоу. Джимми сказал: «Видите вон того парня? Не верьте всей этой херне. Много лет назад он был частью этой сцены и это клевый чувак. Он всегда был клевым». Я поднялся на сцену, и мы сыграли их песню «Crucial Bar-B-Q». Больше меня никто не трогал. Спасибо, Джимми!

Не считая Донингтона мы отыграли все хедлайн-шоу в поддержку «Among The Living», пока в начале 1988-го не раздался телефонный звонок. KISS хотели, чтобы мы выступили у них на разогреве в туре Crazy Nights. И хотя я не был фэном этой пластинки, да и KISS 80-х вообще, ништяк, что их интересовали гастроли с нашим участием. Мы тогда отлично отыграли, но лучшие воспоминания связаны не со сценой. Я каждый день часами сидел с Джином в столовой, и он рассказывал мне все, что я хотел знать о KISS с 1975 по 1978-ой. Он поглощал свой обед

или потягивал свой кофе, разрешая мне спрашивать все, что захочет знать только суперфэн. Я напомнил ему, что ходил на все три шоу в Гардене в 1977-ом. Он спросил: «А где ты жил в Квинсе?»

«Я жил в Бейсайде, Бей Террес».

«А в какую школу ты тогда ходил?» — спросил он.

«IS 25» — отвечал я, не совсем понимая, куда он клонит. Может он хотел поставить себе в заслугу строительство моей младшей средней школы.

«Интересно» — продолжал Джин. «А на каком автобусе ездил до школы?»

«На 28-ом».

«Ладно, ясное дело ты этого тогда не знал, но каждую ночь в Гардене, как только шоу заканчивалось, я сразу садился в машину и водитель вез меня домой к маме, потому что я хотел отдохнуть от всего этого хаоса». Он назвал мне мамин адрес, это было почти через дорогу от бейсайдской средней школы. «В те дни, пока ты ехал к себе в школу, я вероятно сидел на кухне у мамы, читал газету и пил кофе, а ты проезжал мимо меня три дня подряд на автобусе по пути в школу. Я даже наверняка видел, как проезжает твой автобус».

Это было непросто представить — крылатого демона KISS, бросающего взгляд на мой автобус, пока я со своими друзьями потягивал скотч из одноразового стакана. Во время нашей болтовни за обедом мы с Джином обсуждали и Anthrax. Он был очень сведущ в этом вопросе. «Вам удалось найти свой звук, и теперь вы достигли такого уровня, что ваши альбомы получают статус золотых. С этого момента у вас будут только золотые альбомы. Вы добились своего». Он был искренен, хоть и не совсем точен. Но кто мог предсказать, что произойдет в музыкальной индустрии в следующие двадцать пять лет?

Гастрольный тур с KISS был определенно потрясным, но в Anthrax без проблем никогда не обходилось. Джои по-прежнему пил и все больше становился похож на мистера Хайда, когда был пьян. В свободный от концертов с KISS вечер он ходил туда-сюда по коридорам, стучал в номера, лишь бы только с кем-нибудь помахаться. Он едва стоял на ногах, но это его не останавливало. Джои раскачивался вперед-назад как спортсмен по лыжному слалому, и орал перед дверями случайных номеров: «Открой дверь! Убирайся на хуй оттуда!» Он бил в двери ногами, матерился и орал, пока Фрэнки не оттащил его, чтобы нас не выперли из отеля. «Ты уберешься в свою долбаную комнату и закроешь чавкало!» — орал ему Фрэнки. Нам пришлось вести Джои до своего номера, и наконец он заснул.

К 1 апреля 1988-го гастроли с KISS подошли к концу, а мы опаздывали с написанием материала для следующей пластинки. В отличие от предыдущего опыта, на тех гастролях мы не довели до ума ни одну песню. Вдобавок ко всему Iron Maiden попросили нас открывать их летние выступления на стадионах, а нам нужно было закончить альбом и вовремя выпустить сингл перед концертами. Таким было условие сделки. Мы работали над тем, чтобы завершить запись «State Of Euphoria» в апреле и резко активизировались, не потому что чувствовали воодушевление, а потому что нам нужно было успеть к сроку. Сказать, что «State Of Euphoria» записан наспех, это еще мягко сказано. Мы писали, писали, писали, и по сути дела так и не закончили, когда прилетели обратно в Квадредиал Стьюдиос в Майами, чтобы начать этап подготовки с Марком Додсоном. Мы решили работать с ним, потому что он был звукоинженером «Sin After Sin» и «Defenders Of The Faith» Judas Priest, а еще «The Dark» Metal Church. В плане плотного, мощного металического звука лучше и быть не может.

У нас было готово несколько песен плюс кавер на «Antisocial» группы Trust. Три или четыре недели мы потратили на следующую партию песен, которые еще не были в том виде, в котором должны были быть. Они тупо «не пропеклись». Я до сих пор считаю «State Of Euphoria» наполовину законченным альбомом. Вероятно нам нужно было еще примерно четыре месяца, чтобы он соответствовал нашей задумке, но мы сэкономили. Мы записали песни, которые требовали больше работы над аранжировками, с мелодиями тоже была беда. Наспех записали вокал. «Be All, End All» — лучший трек на этом альбоме. Он гораздо ближе к песням, которые мы написали для «Among The Living», чем все остальное на этой пластинке, но как цельный альбом он очень далек от Anthrax в лучшей своей форме. Это пластинка, которая могла бы получиться, но не получилась, потому что мы так сильно хотели погастролировать с Iron Maiden.

Вдобавок к говенному ощущению от записи не совсем идеального альбома, в 1988-ом произошла угроза здоровью, которая меня очень обеспокоила. Мы были в студии, и сделали заказ в каком-то итальянском заведении. Мне досталась большая тарелка креветок в чесночном соусе, на вкус все было отлично. Креветки были нежными и хорошо проваренными, меня ничего не насторожило. После обеда Арти, который тусил вместе с нами, закурил огромную жирную сигарету с марихуаной. Запах был очень хорош; мне всегда нравился запах травы, хоть я никогда не испытывал кайф от ее курения. Я думал, может у меня какой-то странный иммунитет на траву. Я повернулся к Арти и попросил

его затянуться. Он передал мне зажженную сигарету. Я поднес ее к губам, сделал большую затяжку и несколько секунд задержал дыхание, а потом выдохнул ароматную струйку дыма и прочистил легкие. Я сделал глоток воды, а в горле все еще было небольшое раздражение, но боли я не чувствовал. Я совсем не был под кайфом, поэтому пожал плечами и продолжил разговор, который вел с Фрэнки.

Примерно двадцать минут спустя у меня появились очень странные ощущения. Сперва я подумал, что мне наконец-то удалось. Я был под кайфом! Но ощущения были не из лучших. Меня тошнило, чувство было такое, словно я подхватил грипп: холодный пот, головокружение, все дела. Потом в моей черепной коробке начало твориться что-то безумное. Лучший способ описать это — вспомнить ту сцену в «Звездных Войнах», где Люк, принцесса Лея и Хан Соло спускаются по мусоропроводу. Стены приближаются, и монстр по имени Дианога хватает Люка одним из своих щупалец. Словно какая-то стена в задней части моего черепа медленно двигалась вперед ко лбу. Чего недоставало, так это Дианоги, который бы меня хватал. Когда стена почти достигла передней части головы, перед глазами все поплыло, и я увидел облачко пурпурных точек. В ушах стоял сильный гул, а потом я потерял сознание. Когда я пришел в себя, меня трясло.

«Что случилось?»

«Ты отрубился» — сказал Арти.

«Надолго?»

«Секунд на тридцать».

Я паршиво себя чувствовал, и мы вызвали скорую. Я отправился в больницу. Врачи проверили уровень сахара в крови и сказали, что со мной вроде все в порядке. Спустя час мне стало лучше. Никто не мог объяснить, что со мной случилось. Я подумал, может я отравился креветкой. С устрицами это обычное дело. Съесть моллюска не в том месте — это все равно что сыграть в русскую рулетку.

ГЛАВА 16
«ЭЙФОРИЯ» И ОТЧАЯНИЕ [25]

Мы снова вернулись в Нью-Йорк, где Марк Додсон и Алекс Периалас свели «State Of Euphoria» в студии Electric Lady. Это офигенное местечко с улетной атмосферой. Но даже там я чувствовал себя опустошенным, потому что был убежден, что мы подорвали авторитет Anthrax. 18 сентября 1988-го, когда вышла пластинка, ее ждал огромный успех. Мы сняли клип на «Antisocial», который неплохо крутился на телешоу Headbangers Ball и других программах, но когда кто-нибудь хвалил нашу пластинку, я думал про себя: «Да ни хуя ты не понимаешь! Anthrax тупо на автопилоте идут».

Единственные песни, которые мы до сих пор играем с этой пластинки, это «Be All, End All» и «Antisocial», хотя последняя даже не наша песня. Ее написала французская группа Trust. «Now It's Dark» — клевая песня, я обожаю текст про Фрэнка Бута, героя Денниса Хоппера из изумительного фильма «Синий Бархат», снятого Дэвидом Линчем. «Finale» тоже хороша, этот трек демонстрирует самую быструю игру Чарли на двойной бас-бочке, но ведь четыре песни альбом не делают. При написании материала нам не хватило системности, потому что остальная часть пластинки написана в невероятной спешке. Как по мне, «State Of Euphoria» просто не дотягивает до трех предыдущих пластинок Anthrax.

По правде сказать, она вывела меня из равновесия — я теперь даже не могу ее слушать, и когда вспоминаю о тех песнях, меня тупо начинает выворачивать. Походу это первый раз, когда мы допустили ошибку как группа. Вместо того чтобы прислушаться к своим творческим инстинктам, мы позволили музыкальному бизнесу диктовать нам свои правила. Я был убежден, что это всего лишь дело времени, когда слушатели допрут, каким говно получилась «State Of Euphoria».

У меня началась паранойя, я стал нервным, начал думать, что мы превращаемся в посмешище, потому что утратил веру в себя. У меня всегда было ощущение, что в Anthrax именно я несу ответственность за принятие решений, и начал всерьез сомневаться в своих взглядах. Мы гастролировали в поддержку альбома, который я терпеть не мог, но буквально каждый вечер нам приходилось играть новые песни. Это только лишний раз бесило.

Мы играли «I'm The Man», а я думал: «Кто мы такие? Что это

такое? Разве Metallica так делают?» У меня было ощущение, что мы — пародия на себя самих же. Я пересмотрел свое отношение по части выступления в шортах и подумал: «О, нет, с подобным имиджем мы начинаем походить на придурков. Ладно, хотя бы в кольчуге не выступаем». Но все это казалось далеким от Anthrax.

В клипе к «Antisocial» Денни Спитц засветился в гребаной майке Твити и длинных красных купальных трусах ниже колен с изображениями Джетсонов. А еще он играл на гитаре с наклейкой Черепашки-Ниндзя. Я едва не блевал от одной только мысли об этом. Что тут может быть общего с металом? Скорее это смахивало на рекламу Cartoon Network[26], хотя он вышел в эфир лишь четыре года спустя.

Мне кажется, тогда я был таким разбитым и неловким. Не понимаю, ведь мы же могли настоять на своем и сказать лейблу, что нам нужно больше времени, чтобы закончить пластинку. При необходимости мы даже могли бы отказаться от тура с Iron Maiden. До этого мы уже много раз говорили «нет» различным предложениям и настойчивым просьбам. Мы стали жадными. Не больше, не меньше. Награда так и маячила перед глазами — стадионный тур с Iron Maiden, и мы ухватились за эту возможность.

К счастью, гастроли с Iron Maiden стали осуществлением наших мечтаний, так что это несколько притупило боль от осознания факта, что мы выпустили говенную пластинку. С этими парнями было очень здорово тусить — это были профи, но при этом они были невероятно дружелюбными и всегда готовыми прийти тебе на помощь. Где еще встретишь столь же выдержанную группу на сцене, которая выступает вечер за вечером туеву хучу лет? Для нас шоу были не менее офигенными. Мы выступали на под завязку набитых стадионах — от Anthrax у чуваков просто рвало крышу. Мы продавали сотни тысяч пластинок и вагоны товаров с символикой группы. Наконец-то мы «сделали это».

После тура с Maiden мы не стали снижать темп, но поведение Джои становилось все более и более непредсказуемым. Он не знал меры в тусах, и нам постоянно приходилось мириться с его взрывами эмоций. Когда мы играли с другой группой таких же тусовщиков, он шнырял к ним в гримерку и начинал зажигать с участниками группы или дорожниками. Я видел Джои с расширенными зрачками и не в себе — своим видом он напоминал серийного убийцу. Для него это вошло в систему — как на сцене, так и за ее пределами. Я не вмешивался, пока не почувствовал, что злоупотребление сказывается на его выступлениях.

На этот счет у меня была одна позиция: «Эй, чувак, я тебе не отец, черт побери. Я не стану учить тебя жизни, но если твои кутежи влияют на сценические выступления, тогда нам придется как-то решать эту проблему». 16 ноября 1988-го мы открывали выступление Оззи Осборна в турне в поддержку «No Rest for the Wicked», а Джои был не в лучшей форме. Его голос казался слабым. Нашел, блядь, время. Мы участвовали с крупнейшем, важнейшем туре в своей карьере, продавали по семь тысяч билетов за концерт, наш мерч продавался лучше, чем когда-либо, но наш вокалист разваливался буквально на глазах, потому что баловался коксом и не выдерживал нагрузки концертных выступлений. Мы не собирались позволить Джои уничтожить все, чего мы достигли таким упорным трудом.

Как-то в выходной в Чикаго мы встретились с ним в старой гостинице Дейз Инн в Лейк Шор, она теперь называется W Hotel. Все собрались в комнате, словно это было насильственное вмешательство, по сути так оно и было. Я сказал ему: «Слушай, бро, вечеринки сказываются на твоем голосе. Когда ты пьешь, ты становишься безумцем, мы не только устали от всего этого, это вредит и группе, пора с этим завязывать».

Мы сказали ему, что будем рядом, чтобы помочь, если ему потребуется помощь, и сделаем все, что в наших силах. Наша помощь не понадобилась. Он завязал пить и нюхать кокс буквально в ту же минуту, и с тех пор он вел трезвый образ жизни. Я испытываю к нему невероятную долю уважения за то, что он нашел в себе силы, чтобы справиться с этим. Непросто просто так взять и завязать с наркотой, а проблемному алкоголику еще труднее выпустить бутылку из рук. У Джои была невероятная сила воли, он смог взглянуть своим проблемам в лицо и сказать: «Так, все, хорош, завязываю».

В том же туре, когда мы убедили Джои, что он ходит по лезвию ножа, нас едва не арестовали в одну из самых веселых ночей безрассудного пьяного дебоша нашей карьеры. 30 и 31 декабря мы отыграли два вечера с Оззи на стадионе Лонг-Бич Арена. Джонни забронировал почти целый этаж в отеле Хаятт на бульваре Сансет. Нам вспомнилась Райет Хаус, где Led Zeppelin в 70-х вытворяли свои безумные проделки. Ничего такого не было после шоу 30 декабря, потому что мы зарядились энергией перед вторым вечером и не хотели подвергать себя риску, чтобы нас выкинули из отеля перед самым Новым Годом.

Вместе с группой, дорожниками и всеми нашими друзьями, которые пришли отметить мой двадцать пятый день рождения мы более чем наверстали упущенное в следующий вечер. В двух номерах стояли ванные и раковины, наполненные льдом и

бутылками ликера, пива и вина. Когда все начало переливаться через край, мы наполнили пустые бутылки бухлом. Все было готово для безудержной автопати. Это был один из немногих вечеров в 80-х, когда я реально нажрался. Да практически все тогда нажрались, и мы потеряли над собой контроль. Наши добрые приколы не ограничивались обливанием друг друга водой и тем, что один ссал на другого. Мы швырялись полными бутылками пива с одного до другого конца длинного коридора. Кому-то неслабо перепадало. Пол был скользким от пива, повсюду валялось битое стекло.

Вот я помираю со смеху, а потом краем глаза замечаю чью-то руку в броске, и тут бутылка со свистом пролетает мимо моей головы и разбивается о стену. В конце концов нас заколебало бросаться друг в друга бутылками, и кто-то швырнул бутылку прямо в закрытое окно на террасу. Она упала на бульвар Сансет. И тут все как по команде начали разбивать стекла бутылками, которые оказались под рукой. Одними бутылками дело не ограничилось. На парковку вместе с радиочасами из окна вылетели комнатные лампы, да почти все, что плохо лежало, пошло в ход. Мы оторвали телек от подставки и выбросили его на парковку из окна, выходящего на задний двор. И хоть мы и были в говно, у нас по крайней мере хватило мозгов понять, что выбрасывание телека на бульвар Сансет может обернуться для нас серьезными проблемами; мы могли отправиться в тюрягу за непредумышленное убийство, хотя с тем же успехом мы могли отнять у кого-нибудь жизнь с помощью бутылки пива или лампы, просто нам казалось, что с телеком все обстоит намного хуже.

Было непросто выбросить телек из открытого окна. Эти гигантские подставки, которые стояли в номерах в 80-х, были чертовски тяжелыми. Понадобилось несколько человек, чтобы выбросить его на пустую парковку прямо под окном. Мы не видели, как он приземлился, но безусловно слышали. Раздался убедительный треск, когда он ударился о проезжую часть. Через несколько минут приехала полиция. Мы были настолько пьяны и самоуверенны, что думали: «Ну, что они нам сделают? Ну да, бросались бутылками и прочей херней. Ну и что с того? Канун Нового Года как-никак. Кому какое дело? Что случится? Что они станут делать? У нас тут целый этаж оплачен. Они нам говна не сделают! Они не смогут нас выкинуть отсюда. Это наш этаж, ебать вас за ногу!»

Опять-таки, по глупости мы чувствовали себя неуязвимыми. Мы думали, что у нас есть право задирать людей и усложнять им жизнь, вытворяя всякое легкомысленное дерьмо и наивно полагая, что никаких последствий не будет, потому что мы

известные чуваки из группы. Ужаснее отношения и представить сложно. Именно это превращает вполне приятных людей в полных мудаков. Когда около трех утра приехали копы, я находился в одной из комнат, где мы тусили, за закрытой дверью. Джон Темпеста, который позже присоединился к White Zombie и играл в Testament, Exodus и the Cult, на тот момент был барабанным техником Чарли. Он был там со мной вместе с нашим охранником Билли.

Раздается стук в дверь, я выглядываю в глазок и вижу одного из работников отеля. Он приходил уже в двадцатый раз. В отеле шли и другие тусы, так что первые несколько раз мы подходили к двери и отвечали: «Это не мы. Мы не бросались бутылками». Когда один больше похожий на сыщика работник отеля спросил, почему в нашем номере разбито окно, мы сказали, что это вышло случайно, и что кто-то случайно упал на окно. Долго думать не пришлось, чтобы заметить, что в одном из наших номеров не хватает телека. Даже копы из Кистоун смогли бы сложить дважды два и понять, что это мы его выбросили.

Парень сказал: «Нам придется попросить вас покинуть наш отель». К этому времени к нему присоединились четыре шерифа из Лос-Анджелеса. «Вас вышвырнут из отеля».

Темпеста был в жопу пьян и не слишком-то доброжелательно воспринял эти новости. «Да пошел ты!» — заорал он на управляющего. «Никуда я, блядь, не пойду. Хотите выкинуть меня, мать вашу? Да сосите хуй!»

Копов он не заметил. Я попытался его предостеречь, но он не услышал меня. Вместо того чтобы отступить, он навалился на менеджера и ткнул ему в лицо средним пальцем. «Пошел на хер, ничтожество! Ты не можешь, мать твою, указывать, что мне делать». Потом Темпеста толкнул его, думаю, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Буквально через секунду коп бросил Темпесту на землю, заломил ему руки, ударил коленом по спине и заковал в наручники. Очевидно, когда Джон коснулся управляющего, копы расценили это как нападение. Билли попытался прийти к нему на помощь, и полицейский прижал его к стене. Не желая ощутить гигантское колено на своей спине, я сказал им: «Извините. Это не мой номер. Можно сходить в свой номер за вещами?»

Меня отпустили, и я побежал по коридору в номер Джонни Зи. Он тусил там с Маршей и парой других чуваков. Я рассказал, что у нас в гостях копы, что они арестовали Темпесту и собираются выпнуть нас из отеля. Джонни был вне себя и чертовски напрягся, но он был для нас как Питер Грант — чувак, который был менеджером Zeppelin и оберегал их от множества

неприятностей — он мог все уладить. Джонни пошел к управляющему отеля и заорал на него: «Что здесь происходит? Вы не можете нас выгнать. Мы забронировали целый этаж. Если вы заставите нас уйти, к вам больше ни одна группа не приедет. Уж я об этом позабочусь».

После своей тирады Джонни пошел вниз по коридору с менеджером отеля и главным шерифом. Они разговаривали несколько минут, пока мы стояли рядом, а Темпеста лежал на полу в наручниках, проклиная все на свете. Когда они вернулись, Джонни сообщил нам, что нашел компромисс. Отель выгонит только Темпесту и Билли, что было весьма неплохо, учитывая, что мы буквально разнесли в щепки целый этаж. Никого не арестовали; нам просто пришлось найти другое место, где бы могли переночевать эти двое. Девушка, с которой был Темпеста, сказала, что они могут переночевать у нее. На том и порешили. Все остальные завалились в свои номера и отрубились.

После тура с Оззи мы провели короткий британский тур с Living Colour на разогреве, а потом отправились в тур Headbanger's Ball в компании с ребятами из Exodus и Helloween. И снова мы остались верны своей старой доброй привычке бросаться ведрами воды и бомбами с мочой. Мы понимали, что ничто не может сравниться с безумием тура с Оззи, поэтому даже не пытались этому противиться. В июне мы полетели в Европу, чтобы отыграть шоу в качестве хэдлайнеров с Suicidal Tendencies на разогреве. Это был первый тур басиста Suicidal Роберта Трухильо. Четырнадцать лет спустя Metallica возьмет его на замену Джейсону Ньюстеду. В середине июля мы гастролировали по Британии при поддержке King's X.

Я провел столько времени 1988-го и 1989-го в дороге или на записи с группой, что не бывал в Нью-Йорке, что подразумевало, что мне не приходилось видеть Мардж и иметь разговор, которого я так долго избегал. А тем временем мое поведение становилось все хуже, до той степени, что мой брачный обет не стоил и выеденного яйца.

В сентябре 1989-го в ходе тура «…And Justice For All» Metallica отыграла три концерта в Ирвин Медоуз. Я все равно был в Лос-Анджелесе, потому что мне нужно было выступить на метал-конвенции форума Фаундейшнс, который проходил примерно в то же время. Фрэнки там тоже был, как и мой друг Энди Бучанан — он прилетел из самой Шотландии, чтобы вместе затусить. Дома у нас особо никаких дел не намечалось, поэтому мы остались на все три концерта Metallica.

В ходе второго концерта мы с Фрэнки познакомились за кулисами с двумя девушками. Я сразу положил глаз на одну из

них, Дебби Лэвитт, она была чуть ниже меня ростом, а это всегда плюс. У нее были длинные темно-коричневые волосы, она была стройной, но подтянутой. Эта девушка напоминала вашу сногсшибательную соседку, и, как и я, была еврейкой. Не то чтобы я искал что-то подобное, ведь я человек совсем не набожный, но это обстоятельство мгновенно создало между нами некую связь. Забавно, что в Хантингтон-Бич, откуда она родом, по сути нет евреев среди населения. И вот стоит она там, а я не могу отвести от нее глаз. Ей тогда было 18, а мне 25, так что у нас была небольшая разница в возрасте, но я вам не Ар Келли, чтобы писать кипятком от девочек-подростков. Вообще-то, скорее всего тогда у меня было мозгов как у восемнадцатилетнего.

Дебби увлекалась роком, но металисткой не была. Она выросла на радио KROQ и слушала музыку вроде the Cure, the Red Hot Chili Peppers и Depeche Mode. Но ей явно импонировало, что я играю в группе. Мы вместе потусили и поболтали о том, о сем, потом я подвез Дебби и ее подругу к их машине, которая стояла на общей парковке рядом с концертным залом. Высаживая их, я пригласил Дебби сходить со мной на Metallica следующим вечером.

Она сказала, что с радостью, и спросила, не против ли я, если она возьмет с собой подругу Келли. Я сказал, было бы клево, и решил, что Энди может склеить Келли, или хотя бы ему будет с кем потусить, пока я разбираюсь, что происходит между мной и Дебби. И правда, на шоу мы нашли общий язык. Так много болтали друг с другом, что почти не обращали внимания на группу. Я решил провести с ней в Лос-Анджелесе еще три дня. Поменял рейс, и отделался от Мардж какой-то дерьмовой отмазкой, типа мне нужно было остаться на Западном Побережье, чтобы принять участие в важных встречах, которые проводят представители индустрии звукозаписи. Надо помнить, она работала в АйБиЭм, а не в АРК[27]. Она ничего не знала о музыкальной индустрии, поэтому просто приняла за чистую монету все, что я ей наплел. Само собой, ей это не нравилось, но она бы никак не узнала, что я лгу.

В это время Фрэнки, Энди и я отрывались по полной — целый день напролет мы играли в баскет с Beastie Boys в Лорел Каньон. Потом я вернулся в отель, часок подремал, принял душ и встретил Дебби за обедом. Ничего такого, только приятная встреча за обедом и хороший разговор. В той поездке мы не успели ничего намутить. Я поцеловал ее, и только. Но когда мы поцеловались, я на самом деле почувствовал что-то особенное. Быть с ней было очень бодряще, волнующе. Казалось, ее действительно интересуют мои байки, а я хотел знать, что

происходит в ее жизни. Мне хотелось узнать о ней побольше и посмотреть, может ли у нас выйти что-то серьезное.

Я начал регулярно наведываться в Лос-Анджелес. Всякий раз это была очередная лажовая отмазка, которые Мардж должна была бы чуять за версту, но не хотела этого делать. В первый раз, когда я вернулся в Лос-Анджелес, мы с Дебби занялись сексом. Почему-то секс с ней отличался от секса со всеми девчонками, с которыми я был до этого. Не скажу, что мы делали что-то необычное; просто он казался очень чувственным и глубоко личным. Мы начали постоянно спать вместе.

Улетев домой, я вернулся в пограничное состояние. Мне совсем не нравилось то, что я так много врал Мардж, но я обманом заставил себя не чувствовать вину, убедив себя, что мы стали совершенно разными людьми. Мы были как соседи по комнате, которым приходилось терпеть друг друга. Ближе к концу 1989-го Мардж начала сильно давить на меня по поводу детей. За последний год она упоминала об этом несколько раз, но я притворялся, что не расслышал ее или отмазывался, что еще не готов. Я хотел сказать ей, что все кончено, но только и делал, что тянул резину. Каждый день я говорил себе: «Нет, сука, ты скажешь ей!» И в конце концов однажды в два часа ночи я все никак не мог заснуть из-за перенапряжения. Она проснулась и поняла, что я не сплю. «С тобой все в порядке?»

«Нет, нам нужно поговорить» — произнес я с жаром.

«О чем? Я устала. Это не может подождать до утра?»

«Все кончено» — сказал я, набираясь смелости. «Я так больше не могу. Я не люблю тебя и встречаюсь с другими женщинами. Мне нужно съехать и подумать, куда катится моя жизнь».

Она начала плакать. И не могла остановиться. Она не орала и не бросалась вещами; в тот миг она была просто несчастной и жалкой. Я сказал, что хочу развода. Хорошо, что я наконец-то смог вытащить весь этот багаж наружу, но мое признание вызвало массу обвинений со стороны евреев — она рассказала своим родителям, я — своим. Все вдруг заинтересовались этой темой.

«Да что с тобой? Как ты мог с ней так поступить?» Мама докопалась до меня, как и ее родители. Отец был единственным человеком, который поддержал меня. Он всегда был моей опорой.

Мардж умоляла дать ей второй шанс, и я согласился на курс терапии для супружеских пар. А для себя я решил так: «Ок, я попробую. Я в таком долгу перед ней. Кто знает? Может терапевт скажет что-то такое, что у меня в голове случится озарение, и мы заживем счастливо».

Я посидел на паре-тройке занятий по терапии, помирая со скуки, и через пару занятий терапевт сказал мне: «Скотт, ты ведь

не хочешь здесь находиться, не так ли? Ты не стараешься?» Я ответил: «Ага, не хочу. Говорю вам, с меня хватит. Я не люблю ее и не хочу от нее детей. Говорю как есть. Я врал много лет, а теперь я говорю начистоту и мне пора. Пора валить».

Через некоторое время я съехал с ее квартиры и поселился в однушке на Гринвич Виллидж.

ГЛАВА 17
ВСЕ СНАЧАЛА

Вскоре после того, как осторожно сообщил Мардж неприятные новости, я отправился в Лос-Анджелес и когда в конце 1989-го вернулся обратно в Нью-Йорк, Дебби переехала ко мне, и мы стали жить вместе. Здорово, что мы так хорошо понимали друг друга. Все было супер. Мы вместе ели, ходили в кино, и у нас было полно секса. Думаю, у большинства новых парочек происходит то же самое. Рутина приобретает необычный оттенок, и когда ты с кем-то вместе, у тебя вдруг снова возникает то самое приятное волнение. Мардж по-прежнему умоляла меня вернуться. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Давай попробуем все сначала. Я ведь могу измениться!» Тяжкое бремя, что и говорить, а потому моя симпатия к ней быстро начала таять, перерастая в раздражение: «Нет, нет и еще раз нет. Все кончено! Разве ты еще не поняла? С меня хватит. Довольно!»

Я всегда любил Нью-Йорк и по-прежнему его люблю, но к концу 1989-го я думал только о том, как бы мне поскорее убраться из этого города. Слишком уж много там было фантомов, слишком много воспоминаний тяготили меня. Поездка в Лос-Анджелес на запись «Persistence Of Time» стала для меня побегом от реальности. Дебби поехала со мной. Она была в восторге, потому что по сути возвращалась обратно домой и не любила Нью-Йорк так, как его любил я. Если уж говорить начистоту, ничего хорошего с этим местом ее не связывало. Как-то вечером я уговорил ее пойти со мной в кино на фильм «Генри: портрет серийного убийцы». Когда я думаю об этом, мне вспоминается сцена из «Таксиста», в которой Трэвис Бикл (Роберт де Ниро) привозит Бетси (Сибилл Шеперд) на порнофильм, и она в гневе покидает помещение.

Если уж на то пошло, Дебби была не в восторге от идеи идти на этот фильм, но знала, что я очень хочу его посмотреть. Этот фильм — бескомпромиссный, реалистичный портрет массового убийцы Генри Ли Лукаса, его кореша Отиса Тула, и серии жутких убийств, которые они совершили в 60-х и 70-х. Она уже была немного напряжена, когда мы заняли свои места в зале. Кинотеатр находился прямо на Таймс-сквер. Он был старым, паршивым, грязным и убитым — ну, такой, знаете, с трещинами на экране, которые только весь фильм отвлекают, зал был почти пуст. Примерно через сорок пять минут после начала во время одной из особенно жестоких сцен мы услышали позади себя

ритмичный шум, похожий на скрип сиденья, поначалу тихий, но со временем он начал становиться все более отчетливым. Мы услышали стоны и тяжелое дыхание. Потом Дебби повернулась назад и увидела парня, сидевшего в двух рядах от нас, который яростно дрочил, не отрывая взгляда от экрана. Она вскрикнула, встала и в раздражении покинула зал. Я пошел за ней и извинился, но она орала на меня так, будто я все это спланировал заранее. Она была в такой ярости, что я привел ее на этот отмороженный фильм, что грозилась порвать со мной. Потребовалось немного усилий, но мне удалось ее утихомирить. Всего через пару дней мы уезжали из Лос-Анджелеса, так что ей больше не нужно было мириться со всем этим безумием Нью-Йорка.

До Лос-Анджелеса нас довезли за так, потому что мне удалось запихать весь свой скромный скарб в грузовичок, направляющийся в Калифорнию. Однако сперва мне пришлось принять на себя очередную порцию еврейских обвинений. За пару дней до отъезда в Лос-Анджелес Anthrax находились в студии Electric Lady, репетируя песни из альбома «Persistence Of Time». Я планировал встретиться в этой студии с мамой и вместе пообедать. Мне казалось, это лучшее время, чтобы рассказать ей, что я уезжаю из Нью-Йорка и собираюсь в Лос-Анджелес на пару с Дебби. Я подозревал, что она явно не будет в восторге. Ей всегда нравилась Мардж, и я разбил маме сердце, когда наш брак подошел к концу. Вообще-то я не осознавал, как сильно она расстроена до того момента, когда мы вместе возвращались с ланча и шли по Восьмой улице обратно к Electric Lady.

Говоря тоном типичной еврейской мамы, она сказала мне: «Должна сказать прямо. Я очень-очень огорчена твоим решением. Думаю, что ты совершаешь большую ошибку. Это неправильное решение, в корне неверное. Не понимаю, как ты мог так поступить с Марджори. То, что ты совершаешь, просто ужасно. Хочешь моего благословения? Будь моя воля, ты бы прямо сейчас лежал под колесами автобуса, а потом проснулся в больнице с потерей памяти и ничего этого не помнил, особенно ту девушку из Калифорнии» — она до чертиков ненавидела Дебби — «и не знал, кто она такая».

Я посмотрел на нее и спросил: «Ты шутишь, да?»

«Нет, совсем нет» — настаивала она на своем. «Я только об этом и думала каждый вечер с тех пор, как ты порвал с Мардж».

«Ма, ну это полный пиздец. Ты что, правда хочешь, чтобы меня сбил автобус?»

«Мне плевать. Вот что я чувствую» — ответила она.

Она начала съезжать с катушек, у нее едва пена не пошла изо

рта. И я сказал: «Знаешь, что? Иди на хер! Иди на хер, ма. Серьезно. Возьми свои слова обратно! Скажи мне сейчас же, что просишь прощения».

Она стояла на своем и отказалась извиняться.

«Иди на хер!» — сказал я снова. Я не мог подобрать других слов, чтобы описать то, каким преданным я себя тогда чувствовал. Я зашел в Electric Lady, закрыл дверь и не разговаривал с ней почти два года. Я думал об этом так: «Ты — моя мать. Я люблю тебя, но ты не обязана мне нравиться. И я определенно не хочу с тобой разговаривать».

В конце концов отец убедил меня наладить с ней общение. Он сказал, что она не будет рядом вечно, и я пожалею о том, что не исправил ситуацию или хотя бы расставил все точки над i. «Я знаю, каково ей сейчас» — добавил он. «Она была моей женой. Просто позвони ей. Будь рядом. Будь ее сыном. Будь воспитанным. Просто вернись в ее жизнь».

Я написал ей письмо, потому что говорить с ней уже не мог. Мне не хотелось слышать ее голос. Я написал и рассказал ей ровно то, что у меня было на душе. «Хочешь извиняйся, хочешь — нет. Мне плевать. Но мне бы хотелось, чтобы ты снова появилась в моей жизни в каком угодно виде».

Она была в восторге. Но мне потребовалось немало времени, чтобы снова почувствовать с ней близость. К счастью, я был в Калифорнии, и нас отделяли три тысячи миль. Лучше не придумаешь. Я виделся с ней раз или два в год, когда бывал в Нью-Йорке с группой, и выполнял свои обязанности сына. Но лед в моем сердце растаял совсем недавно, когда я увидел, как она счастлива, когда общается с моим сыном Ревелом и как он смеется, когда находится с ней рядом.

Мы с Дебби жили в Оквуд Апартментс на Бархаме в Толука-хилз, Северный Голливуд. Когда дело касалось записи, мы записывались именно там. У меня в том местечке была меблированная квартира, поэтому я положил все свои вещички в кладовку. Пару месяцев спустя мы нашли квартирку на Хантингтон-Бич, неподалеку от шоссе Пасифик-кост. Менее чем через год из крошечной квартирки на Гринвич Виллидж я перебрался в совсем новую двухкомнатную квартиру у самого океана. Я никогда не выбирался за пределы мрачного, отравленного смогом Нью-Йорка, и вдруг я оказываюсь в месте, напоминающем Endless Summer. Это было воплощение моей мечты, потому что я хотел снова попасть в Калифорнию с тех самых пор, как катался тут на скейтборде в 1977-ом.

Лос-Анджелес был похож на парк развлечений без охраны с различными аттракционами, он напоминал гигантскую игровую

площадку, где не было правил, где я все время мог вести себя как ребенок. У многих выходцев из Нью-Йорка в голове укоренилась позиция «Восточное побережье против всего мира». Никогда не верил в существование такой конкуренции между городами. Даже притом, что был благородным ньюйоркцем, я никогда не испытывал неприязни к Лос-Анджелесу. Мне нравилась местная погода, география и история Голливуда, мрачная таинственность Джеймса Эллроя, излишества в духе Чарльза Буковски, предлагаемые Лос-Анджелесом. Там были отличные клубешники, там рубили крутые команды. В Калифорнии жгли напалмом Metallica, Slayer, Exodus и Testament. На тот момент там было все, чего не было в Нью-Йорке.

Некоторые мои друзья говорили: «Чувак, почему ты так хочешь свалить в Лос-Анджелес? К черту Лос-Анджелес! К черту Западное побережье». А я им: «Ребят, каждый раз, когда я еду в Лос-Анджелес, это просто улет. Съездите и зацените сами». Мой брат Джейсон и парочка моих друзей попробовали, а потом перебрались туда с концами. Дебби сразу начала знакомить меня со своими друзьями, и я глазом не успел моргнуть, как я уже зависаю с этими серферами, у которых на уме был только панк-рок и хэви-метал старой школы. Они провели в Хантингтон-Бич всю свою жизнь, они все знали, что я играю в Anthrax. Где-то полтора года все было заебись, а потом реальность начала брать свое.

Много воды утекло с середины 1987-го до начала 1990-го, и мне хотелось отразить эти перемены в нашей музыке и текстах. Мой развод стал приобретать все более уродливую форму. Я смотрел на свою жизнь новым взглядом и начал задумываться о будущем. У большинства моих друзей были дети, а я по-прежнему колесил по миру с рок-группой, и был так далек от того, чтобы остепениться, что и представить сложно. И хотя я был с Дебби и был ей верен, моя душа словно опустела. Я вовсе не считал, что делаю что-то значимое, просто изо дня в день повторял одно и то же, как в той рекламе: нанесите шампунь на голову, сполосните голову, повторите. Я знаю, что многие чуваки мечтают попасть в успешную рок-группу и за это готовы даже продать свою душу. Временами мне казалось, что я уже это сделал, разве что не стоял на перепутье со своей гитарой и Джеком Батлером, размалеванный как Джин Симмонс. Возможно подписание контракта на запись пластинки или контракт с менеджером это почти то же, что сделка с дьяволом. Объехав весь мир и испытав на собственной шкуре все тупые мифы рок-н-ролла, я начал задумываться о том, есть ли что-то еще в этой жизни. Не поймите меня превратно. Я с успехом записывал музыку, выступал с

концертами и вел себя как малолетний преступник, но все больше начал всматриваться в будущее, пытаясь понять, что со мной будет через десять, двадцать, тридцать лет. И я переосмыслил все это, пока писал тексты для альбома «Persistence Of Time».

В начале 1990-го Anthrax всерьез приступили к работе над альбомом. Тогда-то и начал проявляться раскол, и тот небольшой неприятный запах, который я стал замечать в наших отношениях, начал перерастать в вонь как от мусорной свалки. Работать над этой пластинкой было совсем не весело. «Горячие» настроения на сессиях записи послужили своего рода предзнаменованием пожара в репетиционной точке в Йонкерсе. Мы арендовали комнатку на втором этаже печатной мастерской. К тому времени мы снимали ее уже несколько лет, и по сути это было местечко для джемов, которым мы постоянно пользовались. Я остановился в квартирке на Горацио-стрит в Вест Виллидж, а рано утром меня будит звонок Чарли: «Ты должен сегодня приехать в студию». Я планировал заскочить туда и поработать над некоторыми темами, поэтому спросил зачем, а он мне и отвечает: «Прошлой ночью в здании был пожар, все сгорело».

«Что?!?» Едва повесив трубку, я пулей метнулся на поезд и погнал в студию. Мы все были там, а второй этаж, где находилось все наше оборудование, тлел на наших глазах. Пламя уже погасили, но здание еще было в дыму.

Когда приехали пожарные, нас не пустили внутрь, а мы все спрашивали их: «Уцелело ли хоть что-нибудь?» А они лишь говорили, чтобы мы держались подальше и что на следующий день они передадут нам все, что осталось.

После ухода пожарных мы подумали об одном и том же: «Ну вас на хуй». Все участники группы и кой-какие наши друзья залезли на крышу, пролезли через окно и начали спасать все, что можно. Когда я вспоминаю об этом, наверное глупо было заходить в здание, которое несколько минут назад было объято огнем. Под нами мог обрушиться пол, но тогда мы об этом не думали. Мы думали только о своих усилителях Маршалл и гитарах Джексон. Мы буквально составили человеческую цепочку, чтобы люди внутри передавали вещи из окна парням на крыше, а с крыши на землю. Хорошо, что нас было много. Мы выгребли все, что не подверглось разрушению, даже те вещи, которые обгорели, но вполне могли быть восстановлены. В целом это была примерно половина нашего оборудования. Вот так запросто мы просрали пятнадцать колонок, кучу гитар и четыре портативных магнитофона для записи. А еще я потерял два Маршалла из юбилейной серии, которые получил в 1987-ом. У этих усилителей были отличные головки, но им было всего два года, и я без труда

мог их заменить. Мне хотя бы удалось выцепить две основные гитары, на которых я тогда играл — белый Джексон Рэнди Роудса и свой черный Гибсон Flying V 1981-го года. Джексон Роудса находился в другой части комнаты и огонь его не задел. Но гитарный чехол, в котором лежала V, был сильно поврежден и неслабо обгорел. Я открыл его и увидел, что звукосниматели и ручки частично оплавились, потому что гитара находилась близко к огню, но это выглядело очень клево. В остальном она была не повреждена и на ней до сих пор сохранились расплавленные ручки — я просто их оставил на память.

К счастью, мы были застрахованы, и нам компенсировали расходы за большую часть утраченного имущества. Так что полной катастрофой это не назовешь, и мы могли двигаться вперед, не теряя ни минуты. Мы знали, что не хотим, чтобы «Persistence Of Time» звучал как трэш-альбом. И хотя прошло меньше трех лет с выхода «Among The Living», мы чувствовали, что очень отдалились от этой сцены. Мы выросли во что-то большее и лучшее, чем просто трэш-метал группа, и не хотели, чтобы на нас навешивали ярлыки. Мы хотели, чтобы нас воспринимали всерьез, как Judas Priest или там Iron Maiden. Это был естественный процесс изменения, развития и исследования других перспектив тяжелой музыки.

В 80-х трэш ярко горел и испускал жар, а теперь все искали что-то новое. То же случилось и с НВБХМ. За исключением Priest и Maiden, многие группы, которые нам нравились из этой эпохи, дальше 1985-го не продержались. Куда делись Raven, Angel Witch, Saxon и Venom? Нетрудно было представить себя самих в подобной ситуации. Мы по-прежнему заводили толпу, продавали альбомы и товары с символикой группы, но я знал, что если мы не сделаем что-то больше и лучше, людям это быстро надоест.

С момента релиза «State Of Euphoria» казалось время уже затикало, возможно поэтому время было лейтмотивом при создании «Persistence Of Time». Правда в том, что мы никогда не делали жизнь легкой для преданных фэнов трэша, в духе трэша «Spreading The Disease» и «Among The Living». Мы постоянно бросали вызов сами себе, и соответственно своим слушателям, потому что хотели, чтобы наша музыка постоянно менялась и развивалась. Может в этом и кроется одна из причин, почему мы до сих пор остаемся на плаву. Если бы «State Of Euphoria» стала «Among The Living, часть 2», а «Persistence Of Time» — «Among The Living, часть 3», нам бы все это могло быстро надоесть, и к 1992-ому мы бы распались.

Процесс написания песен «Persistence Of Time» не изменился со времен «Spreading The Disease». Чарли написал костяк музыки,

а Фрэнки, Чарли и я работали над аранжировками. Я написал все тексты песен. Фрэнки писал и помогал с написанием мелодий, а потом мы с Фрэнки пару недель поработали с Джои над партиями вокала. Это формула отлично сработала для наших первых альбомов и вполне проканала для «State Of Euphoria», просто мы недостаточно времени ей тогда уделили. Но с «Persistence Of Time» так работать было просто невозможно. Наша классическая схема работы с Джои больше не действовала. Даже после начала записи в Конвей Стьюдиос в Лос-Анджелесе в начале 1990-го этого не произошло. Я потерял терпение, которое у меня было на его счет, потому что в тот момент жизни я исчерпал все свое терпение, и больше не мог мириться с мыслью о том, что все мои слова, мысли и чувства реализует кто-то другой. Равновесие в моей жизни было нарушено. Все было в норме, когда я писал о рассказах и комиксах Стивена Кинга, но тексты «Persistence Of Time» были чрезвычайно личными, и когда я слышал, как Джои неправильно интерпретирует песни о моем лопнувшем браке, это вызывало во мне ярость. Не то чтобы я мог взять на себя инициативу и спеть. Я не мог, и это еще больше подогревало мое беспокойство. Я хотел, чтобы эта пластинка получилась идеальной. После провала «State Of Euphoria» она была обязана стать идеальной. На просто неплохую я был не согласен. Она должна была быть ровно такой, какой я ее представлял себе, или бы она просто не вышла.

Мы рвали задницы, чтобы сделать эти песни такими, как надо, и заставить Джои их выучить. Мы думали, что нам это удалось, но когда он спел, все звучало не так. Он тоже начал переживать, потому что не понимал, что я имел в виду, когда сказал, что этим песням требуется другой налет эмоций. Она пробовал спеть их агрессивнее. Он пытался сделать их более грубыми. Но корень проблемы был в том, что песни были не его; они были моими. Мои мысли, чувства и идеи. Как бы он смог выразить мои муки? Да наверное никто бы не смог. Музыка на «Persistence Of Time» была намного глубже, плотнее и мрачнее, чем все, что мы записывали до этого. В музыкальном плане она больше похожа на «Sound Of White Noise», чем на «State Of Euphoria». Во многом это был настоящий мостик к этой пластинке, и при этом я не слышал нужной напористости из-за бессвязного вокала Джои.

Он просто сводил меня с ума. У меня было ощущение, что я написал лучшие песни за свою карьеру, а голос Джои просто не подходил к ним. Каждый раз, когда он пел «Keep It In The Family», у него был счастливый голос. Я сказал ему: «Чувак, это далеко не радостная песня. Она о расизме». «Belly Of The Beast»

рассказывает о Холокосте, и когда он пел ее, я не чувствовал веса и страсти, которые должны были передавать эти слова. Фразировка и размерность на открывающем треке «Time» были непростой задачкой, и Джои приходилось делать дубль за дублем, чтобы приблизиться к тому духу, который я хотел от него добиться для этой песни.

Меня это особенно раздражало, потому что «Time» рассказывает о старении и она очень личная. Мне было двадцать шесть, моему браку пришел конец, мой мир изменился, а для Джои все осталось без изменений. На мой взгляд, он не вырос вместе с группой, а я все не мог это сопоставить. Я больше не мог выносить, как он пел мои слова. Я терпеть это не мог, и в то же время мы зубами землю грызли, пахали до седьмого пота, чтобы вытянуть из него лучшее.

Для меня это было ужасное время, а ему наверняка было еще хуже, ведь он не понимал, что он делает не так. Да и как? На первый взгляд, для него это был бизнес, как обычно. У меня внутри был плавильный котел, но я этого не показывал. Тогда у меня не было необходимых инструментов, я просто хотел, чтобы все было как надо, не принуждая его к этому. Я все думал: «Вот сколько ты уже в этой группе? Пой свои партии. Почему я делаю за тебя твою работу?» Ясное дело, ничего такого я ему не говорил. Я не мог быть с Джои агрессивным, потому что он вовсе не был агрессивным. Это очень милый, порядочный парень, что еще больше усложняло подход к нему. Мы с Фрэнки были на одной волне, и все время только и говорили, что о Джои.

Джои отлично понимал, что я начинаю злиться, но я никогда не орал на него. Не такой я человек. Когда я злой как черт, я становлюсь молчаливым как гребаный труп. Я частенько выходил из комнаты, потому что если бы этого не сделал, то начал кричать, а я был полон решимости так не поступать. В этом плане я больше хотел походить на своего отца. В конце концов мы вложили в «Persistence» кучу сил, больше чем в предыдущие пластинки, и я очень этим горжусь. Написание песен для этой пластинки показало мне другую сторону меня и группы, которую я хотел продолжить исследовать. Думаю, «Persistence» — недооцененная пластинка. Альбом хорошо продавался. Получил золотой статус и пришелся по вкусу нашим фэнам. Мы сохранили все свои позиции. Но все-таки, оценивая те усилия, которые мы вложили в эту пластинку, я считал, что она должна была стать более успешной.

Казалось, мы достаточно долго ею занимались, и надеялись, что эта пластинка распахнет для нас все двери, разве что некоторые так и не догнали, что как группа мы изменились

музыкально и просто повзрослели. Мы стали мрачнее, улыбки на сцене остались в прошлом, как и купальные трусы с дурацкими футболками. У Anthrax определенно появился более мрачный, более глубокий дух. На концертах мы по-прежнему исполняли темы со «Spreading The Disease» и «Among The Living», но люди орали: «Сыграйте «I'm The Man»», а мы больше не хотели ее играть. Мы играли ее в 1987-ом, и, как нам казалось, мы выжали из нее все соки. К счастью, у нас в загашнике была еще одна композиция в стиле рэп, и она отлично сочеталась с нашим новым мрачным имиджем. Сейчас мы были не настроены шутить. «Bring The Noise» — это кавер на песню моей любимой рэп-команды Public Enemy. Она чертовски тяжелая и не менее серьезна, чем проверка налоговой инспекции.

ГЛАВА 18
BRING THE NOISE [28]

Как-то днем я обыгрывал один рифф и подумал, что он напоминает ту часть песни PE «Bring The Noise» с валторной. Впервые эта тема вышла на саундтреке фильма «Меньше, чем ноль» и кроме того в 1988-ом попала на альбом «It Takes A Nation Of Millions To Hold Us Back». Это была очень политизированная песня, отчасти противоречивая, потому что рассказывала о президенте Нации Ислама Луисе Фаррахане как о «проповеднике, которого вы были обязаны слушаться». На Фаррахана мне было плевать. Единственное, чего я хотел, это поработать с Public Enemy.

Мои кореша Джордж Салмерс и Скотт Кёнинг сотрудничали с лейблом Def Jam. Они же и познакомили меня с Риком Рубином. Я так тащился от рэпа! Помню, зависал в крошечном фанковом офисе на Элизабет-стрит, это на Гринвич Виллидж. Они подарили мне футболки и прочий мерч с символикой Def Jam. У меня до сих пор сохранилась одна из оригинальных бейсбольных безрукавок с моим именем. Я провел там тонну времени, роясь в рэп-записях, и по-настоящему кайфуя, потому что у этого места была своя особая атмосфера. Казалось, здесь действительно происходит что-то особенное.

Первой песней, которую я услышал в исполнении Public Enemy, была «Miuzi Weighs A Ton». Это было все равно что услышать в первый раз «Rock And Roll All Nite», первый альбом Iron Maiden или тот же «No Life 'Til Leather» Metallica. Мне захотелось побежать по долбаной улице и изо всех сил бить морды всем, кто мне попадется по дороге!

Потом мне пришла промо-копия «It Takes A Nation Of Millions», и вскоре после этого состоялась встреча в офисе с Чаком Ди. Мы обменялись рукопожатиями, и он сказал мне: «Все говорят, что вы большие фэны нашей музыки. Спасибо вам большое. Я видел фотки в журналах, где вы стоите в майках Public Enemy. Это так клево, спасибо еще раз».

А я ему: «Да это вам спасибо! Вы просто улетные чуваки!» Так мы стали друзьями. В первый раз он пришел посмотреть наше выступление в 87-ом в клубе Beacon Theater, где наше шоу открывали Metal Church и the Cro-Mags. Узнав, что Чак тоже там, я снова превратился в того легкомысленного одиннадцатилетнего подростка. Вообще-то у нас было много общего. Он из Рузвельта, Лонг-Айленд, а я провел кучу времени в Меррике, соседнем

городке. Так что в детстве мы варились в одном котле. Чак всегда утверждал, что классический рок оказал на него столь же сильное влияние, что и соул с фанком. Я обожал Public Enemy. На тот момент подобных PE групп просто не существовало, а Public Enemy добавляли в свои треки ритмы, бас, гитары, волынки, шум, отрывки изречений чернокожих лидеров, к примеру, Malcom X, Thomas «TNT» Todd и Джесси Джексона, создавая безжалостную музыкальную палитру. Их выступления на сцене были не менее агрессивными, и больше напоминали метал-концерт, чем концерты любой другой рэпгруппы 80-х.

А теперь перенесемся к началу 1990-го. Короче, у меня был этот рифф, и я начал его наигрывать под трек «Bring The Noise». Я думал, он звучит реально кайфово, и мне захотелось, чтобы Public Enemy вставили в свою песню этот кусочек. Таким образом, это был естественный переход к написанию аранжировок для песни Anthrax. Когда Чарли записал все свои барабанные треки для альбома «Persistence», я ему сказал: «Пока не записывай ударные, у меня есть одна идейка по поводу кавера». Ему очень понравился этот рифф, мы написали аранжировки к песне, и где-то за десять минут записали ударные и гитары. Фрэнки добавил бас, и у нас получился монстр, а не трек. Номер Чака я достал через Джорджа, сотрудника Def Jam. Я позвонил ему и сказал, что мы записали метал-версию «Bring The Noise». Мы захотели ее ему отправить, потому что подумали, что было бы здорово, если бы он и Флейвор Флав записали вместе вокал.

«Ух ты, Скотти» — сказал Чак. «Звучит очень многообещающе, но сама идея кажется немного излишней, потому что мы уже записали «Bring The Noise». Почему бы нам не взять что-нибудь из набросков и написать новую песню?»

Я такой: «Ну, за этим не заржавеет, но ты должен это услышать».

Он согласился послушать и попросил отправить ему кассету с готовой записью. Он ответил, что пока суть да дело поговорит с Риком Рубином и узнает его мнение. Мы записали для него кассету и отправили ему по почте, а на следующий день я ему перезвонил. Он сказал, что говорил с Риком о моей идее, и он думает так же. Песня уже была готова и находилась в процессе записи. Она не нуждалась в перезаписи. Я убедил его не принимать окончательного решения, пока он не послушает кассету, которую я ему отправил.

Она уже шла почтой. Мы отправили ее из Лос-Анджелеса обычной почтой, и прикинули, что она дойдет до Лонг-Айленда через четыре-пять дней. Ожидание было бесконечным. Он перезвонил где-то через четыре дня.

«Йоу, я получил пленку» — сказал он. «Это гребаный слэм. Я за! Скажи только, где и когда?»

Это было задолго до появления Интернета. Нельзя было просто так туда-сюда пересылать MP3. Мы все еще были в Лос-Анджелесе, а он в Нью-Йорке, так что у нас были кой-какие проблемы с логистикой. Последние двадцать пять лет мы говорили людям, что Чак и Флейвор записали партии вокала, пока мы в Лос-Анджелесе трудились над записью «Persistence Of Time», а потом я записал свои партии к третьему и четвертому куплету. На самом деле все было не так. У нас не получилось скоординировать свои действия, поэтому они не смогли приехать в Лос-Анджелес на запись вокала. Мы чувствовали себя мышью, попавшей в мышеловку, со всеми этими отредактированными инструментами и сэмплами, и сказали Чаку, что могли бы взять оригинальные треки и совместить их с нашей версией. Я спросил, как он смотрит на это и он ответил: «Да кому какое дело? Просто скажем, что сделали как посчитали нужным. Это хип-хоп, и все смешивают все. Только отправь нам готовый трек, когда закончите, а мы позаботимся о том, чтобы все было гладко и не было ничего лишнего».

Мы с Чарли отправились в студию в Нью-Йорке, и строчка за строчкой, а иногда и слово за словом, отредактировали вокал, чтобы он подошел к нашему треку. Это было до появления программы ProTools, так что безупречное сведение при монтаже, мягко говоря, было для нас изнурительным испытанием.

Мы буквально рассматривали песню под микроскопом, чтобы убедиться, что все на своем месте. Не могу даже сказать точно, сколько раз мы передвигали каждое гребаное слово на миллисекунду вперед или назад. Это был трудоемкий и утомительный процесс, потому что меньше всего нам хотелось, чтобы кто-то допер, что мы использовали уже записанный ранее трек. Мы испытывали к этим парням огромное уважение, и было важно суметь солгать людям со словами: «Да, Чак и Флав записали вместе вокал». В каком-то смысле так и было, и единственные, кто знал, как все было на самом деле, это Чак, Флав, и, думаю, Рик Рубин. Представители лейбла Island Records об этом даже понятия не имели.

Наконец мы закончили все эти терки с вокалом. Все получилось очень здорово. Мы отправили пленку Чаку, и он перезвонил мне и сказал: «Вы добились своего! Просто идеально! Я рэппую под эту тему уже целый час. Такое чувство, что я сам ее написал!»

«Так это ты ее и записал. Это ваш вокал» — ответил я.

«Да, но ты ведь понимаешь, о чем я. Как будто я пришел с

вами в студию и записал ее. Давай, выпускай ее. Она целиком твоя. Это невероятно. С ее помощью мы изменим мир. Людям просто башню снесет».

В какой-то мере так и было. Песня оказала сильное влияние на новое поколение подростков, которые слушали хип-хоп и метал, и показала им дальнейший путь развития. Знаю, что она реально вдохновила гитариста Limp Bizkit Уэса Борленда, а еще Linkin Park и кучу других групп. Но я отдаю должное Rage Against The Machine за то, что были пионерами рэп-метала. Мы были метал-группой, но обожали рэп и сотрудничали с Public Enemy. Мы оставались метал-группой, а Public Enemy — рэп-группой. Rage создали совершенно новую тему, она была просто революционной.

И хотя «Bring The Noise» получилась такой влиятельной, поначалу не каждый понимал, что мы делаем. Когда ее закончили, мы были просто не в себе от того, как здорово она звучала. После того, как мы сыграли ее для нового руководства в Island Records, прошло пару секунд прежде чем кто-то вымолвил хоть слово.

«Как нам ее продавать?» — спросил парень из отдела по работе с артистами и репертуаром. «Что нам с ней делать?»

«В смысле, что с ней делать?» — выпалил я. «Ты, блядь, занимаешься продвижением. Делай все, что нужно, чтобы она попала на радио. Людям она понравится. Это как Run DMC и Aerosmith задом наперед. Метал-группа переигрывает рэп-песню. И на ней есть Public Enemy!»

В то время Public Enemy были на вершине успеха, и у нас дела шли отлично. Мы не видели никаких препятствий, чтобы «Bring The Noise» не стала менее успешной, чем «Walk This Way». Такой же гиперэмоциональный, как я, Джонни Зи сходил с ума и размахивал руками. А брови у него играли как у Граучо Маркса. Он был в своем типичном режиме Питера Гранта, утверждая, что это будет самая популярная песня современности.

Island продолжали занимать твердую позицию и нас это дико обламывало. Это был большой облом. Хуже того, Def Jam принадлежала половина трека и у них тоже были права на ее издание. Поскольку Island сразу не заявили о своих правах, им было плевать на происходящее. Мы буквально кричали, что это лучшее, что мы записывали за всю карьеру, а они были идиотами, что отказывались это признавать. Джонни Зи грозился выпустить эту песню на Megaforce и рассказать всем, что Island не заинтересованы в ее издании. Но поскольку Island не хотели, чтобы одна из их ключевых групп облила их дерьмом, они согласились выпустить эту песню на нашей пластинке «Attack Of

The Killer B's», которая в основном состояла из каверов и концертных треков. Public Enemy выпустили песню на альбоме «Apocalypse 91». «Killer B's» получился успешным. Мы продали херову гору пластинок, превратив пустяковый диск би-сайдов в пластинку, которая взяла золото. Мы хотели отправиться на гастроли с Public Enemy, но сперва нам нужно было подготовиться к гигантскому туру с Iron Maiden, который начался в Барселоне, Испания, 21 октября 1990-го.

Поначалу дела шли лучше некуда. Мы с Maiden собирали полные стадионы по всему миру, а оголтелые фэны нас обожали. А через пять недель Брюс захерел и потерял голос, и Maiden пришлось отменить десять концертов. Без них мы не могли выступать с концертами, все наше оборудование лежало в грузовиках Maiden, так что мы даже не могли выступать в клубах. Мы застряли и у нас заканчивались деньги. Нам было дороже полететь домой, а потом вернуться обратно на оставшуюся часть тура, чем остаться в Европе. И мы решили найти местечко со снегом и поехать кататься на лыжах.

Мы погнали в Иннсбрук, Австрия. Красивое, но дорогое место. Все члены дорожной команды получали жалование. В каждом крупном городе для нас были забронированы отели, это было для нас накладно. Каждый день мы катались по склонам, и это было офигенно. Мы понимали, что в жопе, поэтому подумали, почему бы не повеселиться в свое удовольствие и не выжать максимум из ситуации? Помню, как-то возвращаюсь к себе в номер, и тут раздается звонок Джонни, и он говорит, что к концу тура мне придется выписать чек на 16000 баксов. К тому моменту я не заработал в Anthrax ни единого дайма, не считая аванса за выпуск альбома и продаж мерча, и эти деньги очень быстро уходили. Мы думали, что вернемся домой с небольшой суммой наличных от концертов с Maiden, и вдруг мне сообщают, что мы в долгах как в шелках из — за отмены концертов Maiden. Мы должны были заработать денег в этом туре, но когда мы снова отправились на гастроли с Maiden, на нас висел долг в 80000 баксов, и у нас не было концертной страховки, потому что мы не были хедлайнерами.

От всей этой ситуации у нас ехала крыша. Мы не могли себе позволить заплатить 80000 баксов. Черт возьми, у нас не было такой суммы денег на пятерых. Джонни обратился к нашему агенту, Джону Джексону и менеджеру Maiden Роду Смолвуду, и попытался найти способ минимизировать или вообще исключить убытки. Он спросил, не могли бы Maiden добавить по доллару к цене билета на оставшиеся шоу, чтобы эти деньги компенсировали нам убытки. Люди из окружения Maiden сказали,

что сейчас это сделать уже невозможно.

Короче говоря, мы были в заднице. Оставшуюся часть тура как бы ни весело было играть для слушателей Maiden, мы просто сходили с ума. Джонни прикинул, что мы могли бы выплатить 80000 баксов с мерча, то есть у нас не будут снимать деньги с банковских счетов, но ведь именно эти деньги мы должны были заработать. Мы уступили, согласившись все выплатить. И тут в конце тура, когда мы решили погасить свой долг, оказывается, что самого долга больше нет.

Мы подумали, может произошла какая-то канцелярская или компьютерная ошибка, и счет скоро снова всплывет. А потом мы узнаем, что Смолвуд и Maiden компенсировали наши убытки. Мы не потеряли ни гроша. Это показало нам, кто такие Maiden и кем они себя окружают. Они поняли, что несправедливо, что мы теряем деньги, потому что они взяли перерыв, поэтому они погасили наш долг. Они не только одна из величайших групп в мире, это те самые парни, о встрече с которыми можно только мечтать.

В конце концов мы заработали достаточно денег в этом туре, но большая их часть пошла на группу. Мы построили навороченную сцену с проходами и рампами, а для тура в поддержку «Persistence» мы воссоздали в мельчайших деталях гигантские часы с обложки альбома, и установили их на сцене справа на платформу. Эта затея обошлась нам в копеечку. Мы хотели выглядеть как Maiden даже когда не гастролировали с ними. Джонни Зи сказал нам тогда: «Вы хоть представляете, что к концу тура могли бы заработать двести тысяч зеленых, а можете не заработать ничего, потому что собираетесь возить свою сцену по всему миру?».

Но мы были упрямы: «Мы не можем выступать без сцены. У Iron Maiden есть своя сцена».

«Да, но Iron Maiden собирают стадионы» — вздыхал Джон, объясняя очевидное. «Они могут себе позволить путешествовать с таким оборудованием. А вы вообще-то нет. Вы, конечно, можете, но тогда не увидите ни пенни».

Нам было насрать. Мы не собирались отступать. Нас не беспокоили ипотечные кредиты и фонды некоммерческих организаций. Мы решили для себя, что продажи нашего продукта будут только расти, так что, послушайте, давайте погрузим эти гигантские часы в грузовик и подумаем, что еще мы сможем построить.

После европейских концертов с Iron Maiden перед Рождеством и Новым Годом на две недели мы вернулись домой, а потом снова колесили с ними по Штатам с января до марта. Большая часть

концертов прошла без сучка, без задоринки. Потом мы отыграли на стадионе Ирвин Мидоуз в Лагуна-Хилз, Калифорния. На концерте перед сценой стоял чувак и бросался в нас петардами. Я не видел, кто это делает, поэтому между песнями подошел к микрофону и сказал: «Слышь, чувак, кто это делает, лучше прекрати, потому что мы уйдем, а здесь целых 15000 человек, и они будут очень злы на тебя».

Потом я сказал в толпу: «Если увидите, кто это вытворяет, покажите их охране или сами остановите это дерьмо». Петарды продолжали прилетать, и ясен пень, когда мы закончили следующую песню, все подростки начали показывать пальцем на одного парня, который стоял в восьми рядах с левой стороны сцены. Они его держали, так что он не мог удрать. И тут подбегает охрана и я такой: «Давайте выкинем его отсюда, и спокойно закончим концерт». Я пытался умерить свой гнев и оставаться профессионалом. Но когда охрана сбила его с ног в проходе, и стала проводить его перед сценой, чтобы вывести с площадки, у меня лопнуло терпение. Я спрыгнул со сцены, охранник его отпустил, я набросился на этого чувака и начал его бить кулаками по лицу. Пока мутузил его, я заметил, как что-то пролетело мимо моей головы и приземлилось на этого парня. Это был Фрэнки. Он исполнил удар в воздухе и обрушился на этого парня, как будто это был кадр из фильма о кунг-фу. Охрана оттащила Фрэнки от этого парня, и мы залезли обратно на сцену.

После шоу начальник охраны зашел в нашу гримерку и сообщил: «Этот парень находится за кулисами».

У меня упало сердце. «Он хочет подать на нас в суд?» — спросил я, ожидая худшего.

«Нет» — ответил охранник. «Мы только хотим знать, не хотели бы вы вызвать копов и подать в суд на него. Вы показали что-то невероятное. Если хотите, мы его арестуем».

«Нет, отпустите его. Думаю, он усвоил урок» — сказал я.

Это был первый случай в череде странностей в этом туре. В марте 1991-го мы играли в софтбол на телешоу MTV Rock N'Jock, где кучка музыкантов играют в мяч с кучкой виджеев и продюсеров. Все очень много пьют. Целыми днями мы тусили на свежем воздухе, а вечером выступали с Maiden в Лос-Анджелесе. И хотя мы уставали за долгий день, после шоу часть нашей тусовки отправлялась в клуб на Сансет. Это была уже не официальная автопати. Просто парочка парней шли в бар. Где-то в полночь я распивал напитки с Дебби, Чарли и парнями из дорожной команды. Один из них вытащил косячок. Я уже порядком набрался, и мне было хорошо, поэтому сделал затяжку. Через двадцать пять минут у меня появились те же ощущения, что

и в ту ночь, когда я отравился креветками. Клуб был забит битком, и я решил, что у меня обезвоживание, и я очень устал и мне нужно домой. В следующее мгновение вокруг меня стоят люди и пытаются вернуть меня к жизни. Я отрубился прямо в клубе, и Чарли и Фрэнки пришлось вытаскивать меня на улицу. У меня была мокрая жопа, и я повернулся к Дебби и спросил: «Зачем вы посадили меня в лужу?»

«Мы не сажали тебя в лужу» — ответила она почти в истерике. «Ты обоссался, отрубился и тебя начало трясти. Мы подумали, с тобой что-то не так!»

Мы пошли домой, легли спать, и на следующий день со мной все было в порядке, поэтому я не вспоминал о случившемся, пока это не повторилось снова много лет спустя.

ГЛАВА 19
ГАСТРОЛЬНЫЕ ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ В СОСТАВЕ

После концертов с Maiden у нас стартовал американский этап «Битвы Титанов» в компании со Slayer, Megadeth и Alice In Chains. Три из четырех групп «Большой Четверки» трэша и одна из лучших групп сиэтльского разлива, готовая захватить весь мир. Что могло быть лучше! Наконец-то мы начали получать доходы от гастролей — это было уже после того, как на нас легла ответственность за единственный, но самый дорогой эпизод в нашей карьере. Даже не припомню, кто это начал, но когда у нас бывали дни отдыха от гастролей, мы постоянно останавливались в том же отеле, что и Slayer, а те постоянно искали на жопу приключений. К слову сказать, те же Megadeth никогда не останавливались с нами в одном отеле. Кто-то из участников Megadeth и членов их дорожной команды был не прочь. Они бы и рады были потусить с нами, да Дейв Мастейн не разрешил им там находиться, потому что он тогда был зол на Slayer. А на кого он не был зол?

17 июня 1991-го мы зарегистрировались в отеле Хилтон в Индианаполисе, штат Индиана, и тут пошло-поехало. Slayer приложили все силы, чтобы начать тур, вооружившись пейнтбольными ружьями, так что через пару концертов нам тоже пришлось обзавестись пейнтбольными ружьями — для обороны. Обычно нас провоцировал кто-нибудь из Slayer и открывал по нам огонь. При попадании в тело пейнтбольные шарики причиняли невыносимую боль. У нас не было ни защитных курток, ни шлемов. Все как один гоняли в футболках и джинсах. Так что единственное, что тебя защищало от ослепляющей боли при попадании пейнтбольных шариков в поясницу, это клочок ткани.

Правил было всего два: не стрелять в голову и никаких убийств в упор, но правила были свободными, поэтому шли непрекращающиеся долбаные войны. Иногда мы поднимались на сцену с огромными синяками от пейнтбольных шариков то на руках, то на ногах. Когда мы добрались до Индианаполиса, все тупо нажрались, даже я, и стали дебоширить напропалую. Я пил пиво, а вокалист-басист Slayer Том Арайя познакомил меня с текилой. Текилы в моей жизни еще не было, и, скажем так, она затуманила мой рассудок. Помню, из чьего-то номера можно было попасть на крышу. Короче, мы вылезли через окно, прошли

по крыше и сбоку здания увидели огромную световую вывеску отеля Хилтон. Не раздумывая мы выхватили ружья и открыли по ней огонь. Целых 20 минут мы выстреливали сотни и сотни шариков, пока на вывеске не осталось ни одного светлого места. Теперь вывеска отеля Хилтон напоминала Джексона Поллока блевотного цвета. Мы гордились своей работой и давали друг другу пять, а потом разбрелись по своим номерам. К сожалению, руководство отеля не разделило наши художественные взгляды.

На следующее утро во время прохождения регистрации наш тур-менеджер Рик Дауни и парень, который был на гастролях со Slayer, с кем-то оживленно спорили на стойке регистрации. По пьяни прошлой ночью мы решили, что краска с вывески смоется или отвалится сама. Никому и в голову не могло прийти, что они проснутся следующим утром, а вывеска Хилтон будет играть всевозможными оттенками блевотины. К нам подошел Рик и сообщил плохие новости. Отель обвиняет нас в причинении ущерба имуществу и требует от нас очистки знака. Это будет стоить нам 10000 баксов, то есть нам придется разделить эту сумму по 5000 на каждую группу. У нас бы не получилось отмазаться, мол, это не мы! Да нас каждая собака видела с пейнтбольными ружьями. Ни для кого не было секретом, что у нас шли закулисные бои. Так что не нужно было быть детективом из отдела преступлений, чтобы понять, кто здесь главный виновник.

Каждый музыкант из Нью-Йорка мечтает о дне, когда сыграет на площадке Мэдисон-сквер-гарден. Можно сказать, это почти мечта всей твоей жизни. МСГ — настоящая Мекка среди концертных залов Нью-Йорка. Там выступали все популярные группы — Zeppelin, The Who, Sabbath, Элис Купер. И когда я был подростком, именно на Мэдисон благодаря концерту KISS я понял, что хочу каждый вечер играть рок-н-ролл для тысяч людей. На этом же стадионе я увидел легендарные концерты Тэда Ньюджента, AC/DC, Judas Priest и Iron Maiden еще до того, как Anthrax встали на ноги. Возможность выступить в качестве хэдлайнеров нам предоставилась в 1991-ом, когда тур «Битва Титанов» докатил и до Нью-Йорка. Все билеты были раскуплены. Мы пребывали в настоящем восторге и пригласили всех своих друзей и членов семьи, чтобы потусить с нами за кулисами. Даже мама приехала, хотя наши отношения были в лучшем случае прохладными. Мы только недавно снова начали нормально общаться.

Она сказала, что рада за меня и обняла. Я ей поверил. Я испытывал гордость от того, что мы выступаем хедлайнерами на МСГ, а мои родители пришли, чтобы это увидеть. В нашей

гримерке волосу негде было упасть, поэтому мы решили не просить своего тур-менеджера прибирать комнату за тридцать минут до нашего приезда. Этот миг стоило отметить. А потом, за пять минут до выхода Anthrax мы вышли из гримерки и стали продвигаться в сторону сцены. Я был так взволнован, что иду буквально по следам Джина Симмонса. Зазвучала наша вступительная музыка, и тут на ее фоне раздается пронзительный крик мамы: «Скотт!!!» Я решил, что она решила поздравить меня и еще раз меня обнять или поцеловать на удачу. Я улыбнулся и обернулся.

«Я оставила в гримерке свой пиджак! Не знаю, как мне теперь за ним вернуться. Там полно охраны и все такое. Я точно не знаю, которая из дверей мне нужна. Не смог бы ты принести его для меня?»

Я расхохотался над всей нелепостью ситуации. Я тут, понимаешь, жду исторический момент, когда мама скажет, как она мной гордится, а вместо того, чтобы испытать эту маленькую дополнительную победу перед выходом на сцену, мне придется лишиться момента триумфа и бежать обратно в гримерку за маминым пиджаком, а потом вернуться на сцену к началу нашего сэта.

К счастью, я вернул этот миг, и концерт на МСГ стал для меня всем, о чем я только мог мечтать, особенно когда Чак Ди и Флав впервые присоединились к нам для совместного исполнения «Bring The Noise» перед битком набитым стадионом Нью-Йорка. Все прошло настолько потрясно, что мы поняли, что действительно чего-то добились в этой жизни.

Тур «Битва Титанов» завершился в Майами, и под конец тура мы были решительно настроены как-нибудь приколоться над Slayer. Мы решили сломить их злобный внешний вид и заставить их сложиться пополам от смеха прямо на сцене. В то время никаких улыбок в Slayer не было. Это же SLAYER, а не хрен собачий. Сейчас их вокалист, Том Арайя, напоминает на сцене огромного улыбчивого дедушку медведя, но в 90-х в Slayer никто и никогда не отходил от своего образа. Это было табу. Весь сэт они гримасничали, бросали хмурые взгляды и рычали. Slayer гордились имиджем самой свирепой группы города, по крайней мере тем, что выглядели соответствующим образом, но мы-то знали, что за кулисами они были кучкой придурков, которые обожали дурачиться и постоянно угорали.

Суть прикола со стороны Slayer состояла в том, чтобы выбить из нас всю дурь при помощи своих пейнтбольных ружей во время нашего выступления. Они спрятались за кулисами как какие-нибудь Морские котики и расстреляли нас одного за другим. Это

было дико больно! Но другого от них мы и не ждали. Что еще они могли сделать? Выбежать с «капитошками»[29] и перьями? Нет, черт побери! Это Slayer, и этим все сказано.

В день последнего концерта мы отправили дорожника в рыбный магазин для покупки самой большой рыбы, какую только можно найти. Судя по всему, она весила сотни две фунтов и неслабо пованивала. Мы попросили светотехников подвесить ее на трос и проинструктировали их медленно опускать ее, когда Slayer начнут играть свою последнюю песню «Angel Of Death». Мы хотели, чтобы рыба висела перед Томом прямо на уровне глаз, когда ему нужно будет издать душераздирающий вопль. Все прошло как по маслу. Они начали песню, и рыба начала очень медленно опускаться и приблизилась к желаемой отметке как раз вовремя. Мы стояли сбоку от сцены, помирая со смеху. Их гитарист Джефф Ханнеман тряс головой, напоминая своим свирепым видом серийного убийцу, а его длинные белые волосы были пропитаны потом и развевались вовсю. И тут боковым зрением он заметил эту рыбу и расхохотался. Потом ее увидел их второй гитарист Керри Кинг, и попытался сохранять хладнокровие, но тщетно. Было видно, как он сдерживается, чтобы не расхохотаться. Керри напоминал человека, страдающего запором. В заключение всего не сдержался великий Том Арайа — его порвало прямо во время пения. Рыба висела аккурат перед его микрофоном, и всю песню раскачивалась туда-сюда.

Спустя две недели после завершения тура «Битва Титанов» я получаю звонок от нашего бизнес-менеджера с вопросом, куда бы я хотел, чтобы он направил чек. Я смутился и спросил, за что этот чек и он сказал, что это туровые бонусы.

«Мы заработали деньги?» — спросил я с трепетом. И тут у меня щелкнуло в голове. «Хмм, а может Джонни и прав. Думаю, нам не надо было тратить пять тысяч на пейнтбольные шарики. Может, нам нужно было перестать возить огромную сцену, потому что поступи мы так, в конце КАЖДОГО тура мы могли бы получать большой и жирный чек».

Все закрутилось, не успели мы вернуться с тура «Битва Титанов». На нас посыпались деньги и предложения о гастролях. Но костяк группы реально загнивал. Я съезжал с катушек. У меня было ощущение, что я храню какой-то важный секрет от всех, кому очень нужно его услышать. Не помню первый раз, когда я выразил остальным участникам группы свое недовольство по поводу Джои. Фрэнки был в курсе, как и Чарли, потому что во время процесса записи «Persistence» я рассказал им о своем смятении. Потом мы отправились на гастроли, и, казалось, все идет хорошо. Не могу точно определить, когда наступил апогей.

Раздражение постоянно накапливалось, накапливалось, а бомба сдетонировала в какой-то момент тура «Битва Титанов». Только взрыв произошел не на открытом воздухе, он случился в моей голове. Однажды в выходной мы снимали в Чикаго клип на «Bring The Noise» с Public Enemy. Ба-бах! Взрыв, который признавал важность моих ощущений по поводу будущего группы, случился у меня в голове, напоминая бомбу, начиненную гвоздями. Мы рэпповали вместе — Чак, Флейвор Флав и я. Остальные участники группы играли на соответствующих инструментах. Несмотря на ту радость, что я испытывал, читая рэп с Чаком, в душе мне хотелось, чтобы это сделал Джои, чтобы он сделал над собой усилие и вылез из своей скорлупы, но не судьба. Да и как бы Джои смог влиться в этот процесс? Он бегал и прыгал вокруг, валял дурака, слонялся как неприкаянный. Я был единственным, кто читал рэп и выполнял роль фронтмена. Вероятно поэтому и по сей день многие из тех, кто не знает группу, уверены, что именно я — вокалист Anthrax. Девять из десяти — вот как они говорят. Но мы слишком ярко горели, чтобы вносить изменения, не откладывая все в долгий ящик.

После съемок «Bring The Noise» мы ехали в фургоничке, направляясь обратно в отель, и я сказал Чаку: «Мужик, это было очень весело, притворяться весь день, что мы играем. Нужно реально как-нибудь выступить вместе».

«Только скажи, когда и где, и мы приедем, куда скажешь».

Все было вот так просто и органично.

У нас были планы начать в октябре совместный тур, и вот тогда-то для меня и стало очевидно, что четыре парня из Anthrax хотят расширить музыкальные горизонты и попробовать что-нибудь новое, и мы все считали, что Джои по-прежнему находился на том же уровне, на котором он был при записи «Spreading The Disease». К середине 91-го рак, который пожирал Anthrax изнутри, начал сказываться и на моей семейной жизни. Наверное, два источника внутренних противоречий не были связаны один с другим, но в голове они терлись друг о друга как два куска наждачной бумаги. После тура «Битва Титанов» я с нетерпением ждал, когда наконец проведу немного времени дома и побуду с Дебби. Через пару дней я понял, что все пошло прахом.

Она казалось странной, в один миг даже чересчур ревнивой, а потом рассказала, что ей не хватает личного пространства. После моего длительного отсутствия на гастролях у нас несколько дней не было секса. Я подумал, что она очень отдалилась от меня. Когда я спросил ее, все ли хорошо, она ясно дала понять, что нет.

«Ты приезжаешь домой с гастролей и надеешься, что все будет нормально!» — начала она. «Пока тебя нет, я занимаюсь

своими делами. А потом ты возвращаешься и встаешь у меня на пути! Лучше б ты оставался на гастролях».

«Разве не хорошо, что я опять дома и мы снова вместе?»

«Да-да, но мне нравится заниматься своими делами и не испытывать необходимости под тебя подстраиваться» — ответила она.

Я начал раздражаться: «Можешь делать, что захочешь. Я тебе не начальник. Но мы живем вместе. Мы — пара. Было бы хорошо оставаться парой, а не просто жить в этом доме отдельно как соседи».

Мы все прояснили и извинились друг перед другом. Мне было так приятно находиться с ней дома, а она словно была на какой-то другой планете. По-хорошему мне бы расценить эту небольшую ссору как предвестник будущей развязки. Но я смотрел на это как на естественную реакцию на неестественную ситуацию. Гастроли могут запросто превратить обычных людей в законченных психов. Уж поверьте.

К концу 1991-ого нашил дела с Public Enemy пошли в гору. Мне всегда хотелось преодолевать подобные преграды и помогать людям открывать для себя новые идеи и музыкальные веяния. На гастроли вместе с нами отправились Primus. К тому времени они уже успели неслабо прогреметь, поэтому привлекли немало народу. Когда мы завершили свой сэт в конце вечера, все вышли на сцену и мы вместе сыграли «Bring The Noise». Мы засняли шоу в Ирвин Медоуз. Там был аншлаг, все 15000 мест были заняты. Тем вечером в воздухе витал дух новаторства. Все, что мы делали с Public Enemy, было вершиной нашей карьеры. В то же время подобными концертами мы бесспорно отталкивали часть своих фэнов. Некоторым нашим фэнам это не нравилось, они не понимали этого. Они не хотели идти на концерт, и ждали, когда мы выпустим следующую пластинку, чтобы решить для себя, хотели бы они следить за нашим творчеством и дальше, или нет.

Ребятам нравилась «I'm The Man», потому что она казалась новинкой. Никто не воспринимал ее всерьез, потому что после ее записи мы не продолжили эксперименты с рэпом. «Bring The Noise» была далека от шутки. На эту песню мы возлагали большие надежды. Ни одна другая метал-группа тогда не играла вместе с рэп-группами. Таким образом, нас могла открыть для себя новая, альтернативная аудитория, но это не смогло заменить то, что мы безвозвратно потеряли.

Перед началом тура я спросил Чака: «Как считаешь, что это будут за концерты?»

«На разные наши туры ходят разные фэны» — ответил он. «Когда мы выступали с Sisters Of Mercy, на нас пришли одни

только белые студенты. Черные не пришли на тот концерт. Когда мы ездили с хип-хоп туром, очевидно на нем были черные фэны. Но белые покупают наши пластинки чаще, чем черные. Так что этот тур будет целиком состоять из белых. Сам увидишь».

Он был абсолютно прав. Не то чтобы я думал, что мы станем первой метал-группой, которую черное сообщество примет с распростертыми объятиями, и вся эта огромная аудитория слушателей, которая покупает рэп-пластинки, начнет сметать с прилавков альбомы Anthrax. Белые студенты, которые не слушали метал, но слушали рэп и независимый рок. Возможно кто-то из них пристрастился бы к нашей музыке. И хотя этот тур имел символическое значение, он ничего не поменял, по крайней мере, не сразу. И тогда мы не думали о том, чтобы заложить основу для нового музыкального жанра. Слишком уж много мы тогда развлекались. Что тогда, что сейчас люди смотрят на Public Enemy как на воинственную черную, чрезвычайно серьезную рэп-группу. Обычно они пугали до усрачки белых. Кто-то даже считал их антисемитами, потому что один из их участников, профессор Грифф, отпустил парочку недружелюбных реплик насчет евреев. Он сказал одному журналисту: «Именно евреи ответственны за большую часть грехов этого мира». Отчасти из-за этого его выгнали из группы, но вскоре он снова вернулся в строй.

Я ему сочувствовал. Все это время мы с Гриффом были друзьями, и он прекрасно знал, что я еврей. Не думаю, что он ненавидел евреев. Думаю, его слова просто выдернули из контекста. Разве было умно с его стороны говорить то, что он сказал? Нет, но мы тусили и угорали, и у него со мной не было никаких проблем. Спитц тоже был евреем. Короче в Anthrax два еврея, два итальянца и один наполовину итальянец, наполовину индеец. Чего не хватало, так это заключительной фразы: «Эти два еврея, два итальянца и полукровка заходят в бар…»

О чем все забывают, так о том, что лейблом Public Enemy, Def Jam, управляет Лайор Коэн, один из самых известных евреев в этом бизнесе. Может в глубине души Грифф затаил на них обиду? Не знаю. Могу судить только исходя из наших с ним отношений. Чак Ди явно не антисемит. Он один из самых умных людей на планете и он очень эксцентричен, но что все упускают из виду, так это что он самый приятный парень, какого только можно встретить. Он обожает повеселиться и первым станет смеяться над вашей шуткой. Все те чуваки из Public Enemy выглядят на сцене как настоящие агрессоры, но они лишь хотят зажечь и довести народ до умопомрачения. А Флейвор Флав так вообще существо с другой планеты. 24 часа в сутки он похож на долбаного придворного шута.

Самая забавная штука во всем нашем туре с Public Enemy в том, что за все время гастролей, что они провели к тому моменту, рядом с ними никогда не зависали никакие телки или групи. В то время в рэпе это было не принято, как это было в роке. Поэтому когда Флейвор узнал, что может потусить в нашем гастрольном автобусе и поиметь девчонок, ему не захотелось уходить. Когда он впервые увидел, как в автобус нашей дорожной команды приходят девушки, снимают с себя одежду и позволяют снимать себя на Полароид или даже делают кому-нибудь минет, он просто с катушек съехал. Он стал каждый божий день вместе с дорожной командой пропадать в задней части автобуса. За уши не оттащишь. У него глаза из орбит выпадали, когда девчонки раздевались догола, кто-нибудь хватал камеру и начинал делать снимок за снимком. Просто удивительно, как он сразу не ушел из Public Enemy, чтобы присоединиться к нашей дорожной команде.

Это была идеальная встреча, как ни посмотри. Два таких разных лагеря отлично нашли общий язык. Как правило, мы разыгрывали друг друга, и у нас всегда была отвратительная открывающая группа — Young Black Teenagers. Перед их сэтом мы попросили монтеров сделать из проводов охотничьи капканы, поэтому когда кто-нибудь наступал на клубок проводов, ловушка срабатывала и затягивалась вокруг ноги, подвешивая жертву в воздухе. Мы так поймали двоих их парней. Они даже не наступали на ловушку! Парочка наших парней, парни из Public Enemy и S1Ws (Security Of the First World) схватили их и обвязала проводами их лодыжки. Они так и висели кверху тормашками. Слава Богу, ни у кого не случилась травма голеностопа. Пока они там висели, мы все схватили завязанные узлом полотенца, наполненные детской присыпкой и выбили из них всю дурь. Уверен, что это было чертовски больно, и с каждым ударом огромное облако присыпки вылетало из полотенца.

Последнее выступление в Северной Америке, которое мы провели с Public Enemy, прошло в Ванкувере 24 октября 1991-го, а Флейвор Флав не мог попасть в Канаду из-за своего досье арестов. И тогда Фрэнки оделся под Флейвора. Он не стал перекрашивать лицо, но одел толстовку с капюшоном, чтобы никто не мог рассмотреть его лица, и надел его аксессуары — гигантские часы и огромные очки от солнца. Когда шоу началось, у Фрэнки на лице гуляла широкая ухмылка, которую он не смог бы убрать, как ни пытался. Но это было норм, Флейвор тоже постоянно лыбился. Terminator X начали крутиться на платформе, и под их танец Public Enemy стали выходить. S1Ws вышли на сцену, вышел Чак, а потом выбежал Фрэнки, подпрыгнул и пустился в типичный танец Флейвора. Подражал он ему просто идеально. Из парней PE никто

кроме Чака не знал, что это не Флав. S1Ws должны быть стоять с серьезной миной, как у Slayer, не улыбаться и вести себя как типичная армия PE. Но не смогли сдержаться… А тем временем фэны думали, что это настоящий Флейвор Флав и не могли понять, что тут смешного.

В этом туре все веселились, но для Public Enemy гастроли с Anthrax были и своего рода обучением. Тогда в рэпе никто не относился к гастролям профессионально. Это был Дикий, Дикий Запад, и Чак был решительно настроен стать новатором и делать все как положено. Они научились это делать, глядя на нас и впитывая все как губка. Световик Чака сел за пульт с нашим световиком. Их звуковик сидел рядом с нашим. Они наблюдали за всеми и каждым, чтобы скопировать то, что делают все наши парни, и я воспринимал это как большой комплимент. Отчасти поэтому они — единственная рэп-группа, которая гастролирует вот уже двадцать семь лет.

Из тура с Public Enemy мы вернулись в конце октября, и в моем понимании наше время в компании с Джои подошло к концу. Я решил для себя так — или мы ищем нового вокалиста, или я сваливаю. Я не хотел записывать еще один альбом с вокалистом, который не догонял, что мы выросли и больше не были той группой, которая записала «Medusa» и «I Am The Law». Было бы несправедливо с моей или Джои стороны притворяться, что мы по-прежнему на одной волне. В январе и феврале 92-го мы ездили в Европу с Public Enemy, и когда вернулись в Штаты, последней песней, которую мы записали с Джои, стала «Married With Children». Она вышла в эфир 23 февраля. Все полетели в Лос-Анджелес на запись. На концерте мы сыграли «In My World». Я представил ее со сцены, и мы сыграли только ту часть, где нет вокала, так что волей судьбы Джои снова остался не у дел.

Все в группе прекрасно понимали, что нам нужно двигаться дальше. Не то чтобы я был зол на Джои. Все было далеко не так, как с Нилом, которого мы терпеть не могли. Мы обожали Джои, просто теперь все это слишком отдалилось от творчества. Я не испытывал восторга от его увольнения, но это нужно было сделать. Заставлять его петь мои слова казалось ошибкой, и это больше не могло продолжаться. А может и группа себя уже исчерпала. Если я лгал себе, то я лгал и нашим фэнам. Все — начиная менеджментом и заканчивая лейблом уже миллион раз спрашивали нас: «Ты уверен? Ты уверен? Ты уверен?» Я понимал их беспокойство. У некоторых групп так и не получалось оправиться после смены вокалиста. И нельзя сказать, что с Джои мы продавали меньше пластинок. Наши дела шли отлично. «Ты правда хочешь испытать судьбу?» — спросил Джонни. «Неужели

сейчас подходящий момент?»

По правде говоря, это было лучшее время. Да и ничего другого не оставалось. Нам всем казалось, что мы исчерпали все доступные возможности, чтобы у нас все получилось. Если у кого-то из нас появлялись сомнения, то мы этого не делали. Я очень сильно переживал, когда попросил Джонни Зи позвонить Джои и сказать, что мы больше не нуждаемся в его услугах. С моей стороны было заносчиво и дерьмово не позвонить самому. В тот момент столько всего происходило у нас с Дебби и в группе, что для меня это была чересчур сложная задача. Короче, Джонни Зи уволил Джои одним телефонным звонком. Это новость его просто ошарашила. Он и не представлял, как мы им недовольны и почему у нас нет возможностей роста, пока он поет в нашей группе. Он не обращал внимания на весь этот хаос и принял все близко к сердцу. Дикое было времечко, потому что наш контракт с Island подошел к концу, а Elektra и Columbia хотели подписать с нами договор и жаждали платить неприличные суммы денег.

ГЛАВА 20
ЛУЧШЕ БУША МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО БУШ [30]

В 80-90-х компанией Elektra управлял практичный мечтатель Боб Краснов. А еще Боб был классным специалистом по звукозаписи и бизнесменом, и он окружил себя командой людей, влюбленных в музыку. Между лейблами всегда было разделение — одни, вроде Рика Рубина, были творческими личностями и занимались своим делом из любви к музыке; другие же были крохоборами, которые пеклись лишь о том, чтобы лейбл зарабатывал побольше бабла. Мы переговорили с Metallica. Оказалось, что они очень довольны сотрудничеством с Elektra, так что недолго думая мы примкнули к ним. На наше шоу в Нью-Йорке в туре с Public Enemy пришли Боб и Стив Ралбовски, наш специалист по поиску и продвижению новых талантов. К этому времени мы уже решились уволить Джои, но не знали, как это сообщить лейблу, который собирался нам выделить аванс в размере 4 миллионов долларов. В итоге мы сказали Стиву, а тот — Бобу. Говорить, что мы не переживали о том, что новый вокалист в группе поставит крест на всей сделке, было бы большой ложью. Но Стив перезвонил и успокоил нас: «Если вы считаете, что благодаря этому ваша группа станет лучше, значит мы поддержим ваше решение».

Чего многие не понимают, так это того, что когда мы уволили Джои, он тоже получил свою долю от аванса Elektra — равную часть, как и все остальные. Все эти годы он работал так же усердно, как и мы, и гастролировал с нами на равных. Он сыграл значимую роль в успехе Anthrax, и был вокалистом группы, которая дошла до того, что сами Elektra хотели предложить нам огромную сумму денег. Само собой, мы считали, что он имел право на свою долю. Выбор времени для сделки с Elektra можно описать двумя словами — «горькая радость». Мой развод с Мардж приобретал все более уродливую форму, а ее адвокаты пытались урвать все, что только можно. Она понимала, что я получаю немало, и хотела сорвать неслабый куш. Поскольку официально мы не были разведены, я не мог снова жениться, что меня вполне устраивало, потому что хоть у нас с Дебби все вроде шло хорошо, я не был готов просить ее руки. Скоро эта ошибка еще напомнит о себе.

В Elektra у нас была отличная команда. Стив подписал на

лейбл Soundgarden. В то время он был на передовой музыкального бизнеса. Говоря начистоту, Elektra подписали с нами контракт на фоне «Bring The Noise», пластинке не очень-то в духе нашего каталога. Они были рады, что у нас полно золотых пластинок, выпущенных на Island, и у нас есть преданные фэны, которые должны были помочь им окупить свои вложения, но для них «Bring The Noise» была новым и необычным проектом, к тому же эта пластинка получала самые восторженные отзывы ведущих рок-СМИ. Elektra были по-прежнему известны как «лейбл исполнителей», и хотели заполучить самые клевые, прогрессивные команды. С тех самых пор, как начали нас добиваться, Elektra поддержали наше убеждение, что запись кавер-версии на «Bring The Noise» — это революционный шаг. «Проклятье!» — воскликнул Стив, «будь у меня эта песня, вы бы продали свой альбом пятимиллионным тиражом. Island даже не поняли, ЧТО у них было в руках». Стив был знаком и с другой нашей музыкой. Боб — нет.

«Я не знаю ни одной вашей песни» — сказал Боб начистоту, подписывая с нами договор. «Но мои сотрудники говорят, что на сегодня вы лучшая группа в мире, и день ото дня становитесь только лучше, потому я и нанимаю этих людей».

Узнав, что Elektra поддерживают наше решение, мы тут же начали строить планы о поиске нового вокалиста. С самого начала мы знали, что нам нужен Джон Буш. Вне сомнения он был нашим кандидатом номер один. Да в принципе, больше никого и не было. Я полюбил голос Джона с первой же песни — это была «March Of The Saint» группы Armored Saint. Он напоминал мне тяжелую версию Джона Фогерти, а я всегда был большим фэном Creedence Clearwater Revival. У Буша неподвластный времени голос — больше роковый, нежели металический. Он мне всегда больше напоминал Пола Роджерса (Bad Company), чем Джеймса Хэтфилда. Его гроул был таким дерзким и грубым.

Перед выходом «Kill 'Em All» одно время Джеймс не хотел петь в Metallica, и он в самом деле просил Буша присоединиться к ним. Но Джон остался в Armored Saint, потому что у них тогда дела шли не хуже, чем у Metallica. Но я думаю об этом так: «Слава Богу, что Джон отказался». Но должен признать, это был бы весьма интересный эпизод сериала «Грань». Кто знает, смогли бы Metallica добиться такого ошеломительного успеха, стань Джон Буш их вокалистом?

Я не единственный, кто был восторженно настроен по поводу Джона. Все были единодушны в этом мнении. Он был как сексапильная телка, с которой все хотели перепихнуться. В мире метала он обладал всеобщим уважением и считался одним из

лучших вокалистов. Еще в 1988-ом, когда у нас было собрание с Джои Белладонна по поводу его злоупотребления наркотиками и алкоголем, Чарли, Фрэнки, Дэнни и я единогласно решили, что если он не возьмет себя в руки, тогда мы попросим Джона присоединиться к нам.

В то же время мы хотели прикрыть тылы. Ну, это типа когда компания знает, кого хочет взять в свой штат, но все равно на всякий пожарный размещает объявление на сайте Monster.com. Мы прослушали своего старого приятеля, вокалиста Death Angel, Марка Осегуэда, обладавшего замечательным голосом, но как ни странно, у него оказался слишком металический голос. Еще мы попробовали парня из Mind Over Four, Спайка Ксавье. Чувак он был что надо, но не подходил Anthrax по духу. Позднее он снискал кое-какой успех с группой Corporate Avenger.

К счастью, мы заполучили своего первого кандидата, даже если это потребовало небольшого шантажа. В марте 1992-го Джонни Зи звякнул Джону Бушу. На секунду, Буш — умный парень, и был таким многие годы с тех самых пор, как последний раз говорил с Джонни, и он прекрасно знал, что у нас происходит. Так что он поднял трубку и сказал: «Здорово! Сколько лет, сколько зим. Интересно. Ты мне как-то звонил перед тем, как стать менеджером этой группы».

«Ага» — ответил Джонни. «Anthrax собираются приехать в Лос-Анджелес на репетицию. Они тут пишут новые песни, и очень хотели бы, чтобы ты пришел и поджемовал с ними».

Джон поблагодарил Джонни за то, что вспомнил о нем и сказал, что не хочет присоединяться к другой группе. Я еще тогда подумал: «Да ну на хрен! Он ни за что…» Ничего не имею против Armored Saint, но к 1992-ому им практически пришел конец, а мы находились на противоположной стороне спектра. Мы продолжали давить на Джонни, чтобы тот перезвонил Джону и попросил его просто прийти и послушать наши новые песни. Мы уже написали «Only» и «Room For One More», и хотели, чтобы Джон хотя бы послушал их перед тем, как отказываться от нашего предложения. Кроме того я хотел, чтобы Джон знал, что у нас пока нет ни текстов, ни мелодий, и мы хотим, чтобы он написал их вместе с нами, чего Джои никогда не делал. Мне больше не нужен был оратор. Я хотел найти вокалиста, который смог бы влиться в коллектив и сотрудничать с нами со всеми. И я хотел подчеркнуть Джону, что мы хотим, чтобы он стал полноценным членом Anthrax, а не просто наемным работником. После недолгих умасливаний Джон согласился присоединиться к нам в репетиционной студии. Мы поджемовали кое-какие вещи Sabbath и Priest. Мы даже немного поваляли дурака, исполняя U2 и Living

Colour. А потом включили ему демки наших новых песен.

«Ух ты, звучит необычно» — отозвался Джон. «Это не трэш». Мы включили ему «Only», и он сказал: «Это песня очень объемная, гимнообразная и эпичная», а мы ему: «Ты нам нужен. На данный момент ты тот самый недостающий элемент пазла».

На случай, если бы Джон отказался к нам присоединиться, Джонни Зи провел открытое прослушивание в нью-йоркском клубе. У них была кавер-группа, которая выучила пятнадцать песен. Люди подходили к сцене и говорили, какую песню они хотят услышать. Джонни заснял на видеокассету всю сессию караоке и отправил нам пленки. Просто умора. За два — три часа приходил максимум один человек, который смог бы спеть в кавер-группе Anthrax, но, понятное дело, не в Anthrax. Если бы Джон Буш не присоединился к нам, нам бы пришлось переходить к плану Б, а именно — мне вместе с Фрэнки отвечать за вокал, а мы определенно этого не хотели.

После первой встречи с Джоном он перезвонил и сказал: «Хорошо, все будет круто».

Мы все искренне считали, что на тот момент Джон был самым подходящим голосом для Anthrax. Метал больше не состоял только из вокалистов, которые пели как Брюс Дикинсон. Эта музыка стала более неприглядной. Мы не хотели брать гроулера или того, кто будет кричать громче всех; нам был нужен вокалист, обладатель луженой глотки, но чтобы он пел так, словно готов надрать вам зад, если повстречается на дороге. Джон как раз был таким. Первое, что мы сделали вместе, это написали текст к песне «Only». Впоследствии конечный результат нас очень обрадовал. Никогда не думал, что мы сможем написать такую песню. Это был Anthrax, но уже совсем другой. Я смотрел в наше будущее с большим оптимизмом.

В той же мере, что я ощущал воодушевление по отношению к «Spreading The Disease» и «Among The Living», теперь у меня появилось совсем другое чувство. Мне было с кем работать, появился коллега-текстовик, который был со мной на одной волне. Мы целыми часами сидели у меня в Хантингтон-бич и обменивались идеями. Я давал ему набросок, а он его заканчивал. Он давал мне слова, а я их дописывал. Мы были как престарелая супружеская пара, где один заканчивает предложения за другого.

Возможность иметь соавтора сняла с меня огромную долю давления, и вместе с тем это было чертовски весело. Мне очень нравилось тусить с Джоном — другом и коллегой по группе. Я дружил с Чарли, Фрэнки и Денни, но вместе мы не тусили. А теперь у меня появился друг из Лос — Анджелеса, с которым я мог прошвырнуться по окрестным барам. Он был мне как брат. Я

не мог чувствовать себя счастливее, прекрасно понимая, что мы приняли верное решение. Мы услышали, что у нас получается и подумали, что вот оно — звучание нового Anthrax! В какой-то момент Elektra спросили нас, не хотим ли мы сменить название группы, потому что когда мы включили им демки, они сказали: «Это просто офигенный материал! Это вы и в то же время не вы».

Мы понимали, что они имеют в виду, и думали так же, но никогда не думали о смене названия, ни секунды. С точки зрения маркетинга они знали, что с тех пор, как Сиэтл совершил прорыв, и появились альтернативные группы, может быть, они смогут продавать нас как что-то другое, неметалическое, если мы сменим название. Мы были категорически против. На наш взгляд, если бы мы сменили название, нам бы пришел конец. Фэны почувствовали бы, что их предали, и с нами было бы покончено.

Рабочий процесс записи «Sound Of White Noise» немного отличался от создания других альбомов Anthrax. Чарли написал почти 90 % музыки у себя в Нью-Йорке. В отсутствие меня на музыкальном полотне альбома, Фрэнки, который всегда хотел играть более значимую роль в группе, увидел для себя шанс. У него появились идеи и он поделился ими с нами. Некоторые из них были очень хороши, но это был не Anthrax. Чарли и я стояли на своем и нас вполне устраивало как создаются наши новые песни. Мы не Битлз. Мы не приходили на репетиции с уже готовыми песнями. Группа совместными усилиями работала над аранжировками, и все шло просто замечательно. Людям нравилась наша музыка, и каждая пластинка продавалась большим числом копий, чем предыдущая. Мы не хотели сильно отклоняться от формулы успеха.

Понятное дело, Фрэнки не нравилось, что мы не включали его в творческий процесс, и он даже грозился свалить, если мы не станем использовать его идеи. Фрэнки сыграл большую роль в написании мелодий. Ему пришла в голову музыка, которая к нам не приходила. Мы убедили его писать свои песни и продавать их другим людям или реализовать их в качестве стороннего проекта. Но он постоянно придерживался позиции «я свалю», подобной дулу пистолета, приставленного к нашим вискам, поэтому между ним и Чарли часто вспыхивали ссоры. Мы с Джоном по большей части их избегали, потому что занимались своим делом — то бишь, работали над текстами и вокалом, а еще летали туда-обратно между Лос-Анджелесом и Нью-Йорком, чтобы координировать действия группы. Мы модернизировали студию в Йонкерсе после того пожара, и потом вернулись туда на запись. Половину оборудования мы разместили там же, а вторую половину в комнате для джемов. Помню, мы с Джоном неделями

торчали в Нью-Йорке, но каждый день ездили в студию на поезде. Весь день мы записывались, а потом возвращались в город и тусили всю ночь. Через некоторое время мы начали сдавать квартиры в аренду на три-четыре месяца, так что нам не приходилось останавливаться в отелях. Нам нравилось жить на два побережья. В Нью-Йорке мы могли так же легко писать тексты, как и в Калифорнии. Потом, завершив большую часть работы, мы ехали в Йонкерс на репетиции. Это было лучшее из обоих миров, потому что какое-то время я мог проводить время с Дебби в Лос-Анджелесе, а потом мы с Джоном ехали в Нью-Йорк и куражились каждую ночь.

Он был холост, а будучи в Нью-Йорке, я вовсе не изнемогал от тоски по Дебби. Слишком уж много я тогда куролесил. Мы возвращались из студии в 8 вечера, принимали душ, что-то на скорую руку перекусывали и шли бухать аж до пяти утра следующего дня. Потом мы просыпались в час дня и ехали на поезде в Йонкерс. Так продолжалось много месяцев подряд. Первый раз в своей жизни я пил практически каждый день в течение нескольких месяцев. Как будто я наверстывал все те годы, в течение которых я не употреблял алкоголь. Мы пили пиво так, словно это был самый полезный напиток на свете, а его запасы грозили исчезновением. К тому времени, как добирались до студии, обычно мы уже были в жутком похмелье, но готовые к работе.

Конечно, не могу сказать, что так было всегда. Иногда у нас с концентрацией были большие проблемы, но никакой спешки и ограничений по срокам не было. Мы не считали, что должны постоянно иметь трезвую голову и предельную концентрацию. Мы хотели, чтобы процесс записи был более веселым и продуктивным. Наши пьянки с Джоном определенно подходили под первое.

Запись «Sound Of White Noise» мы завершили без лишней спешки, потому что для нас было важно сделать его идеальным. Чарли был немного разочарован, потому что он проделал большую часть тяжелой работы по части написания музыки, а мы в это время кутили как идиоты. Но даже притом, что я и Джон пребывали в жутком похмелье большую часть времени, проведенного в Нью-Йорке, мы куражились не 24 часа в сутки. И приезжая в Лос-Анджелес мы были решительны и целеустремлены. Что еще важнее, мы писали отличный материал.

Думаю, я заслужил свое право немного расслабиться и выпить, потому что именно благодаря мне наша фабрика оставалась на плаву все эти годы. И теперь я больше не хотел быть главным супервайзером. Но основная причина того, что я

так много пил, в том, что я по-прежнему пытался пережить свой развод и справлялся со спадом других отношений, которые не должен был затевать вообще. Мой развод с Мардж высосал из меня почти все соки. Я потерял квартиру в Квинсе и большую сумму денег, а еще я был обязан несколько лет выплачивать алименты. Когда страсти улеглись, оказалось, что у меня даже нет своей ложки. И я начал все с чистого листа. В какой-то момент я попытался получить обратно коробки своих комиксов, которые никогда не брал в руки после нашего расставания с Мардж. Это была моя любимая коллекция комиксов Марвел серебряного века, все выпуски от самого начала до середины 80-х, эпохи «Невероятного Халка», «Тора», «Фантастической Четверки», «Человека-Паука», «Людей Икс», «Сорвиголовы» и других. Эти книги я собирал еще ребенком в конце 60-х. Это была не самая совершенная коллекция в своем первозданном виде, ведь большую их часть я читал и перечитывал. Потом я узнал, что отец Мардж положил их в камеру хранения и застраховал на большую сумму денег, и уже два года не оплачивал счета. Когда я позвонил в эту контору, сотрудник компании сообщил, что мне придется заплатить 20000 баксов, если я хочу вернуть их обратно. Я бы никак не смог достать такую сумму к нужному сроку, поэтому в конце концов эти комиксы попали в чужую коллекцию.

Это был очень гадкий поступок с его стороны, своеобразная месть за то, что я развелся с его дочерью. Коллекция стоила намного больше 20000 баксов, но меня волновала вовсе не рыночная стоимость комиксов, а сами комиксы. Они так долго были частью моей жизни, моей единственной связью с детством, а теперь их нет. Из-за этого я злился несколько месяцев, но потом смог идти дальше, потому что моя свобода тоже чего-то да стоила, а злость только тормозила меня. С другой стороны, иногда я замечаю книги, которые покупал в магазинах комиксов или в Интернете, и вижу, сколько они сейчас стоят, меня пробирает приступ смеха. Полоумного хохота. Как у Джокера…

Когда Джон присоединился к Anthrax, он так же, как и я находился в сложном эмоциональном состоянии. Он только что расстался с девушкой, с которой встречался больше пяти лет, и ему по-прежнему было тяжело. В некотором смысле, у нас было много общего. Он испытывал душевные треволнения, и у меня начиналась депрессия, поэтому большая часть «Sound Of White Noise» поднимала личные и внутренние темы. Я коснулся своего брака с Мардж на «State Of Euphoria» и «Persistence Of Time», но лишь чуть-чуть. Я не хотел обескураживать наших фэнов, и тогда мне было намного комфортнее писать о книгах комиксов, Стивене Кинге, отчасти об истории и политике. А теперь я хотел

писать песни, которые были более личными, серьезными и настоящими.

Можно сказать, что работа с Джоном над «Room For One More», «Only», «Black Lodge» и «Invisible» носила терапевтический эффект. В каком-то смысле это было очищение души, потому что в нашей жизни было столько драматизма. 22 апреля 1992-го мы пошли на концерт Pantera и Skid Row в Фелт Форум в Нью-Йорке. Во время автопати я познакомился с Линн через общих знакомых. Мы начали общаться, то да се, и через несколько дней у нас возникла связь. Линн была связана с миром моды, и я начал ходить с ней в те клубы, где отрывались всякие знаменитости-то были модные и популярные заведения. Мы с Джоном сразу въехали в эту сцену. Каждую ночь мы ходили в бабские клубешники. Мы ходили за даром, нам не приходилось стоять в очереди и платить за напитки. Там было полно красивых девушек. Это были высокие, стройные, роскошные модели, а не наштукатуренные шлюховатые групи. Я такого никогда раньше не испытывал. Я просто с катушек съезжал и пошел ва-банк. У нас была такая дикая страсть с Линн, что я стал проводить больше времени в Нью-Йорке и не ехал домой.

Впрочем, с Линн я тоже не был моногамен. Да и как бы я смог? Вокруг было столько привлекательных женщин, а ей казалось было все равно. Я просто был счастливчиком, который имел возможность неслабо порезвиться. Но все же я по-прежнему был далек от людей вроде Себастьяна Баха и Брета Майклса, которые каждую ночь устраивали оргии с телками. Мне приходилось довольствоваться только одной за раз, но мне этого было вполне достаточно. Всегда оставалось время для чего-то большего. Да и потом, всегда рядом была Линн. Этот мир грез почти захлестнул мою жизнь.

Фактически живя с Линн в ее квартире в Нью-Йорке, я разговаривал с Дебби о покупке нашего дома. Опять-таки, девушка, с которой я был дома, понятия не имела, что происходит, когда я не с ней. У меня начало возникать сильное чувство дежавю, и я не хотел повторять ту же ошибку, что допустил с Мардж. Я не мог снова жить ложью. Но именно так я и делал, все время незаметно выскальзывая из дома в Калифорнии, чтобы найти платный телефон и позвонить Линн. В конце концов этот секрет стало тяжело утаивать, и я решил разорвать помолвку с Дебби и переехать к Линн.

Я рассказал Дебби, что у меня уже много месяцев есть связь, именно поэтому наши отношения и скатились в такое дерьмо. Я извинился и сказал, что больше не могу вести себя по отношению к ней так бессовестно. Это было несправедливо.

Она психанула, кричала и осыпала меня проклятьями. Дебби плакала и хлопала дверями, а потом орала на меня еще больше. Но каким-то образом за последние две недели моего пребывания дома мы все уладили. Я начал думать башкой, а не членом, и спросил себя: «Я правда хочу вернуться в Нью-Йорк и жить с этой сумасшедшей телкой-моделью?» Какими бы нестабильными у нас были отношения с Дебби, жизнь с Линн была просто пиздец. Она реально увлекалась коксом, таблетками и всяким прочим дерьмом, о котором я и понятия не имел. Я не принимал наркоту, только пил. Эта представление выходило даже за привычные рамки безумия, и я подумал: «Я правда хочу отделаться от того, что здесь творится, и кажется более надежным? Лучший ли это шаг из возможных? Может то, что происходит в Нью-Йорке всего лишь дело времени?»

Я решил, что отношения с Линн — это лишь способ избежать давления, под которым я находился, и возможность «сбросить напряжение» без всего того бремени, что сопровождает нормальные отношения. Чем больше я об этом думал, тем для меня было яснее, что я совершу большую ошибку, если у нас с Линн все зайдет всерьез. Поэтому вместо того, чтобы порвать с Дебби, я порвал с Линн.

ГЛАВА 21
ВОТ ТЕБЕ, БАБУШКА, И «ROOM»! [31]

Anthrax записали «Sound Of White Noise» с Дейвом Джерденом, известном миру по работе с Jane's Addiction, Alice In Chains и еще кучей групп, которые мы любили. Мы засели в Лос-Анджелесе, записали ударные в A&M Studios, а все остальное — в студиях звукозаписи Eldorado и Cherokee. Мы столько работали над этим альбомом, что все партии были выверены буквально до миллиметра, и не успели оглянуться, как все уже было готово. Если говорить о финальном этапе записи, то на этот раз мы наконец-то приблизились к результату, о котором мечтали всегда. Elektra разослали гору копий «Sound Of White Noise» журналистам и авторам радиопередач. Реакция на эту пластинку была просто феноменальной.

За несколько месяцев до выхода альбома мы с Джоном отправились в Европу, чтобы дать интервью — энтузиазм переполнял людей до чертиков. Им очень нравилась новая музыка. Не помню ни одной отрицательной рецензии от изданий, которые нас поддерживали до этого. СМИ «скушали и попросили добавки», но пока не состоялся релиз и мы не отправились на гастроли, я не представлял, как на этот альбом отреагируют фэны. Поначалу, казалось, все идет как надо. «Only» выпала честь стать первым синглом с альбома. Мы сняли на него видеоклип, его взяли в ротацию на MTV, кроме того эту песню активно крутили на радио. Это был совсем другой опыт, нежели тот, к которому мы все привыкли. Elektra Records вложили в группу огромную сумму денег и приложили все свои усилия, как и обещали. «Sound Of White Noise» вышел 25 мая и дебютировал в хит-параде Биллборда под седьмым номером. Только за первую неделю мы продали сто тысяч копий, то есть почти вдвое больше, чем продавали после релиза любой из наших прежних пластинок.

Мы с Дебби нашли симпатичный домик в районе Хантингтон-Бич, на улице, прилегающей к пляжу. Мне удалось взять кредит на это место, потому что я принес в банк копию журнала Биллборд с хит-парадом, демонстрируя, как высоко дебютировал наш альбом. Кредитный эксперт сказал мне буквально следующее: «Ничего себе, так твоя пластинка входит в Топ-10. Видимо у тебя хватит денег, чтобы погасить кредит».

Хорошо, что они приняли хит-парад за своеобразную форму дохода. Несмотря на крупный аванс, выделенный компанией Elektra на этот альбом, мой первый развод обобрал меня до

нитки, и я все еще торчал Мардж около 50 штук баксов. Я не мог предъявить свои налоговые декларации в качестве подтверждения, что занят определенной работой в течение определенного времени и получаю стабильный доход. Кроме того я получил свою долю от сделки с Elektra, но эта сумма разлетелась за 15 минут. Я получил чек на 508 тысяч баксов, и у меня было чувство, словно я выиграл в лотерею. Но потом я отложил 40 % от суммы на свой счет для уплаты налогов, выписал чек Мардж, внес огромный платеж за дом и выплатил кредит. К тому моменту у меня оставалось около 50 штук «на жизнь». Слава Богу, я купил дом, но меня пугало то обстоятельство, что столь огромная сумма денег могла испариться так быстро.

Вся группа пребывала в приподнятом настроении от того, что «Sound Of White Noise» занял столь высокую строчку. У нас было ощущение, что мы сделали невозможное и теперь все идет так, как мы хотим. Мы сменили вокалиста, пережили все трудности и вернулись еще сильнее. О чем еще нам было думать кроме как о том, что все восторге от нашего решения? Чуть позже мы узнали, что это, мягко говоря, не совсем так. На тот момент большинство фэнов нас по-прежнему поддерживали, но был определенный процент фэнов, возможно он доходил до 30 %, которые не принимали Anthrax, в котором больше не пел Джои Белладонна. Я прекрасно понимал такую инстинктивную реакцию, потому что у меня было похожее ощущение, когда Дэвид Ли Рот ушел из Van Halen. После его ухода я не купил ни одной их пластинки и не ходил ни на одно их шоу, пока не вернулся Рот. Их альбом 2012 года, «A Different Kind Of Truth», был первой пластинкой Van Halen, которую я купил со времен альбома «1984». Так что я в курсе этой системы. Покупал ли я пластинки Judas Priest с Тимом «Оуэнсом» Риппером? Нет, но я люблю Риппера. Это улетный чувак и потрясающий вокалист, но в Priest может быть только один настоящий вокалист. Мы понимали, что от нас открестились некоторые наши фэны. Наше решение их оскорбило, даже перевернуло верх тормашками всю их жизнь. От того, что им нравилось, мы внезапно стали теми, с кем они больше не хотели иметь ничего общего.

Но для нас это ничего не значило, потому что нам очень нравилась новая пластинка и мы по-прежнему были потрясающей концертной группой. На этом альбоме немало ярких песен. Но его же сопровождают и огромные разочарования. Старт получился весьма удачным. Пластинка получила «золотой статус» всего за шесть недель, используя один только успех «Only». Мы провели длительные летние гастроли в компании с White Zombie и

Quicksand, и после поступления билетов в продажу, большая часть билетов разлеталась как горячие пирожки. К началу тура все единодушно хотели пустить на радио второй сингл и снять новый клип для MTV. Мы хотели выпустить «Room For One More», потому что считали эту песню офигенным треком, кроме прочего ее очень охотно принимали на концертах. Мы считали ее эдакой своей «Enter Sandman», и благодаря «Room» надеялись стать еще успешнее. Эта тяжелая тема, в ней есть грув, она реально качает. И плюс к тому, она неслабо так цепляет.

Мы отправились в Elektra и рассказали им о своих планах, но те ответили, что на их взгляд нам лучше выпустить «Black Lodge», потому что она больше тянет на балладу. Нам всем казалось, что это в корне ошибочное решение. Мы прекрасно понимали, что это наименее тяжелая песня на альбоме, и знали, что группы обычно добиваются успеха именно с помощью клипов на баллады, а у нас как-никак получилась довольно мрачная вещь. Нам совсем не казалось, что это летняя песенка, которая заставит фэнов пуститься в пляс. Я подумал, что мне все-таки удастся убедить Elektra продвигать «Room For One More». Ну, и пошел я, значит, на встречу с Elektra и рассказал им о наших сомнениях. «Black Lodge» — слишком атмосферная вещь, чтобы ее выпускать летом. Она больше подходила на песню октября или там ноября. Я сказал им, что нам лучше придержать ее до осени, и выпустить в качестве третьего сингла. Давайте пока, продолжал я, крутить тяжеляк, а осенью мы немножко пригладим звук, и «Black Lodge» станет нашим ответом «Unforgiven», еще одной балладе Metallica, которая добилась ошеломительного успеха.

Команда Elektra не согласилась с моими доводами. Они искренне верили, что «Black Lodge» — это именно тот хит, который мы должны выпустить прямо сейчас. Они утверждали, что цифры продаж пластинки резко вырастут с пятиста тысяч до полутора миллионов, а когда это произойдет, мы сможем делать все, что захотим. До этого у нас никогда не было подобных споров с лейблами, да у нас никогда и не было такого уровня успеха, который был сейчас, поэтому мы подумали, что они знают, что делают. Лейбл сообщил о своем намерении пригласить на съемки клипа Марка Пеллингтона. На тот момент он был самым популярным видеорежиссером в мире. Он снял «Jeremy» группы Pearl Jam, своего рода классику для остальных режиссеров. Elektra сказали, что потратили 400 000 баксов на клип «Black Lodge», и он станет эдаким нашим «Jeremy».

Контракт с Elektra давал нам бразды правления только над творческим процессом. Нам пришлось согласиться с тем, что они предлагали. Мы попросили несколько дней, чтобы все осмыслить.

Чарли, Джонни и я собрались вместе и решили согласиться с решением Elektra. И хотя мы считали иначе, их механизм был хорошо смазан и работал как хорошие швейцарские часы. Кто мы такие, чтобы идти наперекор успеху?

Мы дали им свое согласие действовать, и они убедили нас, что мы приняли верное решение и что Пеллингтон уже в деле. Был только один маленький нюанс. Он был связан обязательствами на выпуск документального фильма и не мог быть доступен прямо сейчас. Мы спросили их, можем ли мы прибегнуть к услугам другого режиссера, а они ответили, что режиссером может быть он и только он. Он уже написал для клипа сценарий, который им очень нравился, поэтому Пеллингтон был «лучшим».

В общем, мы начали гастроли с White Zombie без нового клипа. Роб каждый вечер смотрел на нас из-за кулис, и как-то спросил меня: «А почему вы не выпустили сингл «Room For One More»? Он офигенно качает». И я объяснил, что так и хотели, но лейбл решил пригласить Марка Пеллингтона на съемки клипа «Black Lodge», которую лейбл считал более «стоящим вложением». Роб отозвался словами поддержки. «Звучит многообещающе! Марк Пеллингтон — улетный чел».

Что касается эпатажной музыки, клипов и фильмов Роба, он был самым уравновешенным и приземленным парнем на свете. А еще он был находчивым бизнесменом. Наш внутренний маячок должен был сработать, когда он спросил, почему мы не выпустили «Room For One More» в качестве сингла, но мы продолжали придерживаться своего решения. Каким бы диким не был Роб во время шоу White Zombie, он был полной противоположностью парня, с которым его постоянно сравнивали — Элом Йоргенсеном из Ministry.

Я познакомился с Элом, когда Ministry гастролировали с альбомом 1992-го года «Psalm 69: The Way To Succeed And The Way To Suck Eggs», потому что Джонни Зи, кроме того, что был менеджером нашей группы, был менеджером и своей. Я уже был большим фэном музыки Ministry, поэтому знал многие их песни. Перед выступлением на фестивале Lollapalooza в Джоунс-Бич, штат Нью-Йорк, они пригласили меня подняться на сцену и сыграть кавер на песню Black Sabbath «Supernaut». Потом, вернувшись в Лос-Анджелес, я поднялся с ними на сцену и Эл просто дал мне в руки гитару. Я сыграл «So What», «Thieves», «Supernaut» и пару-тройку других песен. Я очень нервничал, потому что его гитара на тот момент была самым громким инструментом на сцене, и если бы я облажался, то запорол бы все, что играли остальные. Но я справился, и это позволило ему

носиться по сцене как сумасшедшему с гигантской микрофонной стойкой, украшенной костями крупного рогатого скота. У этой штуки были колесики, так что он мог ездить на ней как на скутере, врезаясь во все подряд.

Когда мы вернулись в Чикаго на первом этапе тура в поддержку «Sound Of White Noise», Эл присоединился к нам на сцене в Арагон Болрум, и мы вместе сыграли «Thieves». После он прокатил меня на своем новеньком безумно быстром Ниссане. Эл сказал, что это самая быстрая из разрешенных на дорогах гоночных машин в Соединенных Штатах, и это явно чувствовалось. Он гонял по сотне миль в час от клуба до клуба. Это был маньяк за рулем, и, надо отметить, маньяк далеко не трезвый. Я изо всех сил держался за сиденье, будто это могло меня спасти, въедь он в кирпичную стену. Эл рассказал, как год назад в этой машине наложил в штаны Эдди Веддер (как и ваш покорный слуга), а он включил ему «Speak English Or Die», которая очевидно очень вдохновляла Эла на то, чтобы использовать трэш-метал гитары в своей электронной музыке. Под конец вечера он сказал: «Ладно, парни, увидимся завтра. Возможно я заскочу в Детройт».

Я ответил, что было бы здорово, но прикинул, что он ни за что на свете не сможет доехать от Чикаго до Детройта, чтобы посмотреть на наше выступление. На следующий день мы тусили на площадке после саундчека, и тут под конец дня на своем Ниссане приезжает Эл. Я ему: «Чувак, ты че, приехал в Детройт на своей тачке?»

«Да, черт меня побери. Давай тусить!»

Мы провели еще один безумный вечерок, и под конец вечера он сказал, что встретит нас следующим вечером в Кливленде. Мы были весьма польщены, да и вообще классно проводили время, но не надо иметь высокий IQ, чтобы понять, что если он продолжит гонять свою реактивную тачилу из города в город после угарных вечеринок, то скорее всего кончит тем, что станет историей.

«Чувак, почему бы тебе не прокатиться с нами в автобусе?» — предложил я.

«Не, не, не. Для меня это такой кайф, когда я езжу на этой тачке».

Короче, к гадалке не ходи, он приехал и в Кливленд. Мы выступали на открытой площадке под названием Nautica Stage. На тот момент у нас было два автобуса, один для группы, один для дорожной команды. Все тусы проходили в автобусе дорожников, что помогало сохранить автобус для группы в чистом и опрятном виде. Той же ночью Эл попытался затеять драку с Робом Зомби. Возможно они перекинулись словами насчет того, что

происходило в свете последних дней, а в Кливленде это противостояние достигло своей развязки. В какой-то момент Эл увидел басистку White Zombie Шону Айсолт, они долгое время встречались с Робом. Не суть. Эл стоял снаружи автобуса White Zombie и тарабанил в дверь, обзывая Роба молокососом и крича, чтобы тот вышел из автобуса и получил по щам. Роб не планировал выходить из автобуса и поступил умнее, просто игнорируя Эла. Через пятнадцать минут после ударов в дверь Эл забил на это и вломился в наш автобус для дорожников.

Позднее той же ночью я вернулся в автобус для участников группы. Где-то на заднем фоне чего-то себе вещал телек, а я мирно уплетал сэндвич с курицей, и тут распахивается передняя дверь, врывается Эл и бежит по автобусу с широко раскрытыми глазами, активно жестикулируя и крича. «Ебаная сука! Гребаная шлюха! Долбаная пизда!»

«Чувак, чувак» — сказал я. «Что стряслось? Успокойся».

«Ебаная сука!» — повторил он. «Я зашел в заднюю комнату дорожного автобуса с этой сраной свиньей. Она начала мне отсасывать, и тут она вскакивает на меня и засовывает мой член в свою пизду!»

В этот момент лицо Эла побагровело от злости: «Я заорал на нее: «Черт возьми, ах ты ебаная сука!», сбросил ее с себя и выбежал с автобуса, пытаясь натянуть на себя штаны. И пришел сюда. Кто знает, чем может наградить эта шлюха?»

«Чувак, успокойся» — сказал я, пытаясь остудить его пыл, пока он не начал разносить в автобусе все, что попадется под руку. «Не переживай ты так. Я уверен, с тобой все в порядке. Почему бы тебе не пойти на площадку? Возможно тебе удастся найти душ и смыть все с себя».

Эл посмотрел на стол в передней части автобуса, за которым сидел я, и увидел пачку неоткрытых фирменных пицц Domino, ожидающих группу и команду дорожников. Он подошел, открыл верхнюю коробку, провел рукой по пицце, сгребая сыр и обжигая пальцы горячим соусом. Затем он засунул руку в штаны и начал яростно растирать член и яйца дымящимся сыром и соусом. Он вскрикнул и посмотрел на меня со смесью отчаяния и безумия.

«Чувак, хули ты делаешь?!?» — спросил я. «Серьезно, у тебя трип что ли?»

Он посмотрел на меня и сказал: «Я где-то читал, что кислота, содержащаяся в томатном соусе, убивает любые ЗППП. Это же правда, да? Ты не слыхал об этом?»

Разумеется, ни о чем таком я не слышал, но решил с ним согласиться. «Верно, Эл. Да, думаю, ты прав».

Он сразу успокоился, сел, выпил, а потом свалил с нашего

автобуса и скрылся в ночи в поисках очередной тусовки. Сыр и соус из пиццы так и остались у него на штанах. После этого шоу мы посоветовали Элу оставить тачку, если он хочет тусить с нами и дальше. Он мог бы или оставить ее в Кливленде, а потом прилететь за ней и пригнать ее домой, или мы могли бы прикинуть другой план, потому что ему небезопасно путешествовать на такие длительные расстояния в том состоянии, в котором он пребывал после концертов. Он собирался потом ехать в Нью-Йорк, а это очень долгий путь. Мы убедили его поехать домой в Чикаго на выходной, а потом заплатили за него, чтобы он прилетел в Нью-Йорк, чтобы с нами потусить. Насколько я знаю, той ночью он заснул в отеле в штанах, полных сыра и соуса, и одному Богу известно, сколько еще все это там находилось. Он не был помешан на гигиене, так что сомневаюсь, что он принимал душ в отеле, и уверен, что в том же виде он отправился и в Чикаго. Может он считал, что чем дольше эта смесь останется в его штанах, тем выше шанс, что он убьет все возможные болячки, которые мог подцепить от той девчонки.

Полтора дня спустя он прибыл в Нью-Йорк. Мы остановились в Паркер Мериден на 57-ой улице. У них там внутри был баскетбольный зал. Нас несколько человек бросали мяч в кольцо, и тут заваливается Эл — черные шорты, черная майка и огромные черные гриндерсы, и он тоже стал бегать вместе с нами и играть в баскет. Много лет спустя он сказал мне, что неделя, которую он провел с нами, была самой здоровой неделей его жизни как музыканта, потому что в нашем автобусе никто не баловался коксом и герычем, так что он нигде не смог бы догнаться.

Весь тур с White Zombie и Quicksand был просто замечательным. Zombie были на грани успеха. Бивис и Баттхед крутили «Thunder Kiss '65» днем и ночью, а появление этих мультгероев дело всегда сулит успех. Довольно дико, что мультипликационное шоу, где дебиловатые подростки из средней школы практически не думая выставляли оценки нашему видео, говоря «это круто» или «это отстой», произвело такое влияние на американскую публику, но это было именно так. Type O Negative от всей души поблагодарили Бивиса и Баттхела, и их искренняя похвала Danzig тоже принесла ему немало популярности. White Zombie быстро стали популярнее нас, но время было лучше не придумаешь, потому что на концерты стекались массы народу. Несколько раз я поднимался и играл с Zombie «Thunder Kiss '65». Они обычно закрывали выступление этой темой. Мы с Чарли выбрали Quicksand в качестве разогрева, потому нам очень нравились эти парни. Наша аудитория их не знала, и я не знал, что они переманили немало наших фэнов. Но то, что они

гастролировали вместе с нами, было нашим личным, эгоистичным снисхождением, потому что мы занимали такое положение, когда могли себе позволить сказать: «Так, мы хотим взять с собой Quicksand и нам насрать, что об этом думают промоутеры».

Мы были взволнованы, когда вернулись домой с гастролей, но были так заняты, что у нас не было времени следить за альбомными продажами. Посмотрев на цифры, мы поняли, что пока мы гастролировали, наши позиции в хит-парадах значительно упали. На радио не крутили ничего нового, а Марк Пеллингтон еще не начал съемки «Black Lodge». Мы пошли в Elektra и спросили, как там наши дела, и они ответили, что неважно, что сейчас происходит, потому что когда Пеллингтон снимет клип на «Black Lodge», он ударит и ударит изо всей силы.

«А разве мы пока не можем между делом что-нибудь быстро сделать для «Room For One More»?» — спросил я, «ну там, пока суд да дело, выпустить что-нибудь?»

Они не хотели на это идти, и через несколько недель все застопорилось, и ничто не могло помочь нам вернуть нам былую силу. «Only» была в ротации уже три месяца, и она полностью себя исчерпала. Нам требовалось что-то новое, а нам нечего было предложить. Пеллингтон наконец записал клип на «Black Lodge». Он вышел осенью и не произвел особого эффекта. Нас даже почти не было в кадре, за исключением пары быстрых, немного странных вспышек лиц. Мне нравится это видео. Оно концептуально и изысканно. Думаю, это лучшее видео из тех, что мы записывали в плане визуального ряда, но оно не имеет ничего общего с Anthrax и никак не связано с миллионами людей, которые слушают Pearl Jam и которым понравилось видео на «Jeremy». Не было такого, чтобы они увидели его и побежали покупать «Sound Of White Noise».

Мы зашли в тупик. У нас было продано 600 тысяч пластинок, и мы чувствовали, что Elektra начинает паниковать по части той суммы денег, которые они в нас вложили. Мы сохраняли миролюбивый настрой. Мы чувствовали, что по-прежнему можем заниматься своим делом, гастролировать, собирать толпы народу и органично выстраивать свою работу. Потом мы выпустили «Room For One More», и Elektra поняли, что им надо было сразу прислушаться к нашим словам. Перед тем, как убедить нас продвигать «Black Lodge», они сказали, что планируют выпустить пять синглов с нашего альбома, поэтому мы решили сделать «Sound Of White Noise» по меньшей мере платиновой пластинкой.

ГЛАВА 22
А МЫ ДУМАЛИ, ТЫ УЖЕ ЛАСТЫ СКЛЕИЛ!

Времена «Sound Of White Noise» не обошлись без необъяснимых событий. Казалось, наконец-то с моих плеч упало огромное бремя, оставив после себя психологический осадок, который не мог пройти бесследно. В октябре 1993-го мы провели отличный тур по Японии, и после заключительного концерта должны были лететь из Токио в Лос-Анджелес, а оттуда в Даллас, в Далласе сесть на самолет до Тампы, где мы с Джорджем Доэрти, слава тебе Господи, снимали клип на «Room For One More».

Слишком частые перелеты могут запросто свести с ума. Целых два дня я провел в Японии без сна, а потом двадцать два часа находился где-то между Токио и Тампой. Когда мы добрались до места, единственное, чего я хотел, это съесть чизбургер и лечь спать. И тут я узнаю, что пара моих друзей из Хантингтон-Бич тоже летят на самолете, чтобы потусить и принять участие в съемках клипа. Я встретил их в Тампе и сказал, что устал как черт и хочу выспаться.

Ясное дело, об этом не могло быть и речи. Cypress Hill и House Of Pain выступали неподалеку и все наши собирались туда пойти. Я дружил с этими парнями, поэтому тоже согласился пойти. Планировал освободиться к 11 часам, чтобы хоть немного вздремнуть перед съемками. Мои друзья Бобби, Билли и Рик пошли со мной на площадку, откопали гастрольный автобус House Of Pain и постучали в дверь. Нас впустили, и мы потусили там пару минут.

И тут неожиданно появляется кальян с марихуаной длиной в шесть футов, что было в принципе ожидаемо для гастрольного автобуса House Of Pain. Его курили все мои друзья, тем же промышляли и участники группы. У кальяна был приятный запах, а я был очень напряжен, потому что единственная причина, почему я до сих пор стоял на ногах в том, что весь прошедший день я пил одну чашку кофе за другой. На свою беду я подумал, что затяжка травки меня успокоит и у меня проснется аппетит перед обедом. А потом я смог бы уснуть, не чувствуя голод, думал я.

Я подобрался к кальяну, который мне пришлось держать в руках как виолончель. Другой парень загрузил снизу кальян, пока я придерживал его сверху. Я сделал выдох, поднес трубку к

верхней губе и вдохнул изо всех сил. Кальян с травкой поднялся примерно на три дюйма. Мне пришлось сделать еще один глубокий вдох, вдохнуть, а потом придержать рукой и попробовать еще раз. Дым продвинулся еще примерно на два дюйма. Все остальные за одну затяжку смогли продвинуть дым до самого верха. Старику Иэну с аппаратом искусственного дыхания пришлось повторить эту процедуру пять раз, пока кальян, наконец, не добрался до моего рта. Я сделал небольшую затяжку, потому что понимал, что имею дело с настоящей халковской травкой, а не какой-нибудь там туфтой в духе Брюса Баннера. Так, как в тот день, я травку еще не курил никогда. Это был первачок Западного Побережья, та же дурь, которую курили Снуп Догг, Доктор Дре и все известные рэпперы того времени. И тут я понял свою ошибку.

Я сел на диванчик перед автобусом. Меня тут же прошиб холодный пот, стенки черепа снова начали сковывать мой мозг. Опять вернулась эта гребаная Дианога. Я огляделся вокруг и сказал: «Меня щас вырубит, может даже будут конвульсии, как это уже бывало дважды».

Не надо быть гребаным гением, я просто прикинул что к чему и наконец понял, что последние два раза возможно дело было не в пропавшей креветке или обезвоживании, меня вырубило, когда я курил травку. Может дело было в самой травке? А тем временем в автобусе все были обдолбаны как черти. Рэппер Everlast из House Of Pain посоветовал мне расслабиться и сказал, что со мной все в порядке.

Бетонная стена продолжала приближаться к моему лицу. «Меня сейчас вырубит! Кажется у меня проблемы с травой, такое чувство, что я сейчас потеряю сознание» — сказал я громче.

Everlast дал мне бутылку воды и сказал, что это очень мощная трава и мне не о чем переживать. Просто посоветовал сесть и успокоиться.

Меня никто не слушал, а стенки мозга начали превращать мой мозг в кашу быстрее, чем когда-либо, возможно потому что травка была реально мощная. Я нашел своего друга Рика, который обычно выполнял в Anthrax роль охранника, и убедил его немедленно вызвать скорую.

Пока он выбегал из автобуса, я представил, как взрывается мой мозг, а тело бьется в конвульсиях на грязном полу гастрольного автобуса House Of Pain. Я представлял, как два металиста, похожие прикидом на Бивиса и Баттхеда, в будущем ведут такую беседу: «Слушай, а че случилось с тем чуваком, Скоттом Иэном из Anthrax?»

«А ты разве не слышал?» — отвечает ему другой. «Он курил

первачок с House Of Pain и дал дуба в их автобусе». Ага, именно это со мной и случилось. Вот отстой.

Последнее, что я помню, это как стою и разговариваю с Everlast'ом. Потом я очнулся на полу автобуса, мой друг Бобби склонился надо мной и давит мне на грудь. Я посмотрел на него.

«Ой-ой-ой! Хули ты творишь?!»

«Мы уж думали, ты ласты склеил!» — выпалил он. «Мы думали, у тебя остановилось сердце».

Я поднялся и сел на диван, потирая ушибленные ребра.

Everlast прояснил детали: «Ты стоял, а потом вдруг начал тупо падать, и я подхватил тебя, пока ты не грохнулся на пол. Тебя начало трясти. У тебя были сильные конвульсии. Глаза закатились и все такое».

После того, как судороги продолжались тридцать секунд, меня положили на пол. Потом на диван. Потом снова на пол. Они были обдолбаны в говно и тупо не знали, что им делать. Тогда Бобби поднес ухо к моему рту, чтобы понять, дышу ли я. На его взгляд я не дышал, поэтому он начал изо всей дури давить мне на грудь. И тут появился Рик с подмогой и меня забрали на скорой. Всем спасибо, спокойной ночи.

Мы поехали в сторону больницы. Уровень сахара в крови был чрезвычайно низок, и тогда мне под язык дали какую-то трубку с гелем, и я подскочил как морячок Попай после банки шпината. Я спросил врача: «Что это за хрень? Мне так хорошо! Можете выписать рецепт на эту штуку? Я ее каждый день буду принимать перед концертом Anthrax!» Он посмотрел на меня так, как будто я был самым тупым человеком на планете и ответил: «Это глюкоза. Ее можно купить в любой аптеке. Мы просто повышали уровень сахара у тебя в крови. Тот же эффект ты мог бы получить, если бы съел Oreo[32]». Они поместили меня в отделение интенсивной терапии, и через пару часов меня осмотрел один из докторов. Он померял мне температуру и давление. Казалось, все в норме. Я сказал, что путешествую и не спал, ну и да, я курил травку.

Он сказал, что я обезвожен и обессилен, поэтому у меня упало АД и я вырубился. Он посоветовал мне вернуться обратно в отель, перекусить и лечь спать, как я и поступил. Утром мне стало лучше, и мы сняли клип на «Room For One More». Когда мы вернулись в Лос-Анджелес, я обратился к своему доктору и рассказал о своих экспериментах с травкой и конвульсиях.

«Здесь что-то не так» — изрек он с проницательностью Шерлока Холмса. «Травка — связующая нить в этом уравнении». На следующей неделе он взял кровь и провел ряд анализов. Меня даже обследовали на возможность эпилепсии. Мне приходилось сидеть в темной комнате, и на мое лицо падал лишь свет от

стробоскопа. В течение примерно двадцати минут он наращивал темп, замедлялся и снова наращивал. Я спросил доктора, могут ли они включить хотя бы Maiden, пока я сижу перед стробоскопом, чтобы у меня было ощущение, что я нахожусь на концерте. Я был удивлен, что моя страховка покрыла затраты на все это, потому что очевидно, что учитывая, что я был участником метал-группы на тот момент в течение 10 лет и то обстоятельство, что свет от стробоскопа светил мне в лицо каждый вечер, моя проблема была не в эпилепсии.

Примерно четыре дня спустя врачи еще не озвучили результаты тестов, и я очень нервничал. Я боялся, что мне скажут, что у меня опухоль или эмболия. По меньшей мере они наверняка сказали бы, что какой-нибудь гигантский ленточный червь-травокур обвился вокруг моего мозга, и как будто с цепи срывался каждый раз, когда его подвергали воздействию травки. Все это время я сидел как на иголках.

Наконец меня вызвал доктор. Я зашел к нему в офис, и тут он мне говорит: «Скотт, у меня есть хорошие и плохие новости». Я подумал: «Твою мать, так всегда говорят, перед тем, как сказать, что у тебя смертельная болезнь, и тебе останется чуть больше года, так что у тебя есть некоторое время в запасе, которое можно провести в кругу родных и близких».

«Хорошая новость — ты не умираешь. Твой мозг в порядке, кровь в порядке, и у тебя нет аллергии ни на что, за исключением одной единственной вещи — ТГК[33]».

Я спросил его, почему меня никогда не вырубало, когда я был подростком и курил травку. Он ответил, что вероятно тогда я был менее аллергенен к ней, если у меня вообще была аллергия, но со временем у меня развилась очень сильная аллергия. Он рассказал, как некоторые люди всю жизнь едят омаров, а потом вдруг съедают лобстера и у них случается анафилактический шок. Он сказал, что у меня два выбора — либо я перестаю курить травку, либо я могу это делать снова, рискуя тем, что все закончится конвульсиями, а возможно и кровоизлиянием в мозг. В следующий раз на нашей вечеринке может даже затусить сама смерть. Я решить бросить курить травку.

Но это не остановило меня от употребления психоделических грибов. Помню, я был в Нью — Йорке и общался с одной девушкой, с которой встречался Джон Буш, с ее сестрой и парочкой друзей. Пройдясь по паре-тройке местных баров, четыре или пять человек затусили у кого-то на хате в Уэст Виллидж. Я планировал встретиться со своим другом Домиником, ди-джеем, который той ночью крутил в Л'Амур в Бруклине старые метал-темы. Мы опрокинули еще пару стаканов, а потом кто-то достал

мешок с грибочками. Я знал о грибах, но никогда их раньше не употреблял. Мне было любопытно, потому что грибы растут в земле. Это не продукт человечества, так что чего в них может быть плохого? Я спросил: «А какой у них приход? На что похож трип от грибов?»

Одна из девушек сказала: «Это весело. Такой расслабон. Поначалу тебя может немного подташнивать. Может даже вырвать, но обычно это очень ненапряжная штука, все зависит от того, сколько съешь».

Я сказал: «Да пофиг», что на меня непохоже. Я никогда не был пофигистом, но меня заинтриговали эти странного вида штуки. Я взял парочку грибов и разжевал их. По вкусу они напоминали горький метал, смешанный с сушеным дерьмом. «Неудивительно, что кто-то блюет от них» — подумал я. Остатки грибов я запил пивом. Прошло 10 минут. 20. 30. Ничего. Я съел еще два небольших грибочка, и через 15 минут наркотик начал оказывать свое действие. Я сидел, видя, как у остальных начался трип, и поначалу не понимал, что я тоже под кайфом, потому что логическая часть моего мозга по-прежнему была в силе, и у меня возник внутренний монолог с самим собой.

А потом меня накрыло. Я начал получать ответы на все вопросы, которые человечество когда-либо задавало себе о Боге и Вселенной. Как будто распахнулось окно и все стало таким очевидным. На меня нахлынуло все это дерьмо. Я сидел на стуле с широкой улыбкой, и меня складывало пополам от смеха. Я думал: «Чувак, нужно записать это все, чтобы потом запомнить. Я решу проблемы всех людей и стану героем!» Само собой, я был просто в говно и даже был не в состоянии ответить на такие простые вопросы, как: «Где ты живешь?» или «Какой у тебя любимый цвет?», что уж говорить о том, чтобы записать ответы на проблемы всего мира. «Логическая» часть моего мозга продолжала доканывать меня, чтобы я встал и нашел бумагу и ручку, но я был слишком увлечен ржачем над более низменными вещами, которые меня окружали, чтобы подняться. В какой-то момент я побрел к пожарному выходу на втором этаже квартиры в Уэст Виллидж, прямо напротив пиццерии «У Джона» на Бликер-стрит. Я сидел и угорал над прохожими. Потом меня осенило, что я не только знаю все на свете, но и умею летать.

Я орал людям, что собираюсь спикировать как Человек-Факел, подхватить их и взять с собой на прогулку. Кто-то на вечеринке увидел, что я творю и убедил кого-то втащить меня внутрь, пока я не прыгнул. Ну и оленем я был.

Вдруг я выпалил: «Бруклин! Клуб Л'Амур! Надо сходить к Доминику. Это будет лучшее, что вы видели на свете. Погодите,

скоро доберемся, сами все увидите!!!»

Разумеется, мой друг Доминик просто крутил в клубе металлпластинки, но у меня в голове это действие имело первостепенную важность. Каким-то образом мне удалось заказать лимузин. Понятия не имею, как мне это удалось. Я раньше никогда не вызывал лимузин, да и не было у меня номера компании, сдающей лимузины в аренду. Грибы могут не только дать тебе силу, чтобы летать, но очевидно могут помочь заказать лимузин.

Все остальные тоже трипповали, так что с радостью приняли это предложение. В тот момент мне казалось, что грибы — это лучшая штука в мире, намного лучше, чем трава. Машина приехала, нас шесть человек загрузилось туда, четыре девушки, еще один чувак и я. Как только водитель нажал на педаль газа, я почувствовал себя героем фильма ужасов, которого просят сесть в машину и «прокатиться». Все пошло совсем не так. Две девушки смотрели на меня и перешептывались между собой. Было темно — свет снаружи проникал в машину, а потом исчезал снова. У меня началась паранойя еще до того, как одна из девушек, сидевших напротив меня, кашлянула, а потом резко упала как подкошенная.

Я начал психовать и орать на всех. «Какого черта? Она мертва, она мертва!»

Остальные попытались меня успокоить и убедить, что она просто уснула, потому что очень устала да еще была под кайфом.

«Нет, она мертва, вы гребаные маньяки!» — орал я. «Вы убили ее, а теперь пытаетесь убить и меня!» Грибы явно подействовали, и все хорошее, что было в этом наркотике, превратилось в настоящий кошмар. Меня начало тошнить. Я не просто блеванул, я швырялся рвотой на всех, кто сидел напротив. Потом я начал кричать, потому что я по-прежнему был уверен, что стал жертвой какого-то зловещего заговора убийц. Перегородка между передним и задним сидением была очень высокой, поэтому водитель скоро всего и понятия не имел, что происходит у него за спиной. Он просто продолжал вести автомобиль. «Может он все-таки услышал меня» — подумал я. Я подумал, а вдруг он с ними заодно. Мы были уже в Бруклине, а я все еще орал: «Мертвая девушка в долбаной машине! Что мы будем делать с ее мертвым телом? Я из-за вас не сяду в тюрягу, ублюдки!» Теперь в моем сознании мертвая девушка вернулась уже в качестве зомби и пыталась и меня утянуть за собой. Я попытался высунуться из окна, чтобы выпрыгнуть из машины, но меня затащили обратно.

Потом я вспомнил, что это я вызывал машину, поэтому водителю придется слушать мои приказы. Я по-прежнему был

убежден, что над моей жизнью висела угроза. Я был уверен, что девушка напротив меня — зомби. Но по крайней мере у меня был план, который позволил бы мне сбежать невредимым. Я попытался успокоить этих убийц тем же способом, который врачи обычно используют во время разговора с душевнобольными пациентами.

«Ладно, хорошо, она не мертва, а вы не пытаетесь меня убить. Я все понял. Со мной все нормально. Но мне очень плохо. Думаю, у меня большие неприятности, поэтому пойду попрошу водителя высадить меня у больницы в Бруклине, потом он всех вас отвезет в Манхэттен и высадит где скажете».

«Скотт, тебе вовсе не нужно в больницу» — сказала одна из девушек. «Это просто грибы с тобой играют. Ты слишком много их принял. Расслабься и…»

Хрен вам, на такое меня не купишь. «Хватит мне тут. Вы просто пытаетесь меня убить!»

Я опустил заслонку и крикнул водителю: «Отвезите меня в ближайшую больницу. Мне плохо!»

Мы были в пяти минутах от больницы Проспект Парк Хоспитэл, на часах 1:30 ночи. Водитель высадил меня и уехал. Наконец-то я был в безопасности! Но у меня по-прежнему был мощный трип, и пройдя десять футов, я уже не помнил, где нахожусь. Я нарезал круги вокруг парковки больницы, пока один сотрудник персонала не увидел, что у меня закружилась голова и я наблевал на себя. Она подумала, что я попал в автокатастрофу и отвела меня в отделение интенсивной терапии. Помогла зарегистрироваться. Когда меня спросили, что меня беспокоит, мне захотелось заорать о мертвой девушке, которая превратилась в зомби, и мы все можем стать следующими, но я подавил это желание, потому что тоненький голос моего рассудка подсказал, что возможно все не так, как мне кажется.

«Мне плохо. Меня вырвало» — сказал я женщине в регистратуре. Сегодня Проспект Парк Хоспитэл кардинально отличается от старой больницы. Тогда там кричали сумасшедшие, плакали дети, люди приходили с ножевыми ранениями. Это было не лучшее место, чтобы трипповать от грибов. Я три часа провел на стуле, свернувшись калачиком. В это время у меня случилось прозрение. Я съел ядовитые грибы и умер в больнице, а теперь я попал в ад. Меня окружали истекающие кровью люди, кашляющие престарелые дамы, у какого-то чувака случился припадок, и он упал на пол и бился в конвульсиях. В моей голове звенел зловещий смех. Я бы не удивился, если бы Пинхед из фильма «Восставший из Ада» прошел через стену и его цепи с крюками на конце вылезли из потолка и вонзились в мою плоть.

Меня тоже начало бессознательно трясти. Потом я вышел из своего воображения, и ко мне вернулось сознание. Я понял, что я нахожусь в больнице в отделении интенсивной терапии и что я не помер. Я вспомнил, что принял грибы и у меня случился очень плохой трип, но сейчас он закончился. Было 5 утра, я встал и уже начал продвигаться к выходу, когда услышал свое имя. Я увидел доктора и сказал, что съел грибы. Он засмеялся, а потом быстро провел осмотр и сообщил, что со мной все в порядке. Он спросил, есть ли у меня медицинская страховка, и я ответил: «Конечно, есть. Вот карточка». Он сказал, что Синий Крест скорее всего не распространяется на экстренный случай при употреблении псилоцибина, поэтому он поставил диагноз — пищевое отравление от испорченных грибов. Спасибо, док!

Ранним бруклинским утром я вышел из больницы, и единственное, чего мне хотелось, это немного перекусить и лечь спать. Я планировал поехать на Лонг-Айленд, потусить со своим отцом и посмотреть, как мой брат Шон (от второго брака отца) играет в футбол. Должно быть, я был не совсем в здравом уме, потому что принял очередное «гениальное» решение. Я дошел до ближайшего платного телефона, позвонил отцу, разбудил его и попросил меня забрать.

«Привет, пап.»

«Ты почему так рано звонишь?» — перебил он. «С тобой все в порядке? Все хорошо?»

Я объяснил, что все в норме, но я стою у Проспект Парк Хоспитэл и мне нужно, чтобы он забрал меня оттуда.

«Что ты делаешь в больнице? С тобой все нормально?»

Я сказал, что съел грибы и у меня был очень плохой трип, и что детали я сообщу позже. На несколько секунд в трубке повисла тишина. Потом он начал хохотать. «Тебе, блядь, сколько лет?» — спросил он. «Думаешь, тебе по-прежнему 18?»

«Пап, мне тридцать три. Ты прекрасно знаешь, что мне тридцать три года». Мне стало очень стыдно. Он снова засмеялся, а потом сказал, что заберет меня. Спустя час он заехал за мной и привез к себе. Я сменил свои облеванные штаны, мы вместе перекусили и поехали на футбольный матч брата.

Получается, в свой единственный раз, когда у меня был трип от грибов, я дважды едва не убил себя, первый раз на пожарном выходе, а второй раз, когда попытался выпрыгнуть из окна машины. Оказалось, что единственный человек, который пытался меня убить, это я сам. Вспоминая об этом по трезвяни, у меня побежали мурашки по коже, и я решил, что больше никогда не буду так сильно терять над собой контроль. Каким бы пьяным я ни был, я всегда мог управлять ситуацией. Когда я уже не мог

себя контролировать, меня вырубало и я засыпал. С грибами совсем другое дело. Видишь ли, меня уже не было. Скотта больше не было, теперь ОНИ правили балом. Больше никогда не буду повторять ничего подобного.

ГЛАВА 23
ПОСЛЕДНИЕ СОЖАЛЕНИЯ

30 октября 1993-го я получил сообщение от Эла Йоргенсена, в котором говорилось, что он приедет в город, чтобы сыграть в Лос-Анджелесе в день Всех Святых на шоу всех звезд в зале Viper Room, и хочет пригласить меня. Группа называлась просто и незамысловато — P. Что и говорить, краткость — сестра таланта, а входили в нее Эл, вокалист Гибби Хейнс из Butthole Surfers, Фли, басист Red Hot Chili Peppers, и сам Джонни Депп. Я торчал у себя дома в Хантингтон-Бич, так что прийти на шоу мне не составляло никакого труда. Я попросил своих друзей Эверласта и Бобби с Ричем составить мне компанию. Мы условились встретиться у входа в клубешник, и еле-еле протиснулись внутрь. Здесь яблоку негде было упасть — число желающих намного превышало допустимую вместимость помещения. Нас прижали к бару так, что мы уже не могли двигаться. Мы решили дать этой группе максимум пять минут, а потом убираться отсюда ко всем чертям, если только музыка не окажется такой уж потрясной. Казалось, P выходят на сцену целую вечность, а мы уже проторчали там около часа. Я заметил, что многие люди, находящиеся у бара, ведут себя очень подозрительно, как будто реально находятся под чем-то тяжелым. И тут, ни с чего буквально в двух метрах от нас в толпе возник какой-то кипеж. У нас не было ни единого шанса свалить оттуда подальше. Все, что мы могли сделать, это пригнуться. Какой-то чувак прокладывал себе дорогу чехлом от гитары, пытаясь добраться до сцены. Те, кто стоял около него, кричали на стоящих рядом людей, чтобы убирались у него с дороги. Запашок стоял такой, как будто кое-кто наложил себе в штаны.

«Не, ребят, я ебал» — сказал я. «Если группа не выйдет через пять минут, мы сваливаем, и плевать, увидим мы сегодня Эла, или нет».

Не успели мы навострить лыжи к выходу, как зажегся свет, и чувак, который насрал себе в штаны, вышел на сцену с гитарой. Свет был тусклым, но это явно был Джон Фрушанте, экс-гитарист Red Hot Chili Peppers. Ни для кого не секрет, что этот парень был заядлым торчком, так что понятно, почему от него несло как от бомжа. Он подошел к микрофону с осоловелым выражением в глазах, и улыбнулся зрителям беззубой ухмылкой. Потом Джон промямлил что-то про то, что сыграет пару песен, но разобрать его речь было очень непросто. Пел он неразборчиво, а на гитаре

играл так, словно сдирал болячки с кожи. Ужас беспросветный. После второй песни он начал что-то говорить, потом повернулся и коржанул Гибби на ногу.

Мы терпели уже восемь минут сего действа, и все это до боли в печенке напоминало замедленный видеоролик, где какой-то чувак вдруг ни с того, ни с сего начинает гореть. Он сыграл еще одну песню, потом на сцену вышли Р, и, к нашему сожалению, их выступление оказалось еще хуже, чем выступление Фрушанте, потому что теперь уже целая группа издавала со сцены бессвязный шум. Они сыграли несколько кавер-версий, но даже они были настолько дурны, что нельзя было разобрать, что именно они исполняли. Практически единственное, что осталось у меня в памяти от вышеупомянутого выступления, то, что Эл наступил на свой же шнур от гитары и сам себе вырубил электричество. Следующие четыре минуты он провел в поисках злосчастного шнура. Я немного повеселел, потому что эта задача потребовала от него кое-какой физической подготовки. То, как он наклонялся и растягивал мышцы, пытаясь дотянуться до кабеля на полу, придерживая рукой гитару, просто бросало вызов гравитации. Песня закончилась, Эл нашел свой шнур и подключил гитару.

На весь зал раздался гитарный лязг. Гибби в это время что-то пел, затем повернулся к Элу и заорал на него: «Заткнись! Перестань издавать этот шум!»

Это была катастрофа. Мы с друзьями переглянулись и показали друг другу жестами, что пора уходить. Мы вышли из клуба на угол бульвара Сансет.

«Почему бы нам не вернуться ко мне?» — предложил Эверласт. «У меня есть бухло, можно скатать в пул партейку-другую».

Я подумал, что предложение вполне себе ничего. Не успели мы двинуться, как распахиваются двери служебного выхода, выходит парочка людей и кладет какого-то чувака на землю. Мы подумали тогда, что кто-то нажрался, и его друзья решили оставить его здесь, чтобы он протрезвел. Потом до меня дошло, что из клуба больше не доносятся звуки, и неподалеку Фли пялится на этого парня. Стали выходить и другие люди, включая Джонни Деппа. Спустя пять минут приехала скорая, вышли врачи. Они трудились над этим парнем около пяти минут.

«Кто бы это ни был, он в плачевном состоянии» — сказал Эверласт. «Очевидно, он не дышит. Наверное, уже умер».

«Черт, все это набирает серьезные обороты» — отозвался я. «Может, пойдем?»

Не успели мы уйти, как ко мне подошла Кристина Эпплгейт.

«Ривер умер» — выдавила она, захлебываясь от рыданий. Прошла секунда, прежде чем я догнал, о ком она говорит, потому что я не видел Ривера Феникса в клубе и не был с ним знаком. Она сказала снова: «Ривер умер».

«Ривер? А, Ривер Феникс» — понял наконец я.

«Он мертв! Он мертв!» — рыдала она.

Мы решили, что лучше нам убираться отсюда как можно скорее, пока не понаехали телевизионщики. Когда мы уходили, какие-то папарацци попросили у нас с Эверластом фотографию. Тело Ривера лежало на обочине дороги прямо у нас за спиной. От папарацци всегда было невозможно скрыться, но случившееся нельзя было назвать клевым мероприятием. Эверласт заорал на этого парня: «ТЫ ХОЧЕШЬ СДЕЛАТЬ ФОТОГРАФИЮ С НАМИ И ТЕМ ПОДРОСТКОМ, КОТОРЫЙ ЛЕЖИТ НА УЛИЦЕ ПОЗАДИ НАС, ТЫ ЧТО, БОЛЬНОЙ НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ УБЛЮДОК? ПРОЯВИ ХОТЬ КАПЛЮ УВАЖЕНИЯ, ДОЛБОЕБ!» Эверласт схватил парня и собирался забрать у него камеру и разбить ее, когда между ними встал Рич и оттеснил Эверласта от парня, и тем самым спас его от вероятно крупного судебного иска, а может даже и тюряги. Эверласт поблагодарил Рича за вмешательство, и мы пошли к нему и включили ящик. Ясен перец, уже через пять минут CNN сообщали о гибели Феникса.

Каким бы сумасшедшим ни был мой маленький мир трэш-метал, это история была совсем другого порядка. Когда ты входил в комнату той ночью, в воздухе ощущалась какая-то дурная аура. Гораздо безопаснее было оставаться в нашем защищенном уголке хаоса. Чего только не было в Anthrax, но случаев передоза не было ни разу. Все-таки мы не REO Speedwagon. Но иногда говно падает на вентилятор тогда, когда ты меньше всего его ждешь.

Как-то вечером мы с Дебби пошли на концерт Danzig в Ирвин Медоуз, и столкнулись с одним парнем, который начал поливать меня всяким говном. «А, мистер Anthrax, ты безбожно лажаешь!»

Мне было насрать. Забавно, когда люди думают, что я выйду из себя, если они скажут, что моя группа — отстой. Как будто их мнение значит для меня столько, что я стану с ними драться. Идиоты. Поэтому его я тоже игнорил. Этот чувак весь вечер ходил за мной по пятам. Я пришел с Дебби и своими друзьями Билли и Бобби, которые хотели хорошо провести время и посмотреть концерт, а этот олень стоял в шести футах от нас, и лез из кожи вон, как бы чего-нибудь затеять. Еще до выхода Danzig на сцену мы спустились на пролет ступенек, чтобы пойти за кулисы, и этот тип появился снова. На этот раз он поднимался по лестнице. «Иди ты на хуй, мистер Anthrax! Ты лажаешь как чмо».

Я лишь рассмеялся. Потом на него заорала Дебби: «Почему

бы тебе не закрыть свое хлебало?»

«Да пошла ты, сука! Почему бы тебе не пососать мой хуй?» Это было последней каплей. Доебывать меня? Ладно. Доебывать мою семью или друзей? Хуй вам в обе руки. Я мгновенно начал закипать.

Перед глазами появилась красная пелена от гнева, и я сделал несколько шагов в его сторону. Бобби применил двойной нельсон и оттащил меня к ступенькам. Я уже был внизу лестницы, а это хуйло — наверху. «Я убью тебя, урод!» — заорал я.

Люди начали поворачиваться и пялиться на нас. Никто не знал этого идиота, зато все знали, кто я такой. Этот тип засмеялся надо мной и что-то крикнул в ответ. Билли стоял наверху лестницы и о чем-то говорил с ним. Мне было интересно, какого черта там Билли толкует с этим уродом. Потом Билли пожал плечами, и тип начал спускаться по лестнице. Как только он дошел до низа, Бобби отпустил меня. Чувак замахнулся на меня, но это был неуклюжий пьяный хук. Я три года брал уроки бокса, и с легкостью ушел от этого удара, а потом со всей силы обрушил с правой прямой ему в голову. Он упал как мешок с картошкой и сразу вырубился. У меня возникло ужасное ощущение. Как бы сильно я ни хотел отмутузить этого дебила, мне было не по себе от того, что я вырубил пьяного идиота, а теперь сам чувствую себя как идиот. На шум сбежались друзья этого чувака, и я уже приготовился драться и с ними.

«Чувак, мы его весь вечер уговаривали заткнуться» — сказал один из них. «Нам очень жаль. Он чертовски этого заслуживал». Они забрали своего друга и ушли. Меня трясло. Вне ринга я никогда так никого не бил.

Вскоре после нокаутирования дебила на шоу Danzig я попросил у Дебби руки и сердца, что вызвало еще одну волну недоразумений. Само собой, дело не в Дебби, но иногда требуется лишь крохотная трещина в фундаменте, чтобы стены начали осыпаться. Вспоминая об этом сейчас, я понимаю, что помолвка с Дебби была ошибкой, но все это не имело ничего общего с тем, что произошло с Anthrax потом. Elektra наконец-то выпустили клип на «Room For One More». На MTV выделили достаточно эфира, и мы решили, что с радио будет то же самое. Но Elektra решили не продвигать эту песню на радио, потому что по их мнению с нас этого было достаточно. Мы выпустили два сингла, а теперь радио забило на нас, потому что «Black Lodge» не стал хитом. Это вызвало у нас недоумение, потому что наши фэны были в восторге от «Room For One More», как мы и ожидали.

Мы провели на гастролях все лето 94-го. Группа Fight Роба Хэлфорда открывала наше выступление на последнем этапе

гастрольного тура. К тому моменту мы продали около семиста тысяч копий, и это, если не принимать во внимание короткометражку «I'm The Man», была наша самая продаваемая пластинка. Но мы ощущали горькую радость, потому что эта пластинка должна была получить двойную платину и даже больше. Я убежден, что все это произошло от того, что мы поддались и позволили Elektra принять решение по поводу «Black Lodge». Продвигай мы сперва «Room For One More», и я уверен, что «Sound Of White Noise» принес бы нам столько же, сколько принес группе Megadeth альбом «Countdown To Extinction». Если бы мы сделали то, что считали правильным, мы могли бы продать миллионы пластинок.

Определенно это самая большая ошибка в бизнесе, которую мы допустили в истории группы, и это стоило нам успеха. Будь у меня возможность использовать Tardis[34], и изменить хотя бы одну вещь, именно это я и поменял бы. Это единственный эпизод, который я бы хотел изменить во всей своей карьере.

10 июля 1994-го мы с Дебби поженились. За несколько дней до свадьбы несколько моих друзей организовали для меня «мальчишник» в клубе апарт-отеля, что на шоссе Пасифик-кост. Там были стриптизерши, алкоголь… и Джин Симмонс. Твою мать, он проделал весь путь от Беверли-Хилз до Хантингтон-Бич, чтобы попасть на мою паршивую вечеринку. И вот он заходит и у всех отваливается челюсть. Никто не мог поверить, что это действительно он. Поначалу все думали, что это человек, выдающий себя за Джина. Стриптизерши сразу потеряли ко мне всякий интерес, и через несколько секунд одна из девушек уже выполняла стойку на руках. Ее спина была направлена к Джину, а ноги лежали у него плечах. Джин подыграл, высунув свой знаменитый язык. В комнате моментально стало жарко.

Когда все закончилось, мы направились в какую-то паршивую кафешку на Мейн-стрит в Хантингтон-Бич, чтобы чего-нибудь перекусить с Джином Симмонсом. «Ты пришел на мой мальчишник??» — выпалил я.

Своим легкоузнаваемым голосом Джин изрек: «Ты пригласил, я пришел».

Я спросил Джина, не хотел бы он прийти ко мне и немного потусить, но он отказался: «Нет, спасибо за приглашение, но я уже собираюсь домой».

Поэтому я, мой лучший друг Энди Бучанан, который на тот момент жил у меня в Лос-Анджелесе, и Гай Озири, владелец лейбла Мадонны, а сейчас и ее менеджер, перешел шоссе Пасифик-кост, чтобы взять немного бухла в мини-маркете, пока тот не закрылся, и Джин пошел вместе с нами, чтобы взять воды в

поездку до дома. Мы зашли в мини-маркет, в котором я бывал тысячу раз, потому что он находился прямо по соседству. Я направился в заднюю часть магазина, где продавалось пиво, и тут услышал крики. Я вернулся и увидел, как Гай спорит с семнадцатилетним подростком, сыном владельца. Они орали друг на друга, и я спросил: «Какого черта здесь происходит?»

Оказалось, что владельцы магазина — палестинцы, а подросток поднял хай, увидев на Гае браслет «Звезда Давида». «Ты носишь еврейскую звезду!» — заорал он. «Для моего народа это то же самое, что свастика для твоего».

«Что за херню ты несешь?» — спросил Гай.

«Вы — гребаные евреи!» — прорычал подросток.

Гай — израильтянин, и негативно относится к проявлению антисемитизма. Он убежденный еврей, в отличие от меня. Я был пьян и счастлив, и сказал: «Да ладно вам, парни! Здесь сам Джин Симмонс!»

Джин посмотрел на происходящее, выронил бутылку воды, попрощался и вышел из магазина, исчезнув в тумане на шоссе Пасифик-кост как настоящий демон. Подобное дерьмо его не интересовало.

Я пытался всех успокоить: «Эй, ты ведь меня знаешь. Я сюда постоянно прихожу. Я еврей. Я что, когда-нибудь пытался тебя убить?»

«И ты пошел на хуй!» — рявкнул подросток. И тут мое настроение резко сменилось с веселого на мрачное. Я наклонился через прилавок, схватил этого чувака и стал тянуть к себе. «Ты, сраная шпана! Какие у тебя проблемы, уебок?» — заорал я. «Я прихожу и трачу деньги в твоем ебаном магазине. Мои друзья тратят деньги в твоем ебаном магазине. Какого хуя?»

«Пошел ты! Я убью тебя, урод!» — закричал подросток.

Отец и дядя начали визжать, защищая подростка. Дядя сделал попытку двинуться в нашу сторону, и Энди схватил этого мужика — на вид ему было лет пятьдесят — и, схватив за шею, прижал к холодильнику с пивом, начиная душить. Я отпустил подростка, полагая, что это поможет разрядить обстановку, и мы все пойдем домой. Ошибка. Он полез под прилавок и достал пушку. Трясущимися руками он направил ее на меня и Гая. «Пошли на хуй! Пошли на хуй! Я убью вас, вашу мать! Клянусь, я убью вас, ебаные еврейские ублюдки!»

Я был очень пьян и не совсем ясно соображал. Мы были невооружены, так что то, что этот подросток навел на нас оружие, было совершенно трусливым поступком, и лишь распалило меня еще больше.

«Да что ты? Ты направил оружие, ебаное сыкло! Что, без

оружия ничего не стоишь? Ну, давай, урод! Ты крупнее меня. Я лишь маленький долбаный еврей! Давай, урод, решим все здесь и сейчас! Я же тебя убью!» А потом Энди отвесил ему пощечину.

«Пошли вы! Пошли вы! Я убью вас! Я всех вас убью!»

К счастью в этот моменты мы услышали сирены. Кто-то из покупателей магазина вызвал копов. «Давай убираться отсюда на хрен» — сказал Гай.

Мы повернулись и побежали со всех ног к моему дому. Когда входная дверь захлопнулась, на нас нашел припадок смеха. Отчасти из-за нелепости того, через что нам пришлось пройти, но также и потому, что нам удалось убраться оттуда живыми.

Гай сказал Энди: «Чувак, ты идиот! Какого хрена ты это сделал? Чувак навел на тебя пушку, а ты ударил его по щеке?»

«Я — шотландец», только и сказал Энди, да ему больше и не надо было ничего говорить. Сумасшедшие шотландцы, черт бы их побрал. А потом он добавил: «Мне очень повезло, что мне не прострелили на хрен башку!»

После этого эпизода свадьба прошла очень скучно. Это уже не было большое еврейское фиаско, как моя первая свадьба. На этот раз все было предельно нерелигиозно. Свадьба больше напоминала огромную вечеринку с кучей друзей. Мы проводили ее в отеле Хилтон в Хантингтон-Бич. Дебби взяла на себя большую часть подготовки, но в принципе особо готовить ничего и не надо было. За пару недель до свадьбы я пригласил Дебби и ее маму в отель Хилтон, на переговоры с фирмой-организатором свадебных банкетов. Пока мы там были, происходила знаменитая полицейская погоня за О. Джеем Симпсоном. Мы смотрели, как он ведет белоснежный Форд-Бронко по шоссе в окружении моря полицейских машин. Он боролся за свою жизнь. Мне бы тоже следовало этим заняться. Две недели спустя мы поженились.

ГЛАВА 24
КАК ВЫЖАТЫЙ ЛИМОН [35]

Мы с Дебби решили отметить свою свадьбу, проведя медовый месяц на Бали. Благодаря этой поездке мы смогли вдоволь отдохнуть, вдобавок там было немало живописных и вдохновляющих мест. Когда медовый месяц подошел к концу, мне не терпелось вернуться в Лос-Анджелес, чтобы приступить к написанию песен для нового альбома «Stomp 442». Первое время моя жизнь была идеальна, как в личном, так и в профессиональном плане. Но потом все скатилось в говно.

Для лейбла мы были не больше, не меньше кроме как огромным разочарованием. Эти люди ни за что на свете не признали бы свою вину за то, что приняли ошибочное решение в вопросе продвижения «Sound Of White Noise». И вот уже второй раз за карьеру мы стали алчными и послушались дурного совета. После этого дали себе зарок, что подобное больше никогда не повторится. Мы были решительно настроены впредь не позволять никому принимать решения за нас, и уж не знаю, к худу это или к добру, но с тех самых пор все было именно так.

Мы искали, на кого бы показать пальцем, обвинив в том, что не помог нам подняться еще выше. Собственно это одна из причин, по которой мы уволили Джонни Зи. Мы были злы на него за то, что он пошел на поводу у Elektra. Мы считали, что должны были знать, что они теряют в нас веру и вовремя взять бразды правления в свои руки, пока все не стало хуже. Вспоминая об этом сейчас, мне кажется, что он никак не мог знать, что случится потом. Мы все несли равную долю ответственности за случившееся. Но так обычно и случается с менеджерами. Чаще всего их увольняют по ошибке. В спорте то же самое. Если команда показывает результаты ниже своих возможностей, то менеджер или главный тренер — это первые кандидаты на увольнение.

Суть в том, что сердце Джонни больше не лежало к Anthrax. Он проделал долгий путь, и сыграл важную роль в нашем развитии, но Джонни заработал свои деньги, и после этого уже не был таким, как прежде. Бывало, он звонил по пятьдесят разу на дню с новыми идеями. Наверняка, сорок девять из них были глупыми, но обычно одна была хорошей, и мы ее развивали. Вот что мне нравилось в Джонни. У него в животе постоянно бушевало пламя, которое никогда не угасало, но однажды произошло и это. Он заработал уйму денег за свою работу с

Metallica. Потом они бросили его и перешли к Q Prime, а Джонни подал в суд и выиграл дело. Он вернул себе комиссионные выплаты за первые четыре пластинки Metallica. Он уже получал огромные чеки за авторские, и к моменту выхода «Black Album» ему уже не нужно было так усердно работать на должности менеджера музыкальной группы.

Мы взяли на работу Стива Барнетта и Стюарта Янга, который в свое время был менеджером AC/DC, и приступили к написанию песен, надеясь, что следующий альбом наверстает то, что нам не удалось достичь альбому «Sound Of White Noise». Казалось, все идет как по маслу. Мы по-прежнему находились под крылом Elektra, и были решительно настроены дать им то, от чего они не смогут отказаться, и вообще, встать самим у руля и принимать верные маркетинговые решения.

Мы с Джоном по-прежнему кутили каждую ночь, и частенько приезжали на сессии записи позже, чем обычно. Поэтому остальные участники решили, что нам нужно перебазироваться в White Plains, Нью-Йорк, местечко, расположенное всего в двух милях от студии Anthrax в Йонкерсе. Так как в White Plains заняться было нечем, они решили, что мы будем держаться от греха подальше и станем более ответственно относиться к работе. Мы неохотно согласились, потому что понимали, что виноваты в своих опозданиях или что приходили с похмелья во время сессий записи «Sound Of White Noise». Мы неохотно согласились пожить в этой дерьмово обставленной квартире. Она напоминала отель в аэропорту с небольшой стойкой регистрации, диваном и телеком. Тоска и скука те еще. В такой обстановке просто невозможно думать о творчестве. Но у нас была арендованная тачка, чтобы ездить в студию, поэтому через пару дней мы с Джоном стали проезжать по сорок миль до города и тусить в СоХо. Мы ездили в такие модные заведения, как Spy или Wax, куда невозможно попасть, если у тебя нет «своего» человечка. Мы зависали, нажирались до безумия, а потом в 4:30 или 5 утра ехали обратно в White Plains.

У Джона тогда была кликуха «Фантом», потому что он упивался до такой степени, что потом просто испарялся. Никто не знал, куда он подевался. Когда он жил в городе, ему каким-то чудом удавалось найти дорогу до квартиры, добраться до постели и лечь спать на диване или прямо на полу. Он никогда не говорил, что сваливает. Вот он здесь, а в следующий миг его уже нет. Но я не мог ему позволить в одиночку возвращаться до White Plains. Мы должны были уезжать вместе. Ума не приложу, как получилось, что меня ни разу не остановили полицейские, и я ни разу не съезжал с эстакады на арендованной тачке, ведь я

минимум раз десять ездил обожратым в говно, и никому этого не посоветую. Так легко можно стать трупом. Но мне почему-то всегда везло.

Помню, однажды единственное, что меня спасло от гибели, это метель. Джон опять «фантомировал». Его нигде не было. Наконец я вывалился на улицу, и обнаружил его спящим на еще теплом капоте чьей-то припаркованной машины. Я запихал его в нашу тачку и он тут же отрубился. Снег был такой сильный, что я едва мог видеть проезжую часть через лобовое стекло. У меня практически двоилось в глазах от того количества пива, что я выпил. К счастью, шторм был такой сильный, что ехать быстрее десяти миль в час было просто невозможно. Той ночью мне потребовалась уйма времени, чтобы вернуться в White Plains, но будь погода лучше, а дороги чище, я бы наверняка разбился. На следующий день мы пили кофе, и я сказал ему: «Мы переезжаем в город. Если не сделаем этого, мы или угодим в тюрягу, или убьемся». Одна только мысль, что нас могут арестовать, была даже хуже, чем тюрьма.

Мы сказали остальным участникам группы, что уезжаем из White Plains и перебираемся в город. Они ответили, что раз мы все успеваем, то ничего страшного. Да, мы успевали. Остаток альбомного цикла мы вовремя приезжали на репетиции и всегда продуктивно работали. Но возвращение обратно в город означало, что мы можем тусить по вечерам. Кроме того это могло сплотить нас как группу. Но как раз в тот момент, когда я хотел сделать Anthrax более сплоченной единицей, Дэнни Спитц стал еще большим фантомом, чем Джон.

Все то время, что мы писали и репетировали материал альбома «Stomp 442», Дэнни почти не появлялся. Он заглядывал максимум раз в две недели, да и то, уезжал в тот же день. Обычно он брал кассету с восьмиканального магнитофона, на который мы записывали свои демки, а потом возвращался спустя две недели с готовыми партиями соло к нашим песням. Когда мы слушали то, что он записал, у нас возникало такое чувство, что он не обращал внимания на то, что мы делаем. Его соло были практически не связаны с тем, что мы играли.

Возможно нам стоило предвидеть такой исход. Некоторые соло на «Sound Of White Noise» были мелодичными находками, которые Чарли сперва придумал, а потом показал Дэнни. Думаю, в какой-то момент гастролей в поддержку «Sound Of White Noise» он просто ушел в отставку, может потому что рядом не было Джои, с которым всегда можно было потусить, и с которым они были приятелями. Как бы то ни было, мы написали весь материал «Stomp» без участия Дэнни, а потом решили выгнать его из

группы. Он не понимал, что мы делаем, не знал наших песен и, казалось, ему все было до лампочки. Он будто всем своим видом показывал, что ему неприятно находиться в нашем обществе.

Мы прекрасно понимали, что сможем продолжать без Спитца, никаких проблем. Я и Чарли начали придумывать идеи для соло, а Даймбэг Даррэлл уже сказал, что хочет сыграть на нашей пластинке. Кроме того у нас был Пол Крук, который много лет работал техником Дэнни. Он знал все партии Дэнни, и при этом сам по себе был улетным гитаристом. Но мы продолжали тянуть резину, потому что никто не хотел быть тем, кто вручит Дэнни извещение об увольнении. Было довольно непросто уволить Джои. А Дэнни был с нами практически с самого основания группы.

Мы приехали в Филадельфию, чтобы начать запись с Butcher Brothers, позвонили Спитцу и сказали: «Не приезжай в Филли, мы приняли решение о твоей отставке».

Казалось, он знал, что его увольнение не за горами, но потом подал на нас в суд с требованием вернуть энные суммы денег, хотя прекрасно знал, что у нас их нет. Ты требуешь миллионы и надеешься что-то получить. Он потерял все — по каждому исковому заявлению, которое составил в наш адрес.

Он даже пытался подать иск на авторские права, и это было просто смешно. Он утверждал, что написал все песни на альбоме «Stomp 442». Его адвокат выслал нам список названий песен, половина из которых даже не были песнями. Одной из них была «A Splendid Time Is Guaranteed For All», это строчка из песни Битлз «Being For The Benefit Of Mr. Kite». Чарли написал об этом на демках, которые мы записали для всех участников группы. Дэнни был убежден, что это песня с альбома.

Дело о нарушении авторских прав было направлено в федеральный суд, но оно было настолько кустарным, что судья его выбросил и выругал адвоката Дэнни. «Если вы еще раз положите мне на стол подобное исковое заявление, то я буду вынужден принять меры по освобождению вас от адвокатской практики». Но при всем при этом это фиаско стоило нам 80000 адвокатских издержек. Нам бы следовало вычесть эти издержки из зарплаты Дэнни, когда он присоединился к Anthrax в реюнионе, который мы устроили в 2005-ом, потому что эти деньги ушли прямо из наших карманов. Мы не признали Джона ответственным в каких-либо судебных издержках, потому что он провел в Armored Saint практически столько же времени, сколько и в Anthrax.

Когда я вспоминаю об этом сегодня, до меня доходит со всей ясностью, что на тот момент у Дэнни была жена и дети, и они

оказались важнее, чем группа. Мы провели восемнадцатимесячные гастроли, а потом вернулись домой и с места в карьер вошли в режим записи «Stomp 442». Он не хотел работать над новым альбомом. Вероятно, он хотел быть дома со своей семьей и проводить время с детьми. Я не могу его винить за это, особенно сейчас, когда у меня есть сын. Но он должен был попытаться согласовать с нами свое рабочее расписание, чтобы проводить больше времени дома. Но он не пытался. Он просто стоил нам восьмидесяти штук баксов.

Пока мы работали над «Stomp 442», Time Warner провели реформирование компании путем массового сокращения сотрудников. Боб Краснов, Стив, все, кто был с нами в одной команде, были смыты гигантским корпоративным цунами. Компания назначила Сильвию Роун на пост президента Elektra. До этого она была генеральным директором и президентом East/West Records, и сделала себе имя на том, что открыла миру ряд исполнителей рэпа и R&B. Тогда мы об этом особо не переживали. Конечно, мы были подавлены, что люди, с которыми мы работали, ушли, но наш контракт по-прежнему был в силе, и мы подумали, что подружимся с новыми сотрудниками. Мы ничего не знали о Сильвии Роун, кроме того, что у нее в загашнике есть Pantera, которые начали создавать вокруг себя большую шумиху. «Vulgar Display Of Power» получился успешным, и они были близки к тому, чтобы стать очень популярной группой. И кроме того, она работала с AC/DC, так что мы подумали, что у нас тоже все будет ништяк. А потом мы услышали от нашего нового менеджера Стива Барнетта: «Вам остается только надеяться, что она хоть что-то знает о метале, но я знаю ее по работе с AC/DC. Это гребаный кошмар».

Стив договорился с Сильвией о встрече, чтобы обсудить наши планы на будущее. Зашел в ее офис. Наш контракт лежал у нее на столе, и когда он сел, она сказала: «Во-первых, я бы никогда не подписала контракт с этой группой. Я бы никогда не заключила эту сделку».

«Хорошее начало, Сильвия» — отозвался Стив. «Привет, как дела, и что ты имеешь в виду, говоря, что никогда бы не заключила эту сделку?»

«Я бы никогда в жизни не заключила эту сделку с этой группой» — повторила она. «Ее бы просто не было в моем расписании. Что там сейчас происходит? Что там по плану?»

«Вы должны выплатить группе аванс в 1,6 миллиона на запись пластинки» — напомнил он.

«Я хорошо знаю, что они получат!»

Стив рассказал, что мы находимся в Филадельфии, и

работаем с Butcher Brothers и ожидаем от лейбла полного взаимопонимания. В нашем контракте было много деталей по части выделения долларов и бюджета на запись клипов. У нас в руках был железный и лучший для метал-группы контракт на выпуск пластинок, о каком мы когда — либо слышали — 10 миллионов долларов за три альбома. Разумеется, люди были убеждены, что эта сумма осела в наших карманах, но это было далеко от истины. Эти деньги пошли на запись видео, маркетинг и промоушн, не говоря уже о четырехмиллионном авансе на запись «Sound Of White Noise».

Начались наши отношения с Сильвией плохо, а стали еще хуже. Мы записали «Stomp 442». Даймбэг Даррэлл сыграл соло на «Riding Shotgun» и «King Size», и на наш взгляд это был офигенный бонус при покупке альбома. Пластинка начиналась со шквальных ударов и не сбавляла темп ни на йоту. Это был не трэш, но у этой музыки были энергия и гнев. «Random Acts Of Senseless Violence» просто рвала в клочья. Эта песня была своего рода уголовным делом против всех, кто брал в руки оружие, чтобы совершить преступление. «Fueled» — отличный трэк для радиоэфира, а весь его дух подытоживается припевом: «То, что не убивает меня, лишь делает сильнее».

Маркос Сиега снял клип, и мы думали, что все работает на нас… пока не вышла пластинка. Мы поняли, что Elektra в нас не поверили, и со своей стороны попытались сделать все, чтобы изменить их мнение. Я подчеркнул, что наш последний альбом был продан тиражом в семьсот тысяч копий, а Pantera выпустили первоклассный альбом. «Смотрите» — говорил я, «если 15 % нашей аудитории пойдет и купит эту пластинку, то мы продадим сто тысяч копий только в первую неделю. Все, что вам нужно сделать, это минимум раскрутки, чтобы дети узнали, что вышла новая пластинка Anthrax «Stomp 442», и они ее тут же купят!»

Что же сделали Elektra? Чуть меньше, чем ничего. Они сделали то, что обязаны были сделать по контракту, и использовали все средства в своем распоряжении, чтобы найти всякие лазейки в контракте. Они словно хотели, чтобы мы облажались и пытались подорвать нам репутацию. В какой-то степени мы предвидели это и написали несколько песен вроде той же «Riding Shotgun», текст песни которой выражает наше разочарование этой компанией: «Два шага вперед, сто шагов назад». Elektra не потратили ни дайма на радио, и вообще никак не раскручивали альбом. Они словно использовали стиратель памяти из фильма «Люди в Черном», чтобы люди забыли, что мы вообще когда-то были группой. От стотысячных продаж в первую неделю в 1993-ем мы скатились до того, что едва могли продать

двадцать пять за первую неделю двумя годами позже. Казалось, что это было просто невозможно и не укладывалось в голове.

Трудно было поверить, что фэны «Sound Of White Noise» слушают Soundgarden, Alice In Chains и Nirvana, и больше не хотят иметь с Anthrax ничего общего. Метал стал менее популярен, но он не был мертв. Pantera продавали кучи пластинок, у Metallica был «Load» и «Reload», и оба альбома неплохо продавались. Elektra просто «потеряли мяч». Более того, они бросили его прямо в канализацию.

Хуже того, нашим поклонникам, казалось, тоже было плевать на нас. Мы выступали на площадках втрое меньше тех, что были в 93-ем и 94-ом, да и те были полупустыми. Полная деморализация. Казалось после того возросшего уровня успеха, что мы приобрели за все эти годы, мы были вынуждены бежать лицом на топор. Стив Барнетт прилетел на шоу в одном клубе под названием Trees, в Дип-Эллум, рядом с Далласом. В зале было шестьсот человек. Он никогда раньше не видел нас живьем, и сказал после концерта: «Парни, вы просто улетны. Мы перевернем этот корабль. Это большой корабль, но вы заслуживаете того, чтобы плыть в другом направлении».

Он согласился, что это безумие, что мы не продаем пластинки и что Elektra наебывают нас как только могут. Можно сказать, они практически закрыли файл Anthrax и бросили его в огонь. Из группы, которая достигала золотого статуса с каждой пластинкой, выпущенной с 1987-го года, мы докатились до группы, которая кое-как продавала сто тысяч пластинок на мейджор-лейбле. Нам пришел конец. И всем было похуй. А потом Стив, тот самый мистер «Мы перевернем этот корабль» Барнетт, получил предложение от Sony стать главой международного отдела. Короче, и этот свалил с корабля. Так что уже никто не стоял на нашей стороне. Никто не хотел бронировать для нас концерты, и никто не хотел нас продвигать. Мы не продавали билетов. Гастроли в поддержку «Stomp 442» были потерей денег. Мир полностью изменился, и по сей день у меня нет ответа, куда подевались шестьсот тысяч человек.

К концу 95-го — началу 96-го моя личная жизнь стала зеркальным отражением моей карьеры. На мне ежемесячно висели огромные суммы, выплачивать которые я больше не мог. Я начал паниковать, потому что видел, что поток моих доходов начал истощаться, и я не знал, что мне теперь делать. Все начало принимать масштабы катастрофы, как и мой брак. Я был ошарашен. Никогда не думал о себе как о богатом человеке. Но много лет подряд у меня было много денег. А потом, когда их не стало, все пошло на унитаз. Я проводил большую часть времени в

Нью-Йорке, потому что там я работал с группой. Один Бог знает, чем занималась Дебби в нашем доме на Хантингтон-Бич.

Между нами практически прекратилось общение. Когда я был в Калифорнии, мы жили вместе, но не были партнерами. Мы спали в одной постели, но не занимались сексом. Я думал, что она по-прежнему мой друг. У меня по-прежнему остались к ней чувства. Мне по-прежнему хотелось, чтобы у нас были отношения. Я просто не знал, как их привести в порядок. Я пытался оставаться романтиком и постоянно натыкался на стену с ее стороны. Я пытался заигрывать, а она лишь отвечала: «Не, не, не, я не в настроении». Точно то же самое у меня было с Мардж, и я не мог этого принять, потому что очень не хотел, чтобы и второй мой брак дал трещину. Мозг кричал: «О, Боже! Ты разведешься и во второй раз. Ты лошара! Брак — явно не твоя сильная сторона».

Я пытался. Между 1994-ым и 1997-ым, когда мы были женаты, я ни разу ей не изменял. Я по-прежнему тусил, просто больше ни с кем не спал. Я уже проебал один брак из-за своих измен, и не собирался идти снова по той же дорожке. Я любил Дебби, и хотел ей это доказать. Но к концу 95-го — началу 96-го, когда «Stomp» умер, мой брак тоже был на последнем издыхании.

Я смотрел на свои ежемесячные затраты в размере восьми тысяч баксов. Пластинка уже провалилась, и я подумал: «Хмм… у меня есть деньги в банке, но надолго их не хватит».

В начале 1996-го мы все находились в состоянии беспокойства и тревоги, потому что не знали, что происходит с нашей карьерой. Вне зависимости от решения Elektra, они должны были выделить нам 1,6 миллиона долларов на третий альбом, и неважно, было у них желание выпускать или нет, поэтому мы знали, что деньги будут. Часть из них нам нужно было потратить на запись новой пластинки, но должны были остаться кое-какие деньги, чтобы обеспечить доход и это приносило хоть какое-то облегчение.

Тем не менее, это была бесплодная победа, потому что моя личная жизнь была жалкой, а жизнь в группе такой же говенной. Я жалел себя, и мне это было дико неприятно. Я всегда буду видеть свет в конце тоннеля. Несмотря на кое-какие агрессивные тексты, я далеко не пессимист. Я всегда видел стакан наполовину полным, даже в 1996-ом, когда эта линия на стакане была почти незаметной. В какой-то момент у меня отобрали членскую карточку American Express, зарегистрированную на группу, потому что я пользовался ею для оплаты своих личных нужд. Я не воровал, наоборот, у меня были все намерения отдать все до копейки. Мне просто не хотелось залезать в долги на своих кредитках. Поэтому я пользовался AmEx, прекрасно понимая, что

наш бизнес-менеджер в конце месяца получит счет, увидит оплату за ресторан, которая явно не имела ничего общего с затратами группы, и скажет: «Ты нам должен, тебе придется выписать чек».

Каждый месяц я спрашивал: «Разве нам не поступит никаких денег на нужды группы?» И он отвечал: «Нет». И мне приходилось выписывать чек. Потом проходил следующий месяц, и снова на карточке появлялась парочка обедов. В конце концов мне позвонил Чарли.

«Это самый тяжелый звонок, который мне приходилось делать в своей жизни» — сказал он.

«Что такое?»

«Тебе нужно перестать пользоваться AmEx. Мы ее блокируем, потому что ты злоупотребляешь ею, и это обходится нам в копеечку. Мы не несем ответственности за это. Эти затраты не имеют отношения к группе».

Мне было очень неловко. «Чувак, прости» — начал объяснять я. «Я начал терять контроль, потому что у меня появились эти затраты, а я не знаю, что будет в следующем месяце».

«Я понимаю» — ответил он. «Но ты больше не можешь так вести себя и дальше. Мы блокируем твою карту, и тебе придется расплатиться за то, что ты задолжал, когда поступят деньги».

С меня взыскали все, что я задолжал, и на этом вопрос был решен, но мне никогда не было так стыдно. Я чувствовал себя одним из тех политиков, которых ловят на том, что они используют по нецелевому значению деньги на предвыборную кампанию. Ну, если уж на то пошло, то хотя бы не отстранили от должности.

ГЛАВА 25
БРАТИШКА, ДАЙМА НЕ НАЙДЕТСЯ? [36]

1996-ой выдался на редкость паршивым годом. Elektra не интересовала наша очередная пластинка, и они заплатили кучу денег лишь бы поскорее от нас избавиться. Они даже разрешили нам оставить у себя мастер-копии «Sound Of White Noise» и «Stomp 442», что служит лишним доказательством того, сколько веры у них было в эти пластинки как значимые диски в своем каталоге. К тому моменту у группы накопилось немало долгов и неоплаченных счетов, поэтому львиная доля поступивших денег была просто поглощена выплатами, а остальное мы разделили между собой. Ну, у нас хотя бы было ЭТО. Но Elektra больше не заботил Anthrax, а это было очень тяжело принять. Теперь мы были вынуждены заключать новый контракт на запись. Нашими новыми менеджерами стали Уолтер О'Брайен и Энди Гулд. Эти парни работали с Pantera и White Zombie, двумя популярнейшими метал-группами того времени. Заполучить их было непросто и мы находились буквально на грани отчаяния. На встрече с Уолтером в Нью-Йорке я сказал ему так: «Я здесь, чтобы попросить тебя стать нашим менеджером. Ты должен был быть нашим менеджером последние десять лет».

«Ух ты, я весьма польщен» — ответил он, «но должен сказать, не знаю. Я могу заниматься этим, только если буду делать это ради вас, но честно говоря, я сейчас невероятно занят Pantera. Они — та еще заноза в заднице, и мне бы совсем не хотелось, чтобы вы как-то страдали от этого».

У меня возникло чувство, будто я умираю изнутри. Я считал Уолтера нашей последней надеждой. Все на нас положили. Наши бизнес-менеджеры, лучшие в этом бизнесе, просто не могли найти никого, кто бы захотел с нами сотрудничать. Никто не хотел приходить к нам на встречу, а наш адвокат пытался найти для нас контракт на запись. Такое чувство, что мы были настолько заразными, что к нам было опасно притрагиваться — как к спорам реальной сибирской язвы.

Первый вопрос, который нам задавал руководитель каждого лейбла: «Чего добился ваш последний альбом?» И когда мы отвечали, что он был продан тиражом в сто тысяч экземпляров, они тут же теряли к нам всякий интерес. Их совсем не интересовало, чего достигла пластинка, вышедшая перед «Stomp

442». Мы были хороши ровно настолько, насколько был хорош наш последний альбом. И вот теперь нам пришел конец. После того ланча с Уолтером я почувствовал себя опустошенным. У нас не было ни лейбла, ни менеджера. Возможно, не за горами были времена, когда и существование самой группы будет под большим вопросом. На следующий день позвонил Уолтер.

«Знаешь, весь прошлый вечер я думал о твоих словах» — сказал он. «С хера ли мне не быть менеджером Anthrax? Для меня это охуенная честь. Можете на 100 % рассчитывать на меня».

Я ощутил прилив восторга. Я словно дрейфовал в открытом море, и тут из тумана появился чувак на лодке и бросил мне спасательный круг. Я был убежден, что Уолтер поможет спасти группу. Мой брак был другой историей. Я снова начал проводить в Нью-Йорке много времени, потому что всякий раз, когда появлялся дома, мы с Дебби срались или тупо пытались хоть как-то сосуществовать вместе. В конце концов она съехала с нашего дома и переехала к какому-то из своих приятелей, потому что, по ее словам, «ей требовалось свое личное пространство». Это был ад, и, положа руку на сердце, меня раздражала одна только мысль о том, что снова придется разводиться, но я понимал, что так дальше продолжаться не может. Я ее обеспечивал, но она казалось не испытывала ко мне ни капли уважения. В Нью-Йорке я останавливался на репетиционной точке, за аренду которой платила группа, или у друзей, потому что мы не могли себе позволить жить в отеле. Манхэттен стал моим спасением, и мы с Джоном снова взялись за старое.

У меня просто снесло башню. Я много и глупо рисковал, а еще у меня развилась страсть к сноуборду, а это не лучшее занятие, когда жизнь буквально рушится у тебя на глазах, и временами у тебя возникает чувство, что прыжок в бездну лучше, чем очередной день в аду. Я съезжал с горных склонов как олимпийский чемпион, разве что я им не был. Но был прилежным учеником. Бесстрашно съезжал с обрывов. В Австрии прямо в день концерта я пошел кататься на борде вместе с Джои Зи, гитаристом Life Of Agony. Я стартовал прямо от дерева, а на трассе был незаметный выступ, видеть который я просто не мог. Я решил, что смогу выехать прямо на трассу и двинуть дальше, но на трассе был двухфутовый выступ, о котором я не знал. Все выглядело так, словно деревья росли и дальше по склону. И вот я взмываю над деревьями, приземляюсь на выступ, борд зарывается носом в снег, а моя голова приземляется прямо на плотный участок трассы. Около минуты я находился без сознания, а на голове у меня появилась огромная рана. Лыжная шапочка пропиталась кровью. Я поднялся на ноги и продолжал кататься

всю оставшуюся часть дня, а вечером отыграл концерт. Я был крайне взвинчен от падения и чувствовал себя как говно. Весь концерт кровь стекала по моему лицу, прям настоящий блэк-метал.

На следующий день в Варшаве я заглянул к доктору. Оказалось, что у меня сотрясение. Следующие три дня у меня было паршивое самочувствие, а в течение всей следующей недели меня одолевала головная боль. Но мы не отменили ни одного концерта. Каждый раз, когда я тряс головой во время следующих пяти концертов, кровь струилась по моему лицу. Фэнам это нравилось. После случая на сноуборде перед каждой поездкой я стал надевать защитный шлем. Он защищал мою голову от травм, но от того дерьма, что происходило в тот момент в моей жизни, спасения не было. Дебби начала звонить мне прямо посреди ночи: «Ты там развлекаешься, а мне приходится справляться со всем этим говном! Мне приходят счета, а у меня нет денег. Почему я должна мириться со всей этой херней?»

В конце концов я вернулся из Нью-Йорка, и у нас состоялся один из тех редких взрослых, мирных разговоров. Ну, знаешь, разговоры, которые начинаются с фразы: «Нам нужно поговорить», вроде того, что много лет назад у меня был с Мардж, разве что этот разговор состоялся по инициативе Дебби. Я открыл дверь и сел, а она мне: «Нам нужно жить раздельно. Нужно посмотреть, что изменится, если мы больше не будем парой».

На тот момент меня это вполне устраивало. Наши отношения стали полной лажей, и напомнили мне те времена, когда я был ребенком и слышал, как мои родители постоянно воюют. У нас не было детей, так что никаких причин продолжать жить вместе у нас не было. Единственное, что принадлежало нам обоим, это дом, но я там почти не показывался. Я выплачивал по закладной 3800 баксов в месяц, выбрасывая их на символ американской мечты. Я сказал ей, что нам придется продать дом. Мы выставили его на продажу. Это обстоятельство не только вколотило последний гвоздь в гроб нашего паршивого брака, но и когда какой-то человек наконец приобрел его, это принесло столь необходимый мне доход.

До продажи дома мы жили в разных спальнях, расположенных в одном коридоре. Если я знал, что ее не будет дома, то приводил домой телок, хоть и мне было несколько некомфортно от этого. Мы не были официально разведены, но вполне могли себя считать таковыми, поэтому меня не смущало, что я живу другой жизнью. В то же время, когда пары уже не живут вместе, у них больше не должно быть окна в жизнь своего партнера. Я знал, что она с кем-то встречается, и определенно

подозревал, что уже изменяет мне. Она никогда никого не приводила домой, но я видел, как она куда-то уходит. Все это напоминало один большой пиздец. Я не мог себе позволить приобрести свое жилье, и теперь застрял в доме с человеком, который больше не хотел быть со мной, но кого я по-прежнему обеспечивал. Веселое времечко!

Примерно в то же время я переехал в Тампу и меня арестовали за попытку украсть фирменный круг с тренировочного стадиона Янкиз. Теперь все это кажется глупым и смешным. Я попал на шестую страницу «Нью-Йорк Пост», а мой фотопортрет угодил на обложку Rolling Stone, но владельца Янкиз Джорджа Штейнбреннера это совсем не забавляло. Он выдвинул обвинения в попытке взлома и краже в особо крупных размерах, поскольку цена этой вещицы превышала 1000 американских денег. Оба обвинения считались тяжкими преступлениями, поэтому мне пришлось нанять адвоката по уголовным делам. Его услуги обошлись мне в 25000 баксов. К счастью, мне только что поступили деньги за следующую пластинку, поэтому у меня были наличные, но мои глупые выходки стоили мне денег, на которые я мог бы спокойно жить. В течение всего лета, переходящего в осень, это дело висело у меня над головой как Дамоклов меч, и я понятия не имел, чем все это закончится. Есть поговорка, что любая пресса — хорошая пресса, и довольно странно, но моя пьяная глупость сыграла хорошую рекламу для Anthrax. Я шел по улице в Нью-Йорке, а люди говорили мне что-то вроде: «Эй, Скотти, где тарелка с базы? Правильно, красава, мужик!»

Фэны были шокированы этой тупой выходкой, которую я совершил во Флориде. Многие думали, что я вломился на настоящий Янки-стэдиум. Если б я это сделал, то наверняка бы до сих пор гнил в тюряге. Я улыбался тем, кто шутил по этому поводу, но внутри меня всего трясло. Адвокат сказал, что я не пойду в тюрьму, поскольку это мое первое нарушение. Он сказал, что вероятнее всего мне придется выплатить кругленькую сумму штрафа и выполнить сотню или более часов общественных работ. Мне наверняка придется надеть оранжевую униформу и вычищать дерьмо с обочины дороги. Но большей проблемой было то, что я обвинялся в тяжких преступлениях, и не мог получить визу и путешествовать по миру, если в моем деле будут записи такого рода. Вот это была настоящая головная боль, и у моего адвоката по-прежнему не было ответа на этот вопрос. Потом Гэри ДеллЭбейт, исполнительный продюсер «Шоу Говарда Стерна», позвонил мне и сказал: «Мы прочли о тебе на шестой странице. Говард хочет знать, не хотел бы ты поговорить об этом на радио».

Многие годы я был большим фэном Говарда Стерна, поэтому

ответил: «Было бы офигенно. Мне только нужно связаться со своим адвокатом и прикинуть, что именно я мог бы рассказать».

«Тебе ни в коем случае нельзя присутствовать на этом шоу и высмеивать эту ситуацию в любом виде, любым способом и в любой форме» — ответил адвокат. «Все серьезно. Если адвокаты Штейнбреннера почуют, что ты говоришь об этом не с должной серьезностью, ты только усугубишь свое положение».

Я был в шоке. Я перезвонил Гэри и передал слова моего адвоката. На следующий день Гэри позвонил мне снова. «Слушай, мы не хотели тебе говорить, но мы уже говорили со Штейнбреннером, и он придет на шоу, так что ты сможешь извиниться перед ним за все».

Штейнбреннер был полурегулярным гостем на шоу Стерна, и если он хотел со мной поговорить, то я был бы более чем счастлив извиниться перед ним в прямом эфире. Я сказал своему адвокату о том, что сказал Гэри, и он ответил, что план звучит недурно, и он обдумает его и перезвонит мне. Через пятнадцать минут он позвонил и сказал, что только говорил с адвокатом Штейнбреннера, и тот ничего не знает о том, что Штейнбреннер собирается на шоу Говарда Стерна. «Я не знаю, что там пытаются замутить эти люди, но лучше бы тебе перезвонить этому парню и сказать, что ты не идешь».

Меня затрясло от злости. Я позвонил Гэри и сказал: «Зачем вы мне пудрите мозги? Адвокат только что сказал мне, что Штейнбреннер ничего об этом не знает. Чувак, моя жизнь это не шутки».

«Скотт, я тебе клянусь, что Джордж завтра выйдет на связь» — настаивал Гэри. «Говард ждет тебя в эфире ровно в семь утра. Ты позвонишь в 6:55. Я организую линию с Джорджем, и если ты увидишь, что это не он, можешь просто повесить трубку».

Я перезвонил своему адвокату, и он сказал, что я вполне могу участвовать, но не говорить ничего, что может погрузить меня в еще большие проблемы. То есть никаких шуток. Меня это вполне устраивало. Я хотел лишь одного — чтобы все это поскорее закончилось. На следующее утро я позвонил в 6:55, Штейнбреннер уже был на связи. Нас включили в прямой эфир. Говард кратко рассказал о случившемся. Он поговорил с Джорджем о том, что Янкиз вышли в стадию плей-офф. Потом Говард немного потрепал мне нервы. Наконец он сказал: «Ладно, Скотт. Ты здесь по той причине, что можешь извиниться перед мистером Штейнбреннером за то, что натворил во Флориде».

Предыдущую ночь я провел в работе над текстом, который начинался со слов: «Уважаемый мистер Штейнбреннер, мне очень-очень жаль». Я чувствовал себя как какой-нибудь долбаный

шестиклассник, которого поймали, когда он плевался шариками из жеваной бумаги и отправили к директору. Но я положил перед собой то, что написал, и извинился перед ним от самого сердца, потому что я его большой поклонник и не хотел причинить вреда. И уж ясное дело я никак не пытался опорочить имя Янкиз.

«Сэр, это было из ряда вон выходящее событие» — ответил я. «Меня никогда в жизни не арестовывали, не тот я человек. Я слишком много выпил и совершил большую ошибку. Я никому не причинил боли. У меня не было злого умысла. Клянусь, что этого больше никогда не повторится. Я больше никогда не буду иметь проблем с законом в любой форме, виде или любым способом весь остаток жизни».

«Скотт, ты говоришь как приятный молодой человек, и что важнее, ты фанат Янкиз» — ответил Штейнбреннер. «На носу плей-офф и нам нужны все наши фэны. Мы ведь не можем допустить, чтобы наши фэны сидели в тюрьме, не так ли?»

Он сказал, что поговорит с адвокатами Янкиз и посмотрит, можно ли что-нибудь сделать. Я поблагодарил его и снова извинился. Спустя две недели его адвокаты позвонили моему адвокату и сказали, что снимают все обвинения ввиду недостатка улик, несмотря на то, что у них была в распоряжении видеозапись, где я как сумасшедший оббегаю базы и пытаюсь украсть фирменный круг команды. Штейнбреннер нашел в своем сердце возможность снять меня с крючка. Они не только сняли с меня все обвинения, но и запись о моем правонарушении была вычеркнута из моего дела, как будто ничего и не было вовсе. Хороший денек в Мадвилле.

Я постарался остаться верным своему слову и сделать все, чтобы меня больше никогда не арестовывали, но само собой не собирался ступать на путь праведника. И когда мы в течение двух месяцев гастролировали в компании с Pantera в ноябре 1997-го, в каком-то роде я спрыгнул со скалы. Я знал Даймбэга с 1986-го, и мы вместе скоротали немало вечеров между 86-ым и 97-ым, когда я выпивал по паре пива, пока Дайм ужирался бутылками виски и пива. У него был свой фирменный напиток, «Чернозубая Ухмылка», или просто «Черные Зубы», или просто «Зууубыыы», смесь Crown Royal и пара капель кока-колы. Он ночами напролет их опрокидывал в себя. Этот напиток стал популярным благодаря Дайму.

Каждый вечер с Даймом превращался в тусу, независимо от того, сильно я бухал или нет. Когда мы тусили, меня никогда не покидало ощущение, будто я нахожусь в глазу бури, как будто все остальные вращаются вокруг меня на высокой скорости, а я нахожусь в центре, потягиваю пивасик, смотрю на людей и

замечаю, как вокруг творится всякое дерьмо. «Ха, это было весело. Они только что взорвали петардами этого парня» или «черт возьми, дорогое удовольствие. Кто-то разнес кувалдой машину с содовой» или «сиськиииии!»

Дайм постоянно угорал — он платил людям за то, что они вытворяли всякую херню. Он находил подростков, которые работали на разогревающую группу и не получали никаких денег и заставлял их вытворять всякие отвратительные вещи. Как-то раз мы выступали с Pantera перед шестью тысячами фэнов, и после концерта пол был устлан пустыми банками из-под пива и бычками от сигарет. Дайм сказал одному парню: «Я дам тебе двадцать баксов за каждый бычок, который ты подберешь языком». Ебать-колотить, этот чувак собрал где-то тридцать штук, а Дайм только засмеялся и отдал ему 600 баксов. Некоторые люди неплохо имели от Дайма. Ему было насрать. Такова была цена развлечения.

Когда сериал «Чудаки» набрал популярность на MTV, Дарелл взбесился. «Чудаки. Хуй там плавал, я настоящий чудак. Они просто скопировали мой образ. Отдайте мне их деньги, дайте мне их гребаных адвокатов. Я им покажу настоящего чудака!»

Как-то раз Type O Negative и Biohazard выступали в компании Pantera, и вокалист Biohazard Эван Сейнфилд подошел к Дайму на шоу и сказал: «Как же так, ты ни разу не дал мне возможности заработать?» И Дайм ответил: «Ну, а что бы ты хотел сделать?»

«Не знаю. Что угодно».

Когда Pantera отыграли половину своего сэта, Дайму срочно захотелось отлить. У него за комбиком всегда стояло ведерко, куда он мочился во время концертов. Он подошел к этому ведерку в перерыве между песнями и увидел Эвана, стоящего рядом с кулисами. Вместо того, чтоб поссать в свое ведерко, он попросил техника принести чашку. Чувак вернулся с красной чашкой Solo, и Дайм поссал прямо в нее, потом подошел к Эвану и сказал: «Эй, хип-хоп, хочешь заработать немного денег? Даю двести баксов, если выпьешь эту чашку до дна».

«Не канает» — ответил Эван. «Гони штуку».

Дарелл ответил: «По рукам» и отдал ему чашку. Эван выпил ее и его тут же стошнило. Но он сделал это! Я бы попросил 83 миллиона баксов за что-то столь отвратительное. Дайм сказал мне, что его моча не совсем чистая и жидкая, как обычная моча здорового человека. Он описал свою мочу как «флюоресцентно-желтую, густую и сверкающую».

Дайм всегда развлекал всех вокруг себя. И гордился этим. А еще он был до безумия благороден. Как-то на нем была одета рубашка в духе Дикого Запада, и Чарли сказал ему: «Клевая

рубашка, Дайм!» На следующий день мы пришли на концерт, и Дайм купил для Чарли не только рубашку, но и ботинки, штаны и шляпу, которая шла к ней в комплекте. Это из разряда тех вещей, которые надевают, когда идут танцевать под музыку в стиле кантри. У Дайма было золотое сердце. Он был настоящим праведником и делал все, что было в его силах, чтобы никого не разочаровать.

Он был настолько благородным, что делал со своей музыкой все, что хотел, и единственное, что он просил взамен, это одобрение. Я помню, он однажды сказал мне: «Я кончу тем, что окажусь на улице, а рядом будет лежать открытый чехол от гитары, куда мне будут бросать деньги. Я знаю, где я закончу, потому что собираюсь потратить каждый гребаный цент на всякое безумное дерьмо. До тех пор, пока я играю на гитаре, мне на все насрать».

«Ну, ты всегда можешь остановиться у меня» — ответил ему тогда я.

В конце 1997-го Pantera пригласили Anthrax провести на гастролях два месяца. Только они и Coal Chamber. Я понимал, что гастроли с Pantera возобновят мою игру по части выпивки. Одним пивом тут не отделаешься. Я должен был приготовиться к крепким напиткам, поэтому принял взрослое решение разрешить Дайму научить меня пить по-настоящему. Я оказался на очередном перекрестке в своей жизни. Мой второй брак развалился, и я срочно нуждался в переменах. Что намного важнее, первый раз в жизни мне нужно было дать себе волю по-настоящему — просто расслабиться и получать удовольствие, а гастроли с Pantera как раз и были настоящим экспресскурсом по раскрепощению. Когда я сообщил Дареллу о своем решении, он спросил, уверен ли я, и понимаю ли, как мне будет трудно. Я ответил, что да. Я хотел, чтобы он стал моим мастером Йода, я хотел стать Люком, который обучается у джедая-тусовщика. Он не понял сравнения. «Йо да че?» Он подумал, что это что-то из области: «йоу, йоу, йоу, рэпчик». Но сказал, что если я вложу в это время и усилия, то все мои старания окупятся с лихвой. Я сказал: «Забей, Йода. Я весь твой. Увидимся через пару недель».

Единственный раз я пил виски в Англии с Лемми, и у меня тогда было алкогольное отравление. Теперь я должен был продолжать свою игру всерьез. Первый коктейль «Чернозубая Ухмылка» я выпил в туре Pantera — первый из многих. Я начал бухать по собственному расписанию, потому что знал, что если мне придется ездить на гастроли с этими парнями, то мне придется опрокидывать стаканчики, и я не смогу играть пьяным. У Дайма была настолько развита мышечная память, что он мог

играть совершенно улетные вещи даже обожратым в говно. А я после пары стаканов едва мог сыграть «Луи, Луи». Лишь один раз в жизни я попробовал выступать пьяным, на вечеринке Megaforce в 1989-ом в клубе Ritz в Нью-Йорке. Мы отыграли всего четыре песни, но я буквально смотрел на свои руки и говорил себе: «Почему вы не слушаетесь?»

Я не собирался позволить себе облажать концерты с Pantera, поэтому моя единственная поблажка заключалась в том, что я оставался трезвым до 7 вечера, когда Дайм обычно приходил со стаканом. Я выпивал, потом еще стакан перед выходом, то есть примерно в 8 вечера, после выступления Coal Chamber. Потом во время концерта Дайм стоял у сцены и закидывал в меня от трех до пяти стаканов. К тому времени, как мы сходили со сцены, я уже выпивал около семи стаканов, но я выпивал их не все за раз, поэтому еще мог что-то сращивать. После того, как мы уходили со сцены, в течение тридцати минут я тусил с Pantera в их гримерке перед началом их сэта и все это время мы закидывались. Потом, пока Pantera были на сцене, мы с Даймом еще часа два бесконечно пили. Выхода не было, и в этом тоже была своя фишка. Я собирался стать настоящим алкоголиком, даже если бы это меня убило.

К тому времени я уже успевал наклюкаться, а Pantera даже еще не начинали пить за кулисами после выступления. Дайм обычно жил по принципу «выпей или носи на себе». Если он наливал тебе «Черные Зубы», у тебя был выбор. Он спрашивал: «Стаканчик, Балдини?» Балдини — это одно из имен, которым он меня называл. Он придумал это имя, проезжая мимо одного магазинчика в Нью-Йорк Сити на Третьей Авеню. Там был один магазинчик под названием «Мужская одежда от Дино Балдини». Каким-то образом благодаря этому у меня появилось такое прозвище. Иногда он называл меня «Дино Балдини», иногда «еврей Балдини», по настроению короче. Мне было плевать. Я обожал этого парня.

Он держал стакан, и если я не хотел его пить, он отвечал: «Хорошо», и выплескивал его содержимое на меня. Он делал это не потому, что был мудаком, просто в этом был весь Дайм. Все это было частью игры, и у этой игры были свои правила, как в том же бейсболе. Если ты ударил по мячу, и тот летит на вторую базу, а игрок со второй базы швыряет его на первую до того, как ты добежишь туда, то ты в пролете. Таково правило. То есть дело не в том, что игрок второй базы — мудила. Выпей или носи на себе. После первого раза, когда я носил на себе содержимое стакана, я решил, что не хочу провести остаток тура в одежде с запахом Crown Royal. Если от меня будет нести виски, то это потому, что

оно буквально сочится у меня из пор на коже из — за количества выпитого.

Pantera сделали меня настоящим алкоголиком. Больше никакого детства с пивасом. Первые две недели стали суровым лагерем прожженных алкоголиков. Я много блевал, а Дайм говорил: «Ну же, оседлай эту лошадь, Балдини!» Я всегда думал, что если тебя вырвало, то с тебя уже хватит. То есть твое тело и мозг говорят тебе, что больше пить ты уже не можешь. У меня сохранились воспоминания, когда я сидел с Дареллом в автобусе после концертов, потому что побег в свой автобус мне был просто запрещен. Нет, я ездил с ним и Винни Полом, и мы пили и слушали KISS, говорили о KISS и ночами напролет смотрели записи KISS. А я все блевал в толчке передвижного автобуса, пытаясь не разнести его в щепки. Да, я переживал об этом. Я всегда оставался хорошим еврейским мальчиком. Помню, вышел из уборной, думая, что с меня хватит, пора ложиться спать, и тут Дайм с выражением мелкого пакостника протягивает мне «Черные Зубы». Я отвечаю: «Я больше не могу это пить. Мне стошнило, с меня хватит». Я думал, что только сумасшедшие продолжают пить после того, как их стошнило. И если ты выпьешь еще один стакан, то мозг тебе скажет: «Ах вот мы как, да? Ну и пошел ты тогда, как тебе это понравится? Расширение сосудов. Труп». Я сказал все это Дайму, а он лишь посмотрел на меня с ухмылкой Чеширского Кота, и ответил: «Ты не помрешь, Балдини, наоборот, теперь в твоем животе освободилось немного места».

Спустя две недели гастролей я допивал бутылку Crown, а еще каждую ночь без конца пил пиво и вино в автобусе. Каким-то образом я справился со всем этим. Если бы я попытался повторить это сегодня, то меня бы это убило, но тогда это было усилие воли. Pantera держали для меня отдельную бутылку Crown, и отмечали на ней маркером, сколько я уже выпил. В первую ночь, когда я вот-вот должен был приговорить первую бутылку Crown, все распевали хором: «Еще один стакан! Еще один стакан!», а я пел вместе с ними, но мозг твердил мне другое: «Ты идиот! Печени — пиздец!»

Каждый вечер ближе к концу шоу Pantera я поднимался с ними на сцену, и мы исполняли «A New Level». Их вокалист Фил Ансельмо хватал меня в охапку, наклонял мне голову и вливал мне в глотку вино как долбаный Калигула.

Но нельзя сказать, что я поспевал за этими парнями. Если я выпивал стакан, то Дайм и Винни опрокидывали два. А Фил выпивал безумное количество, как и их басист Рекс Браун. После тех двух недель я начал привыкать к такому режиму. Я перестал

блевать и просил следующий стакан. Я пил как сумасшедший, и что важнее, я кайфовал от этого. Взрослое решение, которое я принял, начинало приносить плоды, как и говорил Дайм. Меня не беспокоило это дерьмо, я лишь продолжал делать свое дело.

Похмелье было очень тяжелым, и однажды я шаркающей походкой доплелся до площадки около пяти вечера, Дарелл увидел меня и спросил: «Балдини, ты что, с похмелья?» Я едва мог продрать глаза, сердце очень сильно болело. Он вытащил изниоткуда Курз Лайт и сказал: «Хорошенько отхлебни, похмелье как рукой снимет». Я никогда не похмелялся, но в тот момент решил, что любая вещь, которая остановит двух обезьян, сидящих у меня на плечах от ударов молотками по моей голове, стоит того, чтоб попробовать. Я выпил пива, и мне сразу стало намного лучше. Я высосал все до дна и Дайм спросил: «Ну что, стало полегче?» Я сказал, что да и помню как подумал: «Господи Иисусе, теперь ты стал долбаным хобо».

Я стал профессиональным алкоголиком. Начав с низшей лиги перед концертами, я сильно преуспел, став звездой в своем роде. Это самое забавное, что было на тот момент в моей жизни, и должен поблагодарить Дарелла за это. После того, как справился с задачей за два месяца, я ощутил странное чувство законченности. Это было все равно что пройти обряд посвящения или получить степень доктора алкогольных наук.

Когда я вернулся домой с гастролей Pantera, мои друзья не знали о моем решении позаигрывать с алкоголизмом, и я с радостью похвастался перед ними своим новообретенным талантом. Я не понимал, что собираюсь использовать свои силы во зло. Через день после возвращения из тура я позвонил парочке своих друзей и пригласил их потусить в нашем любимом кабаке, Coronet Pub на улице Ла Сьенага в Лос-Анджелесе. Пришли четверо моих приятелей, и я направился к бару со словами: «Первый круг за мной». Я заказал тридцать Ирландских Автобомб[37]. Потребовалось несколько минут, прежде чем на нашем столе оказались все пинты Гиннесса и Джеймсона с трех разных подносов. Мои друзья выглядели немного сбитыми с толку, глядя на весь алкоголь, стоящий перед ними, и наконец один из них спросил: «Ты ждешь кого-то еще?» Мои глаза налились кровью, и в стиле доктора Дума я быстро и серьезно спросил: «Нет, а что?» Я видел, как занервничали мои друзья. «Ну, э, а кто тогда будет пить весь этот алкоголь?» — спросил он.

«МЫ БУДЕМ!» — заорал я. «НИКТО НЕ ПОКИНЕТ ЭТУ КОМНАТУ, ПОКА КАЖДАЯ КАПЛЯ ЛЮБИМОГО АЛКОГОЛЯ ДУМА НЕ БУДЕТ ВЫПИТА, ВЫ, НИЧТОЖНЫЕ ОЛУХИ!» И мы все выпили, а через пару недель, полагая, что я стал монархом

Латверии[38], с них было довольно, и они перестали со мной тусить. Тогда я вернулся обратно в Нью-Йорк.

ГЛАВА 26
ЗАТУХАНИЕ «ГРОМКОСТИ» [39]

После окончания гастролей в поддержку альбома «Stomp 442» мы устроили себе двухнедельный отпуск, а после него сразу приступили к работе над следующим альбомом — «Volume 8 — The Threat Is Real». Мыслями я по-прежнему находился в мрачном месте, и все благодаря своему второму неудачному браку. Признаю, что первый я проебал сам. Ни за что на свете мы не должны были жениться, да и не любил я ее. Мне было двадцать три, я был слишком юн. На этот раз мне казалось, что все получится, но своей вины я в этом не видел. Я не считал, что это моя вина, и мне потребовалось совсем немного времени, чтобы осознать, что вероятно этот союз не удержался бы ни при каких условиях.

После того, как я продал дом, мы с Дебби переехали в квартиру в Голливуде, куда я и носа не показывал. Я платил за аренду и оплачивал все счета, а она там жила. Я позволил этому случиться, несмотря на то, что после нашего расставания утекло много воды, и это было чертовски слабовольным поступком с моей стороны, но тогда я был тем еще простофилей. Я позволил ей использовать себя.

Точно не скажу, то ли это два дерьмовых брака произвели короткое замыкание на мой мозг, то ли что-то другое вырвалось из клетки, пока я был на гастролях с Pantera, но с 1997-го по 2000-ый я отрывался так, что мои легкие увлечения моделями и тусовщицами с Джоном в начале 90-х выглядели так, словно я какой-то гребаный министрант[40]. Ты постоянно слышишь рассказы о молодых группах, которым удается привлечь к себе кое-какое внимание, и вдруг они теряют над собой контроль, начинают употреблять ЛСД, колоться и водить машину в нетрезвом виде. Если им удается пережить эти годы безумия, то к третьему-четвертому альбому они уже остывают. Я был полной им противоположностью. Наркотиками я не баловался, но пил достаточно, чтобы заработать цирроз печени. Джон немного выровнялся, но не я. Может быть, после того, как моя карьера резко взлетела вверх, а потом так же резко рухнула вниз, я подумал, что больше никогда не смогу вернуться обратно на вершину. А может я слишком переживал в самом начале, что облажаюсь, и, почувствовав однажды вкус славы, понял, что он вовсе не так сладок, каким казался раньше, и тогда мне стало плевать абсолютно на все. Как бы то ни было, я начал жить так,

словно у меня больше нет «завтра». Это очень напоминало фильм «Яркие огни, большой город» только без кокаина или «Американский психопат» без убийства, или если на то пошло, то скорее Чарльза Буковски, но без шлюх.

В Нью-Йорке я тусил со многими отстойными людьми и заигрывал со многими дрянными девушками. Я не хотел остаться один, потому что был подавлен. Как бы безумно весело это порой ни было, все мое существование было охуенно жалким. Каждый день я просыпался с ощущением пустоты и похмелья. И тогда я с утреца дергал пивка, чтобы прогнать головную боль. Спасибо, Дайм.

Когда я был в Лос-Анджелесе, мы обычно собирались с нашей соседкой Трейси, которую я знал много лет, и ее бойфрендом Джесси. Он работал в баре под названием «у Дэдди» в районе Вайн. Я ехал с ним на работу около пяти вечера, а в 5:30 уже пил. Бар закрывался в два ночи, вот тогда-то бармены и начинали бухать. Начиналось все с ирландских автобомб, и продолжалось Бог знает до какого времени.

Все это время Anthrax пахали в поте лица, и каким-то чудом мне удавалось переключаться с пьяного дебошира на преданного члена группы. Я по-прежнему горжусь песнями, которые мы записали для пластинки «Volume 8 — The Threat Is Real». Они получились очень разноплановыми и тяжелыми, обладали современным звучанием и у них был сокрушительный метал-грув. 1998-ой стал годом, когда ню-метал захватил мир, но мы явно не были частью этой сцены. Если уж на то пошло, мы играли старый метал, поэтому заставить кого-то разогревать нас оказалось на поверку совсем непросто. Поскольку у нас не было контракта на руках, мы записали альбом в нашей студии в Йонкерсе, а Пол Крук его спродюсировал. Мы работали над «Volume 8» целый год, и должно быть не меньше сотни раз перезаписывали песни «Killing Box» и «Harm's Way», пока они не получились как надо. Мы все разложили под микроскопом, потому что не знали — возможно это был наш последний шанс. В свете своего желания сделать эту пластинку нашим камбэком, мы пересмотрели свои прежние взгляды и спорили буквально обо всем. Полноценных кулачных боев, конечно, не было, но иногда мы были очень близки к этому.

Мы с Джоном жили вместе, и, вполне логично, что эмоциональные травмы нашей жизни нашли свое отражение в текстах песен. Многое из того, что попало на альбом, посвящено моим говенным бракам и гедонистическому образу жизни, который я начал вести. «Catharsis» рассказывает о том, как можно быть несчастным рядом с человеком и не иметь возможности ее

отпустить, хотя ты прекрасно понимаешь, что свобода станет для вас наилучшим выходом. Я написал ее после своего ареста во время полета домой из Флориды. На меня вдруг нашло озарение. Я понял, что в своих отношениях и личной жизни я опустился на самое дно, и упав так низко, я понял, что у меня все получится, и я смогу выкарабкаться. «Inside Out» стала зеркальным отражением того, к чему мы пришли как группа. Мы привыкли быть изнутри, а теперь смотрели на себя снаружи, и неважно, что мы делали и неважно, как усердно мы работали и старались, мы оказались в жопе, и ощущение было не из приятных: «It's in my stomach like fire, in my stomach like cancer, in my stomach like a knife, I've been gunshot»[41]. Мы снова поработали с Маркосом Сьега над клипом к «Inside Out». Это наша своеобразная дань эпизоду «Кошмар на высоте в 20000 футов» сериала «Сумеречная зона» с Уильямом Шетнером. Отличный клип. Но тогда он так и не увидел свет. Зато сейчас его можно смотреть на Youtube хоть сутками напролет. Даймбэг сыграл пиздатое соло на «Inside Out», а еще соляк на «Born Again Idiot».

Я прочел немало произведений руки Чарльза Буковски, и в какой-то степени строил свою жизнь по его типу. Обожаю его девиз: «Пей, трахайся или дерись». В какой-то момент все эти действия полностью совпадают — эмоциональная разрядка вызывает у тебя головокружение, и ты с трудом переводишь дух. Буковски был по-настоящему свободен. Все, что его интересовало, это его искусство, женщины и алкоголь. Коль скоро в его жизни были эти три основных элемента, для него не имело никакого значения, жил ли он в трущобах или тусил с голливудскими снобами, продающих книжки прямо из задницы. Некоторое время я тоже к этому стремился, и неважно, было ли на моем банковском счету десять миллионов, или я вернулся домой и живу с мамой. Эта философия сильно отличается от Скотта Иэна современного образца.

Я был ослеплен яростью и считал себя неудачником, и раз уж мне не удалось сделать успешным ни один из своих браков, я стал противоположностью добропорядочного мужа. Все, что меня стало интересовать, это трах и бухло. Ко многим людям я стал относиться как к дерьму собачьему, и совсем не горжусь этим. Я жил для себя и меня интересовали только мои потребности. В этом отношении «Volume 8» был таким же реальным, неотшлифованным и мрачным, какой была и моя жизнь. Мы записали этот альбом, не имея лейбла, потому что нам нужно было записать пластинку (хотя мы все потихоньку начали ощущать на себе последствия финансового отчаяния), но ведь мы — музыканты и этим зарабатываем себе на хлеб. Мы понимали,

что записали хорошие альбомы, и настало время создать еще один. Мы не были готовы поднять белый флаг только потому, что нас наебали Elektra. Нам еще много чего было сказать.

Когда альбом был закончен, Уолтер поговорил с парочкой лейблов. Ignition был новым рок-подразделением, которое основал рэп-лейбл «Томми Бой». На тот момент они были единственным вариантом в городе, если б только мы не решили подписать контракт с независимым лейблом вроде Metal Blade или Century Media. Вспоминая об этом сейчас, я думаю, что возможно это был бы лучший карьерный шаг, но наше эго было слишком велико, чтобы покидать площадку мейджор-лейбла. По крайней мере Ignition был частью того мира. У них были деньги. Мы были их крупнейшей рок-группой, и они обещали продавать и раскручивать нас.

«Volume 8 — The Threat Is Real» вышел летом 98-го, и «Inside Out» начал крутиться на рок-радиостанциях. Людей тошнило от альтернативы, и они снова были готовы слушать очень агрессивную музыку. Мы продали около 70000 копий между июлем и началом декабря, и все были уверены, что следующий сингл, «Catharsis», который планировался к выходу в начале 1999го, поможет нам сохранить положительную динамику. Может, мы и не возьмем золото, думали мы, отправляясь на каникулы — так продадим хотя бы 400000 копий. И тут в конце года мне звонит Уолтер.

«У нас проблемы».

«Ты о чем?» — спросил я.

«Ignition — банкроты. Томми Бой их больше не спонсируют. Им конец. Через месяц ты уже не увидишь свой альбом на прилавках».

Вот так вот. Ignition перестали печатать «Volume 8», Уолтер оказался прав. Они буквально исчезли. Нас как будто прокляли. Для меня это был удар нокаутом. Мы пахали как лошади над этим альбомом, и притом в самых неблагоприятных условиях. Мы буквально истекали кровью ради него, а теперь всему пришел конец. Все опять сначала, всем опять насрать.

Вступая в 99-ый Anthrax по сути были обречены. Невозможной была одна только мысль о том, чтобы потратить восемнадцать месяцев на запись еще одной пластинки после того, через что нам пришлось пройти с «Volume 8». У нас не только остался неприятный привкус во рту. Мы как будто сожрали дерьмо, и ополаскиватели рта со всего мира не могли сбить этот тошнотворный запах. Мы были очень довольны пластинкой «Volume 8». Среди всех пластинок, которые мы записали с Джоном Бушем, это моя вторая любимая. Она нравится мне

больше, чем «Sound Of White Noise», и для нас было большим ударом, что компания просто вот так взяла и выбросила ее в помойку, компания, которая приняла решение, основываясь на бессмысленном звонке, свернуть все свои рок-релизы, чтобы постараться самой остаться на плаву. Самое безумное в сделке с Ignition было то, что нам не выделили аванса на этот альбом. Договор был исключительно на дистрибуцию, и при этом им принадлежали мастер-копии. Мы финансировали их со своего последнего чека от Elektra. Мы скопили много денег со своих расходов на проживание, и все оставшиеся средства пустили на альбом и гастрольные издержки. К его окончанию нам пришел полный пиздец. Все, что у нас оставалось, это деньги на банковских счетах. У нас в распоряжении не было ничего, что принадлежало нам и что мы могли бы продать другому лейблу. «Volume 8» как будто никогда и не существовал. Мы попытались договориться с Ignition купить у них мастер-пленки, или, по крайней мере, снова наладить выпуск, но они запросили смехотворные суммы денег.

Без вынужденного перерыва у Anthrax не было ни малейшей возможности продолжать в качестве функционирующей группы. Джон Буш вернулся в Armored Saint, чтобы поработать с ними над альбомом «Revelation», а мы с Чарли собрались с Дэном Лилкером и Билли Милано, и записали альбом-реюнион «Bigger Than Devil». У нас было время, и я начал психовать от того, что только и делал, что сидел, пытаясь придумать, что Anthrax делать дальше. Вдобавок нам были нужны деньги. Nuclear Blast хотели выпустить пластинку S.O.D. и отправить нас на гастроли, и мы подумали: «А хули бы нет?» Мы потратили целый год на написание и выпуск пластинки и давали концерты. Это было желанное развлечение. Спустя четырнадцать лет после релиза «Speak English Or Die» сержант Ди восстал из могилы, чтобы провести S.O.D. через очередную серию уморительно тупого, политически некорректного кроссовер-метала. У нас в загашнике были такие песни, как «Celtic Frosted Flakes», «Free Dirty Needles» и «The Crackhead Song», и мы нарезали их в попытке оскорбить всех, кто не понял шутки.

Было клево снова собраться с Дэном и Билли спустя все это время, и мы вовсю валяли дурака в студии и веселились во время написания и записи. Первый гастрольный тур в поддержку альбома получился просто улет. Было очень здорово выбраться и сыграть в тех местах, где никогда не видели S.O.D. Люди забывают, что до 1999-го года эта группа дала всего семь концертов. Шесть из них пришлись еще на 1985-ый, потом мы провели реюнион в 92-ом, и сняли его для концертного видео

«Live At Budokan». Так что идея выехать и сыграть на европейских фестивалях, возможность съездить в Японию и совершить полноценную поездку по Штатам была очень волнительной. Тур стартовал, и мы быстро превратились в чрезвычайно яростную группу, охуенно сыгранную и ухмыляющуюся в каждой песне. Ничто не может сравниться с воплем «Ты — покойник» 30000 оголтелых фэнов по время исполнения «Баллады о Джими Хендриксе». Концерты получились зашибись, и я был очень доволен успехами альбома и тура.

Но спустя какое-то время все это начало напоминать настоящую группу, чем она никогда не должна была стать. Мы не должны были проводить второй этап тура в 2000-ом. При этом мы не получали денег, поскольку это был наш второй раз за короткий промежуток времени и у нас начал появляться багаж. Это стало напоминать работу. С первого дня я говорил, что S.O.D. задумывался только как проект для угара. У меня уже была «постоянная работа» в лице Anthrax.

Я начал задаваться вопросом, почему мы по-прежнему находимся на гастролях, когда это уже не вызывает смеха. У меня было чувство, что я эксплуатирую свое детище, продавая его в рабство к зомби. Сержант Ди был недоволен. Спустя немного времени после начала второго этапа гастролей по Штатам, летом 2000-го Anthrax пригласили на гастроли с Motley Crue и Megadeth, что по сути означало конец «возвращения» S.O.D. Я испытал огромное облегчение, потому что не хотел больше заниматься S.O.D., и гастроли с Motley казались хорошей возможностью для Anthrax. Обоюдная польза. Хахахахахаха. Жаль, что у меня не было шара предсказаний.

Под занавес тура «Bigger Than The Devil» Билли очень разозлился на меня и Чарли, и обвинил нас во всех смертных грехах. 11 сентября? Виноваты я и Чарли. Провал на выборах во Флориде 2000-го? Я и Чарли. Взлет ню-метал? Определенно я и Чарли. Ладно, я все понял. Если бы мы ушли из Anthrax в 1986-ом и сделали S.O.D. своей постоянной группой, тогда бы все смогли извлечь из этого выгоду. Но мы этого не сделали, наши пути разошлись. Я всегда считал Билли своим другом, и у нас были офигенные деньки. Вот о них мне нравится вспоминать, а не о драках или спорах.

Не так давно мы с Билли снова наладили контакт по поводу открытия дела в отношении S.O.D. Нас ободрали на кучу денег с производства. (Шокирует, правда? Да здравствует музыкальный бизнес). Мы пытались понять, как вернуть наши наличные. Во время этих драматических событий было здорово снова находиться с Билли на одной волне, потому что были времена,

когда его крик довел меня до такой степени, что мне пришлось порвать с ним связь.

Каждый раз, когда я разговаривал с ним, он вербально насиловал меня в течение десяти минут. Больше мне этого не нужно было в жизни. Я уже был дважды женат (римшот, будьте добры!) Кроме того, я никогда не звонил и не орал на НЕГО. Между ним и Чарли тоже произошла явная размолвка. Билли наболтал Чарли много всякой херни, и так и не взял свои слова обратно, поэтому Чарли больше никогда не станет работать с Билли. Все это плохо и излишне, но я не потерял из-за этого сон, потому что у меня нет желания записывать третью пластинку S.O.D. или снова выступать с концертами с этой группой, разумеется, если только кто-нибудь не захочет пригнать четыре грузовика денег к нашим домам. А до тех пор я могу сидеть у себя дома, наигрывать «March of the S.O.D.» и писать комиксы про Сержанта Ди. S.O.D. рулит!

В начале 2000-го Anthrax получили предложение провести гастроли в роли хейдлайнеров с Fu Manchu на разогреве. Мы не хотели принимать в этом участия, потому что обещали не так много денег, да и у нас не было ничего нового для продвижения. Но мы понимали, что если мы отыграем эти концерты, то сможем вернуться домой не с пустыми карманами, а это своего рода стимул. В то же время меня сбивала с толку лишь одна мысль. Я думал: «Зачем доводить дело до победного конца в паре-тройке паршивых полупустых клубов? Это совсем не повысит боевой дух группы».

Дейв Кирби, наш агент на тот момент, уговорил нас принять участие в этом туре. Все прошло весьма неплохо. Начинался тур несколько медлительно, но чем дальше, тем все больше и больше народу стало приходить, и практически каждое шоу проходило с аншлагом, это застало нас врасплох. Мы думали, что будет отстой, но в итоге это оказалось выгодным делом, тогда как предыдущий год был ужасен за исключением небольшого периода, когда вышел «Volume 8» и люди потянулись на концерты. Закончив тур, мы подумали: «Что ж, может стоит снова собраться и записать новую пластинку». Новый старт был как раз то, что надо. Казалось, 90-е наконец-то закончились, и с нас спало проклятье. По-видимому, маятник раскачивался в другую сторону.

Гастроли прошли хорошо, и немного погодя Аллен Ковач, наш менеджер, связался с нами по поводу записи на своем лейбле Beyond. Мы начали работу над сборником песен «Return of the Killer A's», то есть ответвлением пластинки со всякой всячиной «Attack of the Killers B's», которую мы записали для Island. «Return

of the Killers A's» был по большей части сборником лучших песен, охватывавшим всю нашу карьеру, туда же входила кавер-версия «Ball of Confusion» группы Temptations, в которой спели и Джон Буш, и Джои Белладонна. Что было еще более дико, так это что Дэн Лилкер сыграл на басу. Фрэнки был недоступен, когда мы записывали эту пластинку, поэтому мы спросили его, не будет ли он против, если Лилкер на ней сыграет. Его это вполне устраивало, и Лилкер сказал, что все сделает, так что так и сделали. Пол Крук ее спродюсировал, и мы записали ее в студии Биг Блю Мини в Хобокене, штат Нью-Джерси — в том же месте, где S.O.D. записали «Bigger Than Devil».

Кому-то из Beyond пришла идея пригласить и Джона, и Джои на исполнение песни, и он спросил меня, как по-моему, смогут они это сделать или нет. Я ответил, что вероятно нет, но мы все равно их спросили, и они уцепились за эту идею, так как на пластинке представлены песни в исполнении их обоих. Джои приехал в Нью-Йорк и какое-то время потусил с нами. Мы дурачились и отлично сработались — вообще никаких трений. А потом он записал свои партии просто идеально. Я не знаю, почему Beyond выбрали именно эту песню, но мы все ее любили; Temptations были потрясающей и новаторской группой, так что мы были счастливы записать ее. Сам трек, конечно, далеко не лучшая наша песня. Вокальное исполнение на высоком уровне, и я записал парочку клевых гитарных шумов, но был слегка разочарован, когда все закончилось. Настоящая удача в том, что это единственная композиция с участием и Джона, и Джои.

И тут я узнаю, что Beyond хотят записать с нами полнометражную студийную пластинку. Внезапно у нас снова появился контракт. Мы не могли приступить к записи пластинки сразу же из-за приближающихся гастролей в компании с Megadeth и Mo tley Crue. Мы уже сто лет не получали подобных предложений, так что действительно казалось, что наш корабль снова выходит на курс. В мыслях у нас было одно: «Мэдисон-сквер-гарден, вот и мы, встречай!»

ГЛАВА 27
ПЕРЛ — НАСТОЯЩАЯ ЖЕМЧУЖИНА [42]

Весна двухтысячного. Служебные помещения Beyond Records. Я корплю над монтажом домашнего видео S.O.D. вместе с Кевином, и рассказываю о предстоящем туре с Motley. «Ты собираешься на гастроли с Motley?» — спрашивает Кевин. «Моя жена поет у них на бэк-вокале. Ее зовут Перл, ее батя — Мит Лоуф».

Пункт разговора, ничего больше. В одно ухо влетело, в другое вылетело. Поначалу наше общение с Кевином складывалось вполне дружелюбно, но во время работы над видео S.O.D. у нас возникли проблемы. Он заявил, что Nuclear Blast обещали заплатить ему на 5000 долларов больше, чем он получил. Я приложил свою руку, потому что скоро уезжал на гастроли с его женой и не хотел, чтобы между нами оставались непонятки. Последнее, чего я хотел, это чтобы она думала, что я пытаюсь кинуть ее мужа. Я попросил Nuclear Blast заплатить Кевину деньги, потому что с выходом DVD они все равно окупятся, неважно — заплатят их ему или нет. Вся эта ситуация не казалась камнем преткновения, который может отсрочить дату релиза. В общем, ему заплатили и Anthrax отправились на гастроли.

Первое шоу с Motley прошло 24 июня 2000-го. Мы сидели за кулисами в прилегающем ресторанчике на открытом балкончике Сакраменто Вэлли Амфитеатр, и тут к месту, где я сидел, подошла Перл. Я видел ее фото, поэтому знал, как она выглядит. Она сказала: «Привет, я — Перл, приятно познакомиться». Я пожал ее руку, едва взглянув на нее, и ответил: «Привет, я — Скотт», но на этом все и закончилось, потому что я был уверен, что муж наплел ей обо мне всякой херни, и думал, что она меня терпеть не может. Я определенно был обеспокоен тем, что нахожусь на гастролях с человеком, который слышал обо мне один негатив. Я подумал, что она всем в туре растреплет, что я жадный, самовлюбленный мудак.

В течение первых дней тура мы отыгрывали свой сэт, приводили себя в порядок, а потом шли к сцене смотреть на выступление Motley и бухать. Я никогда не любил их музыку целиком, только пару песен, но сейчас вне всякого сомнения они зажигали. Мик Марс — отличный гитарист с чумовым звуком, а на сцене хватало горячих цыпочек, так почему нет? Когда шоу

подходило к концу, Перл и еще один бэк-вокалист Марти, переодевали свою сценическую одежду и нажирались со мной, Джоном и Фрэнки. В первую неделю мы все стали собутыльниками. Я решил про себя, то ли это ее муж не сказал ей, что я мудак, который ему должен денег, то ли она сама решила, что он кусок говна.

Вопреки моему здравому смыслу я практически сразу влюбился в Перл. И узнал, что она ничего не знает о ссоре, которая произошла между мной и ее мужем. Спустя несколько дней беспробудного пьянства и общего ржача она сказала: «В первые два дня гастролей я думала, что ты меня ненавидишь».

«А я думал, это ты меня ненавидишь!» — ответил я с улыбкой.

«С чего мне тебя ненавидеть?» — спросила она.

Я рассказал ей всю историю. На мгновение она помрачнела. Я подумал, что она возможно поняла, что я — тот самый чувак, которого ее муж поливал грязью, и содержимое моего желудка начало подкатывать к горлу.

«Ага, Кевин» — сказала она с отвращением. «Мы с ним разводимся. Мы живем отдельно. У нас ужасные отношения».

Наверное, даже если бы Elektra бросили мне на колени чек на 500000 баксов, я бы испытал меньшее счастье, чем от ее слов. «Боже мой! Я тоже! Я тоже живу отдельно!»

Я рассказал ей о своем последнем браке и следе, который он оставил в моей душе. В плане личной жизни мы оба находились в одинаковом положении. Мы оба пережили три года ада и каким-то чудом добрались до противоположной стороны, не без помощи увеселительных напитков.

Вообще-то, она зажигала даже больше, чем я. У нее было поразительное пристрастие к алкоголю, поэтому каждую ночь мы только и делали, что пили и болтали часами напролет. Я еще не начинал с ней заигрывать, потому что она мне очень нравилась и я не хотел все испортить. Она была умной, веселой, талантливой, красивой, в разговорах между нами никогда не было неловких пауз. Мы говорили о семье, отношениях, музыке, фильмах, книгах. Мне так нравилось быть в ее компании, что я чувствовал, что если переступлю черту и попробую ее поцеловать, то все разрушу. На гастролях так не принято. Ты находишься в вакууме со всеми, с кем тусишь, и если между двумя происходит что-то странное, то все ухудшается в десять крат. Поэтому, кореша, кореша, кореша. Мы тусили каждый вечер.

Мы даже никогда не держались за руки, но все были уверены, что мы трахаемся. В свободный вечер мы сидели в кафе «Хард-Рок» в Солт-Лейк-Сити, и я зашел в ее комнату. Там была большая

туса, и в конце концов я там заночевал. Это было идеальное место, чтобы подкатить, но нет. Мы нажрались, я уснул на стуле, а она спала в своей постели.

Затем мы приехали в Хьюстон, шла уже третья по счету неделя гастролей, и тут Motley просят нас разорвать пополам свое гарантийное обязательство, потому что они теряют деньги. Томми Ли еще не вернулся группу. С ними играла Саманта Мэлоуни, бывшая барабанщица Hole, и несмотря на то, что за установкой она была вполне себе ничего, харизмой Томми тут и не пахло. Фэны Motley явно не бросились на эти шоу, а мы были на взводе, выступая каждый вечер перед тремя с половиной, а то и пятью тысячами фэнов. В Anthrax никто не хотел разрывать пополам наше гарантийное обязательство, поэтому нас просто выперли из тура. Мы поехали в Сикс Флэгс кататься на американских горках в тот же день, когда узнали, что отправляемся домой. Меня особо не беспокоило, что мы не отыграли последние пять недель тура. Меня разочаровывало то, что я больше не смогу каждую ночь тусить с Перл. Я ехал домой, а она по-прежнему была на гастролях.

Я не только оставил эту прекрасную девушку, я был вынужден вернуться обратно в квартиру, где жила моя долбаная еще не бывшая жена. Я чувствовал себя так, словно просрал все свои шансы, чтобы построить отношения с Перл. Теперь она будет встречаться с кем-то другим, а я останусь далеким воспоминанием. Одна только мысль об этом вызывала у меня тошноту.

Каждый день вместе с Джесси я возвращался в «у Дэдди». Пять недель подряд я был настоящим завсегдатаем. Когда все уходили, я был так чертовски пьян, что думаю, единственное, почему я не сдох, это пешая прогулка длиной в пять миль до своей квартиры. Если я ехал домой, и делал это не разбившись по дороге, то был дома через десять минут, и в моем организме по-прежнему было столько алкоголя, что я бы ни за что не смог заснуть, и вероятнее всего я бы крутился-вертелся пока меня не вырвало.

Вот так я передвигался все время и меня совсем не тошнило. Эти прогулки были потрясающими, потому Голливуд — пиздец какое странное местечко, а в пять утра оно еще страннее, уж поверьте. Ты видишь много всякого безумного дерьма вокруг, будь то трансы, которые отсасывают друг у друга, торчки ширяются, сутенеры спорят со своими проститутками. Я увидел самое дно жизни, о котором писал раньше, но никогда не испытывал ничего подобного.

Во время этих пеших прогулок домой я обычно звонил Перл.

Мы болтали по три часа, пьяные в умат. Она ехала в автобусе где-то посреди ничто, а я был нигде образно, в стельку пьяный. И совсем неважно, о чем мы говорили. Мне было лучше уже от того, что я слышал ее голос. Наконец я решил, что должен рассказать, что я к ней чувствую, потому что если я этого не сделаю, и она замутит с кем-то другим, то для меня это будет конец. Таким образом, если я хотя бы попытаюсь и она меня бортанет, то я не буду жить остаток дней в раздумьях «а что если…» Я написал ей рукописное пятистраничное письмо, и излил свою гребаную душу по поводу того, как много она для меня значит, о том, что наши разговоры делали мой день и как сильно я хочу ее поцеловать. Я написал о том, как с ней было весело на гастролях, написал о том, как мне хотелось, чтобы у нас были отношения, и что я чувствую, что влюбляюсь в нее. Закончил я свое письмо так: «Возможно ты не чувствуешь то же, что и я, но я пойму. Так или иначе, я просто должен рассказать тебе, потому что не могу позволить ускользнуть этой возможности».

Я поместил страницы в коробочку FedEx с кучей придурковатых стикеров Anthrax и фигуркой Сержанта Ди из Японии и отправил все это ей. Я знал, что она получит посылку на следующий день, и даже сказал ей: «Я отправил тебе посылку FedEx'ом. Ты получишь ее завтра».

На следующий день я разговаривал с ней, и она не сказала ни слова о посылке. Прошел еще день. Мы разговаривали еще несколько раз. Разговоры совсем не были неловкими, но она ничего не говорила о письме. Спустя четыре или пять дней я подумал ладно, все понятно. Друзья так друзья.

Мы продолжали общаться, и я не вспоминал про письмо, потому что уже был сломлен. Я понимал, что она чувствует. Я не заставлял ее ничего объяснять. Не говоря ничего она уже сказала мне, что не разделяет моих чувств. В любом случае мне все равно нравилось с ней общаться.

Наконец гастроли Motley Crue закончились, и она вернулась домой. Я позвонил ей и сказал: «Привет, ты уже дома. Пошли, сходим куда-нибудь».

Мы с моим другом Кенни планировали сходить в клуб «Трубадур» посмотреть на выступления Nebula и High on Fire. Я пригласил ее присоединиться к нам, и она ответила, что встретит нас в клубе. Когда я увидел ее, мы обнялись, а потом вместе посмотрели группы. После пары коктейлей я решил пойти ва-банк. «Ты хоть вообще читала мое письмо?»

«Да, конечно, читала. Оно чудесное и красивое, и такое невероятное».

«Ну, и.?»

«Я пробовала тебе ответить» — сказала она, глядя мне в глаза с теплотой домашнего камина. «Столько раз я начинала писать, что чувствую то же самое, и каждый раз, когда я это делала, у меня выходило ужасно. Это не было похоже на то, что ты написал мне, и я решила, что не могу отправить тебе что-то подобное. Это совсем не отражало то, что я чувствовала».

Я был опьянен, и совсем не от выпивки — скорее от ее ответа. Я был так же счастлив, как когда мы вместе зависали на гастролях, и мне стало физически легче. Камень, лежавший у меня на сердце, наконец-то свалился. Я спросил, почему за пять недель она ни разу не упоминала об этом по телефону, и сказал, что я очень страдал. Перл тоже переживала, но ответила, что не хотела говорить мне о чем-то столь важном по телефону, и решила, что увидимся, когда она вернется, и тогда поговорим.

Это было 9 сентября 2000-го, и с тех пор мы вместе. Я нашел свою настоящую любовь. Думаю, я знал об этом со второго дня, когда мы тусили в туре с Motley. Еще никогда я так быстро ни к кому не чувствовал ничего подобного. Связь, которая установилась между нами, оказалась так крепка, что в моей жизни не было ничего важнее. Я чувствовал, что люблю ее и только-только начинаю ее узнавать. И чем больше я узнавал, тем глубже становились мои чувства к ней. Я никогда не любил Мардж. Думал, что знаю, каково это любить Дебби. Но это не шло ни в какое сравнение с Перл. Единственное, что было паршиво, так это что я по уши втрескался в Перл и по — прежнему жил в квартире на Оранж Гроув с Дебби, а Перл жила в Брентвуде со своими родителями.

Мит Лоуф и Лесли Дж. Эдмондс еще не расстались, и атмосфера в их дома была накалена до предела. После того, как мы с Перл какое-то время повстречались, я начал приходить на обед домой к ее родителям. Я познакомился с ее мамой до того, как познакомился с будущим тестем. Лесли была дружелюбной, немного чокнутой и милой, и мы неплохо поладили. Перед тем, как в первый раз увидеть отца Перл, я спросил ее: «Как мне его называть?» У меня просто даже мыслей не было. «Мистер Лоуф» звучало как-то странно, а я хотел с самого начала правильно выстроить отношения. Перл ответила: «Зови его Мит. Его так все зовут». Первый раз, когда я его увидел, это было короткое: «Привет, приятно познакомиться». Затем он вернулся в свой кабинет и закрыл дверь. Он был не в лучшем расположении духа. Они с Лесли находились в самом начале жестокого развода.

Понятное дело, в его доме было полно проблем. Он определенно поначалу напугал меня, потому что в детстве у меня был «Bat Out Of Hell», и я видел выступление Мит Лоуфа в

Кальдерон Концерт Холл в Лонг-Айленде в 1978-ом. Очевидно, он был известной рок-звездой, а я чертовски странным, лысым, татуированным хэви-металистом с козлиной бородкой, который встречался с его дочерью. Я был у НЕГО дома, смотрел ЕГО телек и ел ЕГО еду. Я понимаю эту вертикаль власти. Поэтому я был решительно настроен относиться к нему крайне уважительно, что бы ни случилось.

Первое реальное взаимодействие с ним произошло в канун Рождества 2000-го. Мы с Перл сидели на диване и смотрели телек. План был такой, что этой ночью я останусь с ней и мы будем вместе весь следующий день Рождества. Примерно в 8:30 к дому подъехала машина, и Мит Лоуф прошел через гостиную. Перл сказала: «Привет, пап». Он буркнул: «Привет», а затем сразу направился к себе в кабинет. Мне он ничего не сказал. Ну и ладно. Мы с Перл продолжили смотреть телек. Пять минут спустя он вышел, не говоря ни слова, и ушел из дома. Мы услышали, как его машина отъезжает от дома. Мы не обратили на это особого внимания. В этом не было ничего необычного.

Мы с Перл лежали, я обнимал ее рукой. Все было абсолютно невинно. Через несколько минут ее сверху позвала мама: «Перл, возьми телефон». Она взяла трубку и сказала: «Что? Что? Мы не… а? Хорошо, хорошо, хорошо».

«Что случилось?» — спросил я.

«Звонил мой отец, кричал, сказал, чтобы мы убирались на хуй с его дивана и из дома тоже. Кем мы себя возомнили, говорил он. Он сказал, что лучше бы нам убраться отсюда, прежде чем он вернется».

У нашего друга Кенни была вечеринка в канун Рождества, поэтому мы отправились туда. Всем (включая нас) казалось весьма забавным, что нас выкинули из дома Мита Лоуфа в канун Рождества. Когда вечеринка подошла к концу, мы вернулись ко мне в квартиру, где по-прежнему жила Дебби, и остались у меня в комнате. На следующее утро мы вернулись в дом Мита Лоуфа, все было как ни в чем не бывало. Само собой, мы не вспоминали то, что он сказал прошлым вечером, и все отлично провели время. Мит был в восторге от Рождества, и мы славно пообедали.

Я подумал, что дела между ним и мамой Перл складываются довольно хреново, и если происходит какое-нибудь дерьмо, то мне не следует принимать это на свой счет. Он злился не на меня, он был просто зол. Как-то раз он даже угрожал, что вобьет мне зубы в глотку. Мне он ничего не говорил. Он сказал это Лесли или Перл, и до сих пор я понятия не имею, за что. Он никогда не кричал на меня напрямую. Просто все складывалось так, что в самом начале он прошел через свой личный ад, а я оказался не в

то время не в том месте, и немного огреб. Может быть, он не хотел, чтобы какой-то новый человек находился рядом, пока он переживал все то дерьмо, что творилось в его жизни. На тот момент Перл по-прежнему пела в его группе, и он знал, что я ей очень нравлюсь, поэтому он терпел меня как человека, который был в жизни его дочери, но контакта между мной и Митом не было. И вдруг произошло нечто, что окончательно растопило лед.

В начале 2001-го Metal Shop, вымышленная хейр-метал группа 80-х, которая позднее выросла в Steel Panther, проводили ночное рандеву в понедельник в Viper Room. Мы с Перл стали ходить туда каждую неделю после их первых выступлений. Они чертовски рулили. Я терпеть не мог хейр-метал, но когда они сыграли кавера на песни Бон Джови и Ratt, мне в принципе понравилось, потому что они привнесли в шоу юмор. Их презентация была ироничной, а все их дурачество потрясающим. Мы с Перл вскользь говорили о них ее отцу. Мы рассказали, как это было весело и сказали: «Ты должен пойти с нами вечером в понедельник и заценить это своими глазами. В прошлый раз пришел сам Стивен Тайлер и поднялся к ним на сцену, это было очень круто».

В то время это было значимое событие. Все музыканты выступали с ними экспромтом, и это было очевидно крупное событие. Стивен Тайлер был первым известным чуваком, который пошел на это. Как-то вечером мы с Перл пошли на обед, и пока мы ели, говорили о том, как пойдем на Metal Shop, как это делали последние шесть недель подряд, и решили пропустить одну неделю. Мы были там уже несколько вечеров подряд, и решили пойти домой и расслабиться. Около полуночи мы уже заходили домой, как вдруг зазвонил мой сотовый.

«Скотт!! Это Мит!!»

«Привет, Мит, что случилось?»

«Где вы, черт вас подери?!?» — орал он. Он явно был в очень шумном месте, и я едва его слышал.

«А, да мы уже домой заходим. Только что вернулись с обеда».

«Ага, чем думаете заняться?!?»

«Да ничем. Наверное спать уже пойдем».

«В общем, я в этом гребаном Viper Room, пришел посмотреть на этот Metal Shop, о котором вы мне талдычите уже несколько месяцев. Где вы, черт вас дери?!? Лучше бы вам притащить свои задницы сюда прямо сейчас!!»

Я завершил звонок и повернулся к Перл: «Угадай что? Мы едем в Metal Shop. Звонил твой отец. Он там и хочет знать, почему нас нет».

Мы повернулись, сели обратно в машину и поехали в Viper

Room. Пока мы туда ехали, Лон Френд, редактор журнала «Rip», написал мне смску о том, что он уже тусил с Митом Лоуфом в Grand Havana Room, курил сигары и бухал, а теперь мы в Viper Room. «Мит находится в редкой форме — он опрокинул уже 16 коктейлей «Маргарита», без шуток».

Мы приехали туда, и это был совершенно другой Мит Лоуф, непохожий на того Мита, каким я его когда-либо видел — раздающий улыбки и вовсю отрывающийся. Он был очень увлечен концертом. Еще никогда я его не видел таким, так что для меня это было весело. Очевидно, Перл уже была с ним, когда он находился в таком состоянии. Для меня это было: «Ничего себе, это же новый Мит Лоуф!»

Metal Shop позвали его на сцену, и они сыграли «Livin' On A Prayer» Бон Джови. Мит почти не знал слов, он просто делал, что ему нравилось вместе с их вокалистом Ральфом Саензом. Но даже притом, что он не знал слов, Мит чертовски зажигал. Потом он исполнил с ними песню Whitesnake, которую не знал вообще. И в ней он тоже был на высоте! У него была такая харизма, что было уже неважно, что он пел и как он это делал. Зрители просто съехали с катушек. Потом подошел Мит и сел рядом с нами.

Под конец вечера все начали уходить, и я сказал Миту: «Эй, чувак, дай мне свои ключи. Я отвезу тебя домой».

«Ты не повезешь! О чем ты говоришь? Ты не повезешь меня домой» — сказал он заплетающимся языком, а потом засмеялся.

И я сказал: «Чувак, ну серьезно. Ты должен отдать мне свои ключи. Мне насрать, что ты думаешь. Ты либо отдаешь мне ключи, либо берешь такси. Я не позволю тебе сесть за руль».

И он отдал мне ключи. Мы оставили свою тачку у Viper Room, и мы с Перл сели в его огромный черный Мерседес. Я был за рулем, Мит сел спереди, а Перл сзади. Я отвез Мита в дом, куда он переехал после разрыва с Лесли. Меня немного беспокоило, что он может быть зол на меня за то, что я настаивал на том, что вызвался водителем, но мне было плевать. Я не хотел, чтобы по CNN потом эту историю показали в вечерних новостях. Как оказалось, беспокоился я напрасно. Всю поездку до дома он благодарил меня. Потом он сказал: «Я знаю, что между нами все было странно, но я чертовски люблю тебя! Ты просто улетный чувак, обожаю тебя, мужик!»

Он положил на меня свою руку, а потом наклонился ко мне. Затем он поцеловал меня в щеку и шею.

«Я люблю тебя, мужик. Люблю! И ты так хорошо относишься к моей дочери!»

Это было просто потрясающее мгновение между нами двумя — поистине миг единения. И с этого момента мы стали

настоящими корешами. И на протяжении всех этих лет Мит делал все возможное и невозможное для меня, Перл и Ревела.

Я познакомил Перл со своим кругом друзей, и мы все отправились в «у Дэдди». Перл не отставала от меня — стакан за стаканом. Вообще-то ее напитком на тот момент была чистая двойная водка с ванилью, поэтому если уж на то пошло, то она пила намного больше, чем я! Мы продолжали отрываться вовсю по меньшей мере в первый год наших отношений, но по другой причине. Ни один из нас не пил, чтобы перестать себя плохо чувствовать. Наоборот, мы пили, потому что нам было хорошо. Это была вечеринка счастья и любви. Пойти напиться, вернуться домой, заниматься сексом всю ночь напролет. Лучше не придумаешь.

Это было настоящее чудо. Я действительно думал, что никогда не встречу нужного человека и никогда не буду счастлив. Я решил, что мне всегда придется идти на компромиссы. А потом прошло каких-то несколько месяцев, и я был счастлив, чем когда-либо, а может понял, что могу быть счастливым. Это заставило меня подумать, что на самом деле для каждого человека на свете есть пара. Когда я встретил Перл, я был на пути саморазрушения, а она на параллельном пути. Она миллион раз мне говорила, что я ее спаситель. Она говорила: «Если бы мы не встретились, я не знаю, где бы закончилась моя жизнь, наверняка в центре реабилитации. А может я бы умерла». Как только мы начали зависать вместе, все изменилось.

Чем ближе я становился к Перл, тем более странной становилась Дебби. Мы с Перл лежали в кровати, а Дебби заходила ко мне в комнату в абсолютно прозрачной ночнушке на голое тело, а в другой комнате сидел ее бойфренд. Затем он просила у меня наличные: «Я могу взять 20 баксов, чтобы купить журнал?» Это было пиздец как безумно, и я шел у нее на поводу, потому что боялся, что если я скажу, что хочу развода, он найдет адвоката и набросится на меня как акула, и на всю оставшуюся жизнь я останусь банкротом.

Я даже не замечал, как позволяю ей манипулировать собой, пока Перл не «бросила перчатку». «Ты все еще лебезишь перед ней, как будто женат. Ты по-прежнему в ее сетях». Я попытался убедить ее, что это не так. Но когда Перл открыла мои глаза на то, что происходит, я был просто потрясен. Я просто онемел. Я оплачивал аренду, расходы и еду. Я продал дом, нашел способ сводить месяц к месяцу, и все это время, что я рвал жопу, она не работала. Потом, после нашего разрыва она начала встречаться с другими людьми, и я начал спонсировать и их тоже.

Я так сильно боялся, что Дебби подаст на меня в суд на

алименты, что позволил ей лишить себя мужской силы. Но потом у меня снова отросли яйца. Однажды Дебби несла какую-то ересь и нагрубила Перл. Когда она увидела, что между мной и Перл все серьезно, что мы оба сильно любим друг друга и поступаем в соответствии со своими интересами, Дебби почуяла опасность. Я высказал ей все свое недовольство, потому что мне больше нечего было бояться.

«Тебе нужно закрыть варежку и заниматься своим делом» — сказал я. «Ты больше не часть моей жизни. Между нами все кончено. Когда-то твои чары ослепили мои глаза, но теперь я прозрел. Ты много лет использовала меня, но этому пришел конец! Больше никакой халявы. Я съезжаю и мы разводимся».

ГЛАВА 28
ПО ТУ СТОРОНУ МИКРОФОНА

Спасибо Богу, в моей жизни была Перл, потому что, не считая наших с ней отношений, все остальное походу сливалось в толчок. Я едва сводил концы с концами, так что Перл явно была со мной не из-за денег. Хоть какое-то утешение. У меня не было буквально ничего, я был тупо на мели. Группа не зарабатывала ни копейки. У меня оставались кое-какие сбережения на еду и оплату аренды, но фактически я жил из месяца в месяц. Все участники Anthrax рассчитывали на пластинку Beyond, которая могла бы помочь нам снова встать на ноги.

Еще до того, как наши разводы были официально оформлены, мы с Перл стали жить вместе. Для меня эти перемены носили радикальный характер, и это обстоятельство лишь укрепило мою теорию, что зачастую карьера — это прямое отражение личной жизни. Я свалил с квартиры, где мы жили с Дебби, перестал оплачивать ее счета, стал жить с Перл, и в мою жизнь вернулось счастье. Спустя несколько дней получаю звонок от VH1 с вопросом, не хочу ли я вести «The Rock Show». Они решили не продлять контракт с Кейном и хотели, чтобы я прилетел в Нью-Йорк и попробовал вести шоу.

Продюсеры сказали, что я буду знакомить зрителей с новинками рок и метал клипов, сообщать о новостях в мире метала и брать интервью у гостей. Мои кишки сделали сальто в воздухе, когда я услышал, что мне придется брать интервью. Все-таки я не ведущий, и мне явно было некомфортно играть роль парня, задающего вопросы. Они хотели, чтобы я интервьюировал своих ровесников, по сути своих друзей. Одна только мысль об этом вызвала у меня двойную порцию мурашек. Я спросил, можем ли мы снимать шоу без участия гостей. Они ответили «нет», поэтому я проглотил свой страх и приготовился к худшему.

Первые съемки прошли без особого напряга. Мне предложили воспользоваться телесуфлером, но я уже выучил наизусть весь свой текст. О ТВ я не знал ничего, но быстро учился. Все, что тебе нужно знать, это читать и делать вид, что не читаешь, и все пройдет как по маслу. У меня очень хорошо получалось не читать. Несколько недель мы снимали без гостей, потому что продюсеры хотели, чтобы я освоился и спокойно вел передачу. Потом мне сказали, что в студию придут Cult, и я занервничал. Говорить в камеру я мог без проблем. Мне разрешили импровизировать и шутить. Они хотели, чтобы я был самим

собой, так что с этим никаких проблем. А теперь мне вдруг придется стать журналистом и задавать все эти отстойные вопросы, на которые я сам терпеть не мог отвечать: «Расскажите о вашей последней пластинке. Кто на вас повлиял больше всего? Расскажите самый нелепый случай на гастролях?» А следом остальные отупляющие перлы журналистской мудрости, вроде: «Как проходят гастроли?» и «Как вы уживаетесь на гастролях с коллегами по группе?»

Не тот я человек. Я распереживался до такой степени, что уже был готов скорее покинуть шоу, чем позволить себе выглядеть каким-то мудаком. Я не мог связать в себе тот факт, что играю в Anthrax и при этом снимаюсь в телешоу, где беру интервью у других групп. Нет уж, увольте. Я находился по другую сторону микрофона. Глядя на себя в этой ситуации, я стал настолько самокритичен, что едва не вышел из строя. Я был убежден, что если начну брать интервью у групп, то моей карьере в Anthrax придет конец. Кто после этого станет воспринимать меня всерьез как музыканта?

Поймите меня правильно, никакого пренебрежения к журналистам я не испытываю. Многие годы я имел удовольствие общаться со многими хорошими писателями и ди-джеями. Но есть большая разница между людьми, которые задают шаблонные вопросы, нацарапанные на клочке бумаги, и профессионалами, которые по сути проводят свое собственное исследование и втягивают тебя в беседу, получая от тебя то, о чем ты и сам не думал рассказать. Хорошее интервью может быть очень вдохновляющим. А плохое вызывает у тебя стойкое нежелание отвечать снова на очередной дебильный вопрос. Все это напоминает тебе о драгоценных минутах жизни, которые ты тратишь на какого-нибудь идиота, который посидел десять минут в Википедии и переписал замусоленные факты в форме вопросов. Эй, мы здесь не в «Свою Игру» играем! Даже не вспомню, сколько раз в телефонной беседе мне хотелось ударить по лицу человека за то, что впустую тратил мое время.

В день моего первого интервью в роли ведущего в передаче «The Rock Show» продюсеры вручили мне список вопросов для Cult, и, как я и боялся, они все оказались полным отстоем, если только цель продюсеров не заключалась в том, чтобы группа и телезрители померли со скуки. Я не знал, что мне делать. Я знал парней из Cult. Мы дружили еще с 80-х, и они были по-британски острыми как бритва и сдержанными, насколько можно себе представить. Я подумал, что мне очень повезет, если я выйду из ситуации в здравом уме, памятуя о пустых взглядах, которые ловил на себе от их гитариста Билли Даффи. Хуже того, за

кулисами перед съемкой, они все очень мило со мной общались. Находясь в нервозном состоянии, я решил, что это потому, что им меня жаль. «Бедный Скотт. Ты только глянь, куда скатилась его карьера. Когда-то он подавал большие надежды. Давайте будем с ним предельно вежливы. Ему и так уже досталось, раз он сейчас этим занимается». Что-то похожее на секс из жалости.

Я сделал глубокий вдох и проглотил свою робость. Ассистент режиссера все настроил, и камеры начали запись. А потом в последнюю секунду внутренний голос подсказал мне отойти от сценария и поговорить с Cult как с друзьями. Зачем задавать с бумажки вопрос, на который я уже заранее знаю ответ, если мы можем просто почесать языками? Разговор получился очень естественным — много подначиваний, воспоминаний о совместных гастролях. В итоге получилось, что я уже не просто ведущий, который берет интервью у своих гостей. Мы были парочкой друзей, которые собрались в одном месте и травят байки, как в старые добрые времена. То есть теперь я не один против всех. Мы были в одной команде, и это сделало остальных менее защищенными. В результате создалась намного более располагающая обстановка.

Во время разговора я старался касаться тех песен, которые группа раскручивала в то время. Продюсеры были в восторге, да и сама группа тоже. Я открыл свою формулу успеха. Гостевые участия стали моей любимой частью съемок «The Rock Show». За сорок восемь эпизодов, в которых я снялся, мне посчастливилось пообщаться с Оззи, Pantera, Робом Хэлфордом, Megadeth, Stone Temple Pilots, Tenacious D, Alice In Chains, Deftones, Godsmack и многими другими.

Так о каких секретах проговариваются люди, когда им настолько комфортно со мной общаться? Я не знаю. Я не задавал вопросы, на которые мне самому было бы неудобно отвечать, и при этом я не выносил на обсуждение личные вещи, которые мог знать о каких-то своих друзьях, приходящих на шоу. Так или иначе, люди хотели участвовать в программе, потому что они могли сидеть рядом со мной, и я бы не зашел на их личную территорию.

Когда я брал интервью у Салли Эрна из группы Godsmack, он рассказал мне историю о том, как появилось это название. Как он объяснил, один из парней в группе однажды пришел на репетицию с огромным прыщом, и Салли весь день над ним издевался. На следующий день у Салли тоже вскочил прыщ, и кто-то сказал: «Бог покарал тебя за то, что ты над ним угорал». Вуаля! Godsmack[43]. Название не имеет ничего общего с песней «Godsmack» группы Alice In Chains и тем фактом, что они

частенько исполняли кавер-версии песен Alice. Чистое совпадение. Пару раз мне приходилось брать интервью у групп, о которых я ничего не знал, потому что их музыка не для меня. На ум приходят Three Doors Down и Nickelback. Я шел на эти интервью, не понимая, какого хера я буду говорить, и все время переживал, что меня выдаст мое лицо (вот где я научился делать покерфейс). Как оказалось, они все оказались очень клевыми парнями, и многие из них выросли на музыке Anthrax. Тогда-то я и начал составлять свой список хороших парней и плохих групп. Получился довольно длинный список.

Из всех эпизодов «Rock Show», в которых я снялся, мой любимый — интервью на Хэллоуин с Оззи Осборном. Как ни странно, началось оно с полной катастрофы. Тот факт, что нам удалось его заполучить, это на самом деле большая удача. Чертовски здорово! Сам Оззи. Он был в городе — проводил рекламную кампанию в поддержку своей пластинки «Down To Earth», а я был последним, кто брал у него интервью в тот день. Он начал в шесть утра с «Шоу Говарда Стерна» и давал интервью весь день, поэтому на нашу съемку в четыре вечера он пришел очень уставшим. Студия была украшена в честь Хэллоуина. Я был одет как Джин Симмонс в полной боевой раскраске и костюме, но с лысой башкой и козлиной бородкой.

Мы с Оззи были друзьями еще с совместных гастролей 1988-го, и я с нетерпением предвкушал нашу встречу и обмен байками. Приняв к тому моменту уже несколько десятков гостей, я чувствовал уверенность в своих навыках интервьюера. Продюсер сообщил, что Оззи заранее сообщили, что в честь Хэллоуина я буду в прикиде Джина Симмонса. Но когда Оззи зашел вместе с Шэрон, я через всю комнату увидел, что он смотрит на меня с серьезной миной, как будто у него перед носом навалили кучу дерьма. Пришло время записываться. У Оззи было немое выражение лица. Что-то явно было не так. Он скорчил гримасу, а потом повернулся к Шэрон. Оззи нервничал, и было очевидно, что ему совсем не нравится здесь находиться.

Мы начали интервью, и я задал ему самые простейшие вопросы о новой пластинке, ну, типа, как прошел процесс записи, самые обыденные вещи. Оззи отвечал кратко и отрывисто-грубо, и глазел на меня так, словно меня не знает. В этот момент я начал переживать, что лажаю интервью с самим Оззи Осборном. Все восхищение от самого крупного интервью проступало буквально через мой грим Демона. Режиссер крикнул «снято» и сказал всем сделать пятиминутный перерыв, пока они готовятся к следующей сцене. И мы с Оззи остались сидеть в ощутимо натянутой тишине. Подошла девушка-гример и прикоснулась к моему вдовьему

мыску[44], а я пытался не показывать, в каком я стрессе, ведь я буквально не знал, о чем мне говорить дальше.

Я просто не понимал, почему Оззи не может расслабиться. Режиссер крикнул «Мотор!», и не успел я пробурчать очередной вопрос, как заметил, что Оззи пристально вглядывается в меня, приближая свое лицо к моему, чтобы лучше рассмотреть. И только я подумал, что он собирается ударить меня головой, как он улыбнулся и сказал: «Так это ты… мужик, это ты. Скотт, это же ты? Да, это ты. Эй, это же Скотт!» Я сразу успокоился и сказал: «Да, Оззи, это я. Я думал, ты знаешь».

Тут откуда-то раздался крик Шэрон: «Оззи, я же тебе говорила, что это Скотт Иэн в гриме», а потом Оззи сказал: «Я подумал, это какой-то задрот, одетый под KISS, и все никак не мог различить лысый череп и не понимал, зачем я здесь даю какое-то тупое интервью». Он крепко обнял меня и сказал: «Давай переснимем». Через пятнадцать минут все было готово. Мы отлично провели время, и я был в восторге, что мне выпал шанс поговорить с одним из своих кумиров на своем шоу, пусть даже в качестве задрота в гриме Джина Симмонса.

Благодаря работе на «Rock Show», будучи практически банкротом, я стал регулярно получать зарплату. Последний раз это было, когда я работал на своего отца. Я получал зарплату наравне с остальными штатными сотрудниками Виаком! Хорошее средство для поднятия боевого духа. Но что я еще понял в жизни, так это, что когда ты думаешь, что все идет по — твоему, в любой момент может случиться что-то такое, что ты почувствуешь себя беспомощным и у тебя пропадет дар речи. Именно это и случилось прямо в разгар моей работы на VH1, когда умерла одна из моих лучших подруг — Дженнифер Сайм.

Я познакомился с Дженнифер в 91-ом в Ирвин Медоуз, за кулисами на концерте Beastie Boys. Она работала на Дэвида Линча, а мы с Чарли были большими фэнами «Твин Пикс». Собственно, песня «Black Lodge» — это своего рода отсылка к «Твин Пикс». Мы постоянно просили Мисси Каллаццо из Megaforce позвонить в офис Дэвида Линча, чтобы достать нам какие-нибудь сувениры, связанные с «Твин Пикс». А Джен как раз была человеком, с которым общалась Мисси.

Как-то вечером я был за кулисами на шоу Beastie Boys, и тут ко мне подходит девушка и говорит: «Ты ведь Скотт, да? Я — Дженнифер из офиса Дэвида Линча. Твой менеджмент постоянно названивает мне по поводу сувенирки».

Мы тут же стали друзьями. Джен для меня была как сестра. Она стала играть большую роль в моей жизни. У нее было немного странное, чрезвычайно неполиткорректное чувство

юмора. Большую часть 90-х, во время моих кутежей Джен всегда была рядом. Когда мы с Перл начали встречаться, Джен с нетерпением хотела познакомиться с «любовью всей моей жизни». Они сразу нашли общий язык и тоже стали очень близки.

Дженнифер была девушкой Киану Ривза, и в 2000-ом она забеременела. Помню, как Киану забрал Джен из дома и перевез к себе, чтобы помощь ей скрыться от донимающих папарацци. Она была в восторге от того, что у нее будет ребенок, и казалось, в ее жизни все идет как надо. Поэтому когда ее ребенок родился мертворожденным, мы все были в шоке, это было просто очень ужасно и трагично. Теперь, когда у меня есть свой ребенок, я даже представить не могу, как это отразилось на ее душе и сердце. Мы все собрались вместе, чтобы изо всех сил помочь Киану и Джен пережить это. К несчастью, на этом трагедия не закончилась. Остальная часть истории досталась на откуп желтой прессе.

Дженнифер была на вечеринке в доме Мэрилина Мэнсона. Она отправилась домой, а потом решила вернуться к нему на машине. Она уже была пьяна, и доехав до бульвара Кахуенга, потеряла управление и врезалась в припаркованные неподалеку машины. Ремень она не пристегивала, ее просто выбросило из машины на дорогу. Джен разбилась насмерть. Я не мог поверить. Я потерял своего самого близкого друга. Само собой, подавлен был не только я, но и весь круг друзей, центром которого она была. Ее смерть была трагичной и шокирующе излишней. Я всегда представляю, как бы могла сложиться ее жизнь, ведь она была очень особенным, редким человечком, и я по-прежнему тоскую по ней.

Я был подавлен смертью Джен, но понимал, что не могу позволить этому остановить меня. Узнай Джен о чем-то подобном, и она поступила бы так же. К счастью, стабильность основной работы в «The Rock Show» и возможность скопить немного денег воодушевили меня до такой степени, что я мечтал вернуться в студию вместе с Anthrax, чтобы приступить к работе над следующей пластинкой.

Опять-таки, перед началом записи нам нужно было найти гитариста. Пол Крук проделал отличную работу, почти семь лет он играл с нами бок-о-бок. Он был клевым гитаристом и хорошим другом, но по какой-то причине членом группы он так и не стал. Мы просто не могли этого допустить. Мы даже фотографировались вчетвером; думаю, мы никогда не считали его настоящим участником, а это отстойно. Может быть, мы всегда считали, что это не тот человек. Учитывая, что с деловой точки зрения это был худший период за всю нашу историю, лучше всего

для него не быть участником группы. Он был слишком хорошим другом, чтобы проходить через весь этот ад. Поэтому где-то в конце 2001-го, начав концентрироваться на написании новой музыки, мы решили найти нового гитариста. Кого-то агрессивного и больше в духе Anthrax.

Мы с Перл предложили Полу выступать с Митом Лоуфом, и теперь дела у него идут намного более успешно с финансовой точки зрения, чем это было в Anthrax. Потом мы спросили Роба Каггиано, не хотел бы он пройти прослушивание у нас. Роба мы знали по нью-йоркской группе под названием Boiler Room. Роб приехал в Йонкерс и выучил парочку наших песен. Он уже знал большинство из них, потому что был на десять лет моложе всех остальных, и по сути был повзрослевшим фэном Anthrax. У Boiler Room был период застоя, и он был счастлив, что у него появилась новая работа. На прослушивании он просто сразил нас наповал. Он круто выглядел, круто играл, с ним было легко общаться. На тот момент у Роба с Эдди Уолом была команда под названием Scrap 60, и они выпустили «We've Come For You All», что значило, что нам не придется работать с тем, кого мы едва знаем.

Весь материал «We've Come For You All» мы написали в более комфортной обстановке, чем в последние годы. Думаю, все были полностью готовы снова собраться вместе и просто снова быть группой, когда на нас оказывалось минимум давления, потому что, черт побери, что нам было терять? Вперед и только вперед. Пока мы работали над написанием материала, становилось очевидным, что этот альбом будет не в жанре трэш, просто отличная метал-пластинка с равной долей напористости и мелодий. Вдобавок, мы экспериментировали с теми стилями, которые раньше не пробовали.

Много грува в песнях вроде «Cadillac Rock Box» и «Superhero». «Taking The Music Back» — среднетемповая и тяжелая, но с острыми и необычными гитарами. В «Think About An End» этнические ударные и клевые вокальные гармонии, а «Safe Home» — одна из наших лучших песен за всю нашу историю. Это моя первая песня о любви, написанная для Перл. Песня рассказывает о том, как много она значит в моей жизни. А еще есть «Black Dahlia», в ней одни из самых быстрых партий ударных от Чарли, и «What Doesn't Die», которая могла выйти на «Among The Living». Роб Каггиано отлично сыграл во всех этих песнях, а Даймбэг сыграл соло в «Strap It On» и «Cadillac Rock Box». Однако самым большим сюрпризом на этом альбоме было то, что мы пригласили Роджера Долтри исполнить гостевой вокал в песне «Taking The Music Back».

Когда мы писали эту песню, припев напомнил нам творчество

The Who. Когда я сказал об этом Перл, она ответила, что ее мама знает Роджера и его жену, и она устроила обед для нас четверых. И вот я сижу с вокалистом группы, чей гитарист вдохновил меня на то, чтобы я взял в руки свою первую гитару. За столом мы пили вино и смеялись. Мы провели у них около четырех часов, и Роджер рассказал всякие поразительные истории о The Who. Потом мы начали говорить об Anthrax, и он изъявил желание записать гостевой вокал. Мне даже не пришлось его просить.

Роджер пришел со мной в студию, но когда он услышал песню, на которой мы хотели, чтобы он спел, он был несколько сбит с толку. «Это очень тяжелый, тяжелый материал» — повторял он снова и снова. А я ему: «Мужик, для нас это как поп-песня», но я понимал, что он из другого мира. Песни The Who — тяжелые, но в них нет такого дисторшна и драйва. Но он продолжал слушать, и спустя сорок минут он смог распределить партии и спел вокал для припева.

Джон записал основную часть вокала, но для припева Роджер исполнил свой фирменный крик, получилась просто бомба. Он сделал дубль, а потом спросил, насколько он хорош на мой взгляд. Это было что-то из области фантастики — критиковать вокал одного из лучших вокалистов в роке. Я чувствовал себя на месте Пита Таунсенда: «Как я здесь оказался, черт подери?» Поэтому само собой я ответил Роджеру: «Да, это было то, что надо, но почему бы тебе не спеть еще раз, но с чуть большей энергией?» Ответ отрицательный.

Когда Pantera распались, Уолтер ушел на пенсию, поэтому нам требовалось найти новый менеджмент. Роб дружил с Лэрри Мазуром, и сказал Лэрри, что мы в поиске нового менеджера. Мы поговорили, и Лэрри взял на себя руководство и начал искать, с кем можно заключить контракт. Ни у одного из крупных лейблов не было интереса, но в тот момент нам было наплевать. Индустрия полностью изменилась, и крупные лейблы все как один старались найти способ выжить в этом бизнесе. Казалось, их ответ — сделать ставку на поп и хип-хоп. Компания Artist Direct, основанная миллиардером Тэдом Филдом, позвонила Лэрри и предложила нам невероятные условия — 250000 долларов за альбом, плюс мастер-ленты будут в нашей собственности (в прежние годы это было просто неслыханно). Кроме того мы сможем получать солидный процент наличных за каждую проданную пластинку и у нас будет солидный бюджет на рекламу. Мы обсудили контракт и подписали его.

Пластинка уже была записана и готова к выпуску, поэтому мы решили, что готовы и настало время для гастролей. И тут как гром среди ясного неба Уилл Пендарвис, который сейчас

управляет Sirius, позвонил Лэрри и сказал, что Тэд Филд урезал финансирование, и лейблу Artist Direct пришел конец. Глава компании еще не подписал наш контракт, поэтому он его расторгает. У нас не осталось ничего. Радует, что альбом им не принадлежал, поэтому мы могли без проблем искать новый дом. День спустя нам позвонил Лэрри и сказал, что переговорил с Sanctuary Records, которые предлагали нам те же деньги и смогут выпустить пластинку, не отходя от плана. На дистрибуцию этот контракт не распространялся, поэтому мастер-ленты нам не принадлежали, но обстоятельства загнали нас в угол, поэтому мы согласились на их условия.

Контракт с Sanctuary действовал только на территории Штатов, так как в Европе у нас были договоренности с Nuclear Blast. Они отлично поработали над «Bigger Than Devil», поэтому я подумал, что эта часть мира будет охвачена с выпуском нового альбома Anthrax. «We've Come For You All» вышел в марте 2003-го. По отзывам прессы именно этого альбома ждали фэны. Фэны согласились с этой точкой зрения, и все сложилось таким образом, что мы снова отправились в путь. Мы проехались по Штатам в компании Lamb Of God и Lacuna Coil на разогреве, билеты на шоу неплохо продавались. Мы отыграли на всех крупнейших европейских фестивалях и буквально разнесли их в клочья. Мы открывали выступления Judas Priest, Motorhead и Dio. Все говорили: «Anthrax вернулись!» А потом Sanctuary вдруг свернули свою деятельность.

Universal поглотило этот лейбл, поэтому пластинка по-прежнему осталась доступной для продажи, но больше не было лейбла, который бы нас спонсировал и не было денег на проведение гастролей. Опять-таки, такое чувство, будто кто-то с небес протянул руку, схватил мастер-ленты и выбросил их в помойку. Музыкальная индустрия в третий раз подряд поимела нас в зад, и пока у нас не действовало жесткое правило «три провала и вылет», трения в группе продолжали нарастать. Казалось, развязка произойдет в любую минуту.

ГЛАВА 29
ПОЛНЫЙ РАСКОЛ

Мы гастролировали как проклятые, потому что нас пугало осознание того, что ждет Anthrax дальше. Если начистоту, то мы были без понятия. После окончания успешного шоу в Ирвинг Плаза в Нью-Йорке мы все повернулись к Лэрри Мазуру в гримерке и спросили в один голос: «Хорошо, Лэрри, что дальше? Каков план?»

Он посмотрел на нас, пожал плечами и ответил: «В душе не ебу».

«Ты же наш менеджер, черт побери!» — сказал я. «Лучше придумай, что нам делать».

Без толку. Один день сменял другой. В конце концов мы уволили Лэрри. Неприятно было снова менять менеджеров. Мы совсем этого не хотели, нам всем нравился Лэрри, но реальность такова, что тогда нам был нужен не просто менеджер, нам был нужен волшебник.

Решили позвать своего кореша Тима Дралле, потому что ему нравилась группа и он был готов на все, чтобы помочь нам. Вместо того чтобы писать новый альбом, к чему мы не были готовы после фиаско с Sanctuary, мы решили перезаписать пару-тройку песен, которые написали до того, как к группе присоединился Джон, и попросили Джона их спеть. Мы попросили своих фэнов проголосовать за песни на нашем вебсайте, и учли их пожелания, когда составляли треклист. Пластинку назвали «The Greater Of Two Evils»[45], и приступили к работе над ней в Аватар Стьюдиос в Нью-Йорке.

Мы отыграли весь сэт вживую перед зрителями в студии. Нам и в голову не приходило, что это будет наша последняя запись с Джоном Бушем. После одной из сессий мы устроили встречу с менеджментом в большой комнате звукозаписи, там же, в студии. Чарли, решивший переехать в Чикаго, сообщил, что будет строить там студию, и считал, что нам всем следует перевезти свое оборудование из Йонкерса к нему и сделать Чикаго нашим новым местом дислокации. Фрэнки совсем не понравилась эта идея. Он уже назвал гетто Чарли «Поукипзи от Чикаго». На мой взгляд, идея была стоящая. От нашего бизнес-менеджера я получил все данные статистики по части того, сколько составит наша ежемесячная экономия, если нам не придется хранить свое оборудование и оплачивать аренду студийного помещения в Нью-Йорке. Кроме того, было бы дешевле для всех жить в Чикаго, чем

если бы мы с Бушем каждый раз летали в Нью-Йорк и останавливались в Манхэттене. Это могло бы сэкономить нам тысячи долларов за год, а это было весьма заманчиво, учитывая, что у нас по сути не было ни лейбла, ни стабильного группового дохода. И тут Фрэнки психанул.

«В пизду это все! Я не еду. Ноги моей там не будет. Если хотите там работать, делайте это без меня!»

Он начал кричать и орать. Фрэнки обычно всегда так делает, когда сильно чем-то взволнован. Он ничего не слышит и не видит вокруг себя. Взрывной человек. Не помню его точных слов, но что-то в духе «я не хочу приезжать в Чикаго и участвовать в вашей гребаной затее».

Чарли, человек с противоположным темпераментом, все это время сохранявший спокойствие, наконец нарушил молчание и спросил: «Вот так? И что все это значит?»

«Да что хочешь, то и значит, блядь!» — взорвался Фрэнки.

«Да? Тогда пошел ты!»

«Да сам пошел!»

Они были на противоположных концах большой комнаты, и вдруг начали бросаться друг на друга как два барана, готовые столкнуться лбами.

Мы с Робом подбежали, пытаясь их остановить, но опоздали. Они столкнулись и начали раздавать друг другу люлей. Мы схватили Фрэнки, оттащили его в комнату записи вокала, закрыли дверь и заперли его там. Мы сказали, что не выпустим его до тех пор, пока он не остынет и не пообещает, что больше не будет задирать Чарли.

Чарли сидел на дорожном чехле в другом конце комнаты. «Ты труп, ублюдок!» — кричал он.

«Нет, ты труп!» — орал ему в ответ Фрэнки из-за запертой двери.

Я начал смеяться. Просто не мог удержаться. Это было похоже на сцену из «Славных Парней»[46]. Настоящий трэш итальянского разлива.

В конце концов мы выпустили Фрэнки и провели голосование. Все проголосовали за переезд нашей базы в Чикаго. Фрэнки отказался. Мы не стали его увольнять, да он никогда и не уходил, но и приезжать в Чикаго не собирался. Помню этот сумасшедший и тягостный период, когда Фрэнки ушел из группы и присоединился к Helmet. Его не было почти 18 месяцев. И хотя играл в другой группе, из Anthrax он не уходил. В силу юридических формальностей, он сказал, что нам придется его уволить, если мы не хотим, чтобы он был в нашей группе. Но тут есть один нюанс: если ты кого-то увольняешь, этот человек может

подать на тебя всякие исковые заявления, а вот если ты уходишь сам, то не получаешь ничего. Мы не хотели выгонять Фрэнки из группы, для нас это был совсем не вариант, поэтому мы просто оставили все как есть, и взяли басиста Armored Saint Джои Вера, который играл с нами весь 2004-ый. Тим убедил Sanctuary выпустить «The Greater Of Two Evils». И хотя лейбл больше не подписывал новые группы, они придерживались каталога и все-таки выпускали избранные релизы, так что нам хотя бы было с чем гастролировать.

Джон был не в восторге от этих шоу, потому что недавно женился, и они с женой ждали первого ребенка. Она должна была родить в тот момент, когда мы были на гастролях. Он не хотел пропускать рождение своего ребенка. Нам пришлось надавить на него и заставить поехать с нами. Мы играли в битком набитых залах, зарабатывали кое-какие деньги и считали, что нужно ковать железо, пока горячо. В конце концов он сдался, потому что знал, что это лучшее решение для группы, и это поможет нам оставаться на плаву. Мы думали, что пока работаем, нам не о чем беспокоиться. Если мы будем выступать как группа, то у нас есть цель. Но если мы остановимся и вернемся домой, то одному Богу известно, какого черта мы станем делать потом.

Последний тур, который мы провели в поддержку «The Greater Of Two Evils», это выступление на разогреве Dio осенью 2004-го. Менеджеры Mudvayne из Zen Media — Джонатан Коэн и Иззи Зивкович, пришли посмотреть на нас в Бикон Театр, и мы им очень понравились. Наш агент Майк Монтеруло поставил им «Safe Home», и они не могли поверить, что эта вещь не стала радиохитом. Они хотели попасть в нашу команду, вот так мы и начали сотрудничать с Zen Media. Потом они предложили нам провести реюнион-тур с Джои Белладонна и Дэном Спитцем.

«Вы сможете вылезти из всех контрактов, в которые уже успели влезть» — сказал Джонатан. Он сказал, что тщательно проверил все наши контракты, и мы остались должны Sanctuary пластинку несмотря на то, что они уже не лейбл. Если мы проведем реюнион-тур, то будем вне подозрений. «Этот реюнион-тур — тот туз, который вы держали в рукаве все эти годы, и с его помощью я смогу навести порядок и сдвину дело с мертвой точки».

Звучало разумно. Мы запишем реюнион-тур на DVD и CD и отдадим их Sanctuary, снимем удавку со своей шеи и спокойно отвалим. Нам совсем не хотелось проводить этот тур, но с деловой точки зрения это была хорошая идея. Мы обсудили ее с Чарли, и спросили Джонатана и Иззи, можем ли мы провести такой тур, чтобы и Джон и Джои колесили вместе с нами, а

Anthrax исполняли песни из каталогов каждого из них. Мы были полны решимости не проводить реюнион-тур, если Джон останется брошен на произвол судьбы.

Джонатан и Иззи согласились, что это сработает, и мы обратились к Джону и объяснили финансовую и деловую ситуацию, в которой мы находимся, и как это поможет нам двигаться дальше. В тот момент мы не могли записать еще одну студийную пластинку и просто смотреть, как она снова исчезает в заднице Sanctuary. Нас бы это просто убило.

«Знаю, тебе это наверняка кажется шагом назад, но фэнам понравится, когда они увидят вас с Джои вместе» — сказал я Джону. «А потом, когда все закончится, мы сможем записать еще одну пластинку Anthrax так, как мы сами захотим».

Джон понял, о чем я говорю, но ему не хотелось этого делать. Он был вокалистом-ветераном. Ему не хотелось делить сцену с другим вокалистом. «Я понимаю, что вам это нужно» — ответил он. «Но я не могу принять в этом участия».

Может быть, это было заблуждение, но когда он сказал: «Я понимаю, что вам это нужно», мы подумали, что он дает нам свое согласие на то, что мы можем гастролировать без него. А может он имел в виду что-то другое. У нас явно не было его благословения, но так легко убедить себя сделать что-то выгодное, особенно когда ты годами переплывал реку с дерьмом. Если бы мы не провели этот реюнион-тур, мы бы наверняка распались. Вот так просто все было. Но Джон четко понимал, что если тур пройдет хорошо, у нас возникнет огромное желание записать очередной студийный альбом с Джои, и нам будет трудно сказать ему «нет». Он просто окажется в пролете. Безусловно, это была своего рода моральная дилемма.

Я думал об этом целыми днями. Мне казалось, что группа хорошо стартовала и успешно реализовала те цели, которые мы когда-либо ставили. Мы объездили мир, выпустили отличные пластинки и реализовали все свои рок-н-рольные фантазии и даже больше. В конце концов я добрался до самой сути и спросил себя: «Ладно, стану ли я проводить реюнион-тур, чтобы сохранить группу и получить возможность двигаться вперед, или не стану этого делать и группа распадется? Может быть, мой конец в Anthrax уже наступил?»

Хуй там плавал! Я не был готов так просто отвалить. Я просто не мог. Я отдал почти 25 лет жизни, я прошел с этой группой огонь, воду и медные трубы, и знал, что когда-нибудь наступит день, когда этот корабль сменит курс, и мы вернемся, чтобы снова записывать альбомы и выступать на площадках при полных аншлагах. У нас будет настоящий лейбл, который будет нас

спонсировать, а мы будем зарабатывать деньги, делая то, что нам нравится. А кроме того, я еще не все сказал. Если это значило потерять Джона Буша, то я был готов принести эту жертву. Моя жизнь в Anthrax и моя карьера значили для меня больше, чем потеря Джона в качестве вокалиста, каким бы хорошим другом он для меня ни был.

Решение было непростое. Ужасная, паршивая ситуация. Мы не только оставляем Джона позади, мы еще и гастролируем без Роба, потому что полный реюнион подразумевал возвращение Дэна Спитца. Роб даже не догадывался, что лишился работы, пока мы не начали обсуждать планы о новом туре. Буквально через пару недель после тура в компании с Dio, мы его уволили.

Не считая коммерческих нюансов относительно реюниона, был еще один фактор, который относился к Чарли и моему решению собрать снова старый состав. 8 декабря 2004-го Даймбэг Даррелл был застрелен насмерть прямо на сцене в Колумбусе, штат Огайо, во время выступления со своей новой группой Damageplan. Мы с Перл узнали об этом по пути к ее бабушке, которая жила в Ланкастере, штат Пенсильвания. Все началось с того, что мы вылетели из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, взяли напрокат тачку, и отправились на ней из аэропорта Джона Кеннеди в Ланкастер. Это заняло несколько часов. До отеля мы добрались около 11 вечера, уставшие от того, что ехали весь день. Перед тем, как ложиться спать, я пошел в душ, и когда я вышел из него, Перл сказала мне: «Твой телефон звонил без остановки».

Я взял его в руки и увидел пропущенные от Чарли, владелицы Adrenaline PR Марии Ферреро, которая работала с нами на заре нашей карьеры в Megaforce, и от многих других. Они все позвонили в 11:30 будним вечером, это было странно. Я перезвонил Чарли, а он мне: «Ты слышал?»

«О чем?»

«Даррелла застрелили».

«Что?»

«Дайма, Дайма застрелили насмерть в Алроса Вилла на концерте Damageplan».

Я все никак не мог переварить эту информацию. Мысль о том, что Дайма застрелили прямо на сцене была еще более невероятной, чем смерть Клиффа Бертона в автобусной аварии. Как кого-то могли застрелить на сцене? Такого вообще никогда не случалось, ни разу. Даже в порой взрывоопасном и жестоком мире рэпа никого и никогда не убивали на сцене. Таких прецедентов просто не было. Все это находилось за гранью моего понимания.

Я положил трубку и рассказал Перл. Мы сидели в шоке. Я

включил новости и через несколько минут увидел в бегущей строке на CNN: «Рокер был застрелен насмерть в Колумбусе, штат Огайо». Мы были потрясены и ошарашены и не знали, что нам делать. Мы были в этом крошечном отеле в Ланкастере, в Пенсильвании, а на следующий день у нас был запланирован визит к бабушке Перл. Мы не собирались его отменять, поэтому провели у нее несколько часов, а потом сразу сели в машину и поехали в Нью-Йорк, а затем сели на самолет до Далласа.

Мы остались там на несколько дней — на похороны и поминальную службу. Это было что-то невозможное. Некоторые из моих лучших друзей тоже присутствовали при этом, и мы все были в трауре. Вся радость померкла.

Всю службу я ожидал, что вся эта церемония окажется очередной проделкой Даррелла. Он был мастером на такие шутки. Я даже представлял себе, как он выскочит и заорет: «Ну, как я вас уделал, говнюки?» и мы все засмеемся. Я до сих пор не могу смириться с тем, что случилось с Даймом, и каждый раз, когда я думаю об этом, на меня находит злоба. Все это — просто случайность. Я уже не доверял большинству людей, а в свете этих печальных событий мне захотелось еще больше ограничить свой круг друзей. Вообще-то я оптимист по жизни, но по сей день я ненавижу людей и никому не доверяю. Когда что-то подобное случается с одним из твоих лучших друзей, как потом можно вообще чувствовать себя в безопасности?

Я думаю о том, что случилось с Даймом каждый раз, когда мы выходим на сцену. Пару раз, когда дети забирались на сцену, вне зависимости от того, насколько дружелюбными были их намерения, первое, о чем я думал: «Чувак, тебе не следует находиться на этой гребаной сцене. Нужно быть осторожнее». После смерти Дайма все изменилось. Сцена стала запретной зоной для всех, кроме музыкантов. Мне плевать, как тебе весело. Лучше держись подальше от сцены, черт возьми.

Именно Чарли вспомнил о смерти Дайма, когда мы решили воссоединиться с Джои и Спитцем. Мы спросили себя, а собрались бы Pantera снова, если бы Дайма не убили, и в какой-то мере я абсолютно убежден, что так и было бы. Потом мы поговорили о новых фэнах, которые никогда не видели наших выступлений с участием Джои и Дэнни.

«Слушай, мы по-прежнему в строю» — сказал Чарли. «Немногие группы могут этим похвастать. И нам предоставляется шанс оживить историю. Такого шанса потом может и не быть».

Это был не лучший сценарий, и возможно мы подходили к этому с рациональной точки зрения, потому что явно действовали не исходя из своих сил, мы действовали от отчаяния. То есть либо

мы делали это и очень сильно раздражали каких-то людей, либо мы распадались. Выбор был вполне очевиден.

Смирившись со своим решением, мы попытались преподнести это в виде триумфального возвращения. Поначалу практически так оно и было. Дэнни и Джои оба с волнением снова играли в Anthrax. Вернулся Фрэнки. Он не собирался такое пропустить! Слишком уж большой интерес ко всему этому был. Мы продавали все билеты и выступали на более крупных площадках, где мы уже долгое время не выступали. На фестивале «Даунлоад» в Англии мы открывали выступления Black Sabbath и Velvet Revolver. Пресса слетела с катушек. Все было идеально, все было круто. Все происходило так быстро. В первый раз, когда мы все пятеро снова сидели в одной комнате, это было в галерее в центре Нью-Йорка с Дэнни, Джои и Джулией из группы Fuse, которая брала у нас интервью для DVD, которое было запланировано к съемке на нашем первом концерте в Сэйревилле, штат Нью-Джерси.

Никакой подготовки, никаких междусобойчиков перед интервью, нет времени потусить и потрепаться, нет времени говорить о прошлом и о том, что мы хотели сказать этим шагом, нет времени снова быть друзьями. Неа. Мы выскочили стремглав и даже не посмотрели, полон ли бассейн. Первый месяц прошел весело. Было клево снова быть той группой, и мы играли старые песни лучше, чем в 80-е. Но прошло не так много времени, и старое дерьмо снова всплыло на поверхность, в основном из-за Дэнни, который на долгое время выпал из этого бизнеса и даже не понимал, как сейчас ведутся дела.

Он думал, что по-прежнему может возить кучу оборудования по всему миру. Я сказал ему, что мы сейчас так не работаем. Компании, предоставляющие оборудование, которые мы рекламируем, доставляют нам оборудование в каждый город. «Мы не тратим ни копейки на перевозку оборудования, поэтому эти деньги остаются в наших карманах».

Он этого не понял и хотел возить все свое громоздкое оборудование везде, куда мы ехали. Это было самой меньшей из наших трудностей. Весь тур обернулся гребаным кошмаром с первого дня второго месяца, и так продолжалось все 18 месяцев. Мы вернулись ровно туда, где были в 1990-ом. Anthrax обернулся полным расколом. Фрэнки, Чарли и я оказались по одну сторону, а Джои и Дэнни по другую.

Самая крупная ссора произошла в Милуоки, где цифровая консоль издавала свистяще — пердящие звуки в течение тридцати секунд перед нашим выходом на сцену. Звукооператор ее перезагрузил, и все настройки, которые мы сделали на саундчеке, стерлись. Все звуки раздавались не из тех мониторов,

и по какой-то причине гитара Дэнни заглушала все, и F-111 тоже. А перед этим ни у кого в миксе не было гитары Дэнни. Фрэнки просто спятил. Он пинками отправил со сцены все ведж-мониторы. Лицо у него было красным от злости, зубы сжаты, и я был уверен, что после шоу он сорвется, хотя к четвертой песне звукооператор отстроил весь микс. Как будто этого было мало, Фрэнки узнал, что Дэнни вырубил бас в ведж-мониторах, потому что не слышал свою гитару.

Десять минут подряд Фрэнки атаковал Спитца. Дверь гримерки была заперта, но его крики было слышно на весь коридор. «Кто ты, черт тебя подери? Кем ты себя возомнил? Ты даже не человек, мать твою!!!» Это было жестоко, унизительно и беспрерывно. Фрэнки бранился и опрокидывал пинками столы, а Дэнни просто стоял и не мог вставить ни слова. Все остальные спрятались и угорали. Ну что, все еще хочешь играть в нашей группе?

ГЛАВА 30
ПОЛЦАРСТВА ЗА ВОКАЛИСТА

Надо признать, реюнион-тур выдался на редкость тягостным. Если смотреть беспристрастно, он помог нам с финансовой точки зрения и разрешил наши проблемы в бизнесе. Мы передали Sanctuary «Alive 2: The DVD», компакт с лучшими хитами и «Anthrology: No Hit Wonders 1985–1991» на DVD. Они все это выпустили, но Sanctuary не удалось раскрутить это все как следует. Вот такие пироги. Ну, по крайней мере, нас больше не связывали контрактные обязательства. Все рассчитывали, что по возвращению домой мы запишем пластинку составом «Among The Living», но мы просто не могли это сделать в качестве ТОЙ группы, потому что мы уже в печенках друг у друга сидели. На дворе был 2006-ой, и я думал, что если мы каким-то чудом не заставим Джона Буша вернуться, то это будет конец Anthrax.

Я был зол, потому что этот реюнион-тур жаждали и хотели увидеть все кроме нас. Мне очень хотелось, чтобы у нас все получилось и чтобы мы снова были добрыми друзьями. Расставались мы мирно, но сейчас больше напоминали ссорящихся соседей по комнате в универской общаге.

Не могу винить во всем только Джои и Дэнни. Было бы слишком просто показать на них пальцем и сказать, что они были проблемными и хотели, чтобы все было так, как хотят они, поэтому ничего и не получилось. Скажу лучше, что именно мы все эти годы старались всеми силами сохранить Anthrax на плаву, а эти парни — нет. Поэтому, когда они вернулись, им следовало нас послушать. Истина в том, что можно легко оспорить их мнение: «Только посмотрите, что вы сотворили с Anthrax за все эти годы, пока мы сидели дома. Возможно, если бы нас не выгнали из группы, Anthrax бы никогда не оказались в этой ситуации, если уж на то пошло. Может быть, вам следует выслушать НАШИ предложения».

Я не заметил этого в 2006-ом, но ясно вижу это сейчас, когда у меня есть время подумать над этой ситуацией. Я болтал много ерунды в СМИ, потому что сильно нервничал и видел только одну сторону медали. Я говорил, что мы не можем двигаться дальше, потому что Джои этого не хочет и продолжает вставлять палки в колеса. В этом была своя доля истины. Мы сказали Джои и Дэнни, что хотим записать пластинку, а Джои выдвигал все больше и больше требований. Если вкратце, он хотел уволить менеджеров и провести смену руководства. Оказалось, что он был прав во всех

этих вопросах, потому что в конце концов у нас были проблемы со всеми, с кем У НЕГО были проблемы. Многие журналисты сообщали, что Джои вернулся не сразу, потому что запросил слишком много денег. Вот тут неправда. Он хотел получить свою долю, а у нас всегда все делилось на пять равных частей. Большего он никогда не требовал.

В конечном счете решение не работать над новым альбомом с Джои было принято нами, потому что мы не были на одной волне. У нас была твердая позиция, и мы не хотели ее менять. Мне было очень любопытно узнать, как бы новая пластинка звучала с Джои, но мое любопытство было съедено моим эго и невозможностью передать ему часть полномочий. Интересно наблюдать, когда что-то происходит неспроста. На самом деле для этой пластинки просто еще не пришло время. Возможно, мы это чувствовали?

И все же, без вокалиста мы были беспомощны. В наших самых несбыточных мечтах Джон Буш возвращался и записывал с нами новый альбом, теперь, когда у нас были новые менеджеры и мы «очистили палубу» от ряда неудачных контрактов. Мы надеялись, что он поймет, что мы сделали то, что нам нужно было сделать ради группы, и теперь мы можем идти вперед, как будто идем по следам «We've Come For You All». Но мы знали, что этому не суждено случиться. Джон был уязвлен, что мы провели реюнион-тур с Джои, и надо сказать, он очень гордый парень.

Последнее, что бы он сделал, это простил нас за то, что мы кинули его и сразу втянулся в рабочий процесс.

Вдобавок к эмоциональной бреши, теперь в его жизни были другие интересы. У него были маленькие дети, и он не хотел все свое время проводить на гастролях. В этот раз он не был готов все бросить только потому, что это было лучше всего для группы. Главным его приоритетом была семья. Как только стало очевидно, что мы не будем записывать пластинку с Джои и Дэнни или Джоном, группа развалилась до двух человек. В конце 2006-го мы с Чарли засели в комнате у него дома в Чикаго и начали писать новый материал. Мы были раздражены по поводу случившегося, поэтому естественным образом написали очень быстрый, агрессивный материал с сокрушительными басовыми ритмами и реально крутыми риффами типа «стоп-старт». Мы были очень довольны, и понимали, что у нас получается что-то особенное. Когда у нас была готова пара-тройка добротных песен, мы попробовали поработать с вокалистом, которого нам рекомендовали, но это не сработало. Чтобы узнать больше, можете спокойно заглянуть на Википедию, какой бы точной или неточной она не была.

В это время мы позвонили Фрэнки и сказали: «Эй, чувак, у нас проблемы. Ты нам нужен». Первое, что он сделал, это настоял на том, что он будет полноправным участником процесса записи. Я сказал, что мы уже написали пять песен и очень ими довольны, но что касается остальных, кто знает? Фрэнки сразу въехал и помог переработать материал, который мы уже написали. Да, Фрэнки вернулся, но опять-таки появилось тревожное обилие ссор и споров, в основном по поводу идей к мелодиям и партиям вокала. То есть там, где Фрэнки всегда блистал в творческом плане. Когда дело касается мелодий, он просто великолепен. Но много раз Чарли придумывал что-то другое, и это другое лучше подходило песне. Фрэнки говорил: «А кто ты такой, чтобы говорить, что твое лучше? Ясное дело, тебе твое больше нравится, ты же это придумал. Но мое лучше». Я пытался использовать идеи их обоих, добавляя свои тексты к их мелодиям, иногда также добавляя свои идеи по части мелодий, и когда это работало, у нас получалось лучшее от каждого участника и песни от этого только выигрывали. Когда это не работало, и чья-то идея явно была лучше, ну, тогда мы возвращались к этому гребаному древнему аргументу «хрен его знает, что такое Anthrax на самом деле». Когда это случается, мы с Чарли всегда говорим: «Слушай, мы знаем, как правильно». Но на этом ссора не заканчивается — какой там! — мы просто двигаемся дальше. Радует только, что обычно лучшие идеи настолько очевидны, что говорят сами за себя.

Мы пробовали двигаться дальше как группа, как это делали после того, как уволили Нила Тёрбина и приступили к написанию материала «Spreading The Disease» без вокалиста. Но мысль о том, что мы не можем ничего срастить без Джона или даже Джои висела над нашими головами как Дамоклов меч. Мы не хотели искать кого-то другого. Нам был нужен Anthrax, а в Anthrax могло быть только два вокалиста.

Примерно в это же время мы пытались решить, как сохранить группу. Я занялся совместной раскруткой акустических вечеров в нью-йоркском клубе Ретокс. Я сотрудничал со своим другом Майком Даймондом. Он был известным клубным промоутером. Мы решили устраивать представления раз в неделю. Когда все, кого я знал, были в Нью-Йорке, я прилетал, и мы устраивали акустические сэты. Я пригласил самых разных музыкантов, включая Cypress Hill, Sebastian Bach, Whitfield Crane, Bo Bice из «Американского Идола» и Кори Тейлора из Slipknot и Stone Sour.

В тот вечер, когда пришел Кори, перед тем, как идти в клуб, мы устроили ужин. Мы просто тусили вместе — я, Кори, Фрэнки и Перл. Кори спросил, как мы собираемся решать вопрос с

вокалистом и мы ответили, что пока не знаем, но у нас есть парочка новых песен и они очень клевые.

«Я смогу» — сказал он.

Мы засмеялись. Мы решили, что он шутит. Он уже выступал в двух успешных группах, и казалось нереальным, что он будет петь и в Anthrax.

«Нет, я серьезно!» — сказал он, и его голос задрожал от волнения. «Для меня будет гребаной честью петь с вами, парни, а ведь вы знаете, что я был вашим фэном с детства. Я с радостью напишу с вами песни и стану частью вашей истории».

Мы серьезно поговорили о том, как нам это воплотить в жизнь. Мы согласились выслать ему то, что уже написали, и он пообещал начать запись вокала после завершения текущего тура с Stone Sour. У него было огромное «окно» перед тем, как он должен был снова приступить к работе со Slipknot. Он подумал, что сможет взять по меньшей мере год для работы над пластинкой с нами и гастролями в ее поддержку. Это казалось потрясающим решением для серьезной проблемы. Фрэнки сразу был обеими руками «за», да и я тоже купился.

Та ночь в клубе была просто невероятной. Мы отыграли парочку песен с Кори и навели шороху. На следующий день я проснулся, припоминая разговор о том, что у нас будет петь Кори, и просто списал все на бухло и пьяный угар. Я правда не воспринял это всерьез. Следующим вечером Stone Sour выступали в Роузлэнд Боллрум, и мы были за кулисами. Я зашел в гримерку, и тут Кори Бреннан, менеджер Кори, говорит мне: «Эй, чувак, поздравляю с новым вокалистом».

«Что? А? Эм, он что, рассказал тебе об этом?» — спросил я.

«Да, он мне сразу рассказал» — отозвался Бреннан. «Я уже обзвонил остальных участников Slipknot и Roadrunner Records, и получил разрешение. Все в силе. Он получил добро».

Я крепко обнял Кори. Я рассказал Фрэнки и Чарли, и они оба были в восторге. Мы отослали Кори предварительные аранжировки к шести песням. Они ему понравились, и он сказал, что у него уже есть идеи по части вокала. Мы составили расписание, взяв за основу дату окончания его тура. Кори собирался после окончания тура за пару недель записать все свои партии, а потом приехать в Чикаго и провести три недели у Чарли, где мы могли бы довести песни до ума. Я подумал, что было бы неплохо какое-то время придержать эти новости, но Кори вышел в Интернет и всем растрепал. Он даже не позвонил мне и не сказал, что предаст эти новости огласке, хотя в принципе ничего страшного. Вот насколько он был взволнован. Мы начали говорить интервьюерам, что это действительно так, и все нас

поздравляли. Казалось, что в истории группы вот-вот откроется новая глава, и она будет очень хорошей.

9 июля 2007-го я вылетел в Чикаго, чтобы приступить к работе с Taylor Thrax, и провел несколько дней в Лондоне и посмотрел выступление Metallica на стадионе Уэмбли. Сказать, что выброс адреналина зашкаливал, это еще мягко сказано. Я был на седьмом небе, я хотел вернуться в студию и записать лучшую пластинку Anthrax в нашей карьере. Когда мы приземлились в аэропорту О'Хара, я включил свой телефон — куча смс. Я увидел пропущенные от нашего агента (и моего доброго друга) Майка Монтеруло, и перезвонил ему из терминала, а он мне такой: «Ты с кем-нибудь говорил?»

«Нет, я только с самолета».

«Кори не приедет» — сказал он. До меня не сразу дошел смысл его слов.

«Ну, я уже в Чикаго. Поэтому я пока тут пошатаюсь, и если он не сможет приехать в ближайшие дни, ничего страшного. Я не полечу домой, чтобы потом опять сюда возвращаться».

«Нет, он не приедет, и точка. Он не сможет в этом участвовать».

Roadrunner, лейбл Кори, в последний момент положил конец всей затее. Они посмотрели на расписание релизов на грядущий год, и один из крупных проектов, на который они рассчитывали, кажется, это была пластинка Nickelback, не выходил в срок. А теперь у них не будет и альбома Slipknot. Руководство лейбла посмотрело на итоги, и решило не давать Кори год отпуска от Slipknot. Участники группы уже получили аванс на пластинку, и лейбл угрожал забрать эти деньги, если он решит работать с Anthrax. Кори спросил, зачем они ждали до того дня, когда он поедет в Чикаго, чтобы приступить с нами к работе, чтобы сообщить эту ошеломительную новость, и они ответили так: «Мы не думали, что ты реально за это возьмешься». Кори вставил им пистон, но находился в затруднительной ситуации, а музыкальный бизнес по выражению Хантера С. Томпсона: «жестокая и узкая денежная траншея, длинный пластмассовый холл, где воры и сплетники считают себя хозяевами жизни, а хорошие люди дохнут как собаки. Но есть в нем и отрицательные стороны». Если бы Кори не поддался, это бы отразилось с финансовой точки зрения на всех девятерых участниках группы, а он не мог и не пошел бы на это. Он был раздражен, но другого выбора у него не было. Это было отстойно для нас и отстойно для Кори, потому что он не только очень хотел с нами работать, он уже написал песни и был на 100 % готов к этому.

И вот я стоял в О'Хара с ощущением, что меня только что

ударили в живот. Это напоминало сцену из фильма, где герой двигается в реальном времени, а все вокруг просто проплывает мимо. Меня тошнило, я был сбит с толку и сломлен. На секунду показалось, что кто-то высосал из меня весь воздух, и мы опять оказались не у дел.

Я доплелся до стойки Американ Эйрлайнс и сказал: «Мне нужен билет до Лос-Анджелеса, первым же рейсом».

Женщина у стойки посмотрела на мой маршрутный лист в компьютере и сказала: «Вы не собирались возвращаться в Лос-Анджелес еще три недели».

«Знаю, но мне нужно немедленно вернуться домой». Очевидно, она заметила боль в моем голосе и все устроила. Я был опустошен, убит, замучен, раздавлен. Я сел на самолет, опрокинул пару Maker's Marks[47] и отрубился.

Однажды я услышу то, что для нас написал Кори. Он сказал, что хранит все тексты песен в книге у себя дома. Недавно я сказал ему, что мы можем собраться вместе и поиграть песни, небольшой частный концерт только для нас двоих. Как бы безумно все это ни было, в конечном итоге даже к лучшему, что ничего не вышло. Разумеется, тогда я не видел и не понимал этого, но три года спустя, когда к нам снова присоединился Джои, все обрело смысл. После фиаско с Кори Тейлором я был вынужден на какое-то время отойти от Anthrax. Я не был готов забыть обо всем, но явно нуждался в перерыве. Перл планировала открыть свою сольную карьеру после многолетних выступлений в качестве бэк-вокалистки в группе своего отца. Она собрала группу с парнями из Mother Superior, а также пригласила Джима Уилсона и Маркуса Блейка — они оба играли в Роллинз Бэнд с 1999-го по 2003-ий, и начала писать песни. Я стал ритм-гитаристом, потому у меня была внутренняя связь, и потому что Anthrax все равно были неприкаянными. Я работал с Перл с 2007-го по самый 2010-ый. Она записала короткометражку, которую продавала на концертах, дала парочку туров, два раза открывала выступления отца в Штатах, а еще два с ним же в Европе. Я постоянно находился в режиме многозадачности: водил фургон, продавал мерч, выступал в роли тур-менеджера, турагента. Я выполнял различные роли, что было офигенно, потому что я находился на гастролях со своей женой, уступал ей руководство и видел, как она блистает. Я играл на ритм-гитаре и воплощал свои «малькомянговские» фантазии. Я просто был парнем, который тусует где-то позади со своей ритм-секцией.

Козе понятно, что наша музыка была далека от метала, и далека от того, чем я занимался в Anthrax, но это было по моей специальности, потому что вырос на музыке 70-х. Именно так я и

научился играть на гитаре. Поэтому играть такие песни, как «Rock Child», «Love Pyre», «Nobody» и кавер-версию «Nutbush City Limits» Тины Тернер было улетно. Глотком свободы была возможность выйти на сцену и просто играть, а временами зажимать долбаный аккорд «А». Мне не нужно было применять технику приглушения струн правой рукой и безумно быстрый «даун-пикин», который я называю «фашистской игрой на гитаре». В контексте Anthrax это мой стиль. Я играю невероятно плотно, практически не остается места для импровизации. Что есть, то есть — гребаный поезд ходит по расписанию. А с Перл я мог просто расслабиться, играть популярные рок-аккорды и кайфовать.

До того, как Перл выпустила свой дебютный альбом «Little Immaculate White Fox», я выбил для нее гастроли на разогреве Velvet Revolver на их последнем этапе выступлений в Великобритании. Я написал Слэшу по электронке и сказал: «Эй, чувак, Перл записывает отличную рок-пластинку. По-моему вы — лучшая группа, которую они могут разогревать».

Он попросил мне прислать ему пластинку, и спустя два дня после ее получения написал ответное письмо со словами: «Скажи своему агенту, пусть ждет звонка». И, конечно же, спустя два дня после этого их агент позвонил нашему агенту и предложил Перл прокатиться в компании с Velvet Revolver в британском туре. Это было очень клево со стороны Слэша, что помог все устроить. Он даже выбил для нас немного денег, чтобы гастроли не были в минус, а мы получили дополнительный заработок, продавая мерч и копии короткометражки. Шоу прошли с большим успехом. Перл выступила на переполненной Брикстонской Академии перед 5500 человек. Зрители не знали, кто мы такие. Они пришли посмотреть на Velvet Revolver. Может быть, некоторые из пришедших увидели меня и сказали себе: «Эй, а ведь я знаю этого парня», но зрители не знали ее музыку. Ко второй песне она чертовски зажгла.

Во время сэта она приглашала народ из зала подходить к стойке с мерчем и поздороваться после шоу. Каждый вечер набиралось по две сотни подростков, и они все покупали короткометражку. Семнадцати- и восемнадцатилетние подростки говорили нам: «Я никогда о вас не слышал, но вы были офигенны!»

Она доказала, что заслужила свое место под солнцем. Не то чтобы она чувствовала, что у нее есть право, типа «я дочь непростого человека и тоже стану петь!» Она работала до седьмого пота, и было очень здорово видеть, как она это делает каждый вечер — даже перед фэнами своего отца, которые в какой-то степени очень сплоченные. Но и тогда ей удалось их покорить.

Возможно они знали, кто она такая, но они пришли посмотреть на Мита Лоуфа и не собирались сходить с ума только потому, что группа его дочки открывает его выступление. Обычно две-три песни они вели себя спокойно и вежливо, а потом она просто заводила их, поэтому, когда отведенные ей сорок пять минут подходили к концу, люди вставали и хлопали. Она великолепная, потрясающая фронтвумен.

После того, как она закончила гастроли, мы приступили к работе над «Little Immaculate White Fox». Пластинка вышла в январе 2010-го. Тед Ньюджент засветился в песне «Check Out Charlie». Он выслал по электронке свои партии вокала к этой песне, а гитарист и вокалист Alice In Chains Джерри Кантрелл пришел в студию и записал соло к композиции «Anything», это было очень круто. Я всегда любил Alice In Chains еще с тех пор, как мы выступали с ними в туре «Битва Титанов». Они получили душ из плевков и их забросали монетами и бутылками с мочой, но они выстояли. Джерри — чрезвычайно талантливый музыкант и потрясающий композитор. Нам даже не пришлось ему подсказывать, в каком направлении мыслить. Он просто сел, послушал песню и придумал эти гитарные партии, напоминавшие по духу пассажи Дэвида Гилмора. Как раз то, что мы искали.

Спустя почти одиннадцать месяцев с момента выхода альбома Перл, сайд-проект The Damned Things, который я организовал с гитаристом Fall Out Boy Джо Троманом, выпустил пластинку «Ironiclast», которая была непозволительно проигнорирована и которой я по-прежнему невероятно горжусь.

Я познакомился с Джо в 2008-ом через общего друга Дэвида Карона, который работал с нами обоими в Washburn Guitars. Мы с Дэвидом были хорошими друзьями и постоянно тусили вместе. Он был убежден, что мы с Джо быстро найдем общий язык, несмотря на то, что мы исполняли очень разную музыку. Короче, он нас познакомил и мы поладили. Я ему годился в отцы, но он не был каким-то долбанутым подростком из группы. Джо — серьезный музыкант, потрясающий гитарист, очень умный и веселый чувак, и у нас схожие музыкальные вкусы. Мы быстро подружились.

Каждый раз, когда я приезжал в Чикаго или Джо был в Лос-Анджелесе, мы собирались и тусили. Я даже пару раз заценил выступления Fall Out Boy, просто чтобы иметь представление о том, чем он занимается. Как-то вечером он на день заскочил в Лос-Анджелес и спросил меня, не хочу ли я поджемовать. На следующий день Fall Out Boy уезжали в Японию, а мы коротали вечер в отеле Ренесанс в Голливуде. Он попросил меня прийти, если у меня особо нет дел и принести с собой гитару, чтобы мы

могли поджемовать. Я подумал, что он не захочет играть кавера каких-нибудь Thin Lizzy, потому что мы все время только о них и говорили, но он сказал, что у него есть риффы, которые он написал и хочет мне показать.

Я притащил акустику и после пары пива он показал мне риффы, о которых говорил. Они были довольно хороши и несколько мрачны, в духе Down или тех же Kyuss.

«Эти риффы для Fall Out Boy?» — спросил я.

«Не, для Fall Out Boy они слишком тяжелы. Почему бы нам не использовать их при написании совместных песен?»

Я подумал, что это клевая идея, тем более что Anthrax пребывали в подвешенном состоянии. Я сказал Джо, что выучу риффы и начну писать новые песни, пока он в Японии. Я вернулся в Чикаго вскоре после возвращения Джо, и мы приступили к работе над песнями. У нас обоих было полно идей к песням, и вот уже готовы три или четыре наброска песен. Они были мрачными и атмосферными, как и те быстрые риффы, которые он мне показал, и две из них «Ironiclast» и «Grave Robber», в конечном счете попали на альбом The Damned Things, только тогда у них были совсем другие названия. Эти песни достаточно красноречиво рассказывают о том, чем мы занимались поначалу, и убедили меня, что мы сможем записать совместную пластинку.

Джо позвонил барабанщику Fall Out Boy Энди Херли, прожженому металисту. До Fall Out Boy Энди играл только трэш-метал и хардкор, и он отличный барабанщик. Мы порепетировали в паршивом подвале студии Джонни Кея в Чикаго. Он разрешил нам за умеренную плату пользоваться этим местом. У нас там было кой-какое оборудование, и мы приступили к репетициям и написанию. Дэвид, наш кореш из Washburn, играл на басу, а мы репетировали песни.

У нас было готово пять песен, но не было вокалиста. Для меня это обычная дилемма. Как-то вечером мы колесили по Чикаго, слушая Everytime I Die, и мы с Джои сошлись во мнении: «Если нам удастся заполучить Кита Бакли на вокал, это будет улетно».

«Так я знаю его» — сказал Джо. «Давай я ему черкну смску прямо сейчас».

Джо написал, что он был нашим главным кандидатом на роль вокалиста в нашей новой группе и спросил, есть ли у него время и интересно ли ему. Кит был польщен, что мы о нем подумали, и попросил нас выслать ему пару песен. Мы узнали, что раз Кит никогда об этом и подумать не мог, то с тем же успехом он скажет «да». Тогда мы думали назвать группу Methuselah, но название не прижилось. Кит послушал наши демо и ответил, что

ему очень понравились песни, он в деле и сейчас же приступает к написанию.

Вскоре после этого мы все сидели в нью-йоркском баре напротив улицы Ирвинг Плаза с Перл, Мари, девушкой Джо, и Робом Каггиано, который вернулся в Anthrax. Я подумал, было бы здорово иметь Роба в новой группе. Для нас был смысл иметь трех гитаристов, потому что в музыке, которую мы писали, использовались гитарные партии в духе Thin Lizzy.

«Нам нужен Роб для группы» — сказал я, когда Каггиано встал из-за стола, чтобы направиться в уборную. «Только представь возможности гармоний. Все это мы сможем сыграть живьем, и вы отлично ладите. Его умение, мастерство в написании и продакшне нам бы очень пригодились».

Джо согласился, поэтому, когда Роб вернулся, я спросил его, не хочет ли он поиграть в Methuselah. Тогда он шутливо называл группу Mejewselah, потому что мы с Джо были евреями. Роб был удивлен, что я спросил его, но при этом был очень взволнован. Ему нравились наши песни, и он хотел внести свой вклад. Когда группа начала приобретать серьезный оттенок и песни стали записываться на раз-два, мы поняли, что Дэвид, чувак, который нас познакомил, не годится на роль басиста и никак не сможет записать пластинку и поехать с нами гастроли. Он просто не поспевал за нами. Фигово, что тут сказать.

Группа начиналась как придурковатый проект двух друзей, и вдруг все стало серьезно и один из основателей уже не вывозил. Джо сказал ему, и по понятным причинам Дэвид был расстроен. Я не разговаривал с ним несколько лет. Потом восстановил с ним связь, но некоторое время наши отношения оставались прохладными.

Mejewselah переименовали в The Damned Things с легкой руки Кита, который позаимствовал это название из строчки песни «Black Betty». Мы веселились, и, казалось, песни говорят сами за себя. Мы слушали что-то вроде «We've Got a Situation», и Роб говорил: «Хм, здесь нет припева». Тогда я брал гитару и говорил: «А что скажешь на это?», играл рифф из головы, и он идеально подходил. Джо тоже все схватывал на лету. Он написал основу музыки и придумал убойные риффы к песням вроде «Handbook for the Recently Deceased» и «A Great Reckoning». И хотя темы The Damned Things отлично сочетались, на запись пластинки ушло больше времени, чем мы предполагали, главным образом потому, что Джо и Роб были очень щепетильны во всех мелочах. На «Ironiclast» мы экспериментировали с кучей разного оборудования, звуками и тонами, потому что они хотели позаботиться о том, чтобы все идеи были реализованы по

максимуму.

У Island Def Jam, лейбла Fall Out Boy, было право первого выбора на альбом, и они его хотели. А потом они вдруг полностью облажались. Мы так и знали. И у нас не было выбора, вот это было по-настоящему отстойно. Мы подумали, что у нас будет шанс на победу, потому что Боб МакЛинн из Краш Менеджмент, менеджер Fall Out Boy, тоже взялся за The Damned Things, и он знал всех этих людей из Island Def Jam. Мы подумали, что ему удастся убедить их полюбить пластинку и раскрутить ее как надо. Но опять-таки, как это обычно бывает с рекорд-компаниями, парень, который руководил лейблом долгое время, L.A. Reid, ушел, и на работу взяли кого-то другого. А может было наоборот. Я не слежу за всеми этими перетасовками в руководстве. Я только знаю, какое дерьмо творилось на корпоративном уровне и что все бюджеты заморозили. Словом дня стало «нет». Мол, нет, мы не сможем то. Нет, мы не сможем это. Наверное, только один из пятидесяти пунктов, которые они обещали выполнить, осуществился.

Фэны Fall Out Boy, Anthrax и Every Time I Die, которые прочли о проекте, поначалу испытывали интерес, но многие даже не знали о том, что пластинка вышла. Мы подумали, что у нас в руках платиновый альбом с как минимум четырьмя стопроцентными радиохитами. Как по мне, они определенно звучали как радиохиты. Но когда в 2010-ом вышел «Ironiclast», Island не сделали буквально ничего. Если бы у нас в команде был хоть один человек, который взялся за это дело, мы могли бы продать миллион копий, выехав на одном только послужном списке и качестве написанной музыки. Блядь, пустячное дело, но они умудрились все облажать. В худшем случае, думал я, продадим хотя бы сто тысяч копий, а мы даже половины не продали.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, гастроли The Damned Things прошли отлично. Мы испытывали волнение от того, что сформировали новую группу. То обстоятельство, что мы все уже были друзьями, все сделало капельку лучше, ведь при обычных обстоятельствах, учитывая графики наших групп, мне бы ни за что не удалось столько потусить с Китом. А теперь мы путешествовали по всему миру и стали настоящими друзьями. Мы провели тур Джагермейстер, гастроли в качестве хэдлайнеров по Штатам, поучаствовали в фестивалях в Европе, провели американский тур с Volbeat, засветились на фестивале Soundwave в Австралии, и отзывы были сплошь положительными. Будь у нас время после всех этих гастролей написать больше песен и вернуться обратно в студию на запись очередной пластинки, и

думаю, мы бы наверняка развалили группу. Но у нас было только небольшое «окно» перед тем, как все должны были вернуться к своей основной работе.

Нам всем хотелось бы однажды записать последователь «Ironiclast», но как знать, когда это случится, ведь приходится иметь дело с парнями в четырех действующих группах. Дела у Fall Out Boy сейчас идут очень хорошо, а Anthrax только-только выпустили крупнейший альбом со времен «Sound Of White Noise». Даже если мы смогли бы записать новую пластинку The Damned Things на следующий год или около того, когда нам ехать на гастроли в ее поддержку? Не то чтобы нам нужно было тратить целый год, путешествуя по миру. Достаточно трех недель тут, четырех там, и так время от времени. Это вполне реально, но как знать? Единственное, что я знаю точно, это что на Island эта пластинка не выйдет.

ГЛАВА 31
БЕЛЛАДОННА И «БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА»

Какое-то время я разрывался между The Damned Things и Anthrax. В 2009-ом, когда Anthrax все еще находились на этапе написания «Worship Music», нас пригласили дать парочку шоу на фестивале Sonisphere в Европе. Такая возможность не могла пройти мимо нас. Мы подумали о тех, кто мог бы с нами спеть, и решили, а почему бы не попробовать попросить Джона Буша слетать с нами в Англию и отыграть всего одно шоу 1 августа в Небуорте. Я поддерживал с Джоном связь все то время, что он был за бортом. Я видел его то здесь, то там, так что нельзя сказать, что мы рассорились в пух и прах. В худшем случае он мог ответить «нет». Мы с Чарли связались с ним по телефону и спросили, сыграет ли он с нами на Sonisphere.

«Я не смогу поехать сегодня…»

«Не, не» — перебил я. «Мы забили на предложения о двух неделях концертов. Мы планируем отыграть только в Небуорте. Это такое историческое место. Мы лишь хотели предложить, может тебе будет интересно».

Джон на секунду замолчал, и я увидел в этом добрый знак. Буш спросил, может ли он взять недельку, чтобы все осмыслить. Мы ответили не вопрос. Он перезвонил нам в понедельник и сказал, что согласен. Конечно, в глубине души мы надеялись, что он так отлично проведет время и поймет, как сильно ему недоставало группы, что решит снова стать ее полноценным участником. Я на это не рассчитывал, но это было бы идеально. Мы прилетели в Англию, и за день до шоу немного порепетировали в одной лондонской студии. Все было как прежде. Все было клево и шоу прошло с большим размахом.

Когда мы вышли на сцену, воздух был буквально пропитан эмоциями. Перл стояла рядом с кулисами и не могла сдержать эмоций. После шоу я был настолько вымотан, что у меня кружилась голова, и мне пришлось присесть в гримерке. Я едва не отрубился, а ведь я даже не курил травку. Все испытывали чувство эйфории, и мы надеялись, что Джон чувствовал то же самое. Возможно мы сами себя обманывали, но мы искренне верили, что этого опыта будет достаточно, чтобы показать, как он нужен Anthrax.

Я постарался приложить всю свою волшебную силу

убеждения. «Разве тебе не хочется это повторить?» — спросил я, стараясь говорить мягко и не давить. «Сейчас твои дети стали чуть старше. Мы можем меньше гастролировать, а ты, если захочешь, можешь брать с собой в дорогу свою семью».

Но его душа не лежала к этому. Ему понравилось выступать на этом шоу, но он не был готов вернуться в группу. В начале следующего года мы спросили его, сыграет ли он с нами концерты на фестивале Soundwave в Австралии, и к нашему удивлению он согласился. Вот тогда-то мы и начали с ним серьезные переговоры о записи пластинки. Запись «Worship Music» практически подошла к концу. Мы наметили свои идеи по части партий вокала и сказали Джону, что вышлем ему музыкальную основу.

«Я не уверен насчет записи альбома» — отозвался он. «Выступать с концертами время от времени — это одно, а записывать альбом гораздо серьезнее. Это не для меня. Я не готов это сделать».

Мы все равно ему отправили MP3 с готовым материалом, и я сказал ему: «Ты только послушай, и сообщи, что думаешь».

Вскоре он ответил мне: «Материал очень хорош. Но что если мы не сможем превзойти «We've Come For You All»?»

«Говорю тебе, с этими песнями мы превзойдем «We've Come For You All»».

Я подумал, что Джон реально настроен вернуться. Мой осторожный оптимизм начал выдавать себя. «Да, мне очень нравится наш новый материал. Ты хочешь начать запись?»

«Ну, у меня есть кое-какой материал, который мне очень нравится в лирическом и мелодическом плане, но я все выброшу, если ты хочешь, чтобы мы начали с чистого листа».

«Нет, если тебя нравятся твои идеи, я их выслушаю».

Казалось, все медленно движется вперед. Конечно, это были только маленькие шажки. Мы заманивали его к себе. В конце концов он бы не смог ничего поделать с собой. Это же Джон, мать его, Буш. Мы чувствовали, что это у него в крови. Мы отыграли концерты на пяти крупных фестивалях в Австралии, и все прошло офигенно. Джон пел с энтузиазмом и агрессией одаренного подростка, который только-только пришел в свою первую группу. Мы были в своей лучшей форме. Тем не менее, когда мы прилетели обратно домой, появилось много трений и раздражительности. Пришло время «делай свое дело или дай его сделать другим»[48].

В конце концов Джон согласился. Он попросил нас отправить ему всю музыку, которая у нас есть, и он был готов составить с нами план, как все это осуществить юридически. Нашим

менеджером был Марк Аделман из CAM, это часть империи Irving Azoff. Это тот самый парень, что вернул Дейва Эллефсона в Megadeth. Он был невероятно самоуверенным, и мы верили, что он сможет скрепить сделку с Джоном. Мы организовали встречу в офисе Аделмана в Лос-Анджелесе. Там были я, Джон, Чарли и Фрэнки. Все находились под впечатлением, что мы выйдем с этой встречи с Джоном Бушем в рядах Anthrax. Тогда мы закончим запись «Worship Music» и вернем Anthrax на металический олимп. Все уселись и начали трепаться и угорать, как обычно. Марк стал рассказывать о плане на восемнадцать месяцев, в течение которых выйдет пластинка и что мы отыграем хедлайн-туры на крупных площадках. Мы внимательно слушали, когда вдруг заговорил Джон.

«Простите, что прерываю, но я не смогу».

В комнате повисла могильная тишина. Я разговаривал с Джоном прошлым вечером, и он был готов. Шестнадцать часов спустя мир снова перевернулся вверх тормашками.

«Я не смогу» — повторил он.

«Мы все пришли на эту встречу, чтобы начать строить планы» — сказал я. «Ты же сказал, что вернулся. Ты сказал, что хочешь этого».

«Знаю» — ответил он, — «но прошлую ночь я очень крепко об этом думал, и тогда до меня дошла реальная картина происходящего. Я не могу быть тем, кем вы хотите меня видеть. Если бы нужно было просто ездить и каждые два-три месяца выступать с концертами на крупных фестивалях, и так далее, и тому подобное, тогда ладно. Тогда я бы с радостью время от времени это делал. Но вам нужен вокалист, который будет выкладываться по полной».

Он знал, что нам потребуется 150 или больше концертов в поддержку нашей следующей пластинки, и не был готов к этому. Он не хотел разлучаться со своими детьми на столь долгий срок. Джон сказал, что его сердце будет не на месте, а нам нужен тот, кто мыслями будет на 100 % с нами и кто захочет поехать на гастроли.

«Просто я уже не тот парень» — добавил он. «Я совсем не буду счастлив. Я не испытываю враждебности по поводу всего, что было в прошлом. Я люблю вас, парни. Шоу, которые мы недавно дали, были чертовски улетными, но я не могу принять в этом участия, если только вы не скажете, что мы дадим всего тридцать концертов в следующем году. И если вы мне так скажете, то я буду знать, что вы лжете».

Мы были поражены, мы онемели. Мы смотрели на Джона, друг на друга, на пол. Мы были так близки…

После долгого молчания Марк спросил, есть ли у кого-нибудь идеи. Я ответил, что не хочу прослушивать нового вокалиста, которого мы не знаем. И тогда Чарли предложил вернуть Джои. Фрэнки, Марк и даже Буш согласились, что это имело наибольший смысл и что это отличная идея. Несколько странно было получать одобрение от Джона, потому что именно привлечение Джои в группу для реюнион-тура как раз и было тем клином, который вышиб Буша и вызвал у него неприязнь.

«Помните, что случилось в конце реюнион-тура? Откуда нам знать, захочет ли Джои вообще возвращаться? Легкой жизни мы ему не устраивали. Как это в принципе может сработать?»

С этого момента обсуждение было поставлено во главу угла, и именно приближающийся тур «Большой Четверки» сделал идею возвращения Джои самой логичной в мире. Шанс сыграть роль в праздновании рождения и долголетия трэш-метал с одними из лучших друзей и вокалистом, который был с нами, когда эта тема была на пике, был явно заманчивым. Я решил, что если Джои захочет попробовать снова, то я всеми руками «за».

Я был на гастролях с Перл, сразу после релиза «Little Immaculate White Fox», и мы выступали в Нью-Йорке в Студии в Уэбстер-холле. Фрэнки был в городе, Чарли тоже случайно оказался в Нью-Йорке, и мы спросили, приедет ли Джои из северной части, чтобы повидать нас. Чарли позвонил ему и рассказал о четырех приближающихся шоу «Большой Четверки», в которых мы должны были принять участие. Он сказал Джои, что очень хочет, чтобы тот отыграл с нами концерты, потому что он тоже сыграл большую роль в эволюции трэша. Джои согласился встретиться с нами в городе, и они вместе пришли на шоу Перл.

Было здорово повидать Джои. На следующий день мы все отправились за кофе. Вероятно, это была самая короткая деловая встреча. Я спросил: «Мы хотим, чтобы ты вернулся, мы хотим снова быть группой», и Чарли ответил: «А все ли сейчас на одной волне? Все ли мы хотим этого и хотим двигаться вперед как группа? Сможем ли мы закончить запись «Worship Music», чего бы это ни стоило?»

Все, включая Джои, ответили восторженным «да».

«Все, что я хочу, это снова быть частью группы» — сказал Джои. «Давайте сделаем это снова».

Вот так просто все и было. Могу уточнить, это было 29 апреля 2010-го. Этот день перевернул в Anthrax все. Корабль снова вернулся на верный курс. Или, если говорить языком греческой мифологии, вместо того, чтобы толкать в гору гигантский валун как Сизиф, впервые за долгое время он сам покатился с горы.

Шоу «Большой Четверки» сыграли огромную роль в

повторном интегрировании Джои в ряды Anthrax. Мы праздновали наследие трэша с Metallica, группой, которая первой вывела его в массы. Было очень естественно, что Джои выступал на этих концертах, так как он был вокалистом Anthrax, когда мы были бесспорно одной из четырех групп, создавших трэш-метал. За эти годы мы отыграли немало шоу в компании со Slayer и Megadeth, но в воздухе всегда витала идея, как было бы здорово собраться всей «Большой Четверкой» и устроить тур. Все ждали, когда Metallica выступят с этой идеей, но они никогда и близко к ней не приближались. Прежде между ними и остальными группами переговоров не было ни разу. Впервые у меня возникло предчувствие, что тур «Большой Четверки» может действительно состояться, когда нас с Чарли пригласили на церемонию введения Metallica в «Зал Славы» в Кливленде 5 апреля 2009-го. Мы стояли у барной стойки на автопати, и тут к нам двоим подгребает Ларс. Мы поздравили его и какое-то время трепались о всяком, и тут ни с того, ни с сего он спрашивает: «Парни, а что вы думаете о том, чтобы отыграть концерты «Большой Четверки»?»

«А? Ты о чем?» — спросил я. Я даже не вкурил, о чем он толкует, потому что это было так далеко от того, что мы обсуждали, да и сама возможность никогда раньше не упоминалась в разговорах. Он повторил свой вопрос: «Что вы думаете о том, чтобы отыграть концерты «Большой Четверки»?»

И опять мы ответили что-то типа: «Чего? Большая что?»

«Ну, вы знаете, концерты «Большой Четверки» — мы, вы, Slayer и Megadeth».

Когда мы наконец доперли, о чем он говорит, я и Чарли сказали в один голос: «Да мы всеми руками «за»! Это было бы просто офигенно! Но этому никогда не бывать. Когда нам это делать? Вы сейчас над этим работаете?»

Ларс не ответил на этот вопрос. Он только пожал плечами, улыбнулся, а идея так и осталась висеть в воздухе.

Ближе к концу 2009-го до нас дошли слухи. В кулуарах метал-сообщества гуляли слухи, а потом мы наконец получили официальный звонок от менеджмента Metallica с вопросом о нашей занятости на кое-какие дни летом 2010-ого. Они сращивали концерты «Большой Четверки» и хотели убедиться, что все смогут принять участие. Вот тогда-то все и стало реальностью. А до этого все ограничивалось одним трепом. Все время до начала концертов мы ощущали огромное волнение, ведь все понимали, что это будет впервые. Билеты на шоу поступили в продажу довольно рано. Публика знала, что они состоятся и у них просто срывало башню. Все эти концерты были довольно далеко — Польша, Чехия, Болгария, Румыния. Люди с нетерпением

ждали, когда Metallica организуют шоу «Большой Четверки» в Штатах и остальной части Европы. Волнение буквально наэлектризовывало. Охренеть — не встать! «Большая Четверка» едет к вам. Metallica пригласили команду, чтобы снять четвертое шоу, в Софии, это в Болгарии, и транслировать его в кинотеатрах по всему миру. А потом они выпустили его на DVD. К этим концертам готовились по-особому.

Первое шоу состоялось в Варшаве, Польша, и за день до этого Metallica пригласили все группы на тусу в итальянский ресторан. Потом мы узнали, что женам, девушкам и турменеджерам придется подождать три часа, только тогда их пустят на пати. Все подумали: «Что?» Мы знали жен друг друга, и казалось странным, что они сделают обычное пати чем-то эксклюзивным. Но они лишь хотели, чтобы участники группы смогли потусить вместе, поболтать и ощутить дух того, что нам предстоит, не отвлекаясь ни на что постороннее.

Той ночью мы все пришли в этот ресторан — семнадцать чуваков из четырех групп. И должен отдать должное Metallica — все было спланировано с хирургической точностью. То, как ведется и управляется их бизнес, как учитываются все риски, перед принятием решений. Сейчас я вспоминаю об этом и думаю, что это было верное решение. Атмосфера была очень клевой и особенной. Все чуваки из групп, начиная с 1981-го, начали снова общаться друг с другом, и было улетно оглядываться по комнате и смотреть, как они пиздят. Дейв Мастейн и Керк Хамметт тусили и болтали. Ничего такого я раньше никогда не видел. Я знал Metallica, когда Дейв был в группе, и потом, когда Дейва выперли из Metallica и пришел Керк, но я никогда не видел, чтобы эти двое сидели в одной комнате, не говоря уж о похлопываниях по плечу, улыбках и разговорах. Ничего не отвлекало, и это было отличное новое знакомство для многих людей. А позже, когда пришли жены, девушки и друзья, мы устроили одну большую вечеринку.

Это была отличная идея со стороны Metallica устроить обед так, как они это сделали, потому что это растопило лед между всеми нами. Выходя на шоу на следующий день все чувствовали себя комфортно. Никакой неловкости, мы все были счастливы там находиться. Это задало тон всему туру, и к тому времени мы все прекрасно понимали, что концерты «Большой Четверки» будут невероятными, потому что нам всем хотелось там быть.

Джои Белладонна был взволнован не меньше остальных по части этих шоу. Он был в ударе, он выступал лучше, чем когда-либо, пел с большим диапазоном, чистотой и уверенностью, чем я слышал за долгое время. Выступления с Джои летом 2010-го и осенью 2010-го в туре Джагер с Slayer и Megadeth помогли

укрепить наши отношения, потому что мы так хорошо отыграли на этих концертах и все группы поймали кайф. Опять-таки, стало очевидно, что Джои свой в доску чувак, который придал всем этим турам торжественный дух и открыл дверь в будущее так, как мы этого давненько не чувствовали.

Я люблю всех парней из Metallica и Slayer, и у меня хорошие отношения со всеми из Megadeth, поэтому я всегда отрывался, когда мы с выступали с этими парнями. Все эти годы у многих людей случались конфликты с Дейвом Мастейном, фронтменом Megadeth, но ко мне он всегда клево относился. Я знал его еще когда он играл в Metallica, и они только приехали в Нью-Йорк из Сан-Франциско. Он пришел на первое шоу в Кантри Клаб, которое Anthrax проводили с Raven в Лос-Анджелесе. К тому времени с момента его изгнания из Metallica прошло совсем немного времени, но у него уже были готовы демки песен, которые попадут на первый альбом Megadeth «Killing Is My Business…and Business Is Good».

Помню, как после шоу мы сели в машину к какой-то девушке, и он включил мне «Skull Beneath The Skin», заглавный трек, и «Last Rites/Loved To Death». Я сказал: «Чувак, это потряс!» А он пошутил: «Да, да, я жгу напалмом, черт побери! Эти парни выперли меня из группы, но я им еще покажу!»

Как я уже сказал, Дейв всегда был моим другом, даже иногда лез из кожи вон, как, например, когда мы выступали в туре «Максимум Рок» с Megadeth и Motley, и он всегда следил за тем, чтобы наш задник уже висел, когда он приходил проверить сцену, и перевез нашу аппаратуру в своем грузовике обратно в Нью-Джерси, когда этот тур закончился. Единственный раз, когда между мной и Дейвом произошла странность, это несколько лет назад, и меня не было рядом, когда это произошло. Мы с Перл были в отпуске, катались с нашим другом Джом Бастианичем по Фриули, это красивая северовосточная часть Италии. Мы направлялись к ресторану за городом, когда зазвонил мой телефон. Это был наш менеджер: «Ты уже читал Брейв Вордс[49]?»

«Нет, я у черта на рогах. Я рад уже тому, что телефон ловит сигнал».

«Это уже везде» — продолжал он. «Мастейн рассказывает истории о том, что ты рассказал ему, как в 1986-ом, перед смертью Клиффа Metallica хотели уволить Ларса по возвращению домой».

Не знаю, говорил ли я такое Дейву когда-нибудь. Я не знаю, зачем мне это было делать, но может это и правда было в какой-то момент. Эта история ни для кого не была секретом. Люди знали об этом и Ларс тоже знал. Мой менеджер продолжал: «Ну,

Дейв что-то раскручивает, и в каждом интервью, которое дает, упоминает о том, что ты рассказал ему эту историю».

Вечером, когда мы вернулись в дом, где остановились, я набрал Дейва и спросил: «Привет, мужик, что происходит?» Я рассказал о том, что мне передал мой менеджер, и спросил, зачем он затрагивает в интервью эту тему.

«Да, да. Я решил упомянуть твое имя в прессе, чтобы помочь тебе раскрутить твою книгу».

«Дейв, у меня нет книги» — ответил я. Понятия не имею, с чего он взял, что она у меня была.

«А? У тебя нет книги?»

«Нет, Дейв. Ни книги, ничего. До выхода пластинки тоже далеко. В данный момент ничего не происходит. В следующий раз, когда захочешь помочь мне что-то раскрутить, сперва согласуй это со мной, пожалуйста». (Эй, а ведь теперь у меня есть книга…)

Я быстро связался с Ларсом. Я написал ему смску и сказал, что не знаю, зачем Дейв рассказывает истории двадцатилетней давности. Ларсу было плевать. Странно. Но это единственный раз, когда появилось то, что можно назвать плохим опытом с Дейвом, и по сравнению со многими, с кем он сталкивался за эти несколько десятилетий, это довольно здорово.

В сентябре и октябре 2010-го на гастролях со Slayer и Megadeth мы вернулись и стали внимательно переслушивать «Worship Music». Нам нужно было понять, что из этого хорошо, а что нужно поменять, что нам еще нравится, а что отправится в мусор. Мы сидели в гримерке каждый день, слушали песни и тщательно их разбирали. Особое внимание уделяли аранжировкам и следили за тем, чтобы каждая часть каждой песни была лучшей из возможных. Понимание сильных сторон Джои как вокалиста, а их масса, действительно помогли из просто хорошей получить отличную музыку. К концу года у нас были готовы все аранжировки для пластинки. Группа работала так, как никогда раньше, и было очевидно, что на этот раз Anthrax действительно вернулись — сильные как никогда!

Некоторые из треков «Worship Music», к примеру, «Fight 'Em 'til You Can't», получилась довольно просто. Это одна из первых песен, написанных мною с Чарли в конце 2006-го. У Чарли были основные риффы, у меня была идея для средней соединительной части, и аранжировки пришли в голову мгновенно. Я написал слова в секретной комнате старого дома, где мы жили с Перл. Мне в голову тут же пришла идея использования зомби-холокоста в качестве метафоры для неумирающей группы. Но название взято из строчки нового телесериала «Звездный Крейсер

Галактика». Я всегда хотел написать песню с таким названием, но каким бы нердом я ни был, я не мог найти способ написать песню об истории двух главных героев шоу — Гэлене «Шэфе» Тироле (Аарон Дуглас) и Каре «Старбак» Трейс (Кэти Сакхофф). Они боролись с Килоном до конца. Довольно просто. Но заголовок скорее говорил о нас как о группе — Чарли, Фрэнки и я — мы все никогда не останавливались, не сдавались и никогда не позволяли никому себя убить. В буквальном смысле мы сражались до конца. Кроме того в этой песне были строчки, навеянные комиксом Стива Нилса «30 Дней Ночи». «The darkest evil nightmare blacker than their evil souls, you gotta fight 'em / God saves us prayers fall on deaf ears»[50] взята из той части комикса, когда кто-то молится Богу, а вампиры такие: «Бога нет!» На первый взгляд это самая нердовская песня из написанных мной, которой я, как помешанный на научной фантастике и комиксах, очень горжусь.

Некоторые песни написать было труднее, чем остальные, гораздо труднее. Чтобы записать «In The End» так, как нужно, у нас ушла целая вечность. Песня подвергалась стольким переработкам, и все еще не была достаточно хороша, даже когда мы работали над ней на стадии демо и я уже начал писать текст. Я знал, что хочу написать песню о Даймбэге Даррелле, необязательно таким образом отдавая ему дань уважения. Я просто хотел написать о потере нашего друга и о том, как сильно нам его не хватает. Только песня совсем не делала ему чести. Я перечитывал идеи, которые мне пришли в голову, и все они звучали очень дешево. Я отбрасывал их, писал что-то еще и оно было так же дерьмово. Какие бы трудности мы ни испытывали с текстами, с мелодиями дело обстояло еще хуже. У всех у нас были идеи — у меня, Фрэнки, Чарли и Роба — и мы пытались связать их между собой, но тщетно. Мы отложили на время эту затею и три дня спустя вернулись с новыми идеями, и они все еще не были достаточно сильны.

В какой-то момент я подумал, что могу написать песню о Даррелле и Ронни Джеймсе Дио. Она оба были нам близки и оба были нашими героями. Вот тогда-то текст начал получаться лучше, потому что теперь он необязательно должен был рассказывать об одном человеке. Я мог бы сделать его чуть более общим, но столь же почтительным. А потом, когда я и Роб были на гастролях с The Damned Things в начале 2010-го, мы сидели в машине в Детройте, и Чарли отправил MP3 на оба наших телефона. И написал: «Думаю, мне удалось!»

Мы прослушали файл. Это была совершенно новая аранжировка с абсолютно другим припевом, который улучшил

песню до нужной кондиции. Мы с Робом завели ее в машине и тащились от новой гитарной гармонии и соляка. Мы перезвонили Чарли и сказали: «Чувак, вот оно! Наконец-то!!»

«Worship Music» под завязку набит отличными треками. Это самый законченный альбом из тех, что мы когда-либо записывали. «In The End» — моя любимая песня на пластинке и я обожаю ее исполнять живьем, больше, чем другие. Я очень горжусь, что мы заморочились с ней и упорно корпели над ней, пока В КОНЦЕ КОНЦОВ она не получилась такой, как надо.

Я знал, что хочу написать несколько разноплановые тексты на «Worship Music». Я уже написал много песен о плохих отношениях, моем разводе и своем месте в жизни. На «Worship Music» я хотел написать обо всем — от комиксов научной фантастики до реальной политики. Для песни «I'm Alive» я объединил идеи религии и политики. Я не против религиозных людей. Они могут верить, во что хотят. Но когда дело доходит до фанатизма относительно любой религии, то это начинает пугать. У некоторых религий есть особенность к промыванию людям мозгов, и я выразил это в таких строчках: «Look into my holy eyes / An empty smile and you're hypnotized»[51]. А потом мне очень захотелось добавить мощный посыл о том, во что превратилась Республиканская партия США.

За мою жизнь Республиканская партия стала разительно отличаться от той, какой она была в эпоху Рональда Рейгана в 80-х. Многие республиканцы смотрят на Рональда Рейгана как на героя. Но я считаю, что они и понятия о нем не имеют, разве что в курсе, что он был известным и популярным республиканцем, который пришел к власти после Джимми Картера. Он снова вернул власть партии. Это верно. Но если бы они вспомнили и посмотрели на его политику и то, что он излагал, особенно в отношении налогов, то это шло в разрез с тем, о чем говорили республиканцы начиная с 2000-го. Они все время цитируют этого человека, как будто он их Иисус, и в то же время все, чего они хотят — полная противоположность тому, что делал Рейган. Все стало завязываться на деньги, и они поклоняются «религиозным правым» или любой другой группе особых интересов, у которой водятся деньги, вне зависимости от того, поддерживают ли они их мнение.

У этих людей нет поддержки голосов, они готовы на все, и продадут свои души даже дьяволу. Если бы у гребаной церкви Фелпса — долбаных фанатиков «Бог ненавидит педиков» — было достаточно власти и денег, можно ручаться, гребаные республиканцы встали бы на них сторону, чтобы получить место в Палате Представителей или Сенате. У меня просто вызывает

отвращение, что некогда великая партия присоединилась к упертому религиозному фанатизму, существующему в Америке, полагая, что именно он поможет спасти страну, но, разумеется, этого не случилось.

Не буду разводить политическую демагогию, потому что люди вроде Боно и Тома Морелло делают это гораздо лучше, чем я, но в этой песне есть упоминания и о Дике Чейни, и о Дональде Рамсфельде, ведущих Америку к войне. Как нация Америка — ребенок, по сравнению с остальным миром. Нам нет еще и трехсот лет, а эти люди ведут нас на войну как детей, снова и снова. Эти стервятники предпочитают военный конфликт миру, потому что их волнуют только деньги. О чем могут вспомнить люди, пересматривая эпоху 2000–2010? Что скажет история об этом десятилетии, о войнах, в которые мы ввязались и об оружии массового поражения, которое, как мы утверждали, было в Ираке, а на самом деле его там не существовало? Когда государство начинает писать законы, вставая на сторону «религиозных правых», все это отражается на мне. Вот тогда я чувствую, что должен выразить свое мнение посредством музыки, я должен встать и защитить свои права свободного американца, потому что их политика затрагивает все, во что я верю, и они стараются отобрать у меня мою свободу.

Слушай, я не какой-то ноющий либерал. Я — человек, у которого есть своя точка зрения. Вырубите ящик. Свалите из Интернета. Выйдите в реальный мир и живите полной жизнью.

ГЛАВА 32
СПИ, МОЯ РАДОСТЬ, УСНИ [52]

Дерьмо всегда случается, когда меньше всего ждешь. Я привык к этому еще со времен выхода «Stomp 442». Не могу сказать, что выработал иммунитет — в общем смысле, если ты оптимист, это значит, что каждое разочарование это почти как удар ножом в живот — но с течением времени старые шрамы затянулись, и предчувствие, что жизнь неизбежно ведет к лучшему, помогало мне двигаться дальше. В 2010-ом у меня появилась твердая почва под ногами, и с каждым шагом мне удавалось забираться на своем личностном плато все выше и выше.

В январе 2011-го мы с Перл решили пожениться. Мы были вместе уже десять лет. А этот вопрос обсуждали, наверное, лет сто. Поскольку мы оба уже бывали в браке, а я так дважды, ни у меня, ни у нее не было нужды в получении официального клочка бумаги, подтверждающего, что мы пара и любим друг друга. Мы представляли, что когда-нибудь в будущем сделаем это, но Перл никогда не давила на меня по поводу женитьбы, а я вплоть до ее беременности никогда не видел в этом необходимости. В тот момент это стало логично, так почему нет? Мы очень сильно любили друг друга, мы были лучшими друзьями и готовились начать новую главу в нашей совместной жизни. Я понимал, что женитьба нас не изменит.

Много лет мы говорили о детях, и всегда сходились во мнении: «Когда придет время». Ну, на самом деле идеального времени не бывает, поэтому в 2010-ом мы просто решили, что хватит об этом переживать. Мы не стремились завести ребенка, но и не пытались этому препятствовать. Мы ясно понимали, что когда-нибудь это все равно случится. Просто не думали, что так скоро. Мы почти уверены, что наш сын Ревел был зачат в Луисвилле в туре Джагер со Slayer, Megadeth и Anthrax. В свободный от концертов день Megadeth закатили боулинг-пати, и мы с Перл сильно набрались, вернулись в отель и заделали ребенка по пьяни. Мы перемотали события назад к тому дню, когда она прошла тест на беременность, и акушер обозначил дату родов. Мы оба были невероятно взволнованы. Ребенок! Ни хрена себе!!! Я понимал, что всегда хотел стать отцом, и всегда представлял себе этот момент. Реальность была гораздо ярче и лучше, чем мне рисовал разум. Мы с Перл были в экстазе, как и наши семьи.

Несколько месяцев спустя мой батя собирался отпраздновать в Лас-Вегасе свой семидесятый день рождения, и мы решили сделать ему сюрприз — провести свадебную церемонию прямо в разгар его вечеринки. Никто не знал, что мы задумали. Мой отец был там со своей женой Реей, моими братьями Джейсоном и Шоном, женой Джейсона Тиной, нашим другом Брайаном Посейном и его женой Мелани, которые по счастливой случайности оказались в это время в Вегасе.

Я пригласил и свою маму, но тогда она была во Флориде. Я ждал, чтобы пригласить ее, потому что свадьба была под строжайшим секретом, и совсем не хотел, чтобы мой отец узнал все раньше времени. Никто ничего не подозревал. Когда я наконец сказал ей, она решила, что не сможет перенести поездку, поэтому она не приехала, но ничего страшного. Я не злился на нее за это, она была счастлива за меня. У ее первенца появится ребенок. О чем еще может мечтать еврейская мама?

Мы с Перл распланировали всю логистику, получили разрешение, договорились с церковью, вписавшись в планы отца ко дню рождения. Батя достал билетосы на шоу Cirque de Soleil «The Beatles Love». Все собирались пойти на представление, а потом съездить пообедать. Перл сказала отцу, что договорилась, что лимузин заедет за нами к шоу «Love» и отвезет в ресторан, так что нам не придется ждать кэбы.

Все сели в лимузин, набитый шампанским. Мы ехали все дальше и дальше. Все думали, что мы едем в Космополитэн[53]. Никто даже не обратил внимания, что мы долго едем, потому что все выпивали и болтали о том, какое отличное выдалось шоу. И тут я увидел церковь и улыбнулся…

Лимузин завернул на парковку, и тут моя мачеха сказала: «Куда это мы приехали. Боже мой!» Они поняли, что мы провернули, и это было чертовски офигенно. Отец был очень счастлив. Нас поженил двойник Элвиса, а потом мы вернулись в лимузин и поехали на обед. Лучше всего жениться именно так, вместо того, чтобы несколько месяцев что-то планировать и приглашать три сотни гостей. Я уверен, если бы мы так поступили, получилась бы просто фантастическая туса, но так все было гораздо круче.

Когда мы с Перл вернулись в Лос-Анджелес, пришло время готовиться к появлению ребенка. Нам был нужен новый дом, потому что в том месте, которое мы тогда арендовали, не было отопления. Стояла обычная дровяная печь, которая обогревала весь дом, в комнатах стояли электрокамины, но мы ждали ребенка и были далеко не пещерными людьми. Кроме того, я ездил туда-сюда с гастролями The Damned Things. Я начал очень

рано возвращаться домой с этих туров, чтобы побыть с Перл максимум времени в период ее беременности.

Вскоре мы получили результаты УЗИ, и это было очень клево. Мы вернулись домой с пятьюдесятью снимками и видеосъемкой нашего ребенка. Доктор Перл просто помешался на этом, но для него все это было лишь подтверждением, что с ребенком все в порядке и нам не о чем переживать. Но ты ведь все равно переживаешь. Наверное, это основная задача родителя — переживать. Моя мама только этим и занималась. А ведь Ревел даже еще не родился.

Повезло, что у Перл были удачные роды. Раз уж на то пошло, то это нисколько не умаляет всех тягот женских страданий при беременности, как бы «удачно» или «гладко» все ни проходило. Мужчина может испытывать стресс, когда его жена переносит беременность, но для женщины уровень стресса вообще несоизмерим. Нам, мужчинам, никогда этого не узнать.

Мне не на что жаловаться по части рождения моего сына, потому что это лучшее, что было в моей жизни, но момент мог быть и получше. Anthrax дали семь первых концертов «Большой Четверки» в 2010-ом, начиная с 16 июня в Варшаве, Польша, и заканчивая Стамбулом, Турция, 27 июня. Убедившись, что все прошло на ура, Metallica запланировали еще семь шоу «Большой Четверки», все в Европе, плюс два шоу в Штатах — 23 апреля в Индио, Калифорния в Эмпайр Поло Клаб и 14 сентября на Янки-стэдиум (об этом чуть позже).

Перл должна была родить в июне, а это представляло дилемму. Я не пропускал ни одного шоу Anthrax за всю историю группы. Даже будучи болен гриппом или находясь в бреду от усталости или солнечного удара, я всегда поднимался на сцену. До этого самого момента единственный концерт, который мы отменили, должен был пройти в Дюссельдорфе, Германия, в конце 80-х, но Чарли был слишком плох, чтобы играть. В моей голове не стояло вопроса, что я буду рядом с Перл, когда родится Ревел, и что мне придется пропустить кое-какие концерты «Большой Четверки». И ничто бы не заставило меня изменить это решение. Бесспорно, это был мой приоритет номер один. Но сама идея не играть эти концерты была довольно дикой. Я всем четко дал понять, что когда родится Ревел, мне придется взять три месяца отпуска, и ни у кого с этим не было проблем. В то же время мы не знали, что нам делать.

Первым, о ком я подумал как о кандидате на свое место, был Андреас Киссер из Sepultura. Ну, по правде говоря, первым кандидатом был Джеймс Хэтфилд, но видать не в этот раз. Поэтому Андреас подходил как никто другой. Я знаю его,

кажется, целую вечность. Он потрясающий ритм-гитарист и отлично понимает агрессию музыки. А еще он знаменитость, он личность. Это тоже важный момент. Раз я не мог присутствовать лично, то хотел убедиться, что тот, кто будет выступать вместо меня, будет известным человеком, которого люди с радостью примут. Андреас — гребаная икона. Этого чувака знают все из метал-комьюнити, его уважают во всем мире. Он не был каким-то малоизвестным парнем, с которым мы никогда раньше не тусили. Мы выступали с Sepultura целую вечность и были их фэнами.

Мы отправили Андреасу все, что требовалось выучить. Раз в неделю я писал ему на мыло и спрашивал: «Здорова, нужны видео, чтобы показать, как играть риффы?» И он всегда писал в ответ: «Не, все в поряде. Я сам». Он никогда не просил помощи, да она ему и не требовалась. Мне нравилась его уверенность, но я все равно нервничал, ничего не мог с собой поделать, потому что кто-то другой должен был выступать на сцене вместо меня.

В этих условиях роды Перл прошли быстро и нормально, учитывая, что это ее первый ребенок. Ее лечащий врач, доктор Пол Крейн, в начале 70-х открыл родильное отделение в Сидарс-Синай в Лос-Анджелесе, поэтому она была в лучших руках и в лучшей больнице. Они так хорошо заботились о ней, что мы не хотели уходить! И передать не могу, насколько важно чувствовать безопасность в такой ситуации. Будучи молодыми родителями, мы не знали ни хера, поэтому доверие доктору и медсестрам было особенно важно. Был момент, когда доктору Перл пришлось вручную останавливать ей воды, и это вызвало у нее сильную боль. Она извивалась на родильном столе, и мне пришлось приложить максимум терпения, чтобы не сбросить доктора со стола на пол, чтобы прекратить ее страдания. Вскоре после этого она уснула, и когда доктор Крейн вернулся утром, он осмотрел ее шейку матки и спросил: «Вы готовы родить?»

В 10:19 утра 19 июня 2011-го мы с Перл стали родителями. Вся моя жизнь изменилась в ту секунду, когда я увидел головку Ревела. Я перерезал пуповину — для меня это было сродни сенсации. Все, что я когда-либо себе представлял, было другим. Это сводило с ума. Полный улет. Как будто кто-то щелкнул выключателем, и бесконечная любовь наполнила мое сердце к этому малышу, человеку, которого я еще не знал, но за которого был готов схлопотать пулю. Вот такой океан эмоций бушевал во мне, это тебе не грибы какие-нибудь.

Спустя неделю после рождения Ревела я был одновременно самым счастливым человеком на свете, и человеком, потерявшим сон. Тем временем Anthrax в Германии репетировали перед первым концертом тура. Так как я не мог присутствовать лично,

мы устроили видеочат по FaceTime. Ревелу исполнилась всего неделя, и вот я сидел со своим крошечным малышом, кормил его с бутылочки и наблюдал за тем, как Anthrax репетируют без меня. Они джемовали в репетиционной комнате вместе с Андреасом, и это было так нереально, и в то же время очень правильно, потому что я был там, где хотел быть. Я не думал: «О, Боже, я пропускаю ТАКОЕ». Будь на месте Андреаса кто-то другой, возможно, все это испугало бы меня до усрачки, но Андреас реально спас меня, и благодаря ему на сердце было спокойнее. Шоу стартовали, и до меня доходили слухи, что Андреас идеально вписался и все идет как по маслу. Парни советовали мне расслабиться и ловить кайф от отцовства. И тут мне звонит наш менеджер.

«Ты наверное захочешь меня убить, но нам нужно, чтобы ты прилетел в Италию на шоу в Милане 7 июля».

«Ты ебанулся что ли!» — заорал я. «Я никуда не поеду. У меня здесь младенец, которому едва исполнилось две недели. Я нужен ЗДЕСЬ».

И он такой: «В общем, Guitar World хочет сделать снимок для обложки «Большой Четверки». Ты, Мастейн, Керри, Джеймс и Керк. И мы думаем, что тебе лучше БЫТЬ там, чем не быть».

Я вышел из себя. «Кто так считает? Я так не считаю! Я не полечу на гребаном самолете из Лос-Анджелеса в какой-то сраный Милан».

Они буквально хотели, чтобы я взял и прилетел ради какого-то фото, а потом улетел домой, то есть двадцать восемь часов в самолете ради сраного фото. Я спросил, почему фотограф Росс Халфин не может сделать мой снимок в Лос-Анджелесе, а потом отфотошопить. Журналы постоянно так делают. И они ответили: «Guitar World не хочет делать комбинированное изображение. Росс против этого. Guitar World сказали, что хотят собрать вас всех в одной комнате в одно время, потому что в тот день они дают интервью, и это обязательно будет — с тобой или без тебя».

Я обсудил это с Перл, и именно она мне сказала тогда: «Слушай, ты реально там нужен. Все нормально». Но на сердце было неспокойно. Оно разрывалось. Мне выкручивали руки, и наконец я сказал: «Ладно. Я это сделаю, чтоб вас всех. Я оставлю жену и своего двухенедельного сына ради снимка для долбаного Guitar World». В моем голосе чувствовалась злоба, типа: «За вами должок, гандоны».

В Милан я прилетел поздно ночью. На следующий день был запланирован концерт. Поэтому я приехал прямо к площадке. Там были все. Это было так дико, потому что тур продолжался уже несколько недель, а я только приехал. Я словно попал в «Сумеречную Зону». Я не участвовал в гастролях, и вот я там.

Было здорово увидеть их всех, все спрашивали меня о ребенке. Мы провели фотосессию и дали интервью, а потом встал вопрос: буду ли я играть?

Моя правая рука была не в форме. Мой уровень даже близко не подходил к тому, чтобы сыграть концерт Anthrax как следует. И по правде говоря, мне совсем не хотелось этого делать. У меня было странное ощущение, потому что мы тогда сидели все вместе — я, Чарли, Фрэнки, Джои, Андреас и Роб — и я сказал: «Знаете, будет странно, если я просто возьму, выйду и отыграю шоу, а Андреас сядет на скамейку». Это было совсем не круто, и тогда нам в голову пришла идея начать концерт с Андреасом, а после трех-четырех песен, когда они дойдут до «Indians», я выйду на том моменте, где я каждую ночь кричу «War Dance!», и доиграю концерт до конца. Это будет особый сюрприз для фэнов, потому что никто не знает, что я здесь.

И вот шоу началось. Anthrax открыли его песней «Caught In a Mosh». Я стоял слева от сцены у пульта и смотрел концерт. На мне была моя гитара, потому что я хотел поиграть без электричества, чтобы разогреться и подготовить руки, потому что не играл на гитаре вот уже несколько месяцев. Рядом со мной стоял Керри Кинг. Он глянул на меня, потом на сцену и сказал: «Ух ты, клево, а?» И я ответил: «Да так и есть!» И он такой: «Ага, а я вот никогда не видел Slayer со стороны!» Это был очень особый момент, потому что я реально смотрел на ребят со стороны, и они рубили не по-детски. Я подумал: «Да! Anthrax охуительно круты!! Когда еще мне выпадет возможность вот так стоять и смотреть, как выступает моя группа? Да никогда». И Андреас был чертовски хорош. У него был офигенный саунд, и он играл невероятно слаженно вместе с остальной группой.

Наконец они добрались до «Indians». Я вышел, толпа увидела меня, и у них просто сорвало крышу. Было чертовски круто играть с двумя ритм-гитаристами на левой стороне сцены, потому что мы с Андреасом играли очень плотно, несмотря на то, что никогда вместе не работали над песнями. Следующие пять песен с левой стороны сцены мы выдавали мощнейшие гитарные залпы, и подпевали где надо. Это было так круто, что я подумал: «Чувак, мы должны убедить его остаться в Anthrax!»

Опыт был настолько полезен, что я уже не злился за то, что мне пришлось лететь двадцать восемь часов, чтобы все случилось. Сделать фотку — да хуй на нее. Онанизм какой-то. Но взойти на сцену, получить этот музыкальный опыт со своей группой и еще одним ритм-гитаристом, да еще такой улетный, и так потрясно звучать, у меня в мозгу тогда сложилась картинка, типа: «Ок, я все сделал правильно».

После шоу все парни пытались затащить меня в автобус, потому что у них был выходной в Лондоне, а потом следующее шоу — крупный концерт в Небуорте перед 75000 фэнов. Все уговаривали: «Да просто садись в автобус! Всего один день!», но, несмотря на соблазн, я твердо стоял на своем. «Это не один день. Получается уже два дня, а потом перелет домой, то есть уже три». Тогда я сказал: «Да ну вас на хуй, я сажусь на самолет и лечу домой». Мне не терпелось вернуться домой и повидать Перл и Ревела. Для меня это было важнее всего на свете.

Я искренне верю, что нам с Перл было суждено спасти друг друга, потому что в нашу первую встречу мы оба стояли на ужасном пути. Кто бы там ни дергал нитки, он явно дернул две нужных в нужный момент, и с рождением Ревела Янга Иэна они стали только крепче. Думаешь, что в жизни нельзя иметь больше любви, чем у тебя есть сейчас, а потом в твоей жизни появляется ребенок и все усиливается. Моя любовь к ним обоим возросла до невообразимых высот. Вот уже четырнадцать лет мы с Перл вместе бок о бок, лучше не придумаешь. Как говорится, Бог любит троицу. Я лишь надеюсь, что мы будем жить достаточно долго, и однажды превратимся в двух старых брюзжащих шнурков, сидящих где-нибудь на скамейке и орущих на подростков, топчущих наш газон. В прошлых отношениях у меня никогда не было такой возможности, но я запросто могу представить нас, когда нам стукнет восемьдесят, девяносто, сто, и так до бесконечности.

К счастью, до этой поры еще добрых тридцать лет, и Anthrax по-прежнему есть, к чему стремиться. Не, мы вовсе не собираемся в 70 лет скакать по сцене как Rolling Stones, но «Worship Music» определенно вдохнул в группу новую жизнь и надежду, поэтому я думаю, что какое-то время мы останемся в строю.

Не знаю точно, с чем это связано — с детьми и обучению терпению, тем, что я становлюсь старше и терпимее. А может я просто стал стар как мир и засунул свое эго куда подальше. Но мне кажется, теперь я больше понимаю Джои, чем в прошлом. С тех пор, как он снова присоединился к группе, я думаю, что мы стали более близки как друзья и как коллеги по группе. Он на моей стороне. В 80-х я никогда не тратил время, чтобы узнать Джои как человека. Мы совсем не тусили вместе. Мы провели вместе много времени, когда он вернулся во времена «Worship Music», и этот опыт был весьма ценным. У каждого участника Anthrax непохожий на другого характер, и вместо того, чтобы соперничать с кем-то, чьи интересы и способности противоречат моим, я научился их принимать. Мы все люди. Я научился принимать людей такими, какие они есть, вместо того, чтобы

пытаться их контролировать. Возможно за это мне стоит поблагодарить Перл и Ревела.

Джои — потрясающий фронтмен. Есть у него своя «фишка», эдакая, знаешь ли, способность удерживать фэнов два часа подряд, и уносить их в свой невероятный мир. Его вокал, бьющий точно в цель, и безумная энергетика — вот что поставило его в один ряд с лучшими и уникальными фронтменами нашего жанра. Серьезно, единственный человек, который двигается столько, сколько Джои и выводит голосом каждую ноту, это Брюс Дикинсон. Отличная компания. Мы доверяем ему и верим в него, потому что знаем, что каждый вечер он будет выходить на сцену и зажигать. Для меня этого вполне достаточно. Я больше не переживаю о мелочах, я горжусь тем, что он потрясающий вокалист и исполнитель.

Anthrax привыкли быть неблагополучной семьей. Что-то такое есть и до сих пор, но теперь я живу одним из любимых девизов Даймбэга: «Не переживай о мелочах». Сейчас Джои пишет мне смску, если есть то, что мне нужно знать, и он понимает, что я сразу ему отвечу. Я просто одержим ответными сообщениями, потому что сам терпеть не могу, когда я пишу кому-нибудь вопрос, и проходит три дня, прежде чем мне ответят.

Как только Джои вернулся в наши ряды, самым большим вопросом для всех было: как он будет звучать на новой пластинке? Как он вольется в эти песни? Это было большой загадкой. Впервые мы услышали его, когда Джей Растон выслал нам сырую MP3, где Джои исполняет «I'm Alive». Чарли, Фрэнки, Роб и я ждали у компьютеров, когда придет этот файл. Все получили этот файл одновременно, и сразу нажали «плей», потому что примерно шесть минут спустя все так же одновременно кликнули «ответить всем».

«Охренеть — не встать! Боже мой! У него просто божественный голос!» — восторгались все. Это было огромное облегчение. Не знаю, чего я ожидал, но услышав это, я подумал: «Вот он, голос Anthrax!» Голос звучал похоже на старого доброго Джои вместе с глубиной, теплотой и зрелостью, которых не было в 1990-ом. После этого все выровнялось. Нам нужно было только высылать Джею ноты со своими предложениями, и Джои исполнял что-то иначе. Они запиливали песни одна за другой.

«Это потрясно. Лучше и быть не может» — сказал Чарли.

«Чувак, ты гребаный монстр» — сказал я Джои. «Ты просто выносишь на этой пластинке. У фэнов просто башню сорвет, когда они это услышат!»

Во время записи Джои изменил некоторые фразы и мелодии. Он знал, что я очень строго отношусь к написанию песен, поэтому

спросил, что я думаю, и я ответил: «Продолжай в том же духе! Что бы ты ни делал, продолжай, потому что у тебя получается. Это просто охуительно круто!»

Мы думали, что записываем хорошую пластинку, и вдруг поняли, что записали потрясающую пластинку. Это было похоже на знак судьбы или сбывшееся пророчество. Как будто нам было суждено записать эту пластинку, и я начал переосмысливать решение, которое мы приняли в 1991-ом, когда решили избавиться от Джои. В какой-то момент он сказал мне: «Знаешь, я мог сделать это и раньше. Я бы мог спеть на «Sound Of White Noise»».

Я сказал, что вероятно он прав, и мы просто счастливы, что он вернулся. Вот тогда я начал спрашивать себя: «А может я тогда допустил ошибку? Смог бы он записать эти песни, и если да, то что еще могло пойти иначе? Очевидно, мы никогда не узнаем, какой карьерный путь выбрала группа, если бы Джои никогда не покидал ряды Anthrax. Но тогда ни я, ни остальные участники группы не были настроены давать ему возможность остаться. Что случилось — должно было случиться, и теперь это история. Все, что я знаю, это что Джои дал свое лучшее выступление в жизни на «Worship Music», и если бы не он, думаю, Anthrax бы наверняка развалились».

Мы выпустили пластинку на Megaforce, что возможно кому-то показалось странным, учитывая, что именно на этом лейбле мы начинали вместе с Джонни Зи, когда я жил у мамы, а Anthrax репетировали в Мьюзик Билдинг. Но Джонни продал лейбл своей бывшей сотруднице Мисси Каллаццо около двадцати лет назад. Выпустить пластинку на Megaforce было отличным решением, но мы выбрали их вовсе не с бухты-барахты. Джонатан Коэн и Иззи поделили свой бизнес, и мы остались с Иззи. Она и занялась продажей пластинки. У Roadrunner был интерес к выпуску нашего альбома, как и у Nuclear Blast, которые уже курировали нас в Европе. Но мы совершили огромный прыжок веры и решили сотрудничать с Megaforce.

Во-первых, они сделали нам невероятное предложение: контракт на дистрибуцию, по условиям которого лейбл вложит все деньги авансом на создание пластинки, а также займется маркетингом и раскруткой, и права на оригинал записи будут принадлежать нам. Более того, мы заработаем что-то около семи баксов за копию. Во-вторых, мы доверяли Мисси, потому что когда мы работали с ней в прошлом во времена Джонни, она никогда не останавливалась на достигнутом. Время для выхода «Worship Music» подходило как нельзя лучше. Мы только что с большим успехом отыграли концерты «Большой Четверки» в

Европе, поэтому наш профиль был выше, чем многие годы. Джои вернулся в группу, что добавило нам дополнительную маркетинговую ценность и навострило уши многих людей. И предальбомная шумиха от тех, кто это слышал, была просто улетной. Кроме того, казалось, метал снова обретает популярность. Конечно, не такую популярность, как у Jay-Z или там Pink, но метал-группы стали регулярно дебютировать в Топ-50 хит-парада альбомов Биллборда, а группы вроде Lamb Of God, Mastodon и Disturbed пользовались спросом и помогали воскресить этот жанр.

Дата релиза «Worship Music» была назначена на 13 сентября 2011-го, а на следующий день мы выступали с шоу «Большой Четверки» в Нью-Йорке на Янки-стэдиум. Идеальная туса в честь релиза пластинки — 50000 человек орали нам в лицо в The House That Ruth Built. Ясен пень, это был не тот самый дом. Старый стадион снесли, а новый построили на улице напротив. Но место было красивое, полное всех удобств, о которых можно мечтать на концертной площадке.

Anthrax выступили у Джимми Фэллона на той же неделе, и это было чем-то из области фантастики. До этого дня такие программы даже не принимали звонки от метал-групп. Но теперь было круто раскачивать национальное ночное телешоу. По какой-то причине Anthrax снова выступали в роли голоса нации. Черт его знает, почему. Может, это было как-то связано с возвращением Джои. А может мы так много времени провели вместе, что все говно осталось в прошлом. Мы пережили альтернативную сцену 90-х, феномен ню-метал и взрыв инди-рока, и весь цинизм и негатив от каждого из перечисленных. Мы пережили все, и теперь считались легендарной группой — членами «Большой Четверки». Общественное мнение — это все, и хоть это и звучит довольно дико, но в целом верно. Впервые за многие годы в нас увидели конкурентов. Я просто смирился.

Шоу «Большой Четверки» на Янки-стэдиум было величайшим моментом в моей жизни как для музыканта, бля буду. Это место было для практически вторым домом, по крайней мере, в духовном смысле. Anthrax еще не попали в Мировую Лигу Метала — Sabbath, Metallica, Maiden и Priest по-прежнему удерживают этот титул — но мы подобрались чертовски близко. В глубине души мы как Янкиз, на которых я вырос. У нас были отличные годы, были паршивые годы, но мы продолжали бороться. Мы теряли игроков и принимали противоречивые решения. Мы меняли менеджеров и горели на неудачных бизнес-решениях. Но мы по-прежнему здесь, как и наши фэны.

В тот день мы реально чувствовали себя хозяевами поля,

чувствовали, что это наш дом. Мы были долбаной нью-йоркской группой. Ясное дело, нам не хотелось выступать первыми, но решали не мы. Это шоу принадлежало Metallica. Они тщательно готовили этот тур. Координирование расписаний четырех гастролирующих групп было непростой задачей. Но мы все жаждали этого. Даже Megadeth понимали стратегическую ценность открытия тура Metallica, и Дейв Мастейн, страдающий от сильных болей в шее и спине, знал, что должен принять участие в этом шоу.

За пару недель до концерта я написал Ларсу смску, и сказал в шутку: «Слушай, на шоу на Янки-стэдиум мы хотим поменяться с Megadeth местами. Они будут открывать, а мы будем выступать вторыми. Мы — группа из Нью-Йорка. Мы считаем, что для Нью-Йорка это вполне логично».

Он слегка охренел: «Ээ… ну, ладно, я позвоню». Ларс имел в виду, что свяжется с менеджментом, который организует все это мероприятие. Я дал Ларсу попопеть двадцать минут, а потом написал: «Кстати, это была шутка. Я поугарал над тобой. Ждем-не дождемся начала».

«О, Слава Богу!» — написал Ларс. «Мне правда не хотелось звонить, потому что сам знаешь, какой бы открылся ящик Пандорры?»

«Знаю, знаю. Потому я попросил — просто чтобы потрепать тебе нервы».

Для нас приготовили специальные майки, которые напоминали полосатые майки Янкиз, но с надписью Anthrax. Мы и выглядели похоже, но когда сели на электромобили от раздевалки до сцены, я понял, что никогда так не нервничал по поводу выступлений. Мы подошли к кулисам. Я стоял с Перл и Ревелом и остальными участниками группы. Наш старый друг Эдди Транк, прожженный ди-джей и ведущий «That Metal Show», стоял за сценой с Рэнди Джонсоном, известным бейсболистом. Он был питчером Янкиз между 2005-ым и 2006-ым, выступал за шесть других команд в свое пребывание в Высшей Лиге. Он завершил свою карьеру в Сан-Франциско Джайентс в 2009-ом, пять раз получал приз Сая Янга[54]. После ухода из бейсбола профессионально занялся фотографией. Рэнди — большой фэн метала и рока, и я несколько раз пересекался с ним, поэтому когда мы стояли там, а он фотографировал, я спросил: «Что ты делал на первенстве по бейсболу, когда был в форме и находился в чрезвычайно стрессовой ситуации, и тебе нужно было выбить игрока? Ты ведь наверняка нервничал, не так ли?»

«Нервничал как сумасшедший» — ответил он. «Но ты делаешь свою работу. Ты отбрасываешь все лишнее и делаешь то,

что должен. А почему ты спросил? Ты что, нервничаешь?»

«Чувак, да у меня шарики за ролики заходят» — подтвердил я. «Я очень взвинчен и на взводе. Я буквально зажат, рук не чувствую. Для меня крайне важно выступить на этом шоу».

«Ты профессионал» — ответил Рэнди. «Ты знаешь, что делать. Иди и делай свое дело».

И вот заиграло интро. У меня не оставалось другого выбора, кроме как последовать совету Рэнди — я не мог не выйти на сцену. Как только я завернул за угол и вышел, я ощутил прилив энергии от зрителей, взглянул на этот исторический фасад, и все мое беспокойство просто расстаяло. Когда мы грянули «Caught In a Mosh», я начал плакать. Я плакал просто от того, что мы делали и от того, что это значило для меня, обычного подростка из Нью-Йорка. Я плакал, чувствуя невероятное счастье от этого мгновения. Многолетние эмоции выходили из головы и сердца, передавались рукам и гитаре, а потом в уши лучших фэнов на свете. Следующий час я не чувствовал, как мои ноги касались пола. Во мне было столько энергии и восторга. Для меня это было сродни огромному призу. По сути так оно и было. Но это было намного больше, чем просто признание того, что мы достигли как первопроходцы трэша. Казалось, это подарок за то, что мы выстояли и шли вперед, несмотря ни на что. И не упомнить, сколько раз мы сталкивались с враждебностью и преодолевали ее, но в тот момент на шестидесятой минуте сэта взрывного хэви-метал она просто изжила себя.

Когда мы закончили шоу, я получил новый ответ на унылый и старый как мир вопрос ленивого журналиста: «Что стало важнейшей вехой вашей карьеры?» А сейчас только вниз, мудила. Следующую пластинку мы можем записать в Тадж-Махале, но я думаю так: «Да кому какое дело? Ведь мы раскачивали Янки-стэдиум».

ЭПИЛОГ

Когда вышел «Worship Music», меня очень беспокоило, чего добьется эта пластинка. Все уделяют пристальное внимание первой неделе продаж, и поскольку никто уже не покупает пластинки, остается только надеяться, что твои песни найдут отклик у твоих слушателей, а лейбл сделает свое дело по раскрутке пластинки, чтобы люди вообще знали, что она вышла.

Мисси не хотела, чтобы мы разочаровывались, поэтому посоветовала нам не волноваться по поводу первой недели, сказав, что пройдет шесть месяцев или даже год с момента выпуска, когда станет понятно, успех это или провал. Несмотря на это, я все равно следил за первой неделей. Ничего не мог с собой поделать.

У нас столько всего происходило — шоу на Янки-стэдиум, выступление в Феллоне. «The Devil You Know» звучала на всех радиочастотах, и я подумал: «Окей, буду рад, если продадим 12000 копий в первую неделю». Именно этого добился «We've Come For You All» восемью годами ранее. Через три дня после выхода пластинки Мисси сказала, что продажи идут хорошо и прогнозы тоже многообещающие, но я ответил, что не хочу ничего знать, пока у нас не будет точного графика Soundscan. Пару дней спустя я проснулся, включил свой лэптоп и увидел письмо, в котором говорилось, что мы продали 28000 копий и попали на 12-ую строчку хит-парада Билборда. Черт побери, я глазам своим не мог поверить — это было почти в два с половиной раза больше цифры, которую я прикинул в уме. Я все никак не мог отделаться от привкуса тоски по прошлому. Не будь Интернета, и наш альбом был бы продан тиражом 280000 копий в первую же неделю. В 80-х группы, продававшие 30000 пластинок за первую неделю, оказывались на 115 строчке или около того. Несмотря на это, я был очень взволнован.

Цифры продолжали расти, и через три недели мы продали уже больше 50000 копий пластинки, и она продолжала продаваться. Мисси знала свое дело. Очень скоро пластинка перешагнула стотысячный рубеж и продажи продолжали расти. Наша песня «I'm Alive» была номинирована на Грэмми в номинации «Лучшее метал-выступление». Это была уже четвертая наша номинация. Megaforce решили бороться за нас до конца. Короткометражка с кавер-версиями, «Anthems», куда входила «Crawl», еще один сингл с «Worship Music», дебютировала под номером 52, что весьма клево, учитывая, что это было рекламное средство для сингла. Кроме того он принес нам еще одну

номинацию на Грэмми в категории «Лучшее метал-выступление» за нашу кавер-версию «T.N.T.» группы AC/DC. «Worship Music» был для Anthrax потрясающим камбеком, и теперь мы страстно желали ковать железо, не отходя от кассы. У каждого из нас по — прежнему были свои цели, в основном они заключались в том, чтобы писать лучшие песни, на которые мы способны и оставаться отличной концертной группой. Вот чего мы все хотели. Мы бы с радостью отыграли побольше шоу в составе «Большой Четверки», но тут все зависит от Metallica. И когда-нибудь было бы здорово войти в Зал Славы Рок-н-Ролла, чтоб отметиться для галочки. Может быть, я говорю с большой натяжкой, но прямо сейчас у меня ощущение, что нет ничего невозможного, и мы планируем продолжать «распространять болезнь» до тех пор, пока это весело.

В наши дни единственный минус в Anthrax — это то, что у меня потрясающая семья и мне приходится проводить слишком много времени вдали от них. Это самое тяжелое на свете. Гораздо проще проводить шесть месяцев кряду на гастролях, когда дома нет ничего лучше, чем то, чем ты занимаешься. ЕДИНСТВЕННОЕ, что лучше гастролей с Anthrax, это возможность проводить время с Перл и Ревелом. Потребовались годы борьбы и вынужденных остановок (большую часть которых я рассмотрел в предыдущих главах), но могу честно заявить, что сейчас я счастливее, чем когда-либо. Горькая ирония в том, что чем больше это счастье, тем труднее его покидать. Всегда одно и то же. Первые несколько дней довольно трудны — ты уезжаешь из дома, садишься на самолет и куда-то летишь — и вот тогда обрушивается вся тяжесть. Несколько дней ты пытаешься привыкнуть и войти в гастрольное состояние. Все равно что грипп подхватить. Я жалок, все тело болит, ничего не хочется.

Вот такое у меня состояние, пока мы не начинаем выступать. На сцену это дерьмо я не выношу. Я не Роберт Смит из Cure. Это не влияет на меня как на исполнителя. В ту секунду, когда я поднимаюсь на сцену, я оказываюсь в другом мире. Это происходит автоматически. Я делаю то, о чем мечтал с тех пор, как впервые увидел KISS. Вот что помогает парням вроде меня делать свое дело многие годы подряд. Определенно в рок-н-ролле есть понятие неподвластности времени. Если спросить матерых профи, они тебе скажут, что тяжелый наркотик или злоупотребление алкоголем задерживает развитие человека. Взросление прекращается с того момента, когда они подсаживаются всерьез. Я думаю то же самое и о карьере в группе. Когда я выхожу на сцену, это похоже на то, что пока ты играешь в группе, тебе вечно будет двадцать лет.

В фильме «Индиана Джоунс и Последний Крестовый Поход»

есть эпизод, когда Харрисон Форд находит Священный Грааль и узнает, что может стать бессмертным, но ему придется жить на небольшой территории, вдали от остального общества. Порой мне кажется, что я нахожусь в той же ситуации. В группе ты выполняешь свою функцию, пишешь музыку, выступаешь с концертами. Ты тот же чувак, каким был, когда только начинал, и ощущаешь тот же адреналин каждый раз, когда пишешь клевую песню или даешь офигенный концерт. Все это делает тебя духовно бессмертным. Когда я смотрю на толпу и вижу море молодых подростков, которые реагируют похожим образом на нашу музыку, как это делали наши фэны в 80 — х, я чувствую себя вне времени. Рок-н-ролл это реально фонтан молодости, но этот фонтан бьет только от одного края сцены до другого.

Едва схожу со сцены, я снова возвращаюсь в подвешенное состояние апатии между концертами. Весь блеск от странствий поблек сто лет тому назад. Элис Купер как-то сказал: «Мне платят не за то, что я выступаю, мне платят за путешествия». Теперь время вне сцены такое отупляющее. Каждый день, изо дня в день, я застреваю в зале или каком-нибудь паршивом отеле. Я делаю, что могу, чтобы оставаться конструктивным и избегать скуки: пишу и восполняю упущенное, когда читаю, смотрю телек и фильмы. Сейчас мне полтинник, поэтому я не стану принимать наркотики, чтобы убить время. Но большую часть времени мне просто хочется побыть со своей женой и сыном. Да, знаю, что это звучит жалобно, но так уж я себя ощущаю. Знаю, что мне очень повезло, что я по-прежнему этим занимаюсь, и НИКОГДА не воспринимал это как должное.

Я очень счастлив, что они сейчас летают вместе со мной, так что мы не расстаемся больше чем на две недели. Но Ревел растет и больше узнает о своем окружении. Очень скоро он в первый раз пойдет в школу и больше не сможет так часто пропадать на гастролях. Я боюсь этого, и это обстоятельство еще больше заставляет меня дорожить своим временем с ним и мне очень тяжело расставаться с ним даже на такой короткий срок. Это замкнутый круг. Несмотря на огорчения, мне по-прежнему нравиться играть в группе, и когда придет время, я не готов отказаться от Anthrax. Я слишком много вкалывал на этой работе, чтобы оказаться там, где я сейчас. Кто, черт побери, знает, что произойдет в следующем месяце, следующем году или через два года? Все, что я знаю, это что после всего, через что я прошел, я сделаю все, что в моих силах, чтобы группа жила, потому что это МОЯ группа. Это мое место. И когда чувствую, что мне требуется дополнительная мотивация, я всегда вспоминаю слова Рэнди Джонсона: «Иди и делай, что должен».

ФОТОГРАФИИ

Мама и отец, январь 1964-го

Герб Розенфельд видит своего сына в первый раз в жизни

Крошка металист

Уже сызмальства я тащился от Ангуса

Даже в четыре годика я понимал, какой это стрем

Счастливые дети. Джейсон и я, около 1969-го

Мои лучшие детские воспоминания —

это поездка в «Диснейуорлд»[55]

Мне десять лет, а я и слыхом не слыхивал о KISS

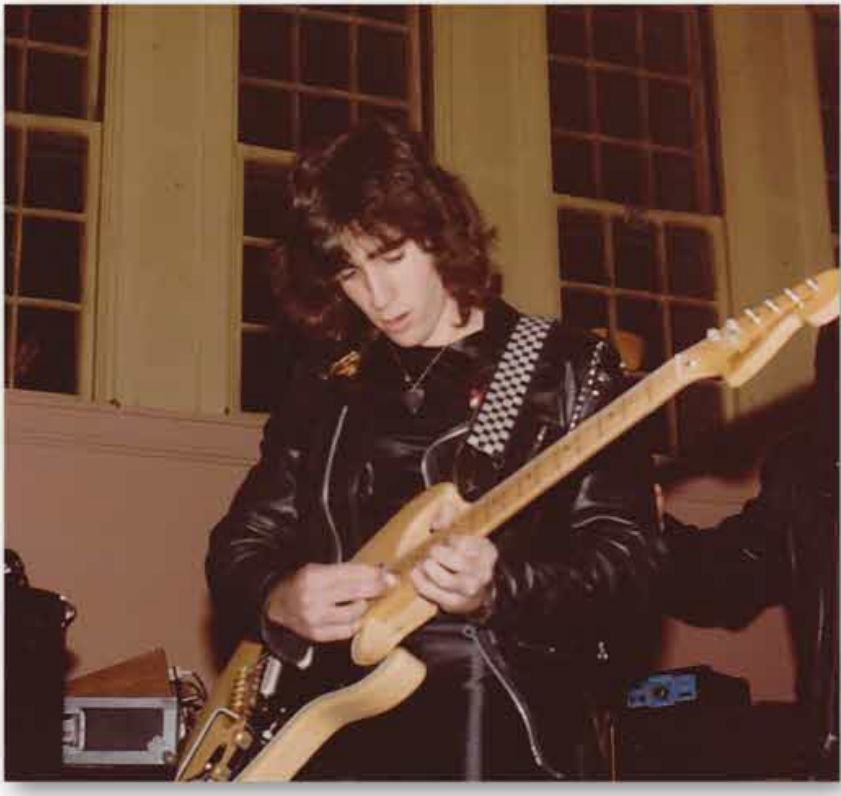
Я был их фэном даже когда они лажали!

Я и Нил Стопол.

Выступление Four-X на конкурсе талантов в бейсадской средней школе, 1980 г.

Four-X, конкурс талантов бейсайдской средней школы, 1980 г.

Слева направо: Пол Кан, я, Нил Стопол, Дейв Вайс



Это мой первый Страт.

Битва групп в бейсайдской средней школе, 1980 г.

На окончании средней школы с мамой, дедушкой Мо и Джейсоном

Первый гиг Anthrax в подвале церкви Святого Епископа Джона,

Флашинг, Нью-Йорк, 1981 г.

Я и Дэнни Лилкер во время двойной гитарной атаки Шарвел.

Самый первый гиг Anthrax, 1981 г.

Мой гиг с Father's Place.

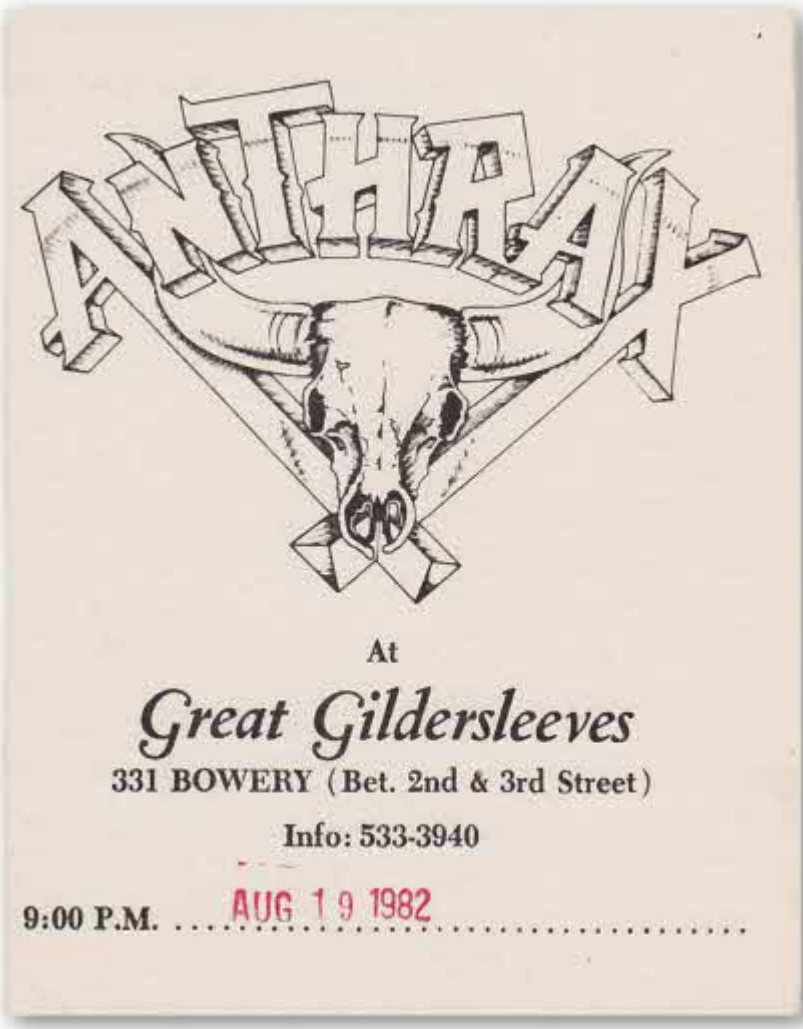
Джейсон поет, Дейв Вайс на ударных, Кенни Кушнер на басу и Денни Лилкер на гитаре.

Апрель 1982-го

На гиге Iron Maiden в Нортстейдж Сиэтер, август 1982-го.

У Джейсона в руках те самые флаеры, которые мы кидали на сцену.

Слева направо: Джейсон, Джимми Кеннеди, Дейв Вайс, хз кто, я



Наш первый гиг в Манхэттене

Начало 1982-го.

Грег Уоллс, Грег ДиАнжело, Дэнни Лилкер, Нил Тёрбин и я.

Я прям воплощение метала

Подражание игре на гитаре в клубе 516.

Меня душит Чарли

На записи «Fistful» в Пирамид Саунд, конец 1983-го.

Я до сих пор храню этот Страт

Неудачный кадр со съемок для снимка на задник «Fistful Of Metal».

Четверым из нас настолько не понравились фото,

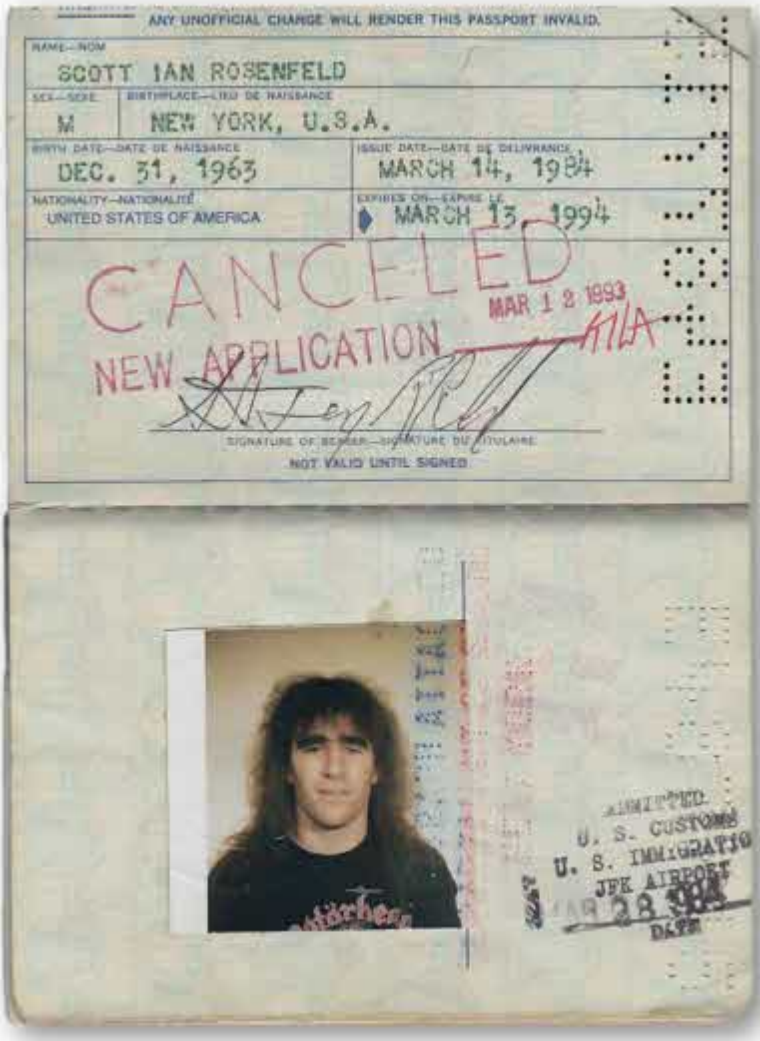
что мы решили обойтись без них

Мой двадцатый день рождения, 31 декабря 1983-го.

Рубашки «по вкусу»

«Fistful» на винили и моя первая обложка в журнале!

Я добился своего!



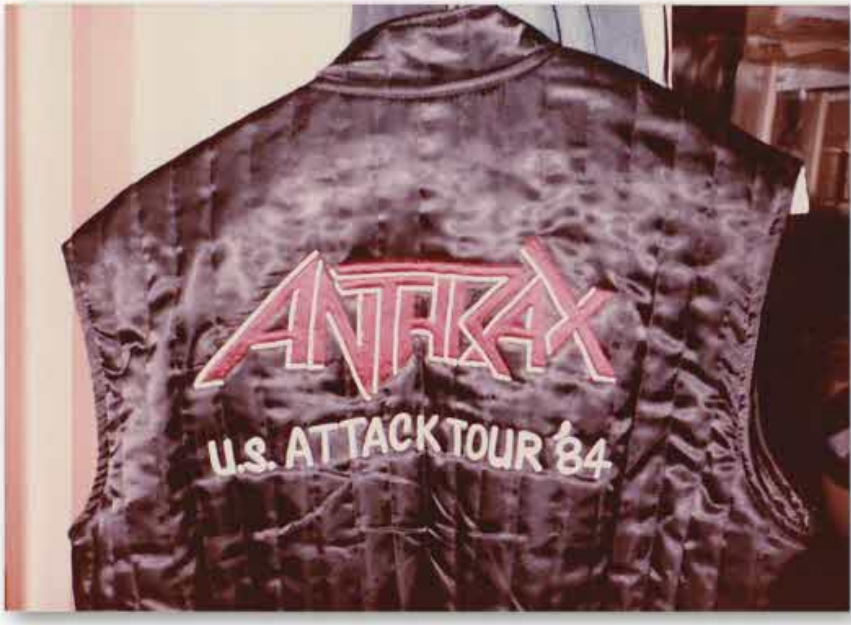
Мой первый паспорт.

При встрече с Лемми я был в той же майке

Парочка бывших зэков только откинулась из тюряги в Лондоне,

март 1984-го

Рождество 1984-го дома у Джонни Зи



Та самая знаменитая гастрольная жилетка «Fistful Of Metal»

На записи «Spreading The Disease» в Пирамид, конец 1984-го

Джои срывает нам крышу.

«Spreading The Disease», начало 1985-го

Готовимся к пиратской атаке.

Начало 1985-го на гастролях по Восточному Побережью

S.O.D., июль 1985-го

Мой кореш Фред

Это было ЭПИЧНОЕ шоу

На записи «I'm The Man», Майами, 1986-ой

Записываем «Atomg» с Эдди Крамером

Да, друг мой, за все эти годы ты тоже подсадил

на много клевых вещей.

С Керком на гастролях спустя несколько месяцев

после смерти Клиффа,

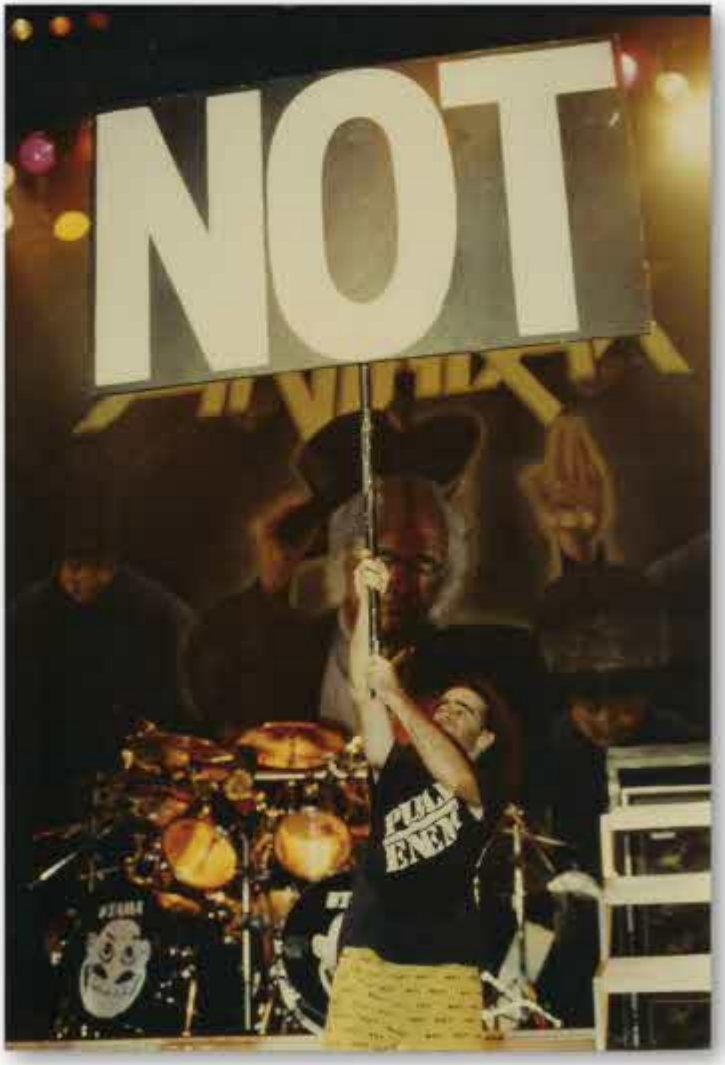
Голландия, февраль 1987-го

С отцом и дядей Митчем около 1987-го

Maiden оказали на Anthrax сильнейшее влияние,

а Стив всегда был преданным другом группы.

Айроны, вперед!



Демонстрирую влияние Ramones.

Гастроли в поддержку «Among The Living», 1987-ой.

Фото Джина Амбо

Видеоклип «Antisocial», конец 1988-го.

Интересно, где эта сцена сейчас.

Фото Джина Амбо

«Persistence Of Time».

Все было идеально, все было круто.

Фото Джина Амбо

Я был бы не я, если бы не знал Чака Ди.

Гастроли в поддержку «Bring The Noise»,

конец 1991-го

Отец и мой маленький брат Шон, около 1992-го

Дамы и господа, Джон Буш

Счастливого Рождества, 1994-ый

Ага, это Мадонна.

Придется прочесть мою следующую книгу,

чтобы узнать подробности

На записи «Stomp» в Коншохокене, начало 1995-го

July 13, 1994

Mr. Scott Ian
c/o Zazula/Crazed Mgmt
210 Bridge Plaza Drive
Manalapan, NJ 07726

Dear Scott,

This note is just to personally let you know how much I've enjoyed working with you over the past years.

I'm sorry to have to say goodbye and I do hope that somewhere down the line we will work together again. Throughout the past years you've made me look great and I want to take this opportunity to thank you for that.

Wishing you continued success and all the best in the world. I leave you in good hands.

Warmly,

Bob Krasnow

«Я передаю тебя в добрые руки».

ХАХАХАХАХАХАХАХАХА.

Та самая тенденция к снижению 90-х

Любовь всей моей жизни в пору,

когда мы были просто собутыльниками

Мой будущий тесть и его будущий гитарист.

Лос-Анджелес, июль 2000-го

Я знаю, ГДЕ (Нассау Колизеум)

Я знаю, КОГДА (2001-ый),

Единственное, чего не знаю, это ЗАЧЕМ

Хэллоуин вместе с Оззи на передаче «The Rock Show», 2001-ый

Еврей в прыжке!

На разогреве у Judas Priest в Пэлэс Оберн Хилз, начало 2002-го.

Фото Перл Эдей

С мамой и Джейсоном в Лос-Анджелесе.

Фото Перл Эдей

Гизер и Тони.

Наверное, я никогда не смогу до конца осознать тот факт,

что знаю этих чуваков

На введении Metallica в Зал Славы.

Впервые мы услышали о «Большой Четверке» и тусили с этим парнем.

Ну и ночка!

Мой Джимми Крикет

Фото Перл Эдей

Только подумайте, он практически был у нас в руках!

С Кори на награждении Kerrang!

Стэн Ли помог создать мир,

который проложил мой жизненный путь.

Все равно что встретить своего создателя

Мы вернулись!

Первое шоу «Большой Четверки» в Варшаве,

Польша, и второе возрождение Anthrax

Фото Энди Бучанана

Я — счастливый человек, потому что…

Фото Энжелы Боутрайт

Женился на любви всей своей жизни!

(Это я не об Элвисе)

За день до того, как к нам присоединился Ревел

Фото Энди Бучанана

С двухнедельным Ревелом на руках смотрю

в прямом эфире по Интернету,

как Anthrax играют с Андреасом в Германии!

Тот самый снимок, ради которого мне пришлось оставить

свою жену и двухнедельного сына.

Фото предоставлено с разрешения Guitar World

Первое шоу Ревела было «Большой Четверкой»!

Фото Энди Бучанана

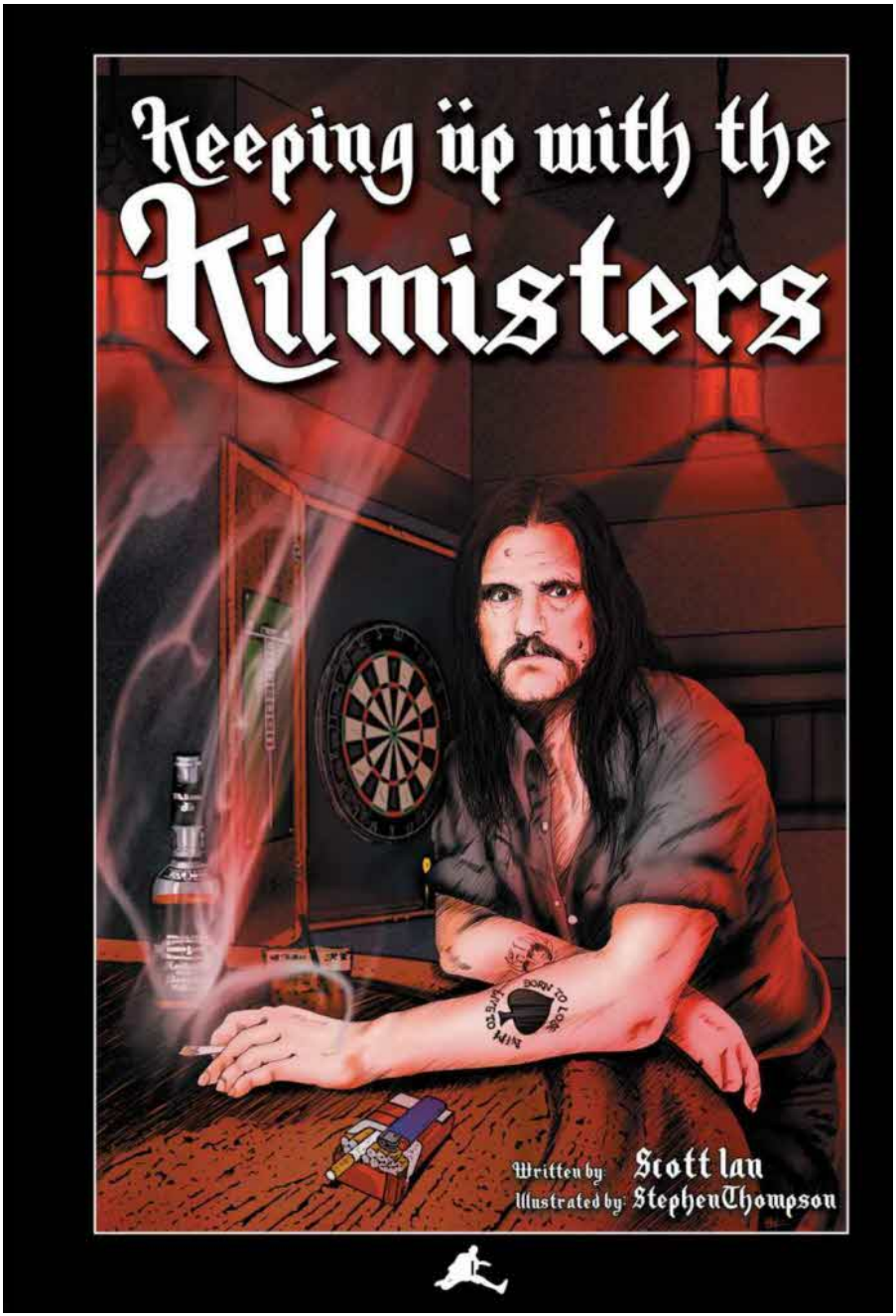
Янки-стэдиум: вершина моей карьеры

Фото Энди Бучанана

КОМИКС

СКАЗ О ТОМ, КАК Я С КИЛМИСТЕРОМ ПОТЯГАТЬСЯ РЕШИЛ

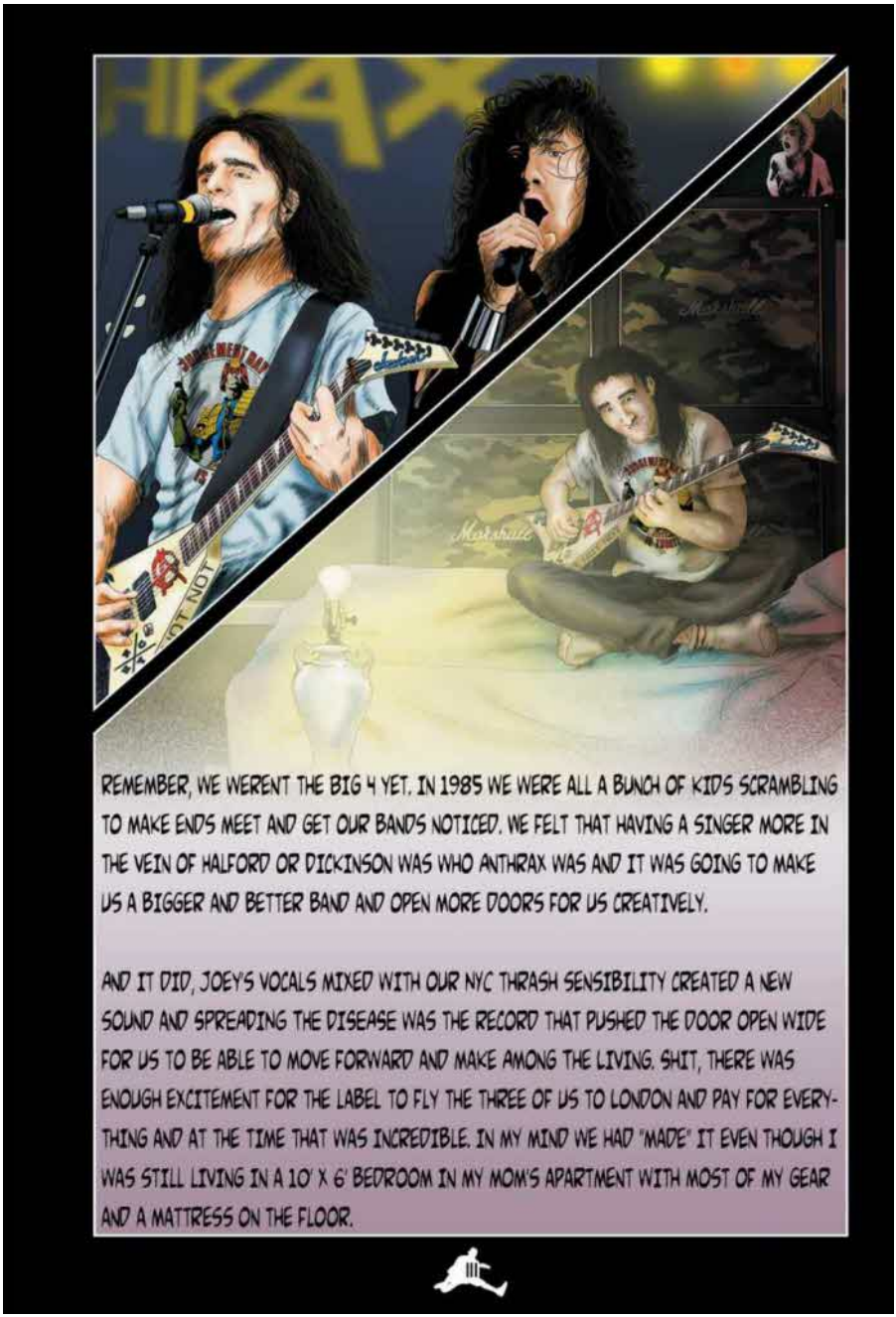
Автор: Скотт Иэн
Художник: Стивен Томпсон


Keeping üp with the
Kilmisters
Written by: Scott Ian
Illustrated by: Stephen Thompson

Осенью 1985-го Джои Белладонна, Джон Зазула aka Джонни Зи (менеджер Anthrax) и я полетели в Лондон с целью обеспечить рекламную поддержку нашему второму альбому «Spreading The Disease». Всего второй раз в жизни я покидал пределы страны, Джои — первый. Мы оба были очень рады попасть в Лондон, Мекку всех групп Новой Волны Британского Хэви-Метал, которые

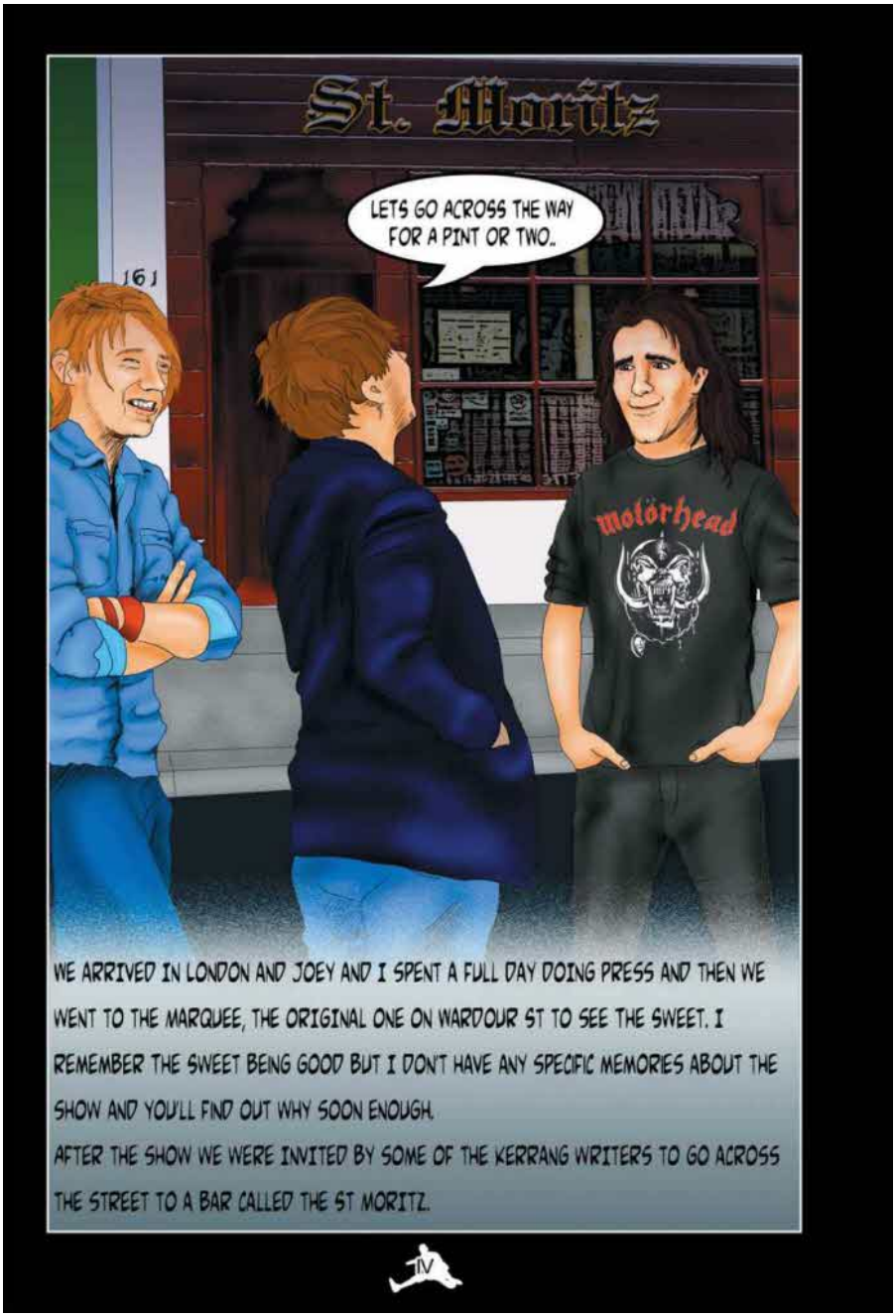
мы обожали, в обитель журнала Kerrang! (в те годы он еще был метал-журналом). А, ну да, и на родину настоящего пива.

С момента релиза «Fistful Of Metal» в январе 84-го дела нашей группы реально поперли в гору, и «Spreading The Disease», который должен был стать нашим первым релизом на мейджор-лейбле — Island Records, навел немало шороху. «Spreading The Disease» стал для Джои первой пластинкой с нами. Его голос можно сказать совершил революцию! Теперь у Anthrax появился настоящий вокалист, и это выделило нас среди наших современников в лице Metallica, Slayer и Megadeth.



Не забывайте, парни, «Большой Четверкой» мы еще не были. На дворе стоял 1985-ый, мы были всего лишь горсткой подростков, пытающихся свести концы с концами и сделать все, чтобы наши группы заметили. Мы верили, что вокалист в духе Хэлфорда или Дикинсона, подойдет Anthrax больше, благодаря чему мы станем более известной и лучшей группой, и это откроет для нас больше возможностей в творческом плане.

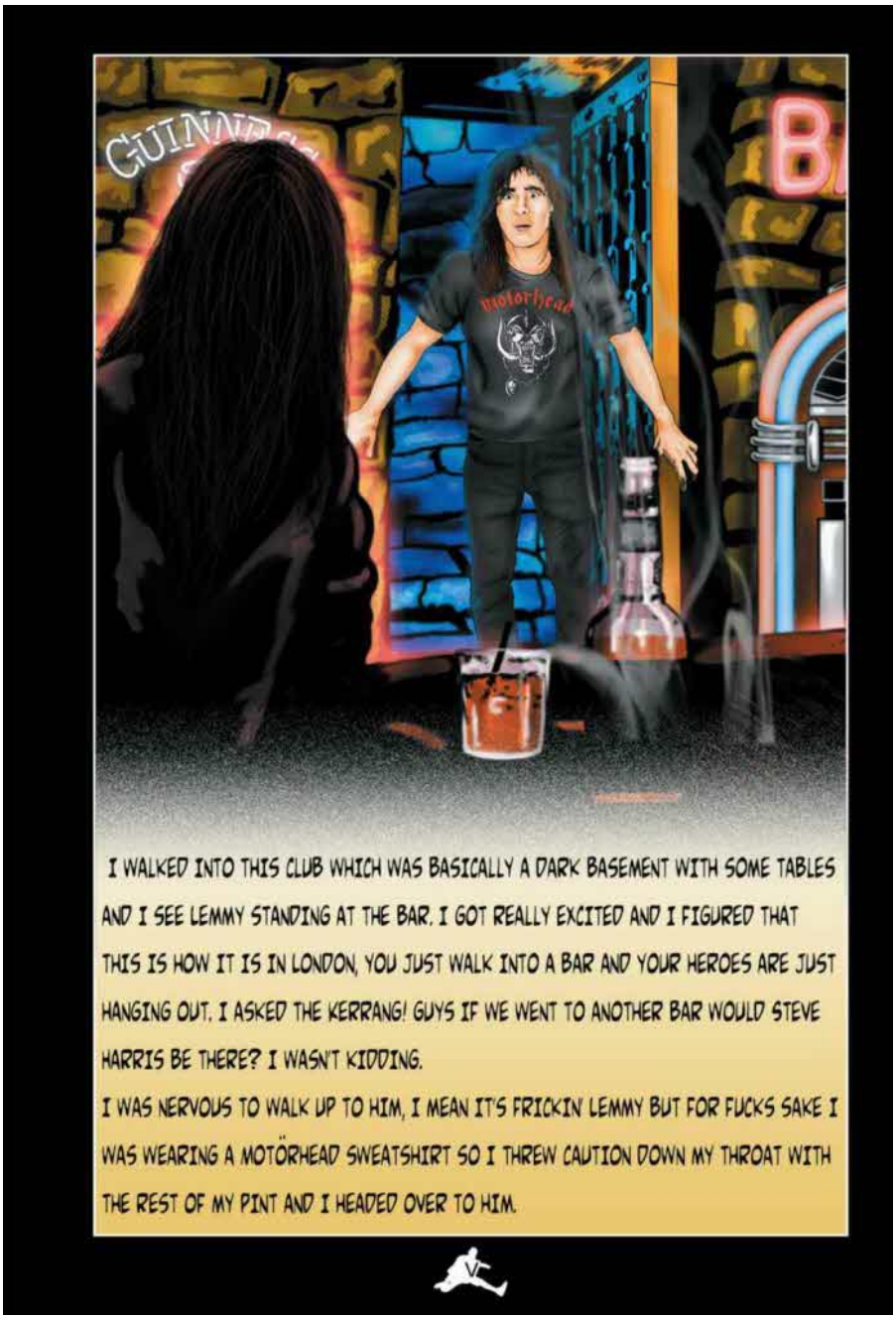
Так и случилось: голос Джои в сочетании с нашей нью-йоркской трэш-эмоциональностью помогли нам сформировать новый звук, а «Spreading The Disease» стала пластинкой, которая распахнула для нас настежь дверь, и мы смогли шагнуть дальше и записать «Among The Living». Черт, лейбл был в таком неописуемом восторге, что отправил нас троих на самолете в Лондон и оплатил все расходы. На тот момент это было просто что-то невероятное. В моем сознании мы «сделали это», несмотря на то, что я по-прежнему жил в спальне маминой квартиры размером 10x6 дюймов. Там же размещалась вся моя аппаратура и матрас на полу.



Мы приехали в Лондон, и я с Джои весь день давал интервью, а потом мы дернули в «Марки», тот самый клубешник на Вардур-стрит, заценить The Sweet. Помню, что The Sweet были очень хороши, но у меня особо не сохранилось воспоминаний о концерте. Скоро вы поймете, почему.

После шоу какие-то журналисты Kerrang! пригласили нас заглянуть в бар «Святой Моритц», расположенный прямо через

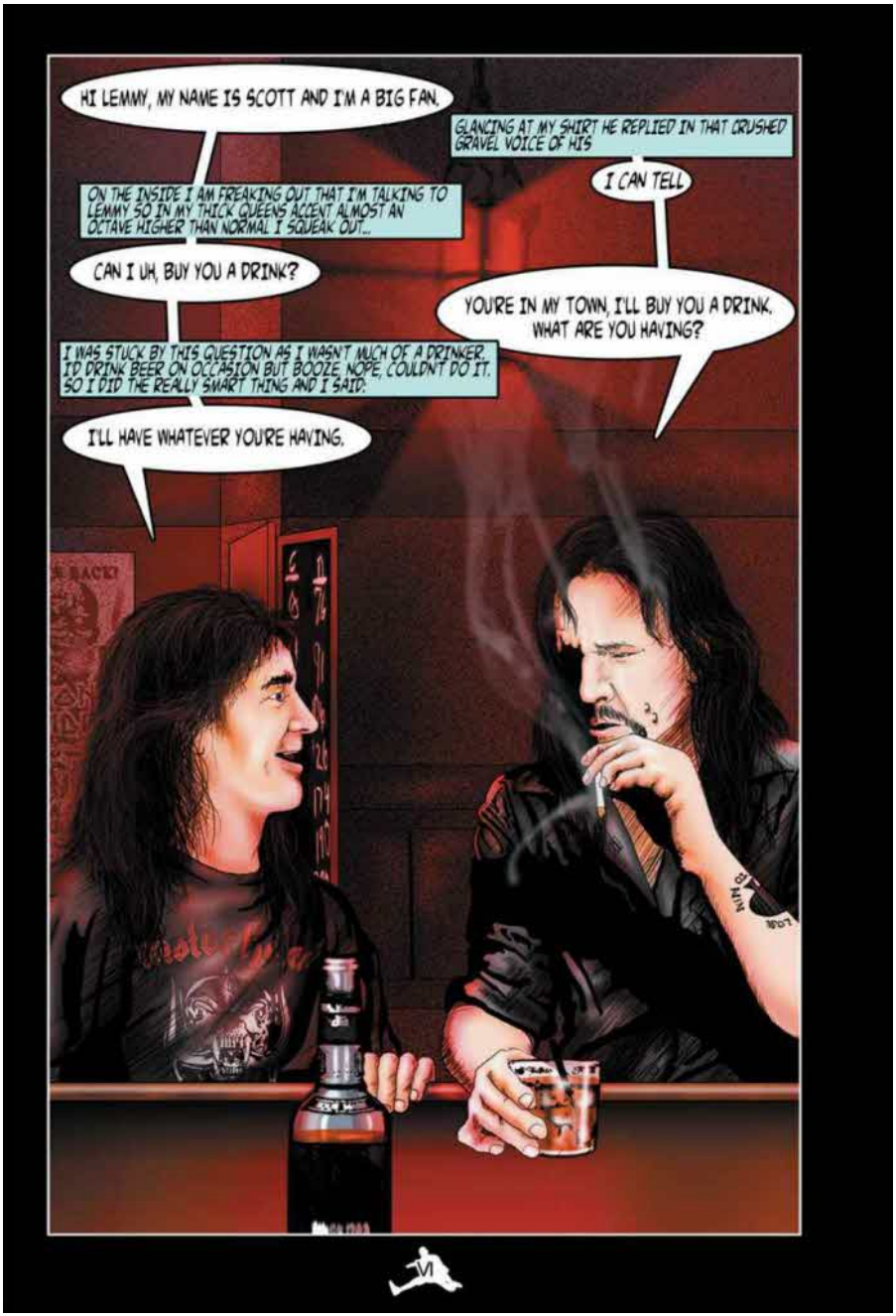
дорогу.



Я вошел в этот клуб. В сущности это был мрачный подвал с парой столиков. И вдруг на баре я замечаю Лемми. Чуваки, я реально пророс. Вот значит, как в Лондоне все устроено, подумал я. Ты тупо заходишь в бар, а твои кумиры зависают в свое

удовольствие. Я спросил парней из Kerrang! а что если мы зайдем в другой бар, там что, можно встретить Стива Харриса? Нет, я не шутил.

Я нервничал к нему подходить. Я к тому, что это гребанный Лемми. Но не за хер же собачий я носил футболку Motorhead, поэтому, проглотив свой страх с остатками пинты, я направился прямо к нему.



«Привет, Лемми, меня зовут Скотт и я твой большой фэн».

Уставившись на мою футболку, он сказал своим голосом дробленного щебня: «Я так и понял».

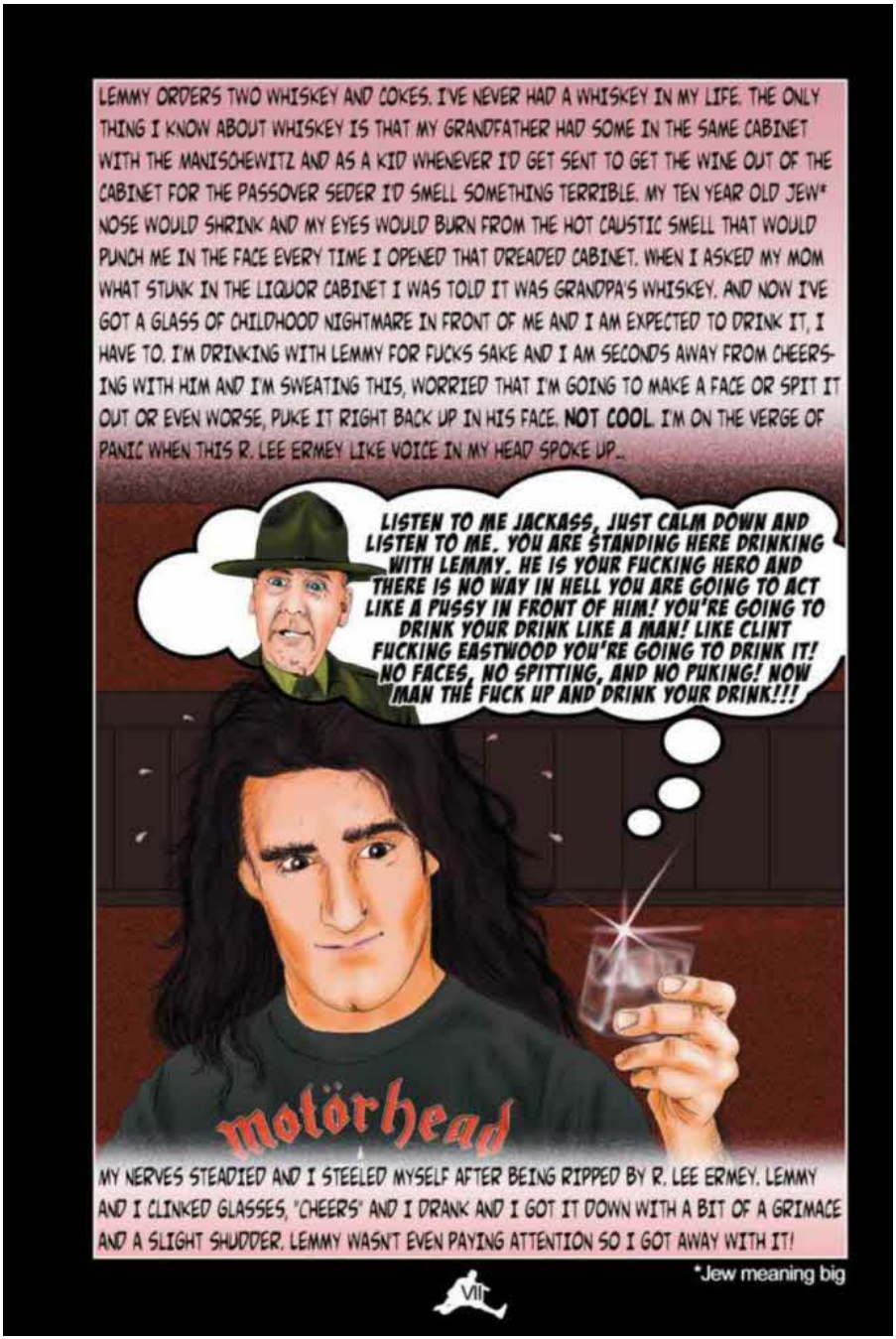
Сердце екало от одной мысли, что я говорю с самим Лемми, поэтому своим сильным квинсовским акцентом почти на октаву выше, чем обычно, я изрек:

«Могу я купить тебе выпить?»

«Ты в моем городе, значит Я куплю тебе выпить. Что будешь?»

Этот вопрос застал меня врасплох, я совсем не был любителем побухать. Время от времени я дергал пивка, но алкоголь, неее, никогда им не баловался. Поэтому я поступил очень хитро и ответил:

«Я буду то же, что и ты».

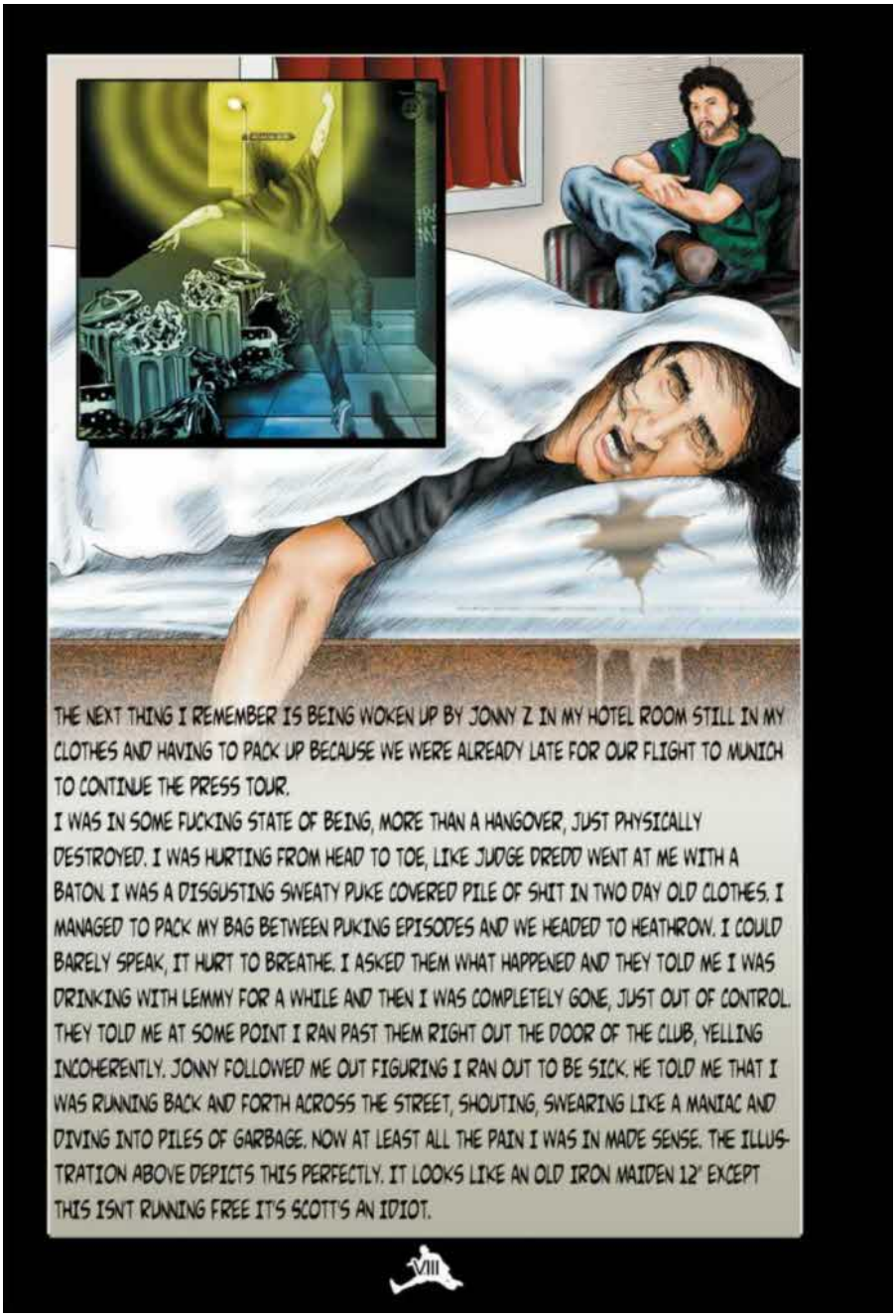


Лемми заказывает двойной виски с колой. Я никогда в жизни не пил виски. Единственное, что я знал о виски, это что мой дедушка держал его у себя в одном шкафчике с Manischewitz, и ребенком, когда меня посылали взять вино из шкафчика для пасхального седера (еврейская пасха), мои легкие вдыхали нечто ужасное. Мой огромный десятилетний нос съеживался, а глаза

жгло от едкого запаха, который бил мне в лицо каждый раз, когда я открывал этот ужасный шкафчик. Когда я спросил маму, что так воняло в шкафчике с ликером, мне ответили, что это дедушкин виски. И вот передо мной стоит стакан детского кошмара, и от меня ждут, что я его выпью. Ничего другого не остается. Кто бы мог подумать! Буквально ни с хуя, я пью с самим Лемми, и через секунду мне придется чокнуться с ним стаканами, а меня взял страх. Мне кажется, что я сострою кислую рожу, выплюну содержимое стакана, или того хуже — блевану ему прямо в лицо. Совсем не клево. Я едва не запаниковал, когда в моей голове заговорил голос, напоминающий Р. Ли Эрмея…

«Послушай меня, говнюк. Успокойся и послушай меня. Ты стоишь и пьешь с Лемми. Он твой гребаный кумир и ни за что на свете ты не станешь перед ним вести себя как мудила! Ты выпьешь как настоящий мужчина! Как Клинт, мать его, Иствуд выпьешь! Без дебильных рож, плевков и рвоты! А теперь, парень, закрой хлебало и пей!!!»

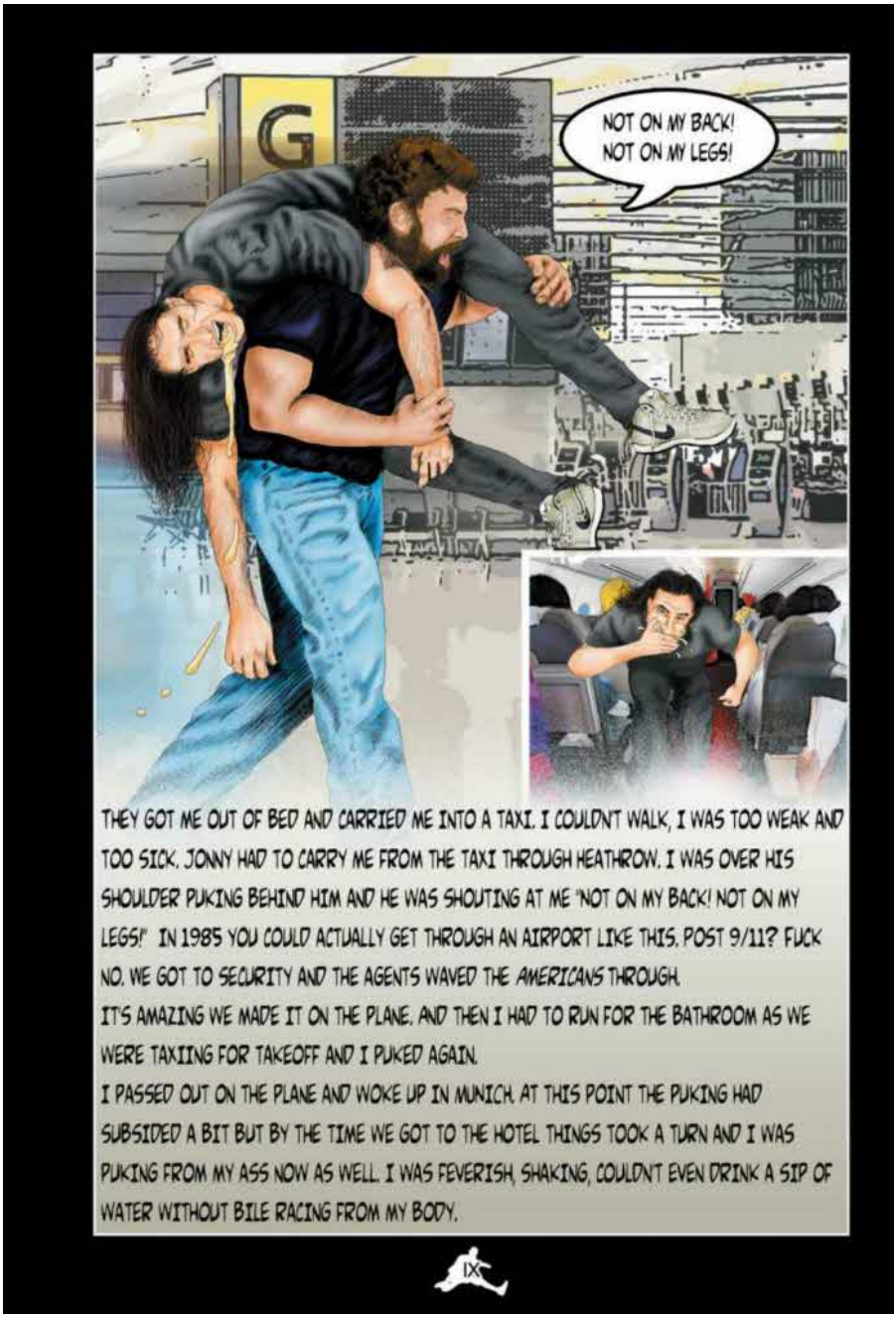
Нервы пришли в порядок, и я собрался с духом после трепки Р. Ли Эрмея. Лемми и я чокнулись, сказали друг другу «будем здоровы», и я выпил, проглотил, немного поморщившись. А еще меня слегка передернуло. Лемми даже не заметил, так что я легко отделался!



Следующее, что я помню, это как меня будит Джонни Зи в моем номере. Я лег, не раздеваясь, и теперь мне нужно собрать вещи, потому что мы уже опаздываем на рейс в Мюнхен, чтобы продолжить пресс-тур.

Я был в хуевом состоянии. Это было не просто какое-то похмелье, я был разбит физически. Боль от головы до пят, надвинулась на меня подобное судье Дредду с дубинкой. Я был

отвратительной потной рвотой, покрытой кучей говна, да еще в двухдневной одежде. Мне удалось собрать свои вещи между эпизодами рвоты, и мы отправились в аэропорт Хитроу. Я едва мог говорить — каждый вдох отзывался болью в теле. Я спросил, что случилось, и мне ответили, что я какое-то время бухал с Лемми, а потом отрубился, просто вышел из-под контроля. Мне сказали, что в какой-то момент я выбежал мимо них прямо из клуба, что-то бессвязно крича. Джонни пошел за мной, подумав, что я побежал, потому что мне плохо, и рассказал, как я бегал по улице туда-обратно, кричал, матерился как сапожник и спотыкался о мусорные баки. Теперь, по крайней мере, нашлось объяснение всей этой боли внутри. Иллюстрация выше идеально изображает, что со мной было. Она напоминает старую 12-ку Maiden, разве только там нет песни «Running Free», там есть песня «Скотт — идиот».

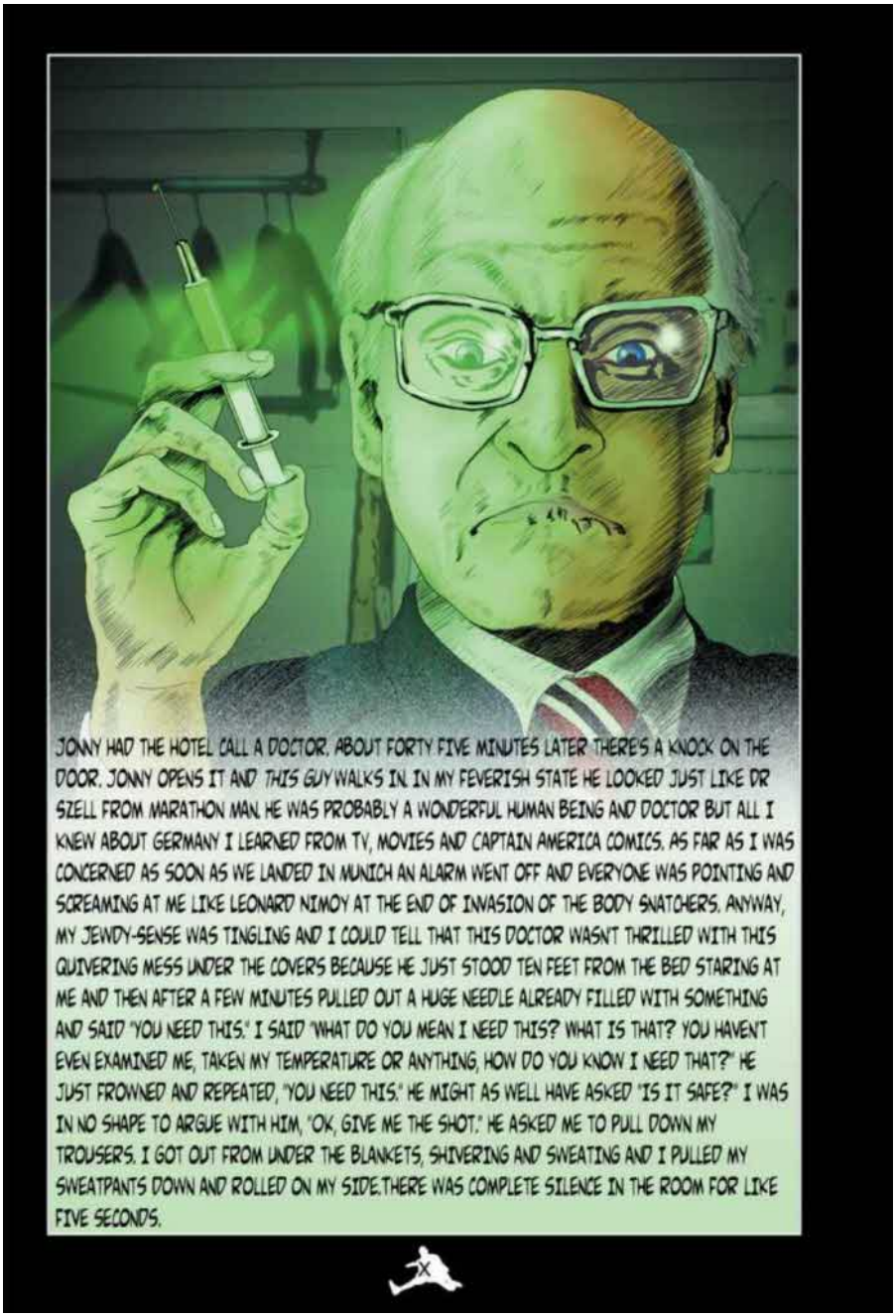


Меня вытащили с постели и погрузили в такси. Идти я не мог — я был слишком плох и слаб. Джонни пришлось тащить меня на себе от такси до самого Хитроу. Я лежал у него на плече и блевал, а он орал: «Только не на спину! Только не на ноги!» В 1985-ом вполне можно было пройти аэропорт в таком виде. Последствия 11 сентября? Ага, разбежались. Мы добрались до стойки охраны, и агенты просто махнули на нас рукой, мол, проходите,

американцы.

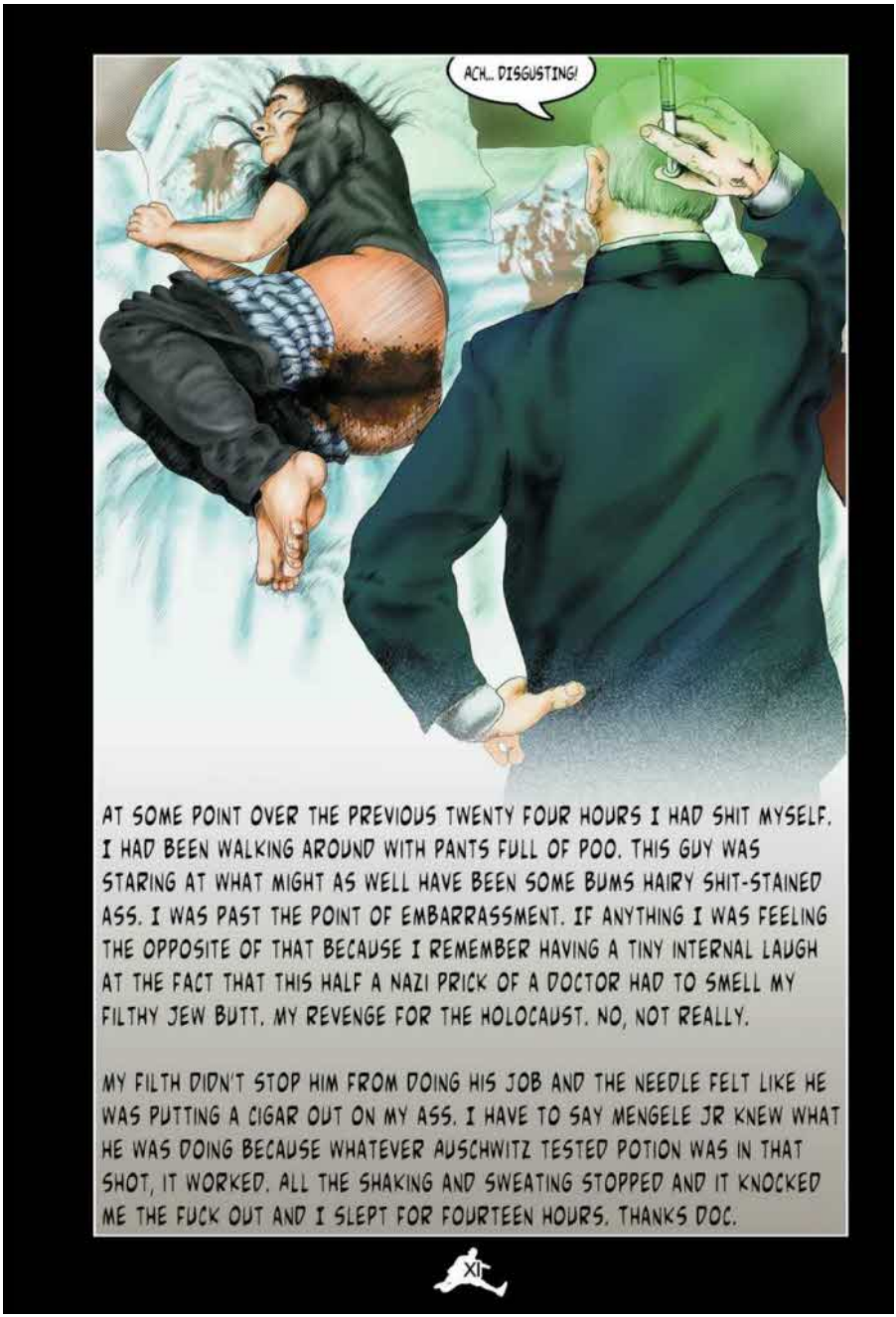
Просто чудо, что мы добрались до самолета. А потом мне пришлось бежать в сортир, когда с нас взимали плату за взлет. Меня снова вырвало.

На самолете я вырубился, и проснулся уже в Мюнхене. Рвота немного утихла, но когда мы добрались до отеля, все вернулось, только теперь меня рвало со всех щелей. У меня был жар, меня трясло, я даже не мог сделать глоток воды, чтобы по моему телу не прокатилась волна раздражения.



Из отеля Джонни вызвал доктора. Примерно через сорок минут раздался стук в дверь. Джонни открывает ее, и в моем бредовом состоянии этот доктор выглядит прямо как доктор Шелл из фильма «Марафонец». Вероятно, он был прекрасным человеком и доктором, но все мои знания о Германии были получены из телека, фильмов и комиксах о «Капитане Америка». Насколько я был убежден, как только мы приземлились в

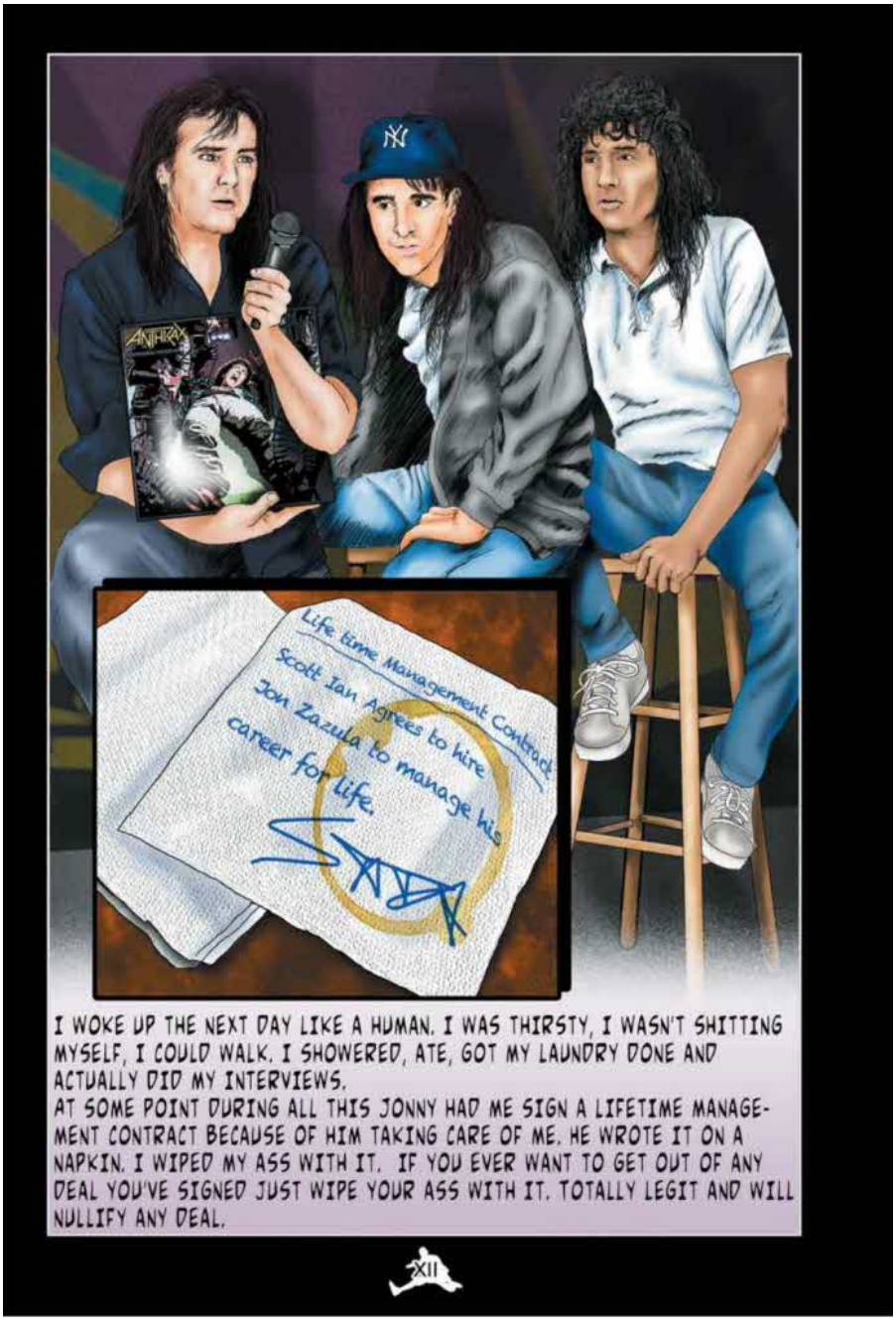
Мюнхен, прозвенел сигнал тревоги, все показывали на меня пальцами и кричали на меня как Леонард Нимой в конце «Вторжения похитителей тел». Не суть, мое еврейское чутье подсказывало мне, и я мог поклясться, что доктор явно не испытывал восторга от трепыхающейся жопы под одеждой, потому что стоял всего в десяти футах от кровати, уставившись на меня, а через пару минут он вытащил шприц с огромной иглой, уже чем-то наполненный, и сказал: «Тебе это нужно». Я спросил: «Что значит, мне это нужно? Что это такое? Вы даже не обследовали меня, не померяли температуру, ничего. Откуда вам знать, что мне это нужно?» Он лишь бросил хмурый взгляд и сказал снова: «Тебе это нужно». Он мог с тем же успехом спросить: «А это не опасно?» Я был не в состоянии спорить: «Ладно, делайте укол». Он попросил меня стянуть штаны. Я вылез из одеял, потный и дрожащий, стянул свои треники и лег на бок. Секунд на пять в комнате воцарилась полная тишина.



В какой-то момент за предыдущие двадцать четыре часа я обосрался. Я ходил в штанах, полных говна. Этот чувак уставился на то, что могло с тем же успехом быть обосранной волосатой жопой какого-нибудь бомжа. Я миновал миг смущения. Если говорить начистоту, я чувствовал обратное, потому что помню свой внутренний смешок от того факта, что этот полунацистский докторишка нюхнул мою грязную еврейскую жопу. Вот моя месть

за Холокост. Да не, шучу, конечно.

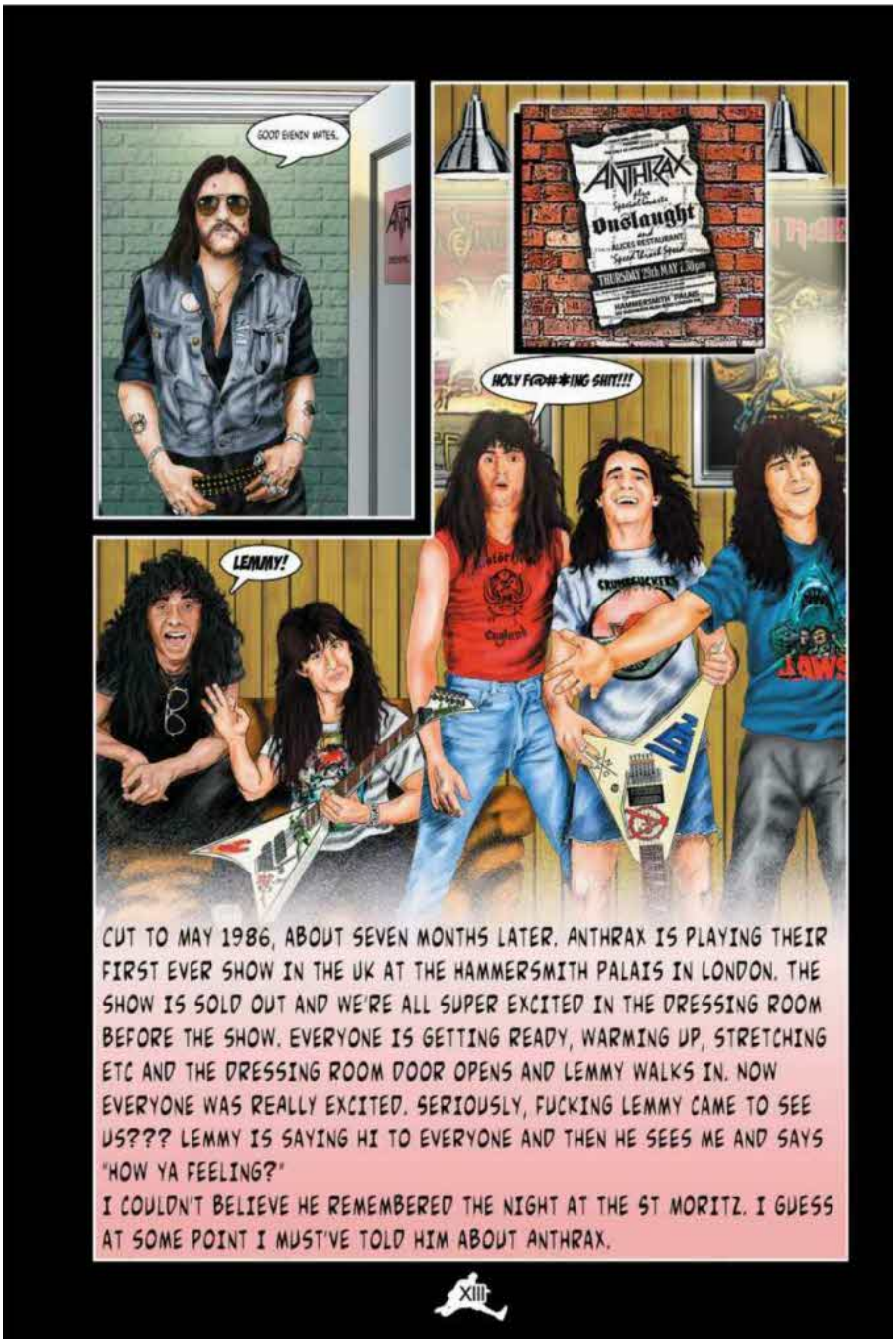
Моя грязь не остановила его от выполнения своей работы — когда он воткнул в меня свою иглу, у меня было чувство, что он затушил о мою задницу сигару. Должен признаться, Менгеле-младший знал свое дело, потому что какой бы опробированный в Аушвице яд не был в этом уколе, мне полегчало. Дрожь и потоотделение прекратились, и меня вырубило к чертям собачьим. Я проспал добрых четырнадцать часов. Спасибо, док.



На следующий день я проснулся как нормальный человек. Я был голоден, я больше не пачкал штаны говном, я мог передвигаться. Я принял душ, перекусил, постирал вещи и даже дал парочку интервью.

В какой-то момент во время этих событий Джонни заставил меня подписать контракт пожизненного управления, а все потому, что ему пришлось заботиться обо мне. Он написал его на

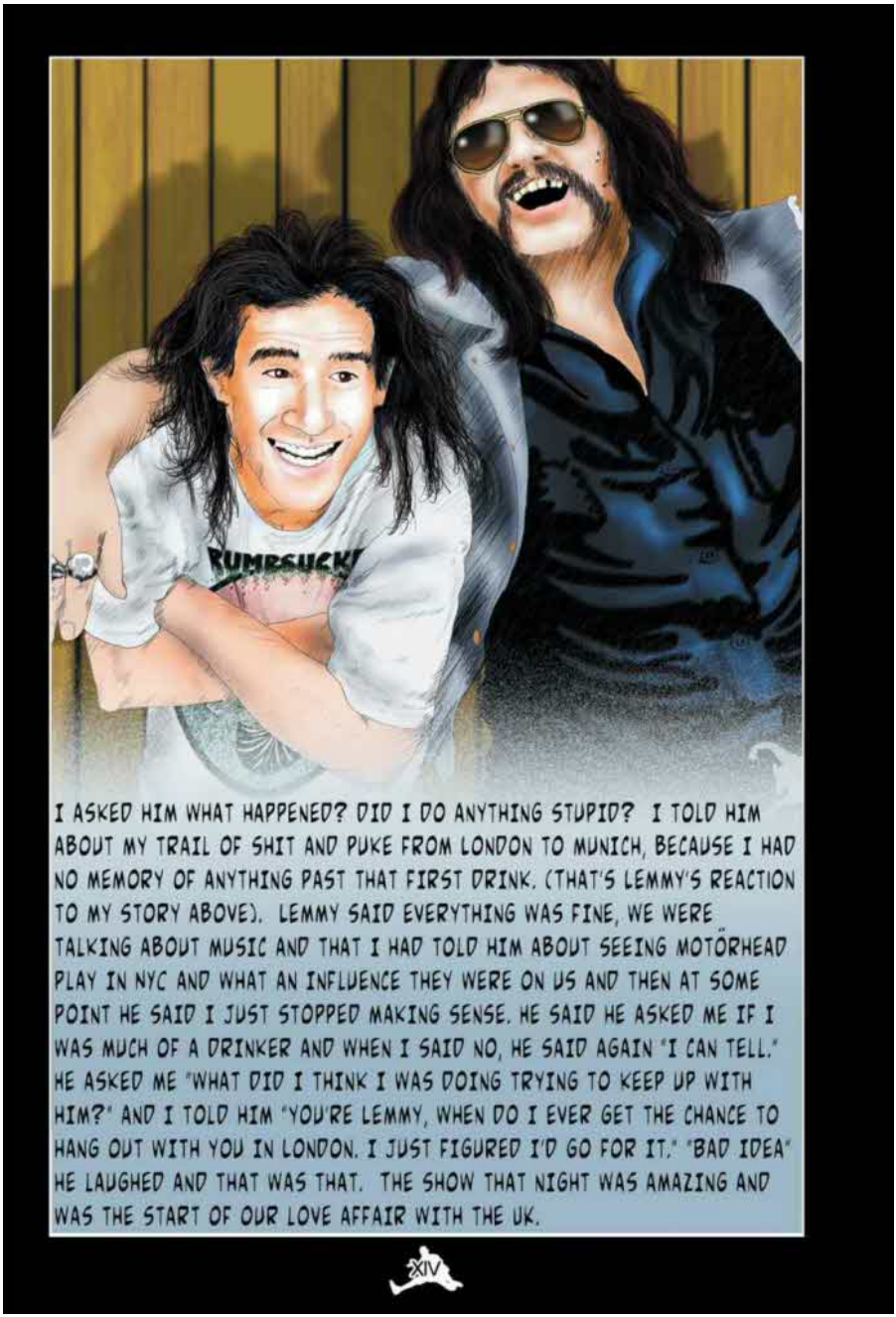
салфетке. Я подтер им свою задницу. Мой вам совет — если хотите отказаться от только что подписанного контракта, вытрите им задницу. Абсолютно законно. Тем самым вы аннулируете любую сделку.



Переходим к маю 1986-го, примерно семь месяцев спустя.

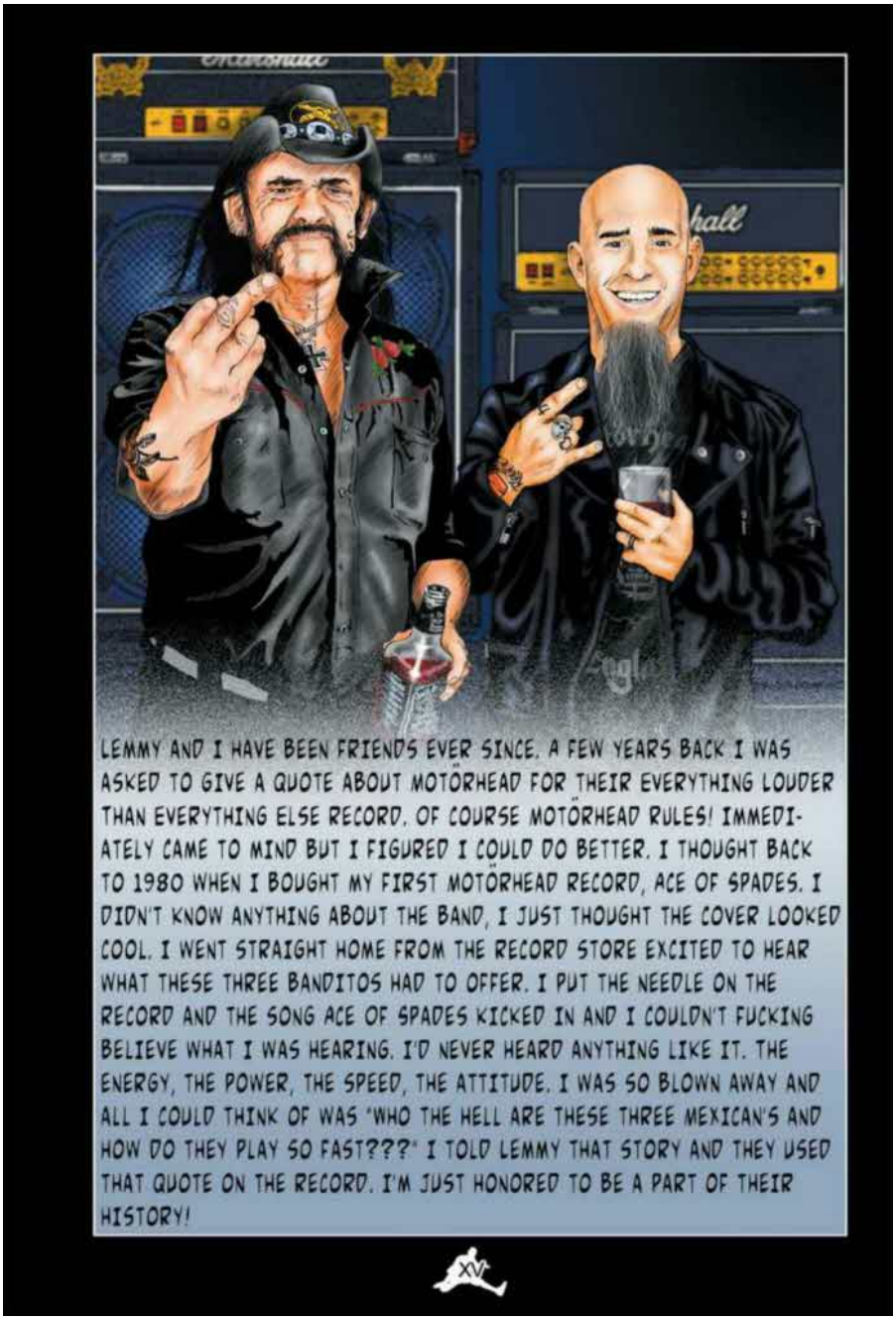
Anthrax дают свое первое шоу в Великобритании в Хаммерсмит Пэлэс в Лондоне. Все билеты проданы и мы просто невероятно взволнованы, сидим в гримерке перед началом. Все готовы, разогреваются, делают растяжку и так далее… И тут распахивается дверь гримерки, в дверях стоит Лемми. Все стоят в ахуе. Серьезно, гребанный Лемми пришел заценить НАС??? Лемми здоровается со всеми, а потом видит меня и спрашивает: «Как себя чувствуешь?»

Я поверить не мог, что он вспомнил ту ночь в «Святом Моритце». Наверное, тогда я и рассказал ему об Anthrax.



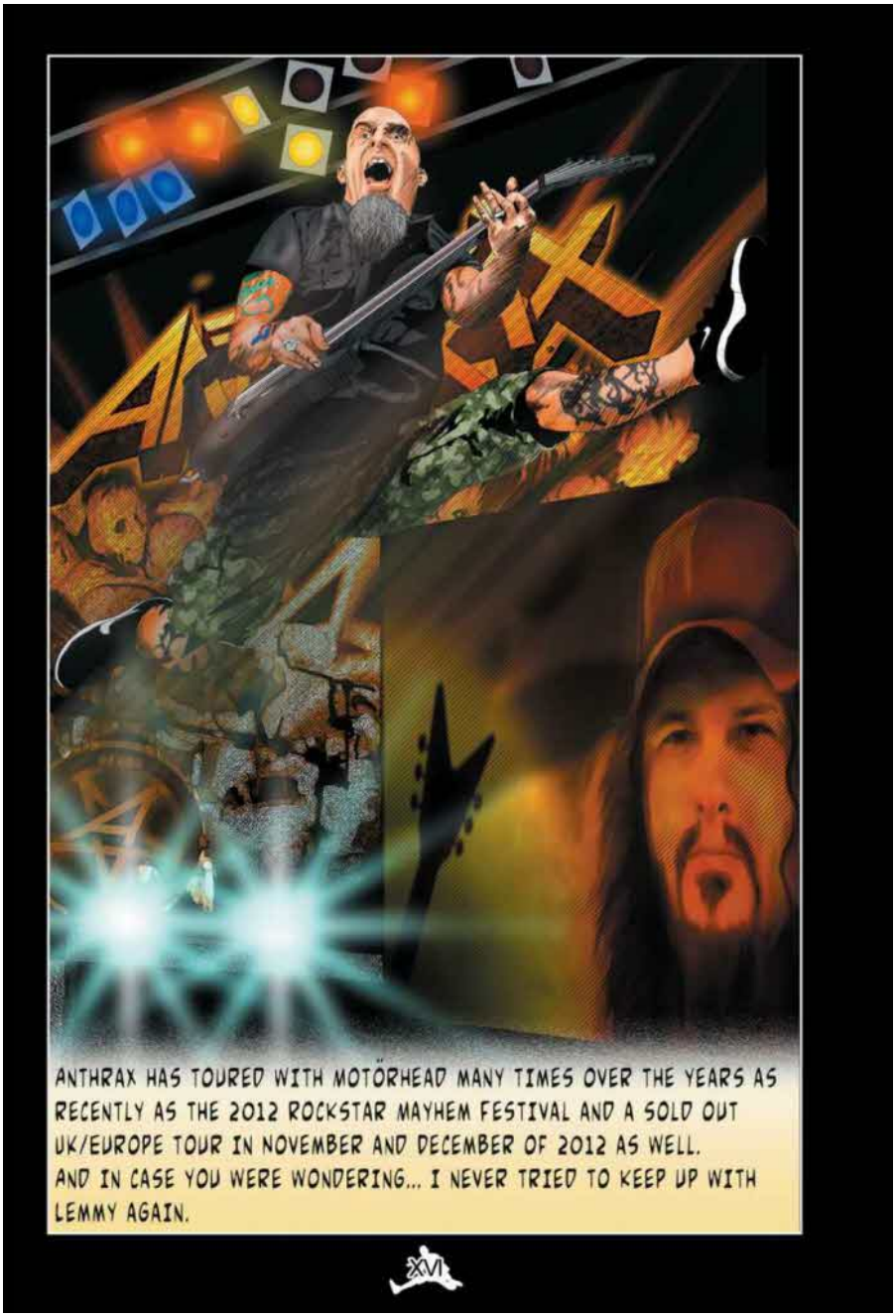
Я спросил, что тогда случилось? Я выкинул какую-нибудь дурость? Я рассказал ему о том, что таскал в штанах дерьмо, блевал всю дорогу от Лондона до Мюнхена, и что ничего не помню о том, что было после первого стакана. (Это реакция Лемми на мой рассказ выше). Лемми сказал, что все было здорово, мы говорили о музыке, и что я рассказал ему о том, как видел концерт Motorhead в Нью-Йорке, и какое влияние они

оказали на нас, а потом, как он сказал, я просто перестал сращивать, что к чему. Он сказал, что спросил, сильно ли я пью, и когда я ответил нет, он сказал снова: «Я так и понял». Он спросил: «О чем я думал, пытаясь с ним тягаться?» и я ответил: «Ты — Леммми, когда еще мне выпадет шанс потусить с тобой в Лондоне. Я просто подумал, что вывезу». «Неудачная идея» — засмеялся он. Так все и было. Шоу тем вечером прошло на ура и стало началом нашего длительного романа с Великобританией.



С тех пор мы с Лемми друзья. Пару лет назад меня попросили дать цитату о MotOrhead для их пластинки «Everything Louder Than Everything Else». Ясное дело, мне голову тут же пришло «Motorhead рулит!», но потом я подумал, что могу придумать кое — что получше. Я мысленно вернулся в 1980-ый. В том году я купил свою первую пластинку Motorhead — «Ace Of Spades». Я не знал об этой группе ничего, я лишь подумал, что обложка

выглядит клево. Из музыкального магазина я отправился прямиком домой, с волнением ожидая услышать то, что могли мне сказать эти три бандита. Я поставил иглу на проигрыватель, и песня «Ace Of Spades» ворвалась в мой мозг. Я просто не верил своим ушам, что действительно это слышу. Я никогда не слышал ничего подобного. Энергия, мощь, скорость, подача. Я был настолько сражен, что единственное, о чем я мог подумать, это «кто, черт их подери, эти три мексиканца и как им удается так быстро играть???» Я рассказал эту историю Лемми, и они напечатали мою цитату на своей пластинке. Для меня большая честь, что я сыграл роль в их истории!



Все эти годы Anthrax много раз гастролировали с Motorhead, да вот недавно, к примеру, на фестивале Rockstar Mayhem, и с аншлагом провели тур по Великобритании/Европе в ноябре-декабре 2012-го. И, если вам интересно… я больше никогда не пытался тягаться с Лемми.

FB2 created by

mefysto

notes

Примечания

1

Так называется бутылка пива низкого сорта более 1 л. Пользуется популярностью среди молодежи как дешевый и быстро бьющий по мозгам напиток.

2

В названии главы «I'm The Boy» используется игра слов с песней и названием книги «I'm The Man»

3

Выпечка в форме тора из предварительно обваренного дрожжевого теста

4

Название главы совпадает с названием альбома группы Kool&The Gang «Music Is The Message» 1972 г.

5

Ду-воп — жанр музыки, где некоторые партии инструментов исполняются голосом

6

Пластина для защиты верхней деки гитары от царапин медиатора

7

Старый добрый прикол, когда трусы жертвы резко тянут вверх, вызывая неприятное жжение в паху

8

Название главы соответствует названию песни «Rock And Roll All Nite» группы KISS

9

Еврейский религиозный ритуал празднования совершеннолетия у мальчиков (в 13 лет)

10

Популярная песня группы Village People

11

В переводе с англ. — «Палим из пушек, землю сотрясаем, взламываем и убиваем, мы дурака не валяем»

12

В переводе с англ. — «Чокнутый»

13

Комплект из усилителя и кабинета

14

«Metal Up Your Ass» — так называется одна из ранних демозаписей группы Metallica

15

Название главы намекает на первый альбом Anthrax «Fistful Of Metal»

16

В переводе с англ. — «Истребитель, истребитель. Слышишь рев турбореактивных двигателей?»

17

В переводе с англ. — «Говори по-английски или сдохни. Гребаные акценты, мать вашу. Что вам мешает говорить, как я? А что это за точка у тебя на башке, ты ее в качестве глаза используешь что ли?»

18

В переводе с англ. — «В пизду этот Ближний Восток. Они крадут наши самолеты, поднимают цены на нефть. Мы всех их убьем, повеселимся до упаду, положим конец их долбаному кризису»

19

Название главы аналогично названию композиции «A Lesson In Violence» группы Exodus

20

Название главы аналогично названию композиции Anthrax «A.D.I./The Horror Of It All»

21

Официальный гимн президента США

22

СОИ — стратегическая оборонная инициатива

23

Mublanikcufecin — слово-перевертыш, создано по принципу песни «Efilnikcufecin/N.F.L.» (Nice Fuckin Life) с альбома «Among The Living»

24

В переводе с англ. — «Скажи «прощай», нет ничего ужасней. Мои воспоминания, нет ничего их тяжелее. Тебя переполняют ненависть и гнев. Так разнеси стены — пора выпустить свою ярость»

25

Название главы имеет аналогию с альбомом Anthrax «State Of Euphoria» (в переводе с англ. — «Состояние Эйфории»)

26

Американский мультипликационный телеканал, в настоящее время являющийся крупнейшим в мире телеканалом для детской аудитории. Начал вещание в 1992 г.

27

Американская радиовещательная компания

28

Название главы аналогично названию одноименного сингла Anthrax, записанного совместно с Public Enemy

29

Воздушный шарик, наполненный водой

30

Игра слов. Речь идет о вокалисте группы Anthrax Джоне Буше

31

Название главы намекает на песню «Room For One More» с альбома «Sound Of White Noise»

32

Марка печенья. Распространяется под брендом Kraft Foods

33

Тетрагидроканнабинол — активное вещество, содержащееся в марихуане

34

Машина времени и космический корабль из британского телесериала «Доктор Кто»

35

Название главы имеет аналогию с альбомом Anthrax «Stomp 442»

36

Игра слов. Речь идет о Даймбэге Даррелле, гитаристе группы Pantera

37

Коктейль. Как правило, делается из Гиннесса, Бейлиз и ирландского виски

38

Герой Вселенной Марвел

39

Название главы аналогично названию альбома Anthrax «Volume 8: The Threat Is Real». Слово Volume может переводиться и как «том/глава» (как в случае с названием альбома), и как «громкость» (как в случае с названием главы)

40

Мальчик, прислуживающий при алтаре в церкви

41

В переводе с англ. — «Она у меня в животе подобно огню, у меня в животе подобно раку, у меня в животе подобно ножу. Меня подстрелили»

42

Игра слов. Pearl в переводе с англ. — «жемчужина» и имя собственное

43

В переводе с англ. «божья кара»

44

Волосы, растущие треугольным выступом на лбу, по примете предвещают раннее вдовство

45

В переводе с англ. — «Лучшее из двух зол»

46

Криминальная драма Мартина Скорсезе 1990 г.

47

Американский виски, чистый бурбон

48

Грубое выражение. Дословно «shit or get off the pot» переводится как «просрись или слазь с горшка

49

Вебсайт, публикующий новости из мира метала

50

В переводе с англ. — «Самый мрачный зловещий кошмар, что мрачнее их отвратительных душ. Тебе придется с ними сразиться. Мольбы Богу о спасении останутся неуслышанными»

51

В переводе с англ. — «Взгляни в мои святые глаза, пустая улыбка и ты уже раб

52

Колыбельная. В англ. Варианте — «Rock-A-Bye Baby»

53

Популярный отель-ресторан в Лас-Вегасе, штат Невада

54

Награда, ежегодно вручаемая лучшим пичтерам Главной лиги бейсбола

55

Парк развлечений во Флориде